

Симон Соловейчик

Воспитание по Иванову

Москва, изд. "Педагогика", 1989

Рецензент – доктор психологических наук Ш. А. Амонашвили

От автора

Бывают книги для всех, бывают – и должны быть – книги на любителя, для узкого круга читателей. Эта книга, хотя ее и надо отнести к жанру публицистики, тем не менее рассчитана на профессионалов – воспитателей, учителей, классных руководителей, руководителей кружков, словом, на всех, кто работает с детьми, у кого есть свои – в педагогическом смысле свои – дети: пятнадцать, тридцать, сорок или тысяча детей и подростков.

Где много детей, там должен быть детский коллектив, иначе они превращаются в толпу, в орду, в которой подчас царят самые жестокие нравы. Это понятно каждому разумному человеку. Советская школа обогатила мировую педагогику именно теорией коллективного воспитания. Тут можно и не называть выдающихся имен, они всем известны: Шацкий, Макаренко, Сухомлинский.

И Иванов. Игорь Петрович Иванов, профессор Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Имя его с каждым годом становится все более известным, все больше воспитателей понимают ценность его идей, развивающих теорию и методику коллективного воспитания в наши дни, в наших условиях. За последние 30 лет по методике Иванова воспитаны сотни тысяч детей и подростков. Это уникальный по массовости и условиям проведения педагогический эксперимент, и можно уже говорить и об отдаленных его результатах, поскольку первым воспитанникам И. П. Иванова и его коллег уже за сорок, некоторые из них стали известными специалистами, и все – прекрасные работники, честные люди, и все с благодарностью вспоминают свои подростковые годы, проведенные в коллективах, созданных на принципах Макаренко – Иванова. Более подробно об этом читатель узнает из книги.

Я познакомился с Игорем Петровичем Ивановым и созданной им вместе с Людмилой Глебовной Борисовой и Фаиной Яковлевной Шапиро Фрунзенской коммуной в 1959 году и с тех пор, вот уже почти 30 лет, думаю и пишу об этом удивительном педагогическом явлении – удивительном прежде всего потому, что оно вселяет веру в почти безграничную мощь воспитания. Но постичь это явление, как и постичь вновь открытое явление природы, оказалось не так легко. Кто сам, своими глазами видел, как живут и работают прошедшие эту школу коллективизма ребята и взрослые, тот довольно легко перенимает коммунарский стиль воспитания; описать же его, этот стиль, вскрыть внутренние пружины никак не удастся, и многим кажется, будто все дело в необыкновенных взрослых, в необыкновенных педагогических талантах. Но почему же тогда самые разные люди в самых разных уголках нашей страны, применяя одни и те же методы, открытые И. П. Ивановым и Фрунзенской коммуной (или, как ее еще называют, Коммуной юных фрунзенцев), получают разительно схожие результаты?

Книга, которую вы держите в руках, читатель, – это книга-поиск. Она состоит из трех в разное время сделанных работ, представляющих собой последовательные попытки понять и описать опыт и методику коллективного творческого воспитания, которую называют также коммунарской методикой (от Фрунзенской коммуны) .

Первая книжка – «Фрунзенская коммуна» – вышла в 1969 году. Она собрана из сочинений ребят-коммунаров, я лишь составитель ее, редактор и автор ряда текстов, связывающих детские сочинения в одно целое. «Фрунзенская коммуна» передает жизнь ставшего знаменитым детского коллектива такой, какой она была, какой ее видели дети, – немаловажное свидетельство! Но поскольку ее писали ребята, которые не всегда бывают объективны по отношению к взрослым, некоторые имена в этой книге заменены. Читая ее, надо помнить, что это не документ, что в ней есть и момент художественного обобщения, вымысел.

Следующая работа – «Воспитание творчеством» – вышла в 1978 году, т. е. спустя 10 лет, когда накопился новый опыт коммунарского движения и появились основания для обобщений.

Третья работа – «Дневник Николая Федоровича» – публикуется впервые (в отрывках она печаталась в журнале «Вожатый»). По сути, это методика коллективного творческого воспитания для классного руководителя. Николай Федорович – лицо вымышленное; к такому приему пришлось прибегнуть, чтобы показать способ мышления, ход мыслей воспитателя, работающего по системе Иванова. В работе над «Дневником...» мне помогли два замечательных ленинградских педагога – Елена Ивановна Махняева и Фаина Яковлевна Шапиро, «коммунарская мама», безвременно ушедшая из жизни в 1985 году.

Так и получилась единая книга о воспитании по Иванову. Первая часть – просто счастливая детская жизнь в творческом коллективе, вторая и третья – методика организации такой счастливой жизни. В предисловии к книжке «Воспитание творчеством» тогдашний президент Академии педагогических наук СССР В. Н. Столетов писал: «...если можно представить себе машину, обучающую какому-то ограниченному кругу знаний, то ЭВМ воспитывающей нет и, я надеюсь, не будет. Поэтому станем относиться к практическому опыту по-хозяйски: сосредоточивать свое внимание на сильных, а не слабых сторонах, на том, что будит нашу мысль, что помогает в работе. И так, по крупице, бережно поддерживая новую мысль в самом ее зародыше, коллективными усилиями тысяч и тысяч педагогов-новаторов и ученых мы приблизимся к высокому идеалу коммунистического воспитания».

К этим словам трудно что-нибудь добавить.

Фрунзенская коммуна

Книга о необычной жизни обыкновенных ребят, написанная ими самими

Кто автор этой книги и как ее писали

В Ленинграде, при Фрунзенском Доме пионеров и школьников, 10 лет существует Фрунзенская коммуна. Как она появилась на свет и как она живет – это вы узнаете из книжки.

А сейчас только про книжку. Ее писали ребята, члены коммуны – от новичков, шестиклассников и семиклассников, до «старичков» – теперь уже студентов. Плана книги не было. План стали придумывать потом, когда на столе лежали кипы тетрадок и листков. Каждый писал, о чем хотел, о самом значительном для себя. Понятно, что связного рассказа не складывалось. Провалы и «дыры» были неминуемы. Не посвященный в дела коммуны не понял бы, что к чему. Пришлось вновь сесть за работу и написать куски-связки. Их писали коллективно, с помощью журналистов – друзей коммуны. Обсуждали, спорили, чуть все не перессорились.

Почти все это сложили вместе – листки-воспоминания и общие куски. В результате на страницах книжки мелькают то «я», то «мы». Кто это «мы» – понятно. Мы – это коммуна. А кто «я»? «Я» – в каждой главке другой. В одном случае «я» принадлежит Володе Магуну, в другом – Володе Лосенкову, в третьем – Наташе Перфильевой и так далее. Если бы мы захотели перечислить всех, кто участвовал в создании книги, пришлось бы занять многие страницы полным списком коммуны.

Помогла организовать литературную работу коммунаров и записала некоторые из рассказов ребят ленинградская журналистка С. Гуревич.

Получилось, как в жизни: «мы» – общее, а «я» – разные. И если все эти «я» перебивают друг друга, торопятся и потому не могут рассказать всё, как было, по порядку – это не страшно. Главное – чтобы вы почувствовали нашу коммуноу.

Глава первая, самая неясная

ВАРЕЖКИ СИНИЕ И КРАСНЫЕ. Я была очень заводилистой девчонкой – так говорили в школе. Поэтому старшая пионервожатая послала меня в Дом пионеров на какое-то интересное дело.

Интересное дело начиналось в 9 утра, а это было воскресенье. Обычно в такие дни режим у меня был следующий. Подъем – в 12, с 12 до часу – завтрак, с часу до 4 – прогулка, а с 4 до 5 – обед, с 5 до 9 – прогулка. Потом ужин, 30 минут на разговор с мамой по поводу моего режима, и в 11 – отбой. А в это воскресенье пришлось встать в 8, и к 9 я была в Доме пионеров. Настроение – сами понимаете: могла бы еще три часа спокойно спать, а тут...

На первом этаже было уже много ребят. Все стояли кучками и пели. Подойти самой как-то неудобно, встала в стороне, наблюдаю. Минут пять так постояла. Песни все какие-то незнакомые, да еще все чего-то забегали, говорят: строиться надо. А я не знаю – куда и с кем. Тут подходит какая-то девочка, года на два старше, и очень запросто так:

– Тебя Наташа звать и ты из триста двадцатой, да?

– Да.

– Ну, пойдём к нам.

Подошли к ребятам. Я хотела опять в сторону, а она держит за руку и говорит:

– Вот это Наташа Перфильева из триста двадцатой, очень любит смеяться.

Я не успевала удивляться, до чего все быстро происходит.

Что шли с песнями, меня, пожалуй, не удивляло. У нас в школе тоже пели. Но они еще и кричали! И, как мне казалось, кричали такие глупости, что идти с ними рядом было стыдно.

По аллее так шагай –
ставь тверже ногу!
Петь отряду помогай!
Не прячь глаза в дорогу!

Куда мы шли, я еще не знала, да это и к лучшему – а то бы удрала.

Дошли до места, где только что начинали строить новый ТЮЗ. Все остановились. Потом какой-то мальчик, по прозвищу Магун, стал уводить из колонны ребят. Наконец очередь дошла и до нас.

– «Волга»?

– Да!

«Да» сказали хором, так дружно, что про себя я подумала: «Что у них – всё хором принято говорить?»

– Сколько человек? Двадцать один? Отлично. Ну пошли.

Раза три он нас провел по одному и тому же месту, потом сказал что-то той девочке, которая меня поставила в строй, и пошел. Отойдя на четыре шага, он обернулся.

– Что вы все еще стоите, ребята? Это даже неприлично. Ну, с новым годом! – и побежал.

Почему «с новым годом»? Что это с ним?

Дальше вспоминать страшно. Все было так быстро. А может, это сейчас так кажется? Только отлично помню, что мне и еще какой-то девочке дали носилки и сказали:

– Вперед!

Я стояла позади, и поэтому мне пришлось идти, куда поведут. Носили мы всякую грязь – стружки, куски камня и еще что-то.

Через час я была в состоянии того человека, о котором сказано: «Он лежит и еле дышит». Потом кто-то громко провозгласил:

– Через пять минут заканчиваем!

Про себя я решила, что моя пионервожатая самая что ни на есть противная и, еще хуже того, просто врунья. Как можно вот это считать интересным делом?

– Наташка, вот вспомнишь меня и еще поблагодаришь! – сказала мне вожатая.

– Да, уж нечего сказать, поблагодарю!

Хорошо, что моя напарница опустила свою сторону носилок, а то бы я все равно бросила. Но только я решила смыться, как подходит ко мне та, что и в первый раз (теперь я уже знала, что звать ее Татьяна, а фамилия не то Теплиц, не то Треплиц), подходит и говорит:

– Ты куда?

– Домой.

– Подожди.

– Чего?

– Как чего? Надо договориться, когда соберемся, и еще кое о чем.

Как же, нашли дурочку – «еще соберемся»!

Домой шла усталая и думала, что вот все воскресенье испорчено. Вхожу в комнату. Мама:

– Ну как? Интересное дело? Тут меня совсем взорвало.

– Да, да, интересное. Ну что тебе – всё знать хочется?

Мама остается мамой, и, хотя я и нагрубилась, она все-таки продолжала свои расспросы и к концу обеда уже знала и о Тане, и о работе у ТюЗа, и о Магуне.

В полтретьего оделась потеплей и пошла на Загородный в садик кататься с горки. Когда уходила из дому, мама мне дала только что купленные варежки, ярко-голубые и с белой звездочкой. Я оторвала бирку, поцеловала маму и совсем счастливая пошла гулять. Подхожу к садику и вижу Инну – это моя старшая вожатая, – а она мне навстречу и так удивленно:

– Ты почему не в Доме пионеров? Я ей все честно рассказала. Она говорит:

– Ладно, я сама пойду. Ты не проводишь меня?

«Вот пристала! Провожу».

Пошли. Было десять минут четвертого. Я уже хотела возвращаться, а Инна – зайдём да зайдём, ну, я и опять зашла. Стала раздеваться и с ужасом обнаружила, что потеряла варежки. Вот как начнется день с неудач, так и весь день какие-нибудь несчастья.

Инне ничего не сказала и совсем расстроенная пошла наверх. По коридору по обе стороны таблички: «Урал», «Днепр», «Сибирь», «Кавказ» – и разукрашены. Вдруг вижу – «Волга» и внизу волны и рыбка с улыбкой. Инна открывает дверь и говорит:

– Извините, мы чуть-чуть опоздали.

– Ничего, проходите.

Таня очень хорошо улыбнулась.

Говорили все о каких-то непонятных вещах. Но все смеялись. То, что мы делали, называлось сюрпризом. Потом Таня взвизгнула и сказала:

– Всё, придумала, пусть будет Наташка.

Через две минуты меня завернули в скатерть, которую сняли со стола, и отвели в зал. «Сюрприз» прошел хорошо. Я изображала какую-то статую, и говорить ничего не надо было: говорила другая девочка. Но все равно было хорошо, и всем понравилось. Меня потащили за занавес и стали разматывать.

И тут Таня заметила, что у меня что-то не так. Она десять раз спросила, не болит ли у меня голова, а может, дома что-нибудь, или мне скучно, или еще что. Я долго сопротивлялась и все отвергала, а потом сдалась и рассказала про варежки.

В 9 вечера мы пошли одеваться. Мне было совсем тошно – сейчас приду домой, и мама обязательно спросит про варежки. Что будет? «Неряха! Тебе нельзя ничего дать! Совсем новые варежки, дня не проносила...» – и еще очень долго.

Тут подходит Таня и дает мне сверток. «Что это?» – спрашиваю я. «Варежки». Развернула, а там действительно варежки, только не мои, синие, а красного цвета, но такая же звездочка в центре. Я ей говорю: «Это не мои». А она: «Все равно бери, у тебя ведь точно такие были, только что синие. Это ребята».

Потом взяла за руку, и мы пошли к выходу. Тут была вся «Волга». Это мой отряд. Отряд «Волга». А Таня – это наш командир.

Договорились, когда встретимся. Пришла домой и все рассказала маме: что ребята варежки купили и что выступала и всем понравилось. А ночью лежала и думала: «Как это утром я о них нехорошо... И Магун (вечером я узнала: его зовут Володя, а Магун – фамилия, а не прозвище) совсем неплохой парень. Очень веселый, а «с новым годом» – это он просто так.

МОЖНО ЛИ ЖИТЬ ОДНОМУ? Кроме нескольких ребят, которые работают в коммуне с самого первого её дня, почти все испытали при встрече с коммуной то же, что и Наташа Перфильева. Сначала вроде бы неприязнь, потом – удивление, потом – радость, потом – счастье.

Отчего неприязнь и удивление?

Мы все так любим быть самостоятельными, сами по себе!

Мы спорим с мамами и папами – отстаиваем свою свободу.

Мы смотрим иногда на общественную работу, будто это наказание: «Почему я должен делать, а не он или не она?»

Мы сердимся: «Опять лом собирать!»

И вот мы видим ребят, которые всё делают дружно и с охотой и все вместе, как один. Сначала кажется, что они, эти ребята, не такие, как все. Чудаки какие-то. В воскресенье таскают тяжелые носилки, строятся на линейки, как будто маленькие. Хором скандируют свои «речевки». И всё время смеются и поют...

«Нет, я с ними не пойду ни за что! – такой бывает первая мысль. – Очень нужно: вставать в воскресенье чуть свет и тащиться в какой-то Дом пионеров, строиться, слушать команды... Я – сам по себе!»

А позже, когда человек узнает коммуны поближе, в душе его что-то происходит. Как будто тайлось в сердце желание встречаться вместе, и вместе петь, и вместе делать что-то серьезное. Желание это скрывалось, о нем никто не подозревал, но оно, оказывается, было! Оно у каждого есть, кому 14, 15, 16 лет! И вдруг при встрече с коммуной оно просыпается и становится самым главным желанием, и с этого дня человек уже не может жить в одиночку. Оказывается, самостоятельность – вовсе не в том, что я – один, вечно один. Самостоятельность – это когда нас много и каждый может сам придумывать, как бы всем жилось получше, и сам делать эту хорошую жизнь. От моей самостоятельности кому-то должно быть хорошо, и тогда и мне будет хорошо.

Сколько ребят вздыхают: «У нас недружный класс...»

Сколько ребят мечтают: «Было бы у меня много-много друзей, таких, которым все можно рассказать, которые для тебя что угодно сделают, и ты для них». Но где их взять, этих друзей? И что они должны делать, чтобы им всем было интересно? Как жить?

Коммунары не сами придумали свою коммуны. И никто ее не придумывал. Она образовалась постепенно.

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ. Каждое дело можно понять, только если поймешь людей, которые его организовали.

[С.О.: Под псевдонимом Олега Ивановича имеется в виду Игорь Петрович Иванов, под псевдонимом Ларисы Павловны – Людмила Глебовна Борисова.]

Поэтому мы расскажем о трех создателях нашей коммуны. Сделать это не просто. Оказывается, о самых любимых людях труднее всего писать. И еще одна причина. Мы живем вместе 10 лет. За это время столько случилось всякого, столько раз мы ссорились, столько раз мирились. Ведь даже двое друзей, бывает, ссорятся между собой. А нас больше 100 человек...

Признаемся: когда надо было писать об Олеге Ивановиче, то один за другим все ребята отказались: «Не могу!» Мы совсем уже собрались писать вместе, но тут одна коммунарка принесла и молча положила на стол свое домашнее сочинение на тему «Самый лучший

человек, которого я знаю». Сочинение было написано 6 лет назад. Обычная школьная тетрадка. На полях и в тексте поправки учительницы. В конце отметка – 4/5. «Четыре» – за грамотность, «пять» – за содержание. Сочинение – об Олеге Ивановиче. Это он «лучший человек, которого я знаю».

Мы было уже обрадовались: как раз то, что надо, но девочка эта, автор сочинения, сказала:

– Только, чур, фамилию мою не указывать.

– Почему?

– Потому что это я писала шесть лет назад, а сейчас я думаю по-другому... Я больше не люблю Олега Ивановича.

Разгорелись споры. Многие поддержали девочку. Решили: сочинение в книжку не включать, а рассказать об Олеге Ивановиче коротко.

...Олегу Ивановичу, кандидату педагогических наук, к моменту создания коммуны было 35 лет, и он уже многое в жизни и передумал, и понял. Он знает педагогику, как никто другой. О Макаренко рассказывает так, что нам кажется, будто мы жили с Антоном Семеновичем рядом. Олег Иванович – человек творческий. Рядом с ним все начинают думать, придумывать, анализировать, разбирать. Если он рассказывает, он так горячится, будто вкладывает в рассказ всё сердце. Если он берется за дело, он с головой уходит в него, забывает обо всём: и про сон, и про еду, и про всё на свете, и ни о чём другом не хочет говорить – только о деле, и всё вокруг него кипит, всем хочется работать, и все, как под гипнозом, вот так же, как он, забывают о себе.

Олег Иванович очень обаятелен: он заразительно смеется, просто заливается, и все видят его доброту. Это человек-праздник. Когда он в комнате, то кажется, что в комнате всё красиво и всё значительно. Если он назначит встречу, никто не опаздывает, все дорожат каждой минутой общения с ним. Если он уезжает куда-нибудь, все бегут провожать, и тащат цветы, и несут его портфель до вагона, потому что любят его. Кажется, Олег Иванович прямо создан был для того, чтобы вокруг него образовалось что-то вроде нашей коммуны. Его общительность заражала всех, его самоотверженность передавалась всем.

Еще до коммуны он создал СЭН – «Союз энтузиастов». В него входили несколько старших пионерских вожатых. Олег Иванович учил их, как сделать, чтобы у ребят была хорошая, дружная жизнь.

Но отчего-то ни у кого не получалось... Энтузиасты были, а ребята к ним не шли. Ведь то, что задумал Олег Иванович, – это не просто веселая компания вроде тех, что сами собой собираются во дворах. Олег Иванович хотел совсем другого... Ему нужны были настоящие помощники. Такие, как Лариса Павловна и Фаина Яковлевна.

ЛАРИСА ПАВЛОВНА. Лариса Павловна была в ту пору старшей вожатой. Редко встретишь такого веселого человека. Она всегда была в счастливом настроении, всегда чувствовался в ней какой-то подъем.

Лариса Павловна замечательно умеет обращаться с ребятами. Кажется, она видит всех насквозь, в одну минуту может дать точную и смешную характеристику и влюбляет в себя каждого, кто ей встречается.

Пионерская комната в её школе была полна мальчишек явно не пионерского возраста: девятиклассников и десятиклассников. Они болтали с Ларисой Павловной обо всём на свете. С ней очень интересно: она первой узнает новую песню, которую завтра будут петь все, и первой достаёт книжку, за которой завтра будут охотиться все, и первой может показать танец, который завтра будут танцевать все. Завтра. А она все знает сегодня. Мальчишки сидели в пионерской часами и готовы были идти за ней на край света. Может быть, оттого ей легко было организовать любое дело в школе. Спокойно и с улыбкой объяснит, что надо делать, и человек летит.

В ней всё необычно. В квартире – мы часто бывали у нее дома – шведская стенка, гантели. Если Лариса Павловна за столом, то стол будет накрыт каким-то необыкновенным способом (в одну минуту все переставит!), да еще заранее будут приготовлены шуточные тосты и сюрпризы. В ее доме был «весь Ленинград»: самые известные люди были рады прийти в гости к Ларисе Павловне.

Мы перечитали эти страницы и сами удивились: полный набор совершенств!

Но что поделаешь... Такой мы знали Ларису Павловну, не ухудшать же нам ее нарочно. Жаль, конечно, что нам приходится писать в прошедшем времени: «была». Но с этим ничего не поделаешь.

ФАИНА ЯКОВЛЕВНА. А третьей была Фаина Яковлевна. Скажем сразу: это имя в нашей книжке будет встречаться чаще других, особенно к концу; поэтому, чтобы было короче, мы будем называть ее так, как называем в жизни, когда говорим между собой: «Ф. Я.», «Фэ – Я». Почти фея. Да она и есть наша фея, на первый взгляд довольно сердитая, а на самом деле очень добрая фея. Во всяком случае к миру волшебников она, несомненно, имеет отношение, потому что никто, кроме нее, не умеет добыть палатки, договориться о месте для лагеря, утихомирить недовольное чем-нибудь начальство, позвать в коммуну нужных людей.

Ф. Я. в то время, в 1958 году, была методистом Фрунзенского Дома пионеров и школьников. Она и сейчас в этой должности. До работы в Доме пионеров она 11 лет была старшей вожатой, а еще раньше... но что было раньше с Ф. Я., мы рассказывать не будем, потому что мы тоже не сразу узнали о прошлом Ф. Я., и очень удивились, когда узнали о нем... Мы были уверены, что она всю жизнь с пионерами, и только с пионерами, командует на линейках, принимает и сдает рапорты, устраивает сборы, учит актив, ругает вожатых за плохую «наглядную агитацию».

В нашей Ф. Я. много противоречивого. Она старше всех в коммуне (кроме Олега Ивановича), но никто не умеет в такой степени быть учеником – учиться, советоваться, слушать. Она распоряжается беспепелляционно, она приказывает и распоряжается – и никто не демократичен в такой степени, как она. Нет человека, с которым так же легко спорить. Она часто жалуется на усталость и болезни, но мало таких выносливых людей в коммуне, как она. Она не поражает незаурядностью, не вызывает мгновенной, с первого взгляда любви, про нее даже не скажешь «авторитетная», и все-таки... Чем больше ее узнаешь, тем больше любишь: тем больше она удивляет вас, и в конце концов именно она-то и представляется вам человеком незаурядным, необычным.

ВСЕ ТРОЕ. Познакомились они так. Кто-то сказа Олегу Ивановичу, что для осуществления его идей есть незаменимый человек – добрый, умный и покладистый. Олег Иванович и Лариса Павловна пришли в Дом пионеров Фрунзенского района.

– Что у вас самое трудное сейчас, Фаина Яковлевна?

– Актив... Школа активна... Ребята собираются, учим их, а на следующее занятие надо вновь вызывать их телефонограммами – сами не идут.

Здесь можно было бы написать: Олег Иванович задумался и вдруг предложил: «А давайте мы... организуем...»

На самом деле было не так. На самом деле все трое долго спорили, искали выход, придумывали, вспоминали своих ребят – тех, с кем работали: как бы устроить их жизнь поинтереснее? Чтоб не звать их приходилось Дом пионеров – чтоб сами бежали сюда!

Кто из них троих первым произнес слово «коммуна» – это неизвестно.

Но слово было произнесено.

– Почему – коммуна?

Что конкретно означает «ребячья коммуна»?

Что она будет делать?

Как жить?

Честно говоря, в ту пору даже Олег Иванович не очень представлял себе это. Просто было красивое слово «коммуна»...

В Дом пионеров вызвали ребят из 30 школ района и предложили им...

ЦВЕТОЧКИ. В пионерскую пришла очередная телефонограмма. Только текст у нее был какой-то необычный:

«Сегодня в 16.00 прислать в Дом пионеров самого активного, инициативного, сообразительного пионера с цветочком».

Цветочек окончательно добил Аринушку. Так в моей школе звали старшую вожатую.

Мы тосковали над телефонограммой вдвоем – Арина и я, семиклассник, председатель совета дружины. Мы уже немало ребят по таким бумажкам отправляли в разные школы актива. Но тут – «с цветочком», да к тому же телефонограмма почему-то целый день пролежала в канцелярии, сейчас три часа, никого не предупредить. Все ясно – идти мне.

Вторым делегатом был единогласно избран фикус, стоявший в уголке пионерской, видимо, со дня основания школы.

С фикусом в руках я еле вылез из пионерской, обогнув длинный, буквой Т стол, накрытый суконной зеленой скатертью.

В Доме пионеров цветочек сдал в биокружок и больше ничего неожиданного не предполагал. Всё будет как обычно: войдет женщина (вошла женщина), поздоровается (поздоровалась), начнет говорить, что мы должны, что мы будем учиться...

– Как вы думаете, почему у нас в школах такие плохие вожатые?

Здрате! Опять «цветочки»! До сих пор я знал, что вожатый может или быть или не быть, но его наличие уже само по себе исключает прилагательное «плохой». Что бы это значило и что будет дальше?

А дальше нам предложили собираться, вместе ходить на экскурсии, говорить с интересными людьми, спорить, но, в сущности, все уже было решено самой первой фразой, первыми словами Ларисы Павловны.

НАТЕ, ПОЖАЛУЙСТА! Утром, в первый день каникул, я побежала в Дом пионеров. После общего сбора нас вывели в фойе, раздали ведра и тряпки. Думаете, мне хотелось мыть пол? Только пришли, и сразу – нате, пожалуйста, работайте! Но тут заиграл духовой оркестр, и мне почему-то захотелось и мыть пол, и петь, и сделать больше всех. Каждые полчаса по этажам пробегали дежурные с донесениями. Всё было здорово. И взрослые вместе с нами, на равных, мыли и убирали наш Дом. Из-за этого субботника мы его и полюбили. Так с первых дней стало проясняться, как мы будем жить: всё делать весело и с выдумкой и всё – вместе со взрослыми (или, если хотите, наоборот: взрослые вместе с нами). Словом, вместе.

ИДЕИ. Теперь спорили не только трое старших – Олег Иванович, Лариса Павловна и Ф. Я. Теперь нас было много. Решили: коммуна будет искать новые, современные формы работы и потом распространять эти формы в пионерских дружинах и комсомольских организациях. Это её цель. Кто говорит, что в отряде скучно? Мы докажем, что нет ничего интереснее, чем работа в отряде.

Коммуну можно назвать школой актива. Только это не совсем обычный актив и не совсем обычная школа. Это – такой актив, в который принимают всех, кто хочет, независимо от того, выбрали человека в председатели совета отряда, в комсорги или нет.

Это такая школа, где никто никого не учит, а просто живут и работают так, как должен жить самый дружный отряд, самая дружная комсомольская организация. Что попусту мечтать о красивой жизни? Давайте устроим ее сами!

Но ведь в коммуны приходят обыкновенные ребята из обыкновенных школ. Много таких, кто больше всего на свете боится перетрудиться, кто с подозрением относится ко всяким активистам («выскочки»!)... Перевоспитывать?

Скучное, длинное слово – «пе-ре-вос-пи-та-ние».

...В чистых подземных залах ленинградского метро (и московского, и киевского, и бакинского) все люди, стоит только нырнуть им под горящую букву М, вдруг, в один миг, становятся аккуратными. Никто просто не может бросить на пол бумажку от конфеты или старый билет – такая чистота кругом!

Вот и в нашей коммуне должна быть такая чистота кругом! Вот и в нашей коммуне должна быть такая чистота отношений, чтобы каждый, кто войдет к нам, сразу становился другим. Коммуна должна, волновать... вызывать мечты... Но пока что она сама – мечта, не больше. Еще не было наших сборов, наших субботников, наших «огоньков», еще не умели мы заметить грусть в глазах товарища и так к нему «пристать», чтобы он не мог не поделиться, отчего ему грустно, и не умели помочь, чтобы грусть ушла, испарилась... Всему надо было учиться!

Только это у нас и было на первых порах: несколько мыслей насчет организации коммуны.

Тот, кто приходит в коммуну, должен сразу, с первой минуты почувствовать в ней необычное. Что может предложить коммуна?

Во-первых, необычных взрослых. Взрослых, которые во всем советуются с ребятами, всегда веселые, жизнерадостные, всегда шутят. Работают с ребятами наравне, не жалеют себя, увлечены идеей коммуны.

Во-вторых, радость сделанного дела.

С первого же сбора один отряд пошел на завод с концертом в красном уголке, второй – в детский сад чинить игрушки, третий – в библиотеку, разбирать и приводить в порядок книги.

На заводе сказали: «Молодцы!», в библиотеке: «Молодцы!» и в садике: «Молодцы!» А когда вернулись, то Олег Иванович в восхищении руки потирает, приговаривает: «Вот это да!..»

Словом, всюду молодцы, и оттого хорошее настроение.

В-третьих, коммуна может предложить такую организацию, чтобы каждый коммунары действительно чувствовал себя ответственным за всю коммуны. Полное самоуправление...

Но как его добиться? Пока что было неясно.

«ОГОНЁК». Ребята подобрались разные. У всех – тьма нагрузок-перегрузок. Диапазон – от скрипки и спортсекции до шефства в детсадике. Поэтому встречались довольно редко.

Как-то в конце зимы, когда возвращались от коллекционера Николая Спиридоновича Тагрина, Лариса Павловна проговорила: лагерный сбор человек на 80... Мы бешено затопали по площадке трамвая.

На первом летнем сборе у нас получилось 6 отрядов. Олег Иванович предложил:

– Знаете что? Давайте назовем отряды так: выберем любые географические названия, а там видно будет...

Общий сбор с географией справился быстро:

– Волга!

– Днепр!

– Чур, Алтай!

– Кавказ!

– Ура! Мы – Урал!

– Сибирь!

– Прекрасно! Как же будем работать – с запада на восток или с востока на запад?

– Обсудим на «огоньке».

К первому летнему сбору у Олега Ивановича родилась потрясающая идея. Быть может, она, эта идея, в основном и сделала коммуны коммуной. Идея эта выражалась в одном слове – «огонёк». Не путайте, пожалуйста, с телевизионным «Голубым огоньком». Наш «огонёк» загорелся раньше и ничего общего с телевидением не имеет. Наш «огонёк» – это вот что такое.

Каждый вечер вся коммуна собирается у костра. Садимся кругом, чтобы видеть лица товарищей. Костер маленький, два-три полешка. Уютно. Сначала поют, потихоньку, для настроения. А потом начинают обсуждать, как прошел день. Три вопроса задают на «огоньке»:

– Что сегодня было хорошо?

– Что плохо?

– Что надо сделать еще?

Ну, думай, шевели мозгами, вспоминай, оценивай, говори!

Ох, как трудно было на первых «огоньках»! Все молчат, ждут чего-то. Да и как при всех говорить о товарищах? Вроде бы не принято... И что тебе, больше всех надо? Нет уж, лучше промолчать... Но Олег Иванович так хитро ставит вопросы, что поневоле начинаешь отвечать. Он к «огонькам» часами готовился. И Лариса Павловна так весело смотрит, так шутит, так управляет общим настроением, что сидеть в кругу – одно удовольствие.

На другой день после первого же «огонька» мы все стали чуть-чуть внимательнее к делам в коммуне. Что хорошо? Что плохо? Вечером надо будет говорить. А поленишься днем или будешь нерасторопен, ребята выдадут на «огоньке»...

Очень простая и очень хитрая штука этот «огонёк». Теперь мы привыкли: каждое дело надо разобрать-обсудить на «огоньке». И если мы отправились в «трудовой десант» – поработать на колхозном поле, а вечером не обсудили вместе, как прошел десант, то остается какая-то неудовлетворенность, будто не закончили работу.

Ведь все мы привыкли работать, что-то делать – этим никого не удивишь. Но многие ли умеют думать над тем, что сделано, как сделано, как надо делать? «Огонёк» – начало осмысленной жизни. Разве каждый человек не должен по вечерам проводить свой «огонёк», обсуждать свой день и свою жизнь?

Сделать – мало. Кто придумал, что сделать? Мы. Кто делал? Мы. Кто оценил сделанное? Мы. Каждое дело сами придумываем, сами выполняем и сами оцениваем. Так сложилось настоящее самоуправление.

Уберите одно звено – и от самоуправления ничего не останется.

ПОБЕГ. Я сильно стерла ноги и вдобавок слишком усердно залила их йодом. А тут девчонки побежали на почту, и я попросила Тамару Королеву позвонить домой. Не

прошло и часа, как за мной уже примчались на такси папа и бабушка. Залезать в машину на глазах у ребят было неловко, но потом я пришла в себя и всю дорогу до Ленинграда пела бабушке коммунарские песни.

Через три дня, заживив свои раны, возвращаюсь на сбор, в Вырицу. Ребята сидят на нарах, пологи подняты. Первой меня встретила Майя Дворкина. Майку я не любила. Она была помощником вожакого, и то и дело раздавался ее счастливый голос:

– Олег Иванович, а мы уже все сделали! Посмотрите, как у нас хорошо получилось! Правда, здорово?

На этот раз, округлив глаза, Майя громким шепотом спросила:

– Я все-таки не могу понять, как же это у тебя вышло? Вроде человек как человек, и вдруг – такое!

Мне стало ужасно стыдно, хотя я не просила приезжать за мной на такси и срочно увозить в Ленинград. А тут еще Олег Иванович говорит ледяным голосом:

– Сегодня на «огоньке» будешь отчитываться.

Но все как-то обошлось. На «огоньке» страшно не бывает. Это совсем не похоже на обычную проработку. Когда тебя обсуждают в школе, то все почему-то вдруг превращаются в твоих врагов и еще долго тебе трудно смотреть в глаза товарищам. А здесь так: каждый сказал, что думает о тебе, и кончено. Через минуту ты сам вместе со всеми обсуждаешь очередное дело.

«АЛТАЙ» + «СИБИРЬ». Дождь льет уже вторые сутки подряд. Капли стучат о брезент и рассыпаются облачками брызг. Над палатками стоит серебряное марево. Брезент не промокает, пока не прикоснешься к нему чем угодно: рукой, рюкзаком, книжкой. Тогда это место чуть-чуть темнеет и начинают мерно капать тяжелые, холодные капли – они падают то чаще, то реже, но не остановятся раньше, чем прекратится дождь.

Два вечера не было «огоньков». Отрядный запас стихов и песен постепенно начинал истощаться, и все заметили, как холоден ветер с реки и как отсырел воздух... Я почувствовал: если после этой паузы не случится что-нибудь сверхъестественное, ребята начнут мерзнуть, стучать зубами и поднять настроение будет почти невозможно. В соседней палатке, тоже, наверное, последнюю песню допевал отряд «Сибирь». Тогда я вскочил, не обувая кед, промчался по лужам к «сибирякам», и через минуту в нашей палатке было около 40 человек.

И тут все забыли про дождь и холод – сразу вспомнились еще не спетые песни, не прочитанные стихи, и книгу читали вслух уже для двух отрядов, а потом затеяли какую-то игру, и снова в палатке смех и шум. Это было неожиданно для всех: из соседних палаток одна за другой начали высовываться недоуменные физиономии, лагерь прислушивался к нашим песням.

Ливень стал послабее. Мы выскочили из шатра, заорали что-то победное и непонятное и провозгласили, что отряды «Алтай» и «Сибирь» теперь вместе. На ходу появилось название «Федерация Азия».

Дождь шел еще сутки, но за эти сутки появились другие федерации, и лагерь не пищал.

ТИМУРОВСКИЙ ДЕСАНТ. Свою жизнь «Азия» по-настоящему начала с тимуровского десанта. Разведчики вернулись к вечеру. Через три минуты собрался весь отряд. Рапорт: в деревне для нас есть три дела. В детском саду нужно напилить и наколоть дрова. В конце деревни – помочь старикам полить огород: поливают сами и воду носят за полкилометра. Во дворе школы грязно. Нужно убрать. Ясно? Вопросы есть?

– А как распилить дрова тихо?

Марик Раскин на песке чертит план. У детсадика – небольшой лесок. Вот так. И если работать аккуратно в лесу, никто не услышит. Козлы – у детсада, пилу берем из лагеря.

Где взять песок для школьного двора? Рядом ремонтировали дорогу, осталось много песка. Носилки свалены в углу у школы...

Чем носить воду? Два ведра взять из лагеря, два – стоят у забора в огороде. Вот теперь, кажется, всё. Нет, еще одно – когда выходим?

В этот день вечерняя линейка и «огонёк» шли как всегда. Только после «огонька»...

– «Азия» и «Кавказ» к выходу с территории лагеря готовы. Разрешите выход?

– Разрешаю, – говорит Ф. Я. – Возвращение к 5.00. Сейчас 23.30. Дежурные командиры, сверьте часы.

Трудно идти тихо, когда в цепочке три десятка ребят. У развилки бригады расходятся.

Вот и детский садик. В обе стороны вдоль дороги выслано охранение. У забора – еще один наблюдатель. Их задача – вовремя предупредить нас, если появятся чужие.

Организация работы продумана еще в лагере. Первая смена пильщиков передает через забор козлы, берет пилы и топоры и уходит в лес. Остальные осторожно несут длинные сучковатые бревна. Работа началась. Шума почти не слышно – разведка рассчитала точно. Двигутся две цепочки – одна подает бревна, другая уносит наколотые дрова. Через 15 минут пильщикам смена. Стоп! На левом фланге – подозрительный шум. Перемигнулись фонари, и работа мгновенно прекратилась. Ребята замерли. Через минуту связь доложила: всё в порядке. И тут снова тревога – в домике на территории детсада кашляют. В окне зажигается керосиновая лампа.

Уже 3 часа. Если сейчас же не продолжим работу, можем опоздать в лагерь. Наконец лампа гаснет, и сразу все приходит в движение. Снова передаем дрова к садику. Поленица растет. И вот – 4 часа утра. Работа кончена. Козлы – на место; на дровах оставляем бумажку с контуром значка коммуны, нашего «кюфика». На нем буквы КЮФ – Коммуна юных фрунзенцев.

Дело сделано, но если сейчас кто-нибудь нас заметит – пропадет вся секретность операции. Поэтому уходим еще тише, чем пришли.

В 4.40 дежурный командир коммуны принимает наш рапорт. Рассвело. Через 3 часа – общий подъем. На утренней линейке:

– Отряды к коммунарскому дню готовы!

– И ни слова о ночном десанте.

ДЕВИЗ. Коммуна родилась во Фрунзенском районе Ленинграда, вступила в жизнь с именем Михаила Васильевича Фрунзе. Когда Фрунзе командовал войсками Южного фронта, он часто заканчивал свои приказы словами: «Смело и бодро вперед!» или: «Победа во что бы то ни стало!» Общий сбор выбирал девиз и никак не мог выбрать. И вдруг несколько голосов разом закричали:

– Вместе! Давайте соединим!

С этого дня в коммуне на призыв «Смело и бодро вперед!» хором отвечают: «Победа во что бы то ни стало!»

ПОНЕМНОГУ ПРОЯСНЯЕТСЯ. Понемногу прояснялось, как будет жить наша коммуна. Собираться вместе мы будем на каникулах. Весенний сбор, летний, осенний, зимний... Так и услышишь теперь в разговорах:

– Это было на третьем зимнем!

Между сборами – работа в школах. Всё, что узнали, чему научились, – в школу.

На каждом сборе изменения: кто-то уходит, кто-то приходит... «Старички» приводят друзей, те ведут на сборы новых ребят...

И внутренняя жизнь коммуны сложилась. Каждый день в отряде новый дежурный командир – ДКО. И каждый день новый командир в коммуне – ДКК. Как у Макаренко было. Вечером, на «огоньке», разбор дня начинают с обсуждения работы командиров.

Заповеди дежурного командира звучат так:

Сон, подъем, питание,
Зарядка и купание.
Во всем порядок, чистота,
Здоровье, дружба, красота.
Отрядный сбор – горячий спор,
Речевки, песни, шутки,
И всё это – целые сутки.

Сначала было трудно: сегодня командовать, завтра подчиняться. Но вскоре и этому научились.

И теперь уже трудно сказать, «пассив», исчез или «актив». Что «пассива» нет – хорошо, это каждому понятно. Но еще больше нам нравится, что нет «актива» – нет ребят, привыкших к особому положению, старающихся выделиться среди других, с особой психологией «активистов». Даже постоянные командиры меняются каждую декаду, независимо от того, хорошо они работали или плохо.

НА ДОРОГУ – БАТОН. В сильном отряде этого, может быть, и не случилось бы. Но «Кавказ» не был сильным. Сплошь девчонки, и почти все – из одного класса. Валерий Зюзин среди нас казался самой светлой личностью. В школе он всегда ходил в активистах, и здесь его сразу, первым выбрали командиром отряда. А потом стали

замечать: Зюзин покрикивает, строит из себя начальника. Мы огрызались, но терпели. Не стерпели только, когда Зюзин забрал у рыболовов наловленную рыбу и понес ее вожатым в подарок. Вожатые очень удивились.

Я была в тот день дежурным командиром «Кавказа». Дежурному командиру полагается иметь часы, а часы в отряде были только у Зюзина. Утром ДКО вместе с пилоткой дежурного получал часы. Когда мы высказали Зюзину все, что накопилось, он подошел ко мне и тихо сказал:

– Этого я от тебя никогда не ожидал. И вообще знаешь что – снимай мои часы!

На следующий день дежурный командир коммуны зачитал решение:

– За подхалимство и зазнайство Зюзина Валерия из лагеря исключить.

Зюзин вышел из строя. ДКК выдал ему на дорогу деньги, батон, колбасу и конфеты.

Так коммуна рассталась с бывшим командиром «Кавказа».

А вскоре сложился один из первых законов коммуны:

В коммуне нет начальства,
Хозяин – коллектив.
А кто начальство корчит –
Тот гнусный, жалкий тип.

РАЙОННЫЙ ШТАБ. Дел у коммуны много и между сборами. Когда-то Ф. Я. пыталась собрать активистов в Доме пионеров, а они не шли. Теперь у нее помощников хоть отбавляй – коммуна стала районным пионерским штабом. Перед началом учебного года на комиссарских съездах коммуны обсуждается план работы районной пионерской организации. На одном таком съезде заключили договор с комсомольцами Кировского завода: пионеры района соберут металлолом для 9 тракторов «Кировец». Когда лом был собран и тракторы изготовлены, в день рождения Пионерской организации, 19 мая, на площади перед ТЮЗом состоялся митинг. Собралось много ребят, на площадь выехал «Кировец» – никто не думал, что он такой огромный; это на всех произвело впечатление. Комсомольцы завода специально к этому дню напечатали листовки для пионеров Фрунзенского района, их разбрасывали на митинге. Было очень празднично и торжественно.

В каждой дружине есть ответственные за отдельные направления в работе. Они часто собираются в районном Доме пионеров и вместе решают, как и что делать.

За работу по эстетическому воспитанию в дружинах района («зона искусства») отвечал Володя Цивин.

За работу красных следопытов района – Катя Ашмарина.

За тимуровскую работу и сбор лома («зона заботы») – Володя Магун, потом Аня Андрюкова и Галя Качалина.

Это очень непросто – объединить усилия сотен и тысяч ребят. Но коммуна каждого научила быть организатором, головой отвечать за то, что поручено.

А чтобы все пионеры района чувствовали себя членами одной организации, штаб решил провести рейды дружбы. И вот то в одну, то в другую дружину стали приходить делегации в 20–25 ребят: представители всех школ Фрунзенского района. Приходят не столько проверять работу, сколько узнавать: что в дружине интересного? Что нового? Что можно позаимствовать? Районные слеты и праздники, соревнования и сборы актива – за всё теперь отвечают коммунары, члены районного пионерского штаба.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ. ...Вечером все собрались в зале. Потушили свет. На большом блюде остались гореть 12 свечей.

– О мудрейшие из мудрых! Позвольте мне с вашего согласия открыть нашу первую тайную вечерю. Как бы ни был могуч свет познания, человек едва успел приоткрыть завесу окружающего его мрака. Мир вокруг нас полон великих и малых неразгаданных тайн. Пусть каждый поведаст высокому собранию об известных ему тайнах земли и неба. Кто же из вас, о мудрейшие, потушит первую свечу?

Коллеблющееся пламя поочередно выхватывает из темноты чьи-то фигуры, лица, чью-то руку, лежащую на плече товарища.

– Может ли человек родиться второй раз? Что, если случайное сочетание клеток случайно повторится в том же самом виде? Тогда человек сможет прожить еще одну жизнь...

– Но вероятность такого практически равна нулю. Если дважды подбросить тысячу монет, маловероятно, чтобы во второй раз они упали так же, как в первый. А тут человек! Один только мозг – миллиарды нервных клеток! Нет, человек никогда не сможет повториться. Это утопия.

– А что, если мы уже когда-то жили? Представляете? Мы живем заново, и память не сохранилась. А думаем, может быть, так же...

По рядам волной проходит и быстро смолкает сдержанный гул. Он будет еще много раз вот так же подниматься и стихать в этот вечер.

– А я где-то читал, что растение тоже чувствует. И если его срывают, ему больно.

– А еще цветы любят музыку.

– Откуда же это могли узнать?

– Они под музыку быстрее растут, особенно если музыка веселая...

– А вы знаете о статуях с острова Пасхи?..

– О Тунгусском метеорите?

– Я читал, что Атлантида бесследно исчезла под водой. Неужели ее так никогда и не найдут?

– Может быть, ее совсем и не было.

– А вдруг она сама когда-нибудь всплывет? Через миллионы лет.

– Атлантида не подводный корабль...

– А я читала о таинственной гибели одного корабля...

Пусть сегодня не разгадано ни одной тайны. И все же мы потушим все 12 свечей. И кто-то узнает о том, что было ему не известно, и мир станет ближе и еще интереснее, когда в зале снова зажжется электрический свет.

ОТКРЫТИЕ. Открытия бывают разные. Ученый отыскал в небе новую звездочку – открытие. Студент узнал, что профессор, скучный на лекциях и въедливый на экзаменах, в войну командовал партизанским отрядом, – тоже открытие. Человек полюбил и понял, что мир прекрасен, – опять открытие. Открытие может произойти в одно мгновение, несмотря на то что было подготовлено годами труда. Открытие может продолжаться всю жизнь, а жизнь – стать открытием, большим и долгим, как она сама.

Открытие коммуны только начинается в первый день знакомства с нею. Оно продолжается ото дня ко дню, от встречи к встрече, от сбора к сбору.

ПОЛУЧАЕТСЯ. К концу второго года можно было, пожалуй, сказать, что у нас кое-что получается. Кажется, риск Олега Ивановича, Ларисы Павловны и Ф. Я. был не напрасным. Теперь новички находили в коммуне не только интересных взрослых, не только интересные дела, но и главное – интересных ребят и необычный стиль отношений. Точно не определишь, в чем он заключается, этот стиль. Однако когда начинается сбор и в отряде почти все новички, то старые коммунарки скажут определенно: «Отряд стал жить по-коммунарски на третий день» или: «В отряде завал, живет не по-коммунарски».

Вот что писали в анкетах участники первых сборов:

«Я впервые услышал, как поются песни по-настоящему. Решают все сами ребята. Дисциплина. Дружба. Я даже удивлялся, как совсем не знакомые друг с дружкой ребята веселились, работали, всё делали вместе».

«В первый раз я встретила с коммуной на общем сборе. Сначала было страшновато, но недолго. В зале было много ребят, шумели, пели, и было как-то легко. В отряде приняли за свою, и через пять минут казалось, что ты всех знаешь давно. Меня удивило, что взрослых совсем мало и что решают всё сами ребята и говорят очень серьезно, с большой ответственностью».

«Мне очень понравились ребята. Когда можно – подшутят, когда надо – отчитают, всегда всё объяснят, помогут».

«Я сделал в жизни гораздо меньше, чем мог. Лишь после того, как я пришел в коммуну, появились цели, радость. Понял, что такое настоящая дружба. Я привык к ребятам, походной жизни и не представляю свою жизнь иначе».

...Словом, жизнь начиналась действительно хорошая.

Не только ребята, даже взрослые, кто ни узнает про коммуну, становятся её друзьями. Как-то само собой получается: совсем случайно попал человек в коммуну, на сбор, а потом приходит вновь и вновь, старается по мочь коммуне, поддержать её.

Тут мы начнем новую главу и расскажем в ней о старших друзьях коммуны. Это ведь лишь в самом начале их было трое, а вскоре...

Глава вторая, самая взрослая

МОСТИК. Я учусь на историческом, и мое дело изучать историю, но сейчас я попытаюсь ее воссоздать.

Все было как обычно, вернее, как обычно необычно. Подъем, работа, творческое дело, «огонёк», песни, отбой. Такое каждый день, но каждый день разное.

И вдруг... Сегодня или никогда! Только один раз! Впервые в коммуне!

Приехали!!!

Приехали?!!

Почему-то у меня желание помучить читателя прежде, чем сообщить, кто приехал.

Поэтому я сначала опишу наш лагерь. Это, кстати сказать, необходимо.

Палатки наши стояли на острове, точнее, на полуострове. Островом мы считали наш лагерь потому, что подойти к нему можно было только через «чертов мост», «адский мостик» – какими только именами мы этот мост не называли! Он был длиной метров 20, а шириной тоже 20, но сантиметров. Мостик этот был перекинут через речку, в которой воды по колено. Мостик этот...

Но пусть он будет мостом к продолжению моего рассказа.

Итак, приехали к нам тюзяне, т. е. артисты Ленинградского ТЮЗа. К нам в коммуны приехали артисты театра, который мы, именно мы, – я знаю, что пишу! – любим.

Во-первых, живые артисты.

Во-вторых, артисты, которых мы часто видели на сцене.

В-третьих, все молодые.

Мы стояли у автобуса и смотрели, как артисты выходят из него. Они вышли, построились и спели песню, которую сами сочинили на мотив нашего «Октябрёнка» – есть у нас такая песня, может быть, самая любимая в коммуне.

Их было 13 или 15, и всех я не помню, но отлично помню троих: Лешу Яковлева, Володю Азеля и Зиновия Яковлевича Корогодского, главного режиссера. Они были ковбои первый класс! Шикарные джинсы, широкие кожаные пояса и шляпы. Шляпы эти были сказкой. У нас было несколько шляп под ковбойские, но это всё не то. У них были настоящие. Из материала «то, что нужно» и сложенные «как надо».

Эти и задавали тон остальным. Своим видом, джинсами и шляпами они обставили нас. Но мы были хозяевами положения, мы знали, что им предстоит мостик, и надеялись на реванш. Сейчас мы увидим этих ковбоев идущими нервной, осторожной походочкой, тогда как мы уже наловчились бегать по досочкам совершенно свободно.

...Они перебежали мостик легко, с шиком. Чем же их донять?

Было время ужина. Все ребята подходили и брали еду. А тюзян мы построили отдельно и сказали:

– Раз вы артисты, то зарабатывайте свой хлеб. Мы заставляли их ходить по скамейке с завязанными глазами, толкать носами мяч, разгадывать шарады и загадки, заставляли их прыгать и бегать. Чего только мы с ними ни делали! Это продолжалось минут 30. Наконец, устав, они запросили пощады и были обильно накормлены.

А вечером, на «огоньке», началось настоящее знакомство с артистами, но не как с артистами, а как с людьми. Они показывали нам куски из спектаклей, мы показывали им сценки из нашей жизни. Володя Азель читал нам стихи, и наши ребята читали стихи. Мы пели песни, и они пели нам свои песни. Песни, которые спел нам Леша Яковлев, до сих пор поют у нас в коммуне. На следующее утро ковбойские шляпы тюзян путешествовали с одной головы на другую, каждый пощеголял в широком кожаном ремне, каждый почувствовал себя ковбоем и немножечко артистом – всё-таки ведь это театральные реквизиты.

А днем состоялся футбольный матч, потом волейбольная встреча. В волейбол мы легко выиграли, потому что в волейбол мало кто играет хорошо, а у нас были игроки из сборной района.

Зато в футбол была битва. Играли трое на трое и вратари. Поле было большое, можно было бы играть и полным составом, но ТЮЗ не смог выставить больше трёх игроков и голкипера. Играли и болели тюзяне самоотверженно, несмотря на то что болельщиков с их стороны было несравненно меньше, чем с нашей. Счет матча 7:3. Мы проиграли. Приз получал Леша Яковлев – капитан команды. В музее КЮФ есть снимок: победно стоит этот квартет тюзовских футболистов!

А к вечеру произошла такая штука. У Леша был ножик, очень красивый ножик, со многими лезвиями, с какими-то пружинками, в общем, ножик очень хороший. Леша его никому не давал. И вот этот ножик – вы уже, наверное, догадались – пропал. Да-да, потерялся. Леше было жалко ножа, он утешал нас, говорил: «Может, найдется? Отдадите мне в Ленинграде».

Но мы не могли, чтобы он уехал без своего ножа. Мы верили, что ножик просто потерялся. И он действительно только потерялся, и его нашли. И Леша был рад находке, и мы были рады.

Настал последний вечер. На «огоньке» тюзяне выдали нам песню про нас. Как только они не иронизировали над нами в этой песне! Мы смеялись сами над собой, они смеялись над нами, но это был хороший смех.

Кстати, я сыграл в этом деле неблагоприятную роль. Теперь могу открыть секрет. Зиновий Яковлевич поймал меня днём и начал вытаскивать из меня темы для этих куплетов.

Но настал час мщения! И ночью мы собрались в палатке – две Ленки, Таня, еще кто-то – и начали сочинять «ответ турецкому султану». Мы написали больше 40 куплетов, и утром, на линейке, когда прощались, выдали им нашу песню. Они были рады не меньше нас. Произошел торжественный обмен текстами песен: мы – им, они – нам. И тюзяне двинулись к мостику. И вдруг (раньше мы мечтали об этом, а теперь забыли), вдруг Леша, с вещами, в шляпе, падает с моста в воду.

Это был благородный шаг, мы оценили его по достоинству: и мы и тюзяне попрыгали в воду.

Мы прощались ужасно довольные, мокрые с ног до головы.

Так и запомнилось прощание: падение Леша с моста.

А сейчас? Мы и сейчас дружим с ТюЗом, каждую премьеру мы гости у ТюЗа, ТюЗ у нас в гостях на днях рождения коммуны.

БУДЬ ЗДОРОВ, ЮРИК! Утром в лагере появился незнакомый парень, навьюченный двумя увесистыми рюкзаками. Через плечо перекинута гитара. Парень остановился, отер пот со лба, и в эту самую минуту гитара соскользнула с плеча и упала на землю.

– Разбилась! – сочувственно ахнули несколько очевидцев.

Но парню, видно, было не до сочувствия. Он поднял разбитую гитару и пошел представляться старшим.

– Кто такой?! – спрашивали ребята.

– Наверное, турист.

Виктор Малов был не только турист – он кончил консерваторию и получил назначение в Новосибирск. Но на лето, перед тем как уехать на работу, устроился на турбазу инструктором – подзаработать. В коммуну его послали на 3 дня – сходить с ребятами в поход и сразу же вернуться. Из-за погоды поход откладывался. Виктор решил воспользоваться случаем и починить гитару.

Он тихонько настраивал ее, когда под окном с десяток луженых мальчишеских глоток грянули «Бабку Любку». Несколько минут Виктор крепился, потом не выдержал и закричал с крыльца:

– Замолчите, несчастные! Как вы поете? Не в образе, не в характере!

Ребята повернулись и ушли.

– Подумаешь, обиделись, слова им не скажи, – разозлился Виктор.

В тот же день на линейке он подошел к лагерному горнисту, взял у него горн и повторил его сигнал. И все поняли: музыкант здорово умеет горнить. И не терпит, если сигнал неправилен, если песню спели плохо, если гитара не настроена. Малов понравился всем, хотя он ершился и ругал всех и вся, когда что-нибудь ему казалось не так. Малову быстро дали «подпольную» кличку – Гвоздик. Прямой и надежный. А сам Малов? Через три дня

ему приказано было возвращаться на турбазу. Но с ним случилось то, что происходило со всеми, кто попадал в коммуну. Никуда Малов от нас не ушел в это лето.

Он отправился на почту и позвонил начальнику турбазы:

– Будь здоров, Юрик, – сказал в трубку Малов (они были на «ты»), – будь здоров и ищи другого инструктора. Я остаюсь.

– То есть как остаешься? А ты знаешь, что мы имеем право не заплатить тебе ни копейки?

– Не знаю, но наплевать. Будь здоров, я пошел.

И побежал в свой отряд, в «Днепр».

Виктор оставался в коммуне несколько лет. Он прилетал из Новосибирска на сборы, с трудом отпрашиваясь с работы и тратя на самолет все свои деньги. Энтузиазм его и преданность коммуне не знали предела. А еще Виктор привел в коммуну своих друзей, тоже выпускников консерватории, – скрипачку Иру Леонову и виолончелиста Марика Бородулина, по прозвищу Мавр.

РЕВКОМ. Иногда бывает так: старшие поддерживают дисциплину в коллективе, а в делах ребят стараются не участвовать: «Сами, сами, вы должны быть самостоятельными».

У нас наоборот. Дисциплина и организация – целиком на ответственности ребят, а вот в работе, в творческих делах взрослые участвуют наравне со всеми, и мы у них учимся. В этих делах все равноправны.

Сначала старшие друзья составляли штаб коммуны. На одном из сборов штаб совещался на чердаке. Там были стол и кровать, покрытые красным ситцем (за неимением другого материала). И вот однажды какой-то мальчишка, впервые попавший на чердак, с изумлением сказал:

– У вас тут, как в ревкоме...

К утру кто-то неизвестный вывел на чердачной двери красной краской: «Ревком». Так это слово и осталось за штабом коммуны.

ПУСТЬ ПОЕТ СКРИПКА! Если ты в коммуне весь – совмещение невозможно. Иногда это становится печальным.

Ира Леонова окончила консерваторию. Выпускной концерт. Первый концерт – пока последний. Ира занята в ревкоме...

Сегодня у Иры день рождения. Собираемся в семь у ТюЗа. Что пожелаем? Пусть поет скрипка!

Скрипка пела на сборе коммуны. Играл Игорь Евдокимов. Гостям было немножко непонятно: почему такой большой парень играет простенькую песню Чайковского и почему он так волнуется?

Игорь давно начал учиться музыке, а потом забросил и два с лишним года не играл. И даже скрипка его куда-то задевалась.

Игорехино 16-летие. В этот день Ира Леонова обегала все известные ей магазины.

С Евдокимова мы взяли слово – завтра ровно в 4 он выйдет на лестничную площадку. Назавтра мы поднялись к нему за несколько минут до четырех. Игорь вышел... Ира молча вручила ему футляр с новой скрипкой. Через полминуты мы выбежали из подъезда, так ни слова и не сказав оторопевшему Игорехе. Спустя полтора месяца он играл коммуне простенькую пьесу Чайковского. По словам Иры, для Игоря это большая победа. Для коммуны – тоже. Стать скрипачом Игорь не собирается, он будет хирургом. Все равно – пусть поет скрипка!

ЗАСТАВИЛИ. Только через 6 лет мы заставили Ф. Я. рассказать о ее жизни. Да и то Магуну пришлось два дня подряд не отставать от нее ни на шаг. Очень стеснялась, когда рассказывала (я думал, что стеснительность ей вообще не свойственна). А стеснялась она так: рассказала первый кусочек и замолчала. Пока не попросят, сама дальше не говорит. Потом опять ставит точку, и снова нам стоит немалых трудов превратить эту точку в запятую.

Вот так и узнали, что Ф. Я. в 14 лет попала в армию. Кончив шестимесячные курсы медсестер, объявила, что потеряла метрику, прибавила себе полтора недостающих года и пошла в военкомат... Военную форму она сняла только после Победы.

МОЛЧАЛЬНИК. В 321-й школе есть комната. Единственное ее окно выходит в кабинет зоологии. Здесь везде книги – на этажерке, на полу, на батареях, на столе. Преобладает педагогика и география. В этой комнате живет Маргарита Петровна Забиран – М. П., как зовут ее ребята. М. П. – старшая вожатая в школе и член ревкома в коммуне, друг отряда «Алтай». М. П. в этом году заканчивает институт. Сегодня на дверях комнаты висит записка: «Меня нет дома, даже если горит свет. Занимаюсь! Не звонить, не свистеть. Ни-ни-ни! М. П. (из подполья)».

А в «подполье» пришло письмо, трудное, на семи страницах. Вот отрывок:

«Добрый день, М. П.! У меня к вам будет один вопрос. Я никак не могу понять, почему, когда я прихожу к вам, вы не прогоняете меня. Почему? Я ведь знаю, что вам иногда нужно быть одной, иногда просто некогда, я ведь все вижу, но почему вы этого не скажете прямо? Я, наверное, ужасный эгоист, да еще у меня нет никакого самолюбия.

Понимаете, мне очень трудно бывает встать и уйти. Как будто прирастаешь к чему-то и никак не оторваться. А вы не прогоняете. Почему?

Я привык молчать, а все меня за это укоряют: мол, чувствуют тяжесть, когда вот так сижу и молчу.

А почему все так получилось, я вам объясню. Понимаете, до VI класса у меня не было ни одного человека, ну, с которым я хотя бы погулял после школы, поиграл. Понимаете, не было никого. Отучившись пять уроков, ни с кем не говоря, я шел домой и садился за книги, пожирал их. И больше я никого не видел и не слышал... А теперь я не могу без людей. Это очень страшно – остаться одному. Когда ты еще маленький, ничего не замечаешь, то еще терпишь, но это все-таки накладывает какой-то отпечаток на человека.

Почему я прихожу, сижу и ничего не говорю? Помните, вы говорили об идеализации? В этом есть правда. С человеком, которого идеализируешь, никогда не разговариваешь. Он

где-то очень высоко. А потом еще. Ведь нельзя всем людям все говорить. Для всего должен быть только один человек, который о тебе знает почти что все (но все-таки не до конца). Я не знаю, для чего я пишу, но, может быть, вы лучше меня поймете, почему я сижу у вас и почему молчу...»

Письмо на семи страницах.

Некоторые считают, что М. П. одинаково любит всех ребят. Другие говорят, что она особенно любит тех, у кого трудная жизнь. Нашла где-то цыганенка – в женской кофте и в туфлях на высоких каблуках. Мать заставляла его воровать. Маргарита Петровна возилась с ним, возилась, кормила-поила. Устроила в интернат. А еще какой-то девчонке из последних денег купила белое платье для выпускного вечера – не было у девчонки платья, не хотела идти на вечер.

ЕСЛИ НУЖНО – РАЗБУДИ. Вчера мы были на очередном дне рождения у одного из наших. Погасили свет, сели кружком и пели песни. Уходить не хотелось. Домой я пришла в час. Мама встретила на лестнице. А потом до четырех отчитывала за все, что накопилось... Оставшуюся половину ночи я проревела в постели. А на следующий день ушла в школу, а домой вернуться не смогла – слишком велика была обида.

И вот я пришла сюда, в эту почти пустую комнату, с высоким потолком и маленьким окном, выходящим в кабинет зоологии.

В трудные минуты человек идет к тому, кто добрый.

– А может, нельзя к вам, может, неудобно, Маргарита Петровна?

– Снимай пальто, и вот на – тапочки надень. Гордятся?

Все-таки позвонить домой она заставила:

– За меня не беспокойтесь, я у Маргариты Петровны.

Я легла на кровать у стенки, она – с краю.

– Если захочешь поговорить – разбуди.

Я знаю, будить будет неудобно, а нужно об очень многом спросить у нее... И вдруг она сама начинает:

– А у меня мама отличная. Я ей всегда все говорю...

– У меня тоже...

Говорили много: о своих мамах, о коммуне и ее людях – обо всем. Потом она вспоминает:

– Завтра в восемь совет командиров. Давай спать.

Она засыпает сразу – прошедший день дает себя знать. А мне никак не уснуть. И я одна, про себя, продолжаю наш разговор.

Приказ совета КЮФ

Наука – вещь серьезная,
Строптивая и лягаста.
В коммуне аспиранты
Случаются не часто.
И оттого-то в первый раз
В стихах издали мы приказ.
Ждет уж давно науки горн,
Когда его раздует Корн.
Чтоб больше рифм не расточать,
Приказываем вас качать.

Совет КЮФ

Примечание. Этот приказ издан по случаю поступления инженера Севы Корна, ревкомовца, в аспирантуру. Сейчас Сева в Москве. На последний день рождения коммуны еле вырвался, приехал только на один вечер – утром обратно в Москву. Свидание с мамой назначил в Доме пионеров, на празднике. Мама Севы, актриса, приходит на все праздники коммуны. Когда мы спросили, нравится ли ей у нас, она ответила: «Я люблю всякое вдохновение»..

ПИСЬМО ОТРЯДУ «СИБИРЬ». «Привет вам, далекие «сибиряки»!

Прежде всего извините, извините, извините... Ребята, честное слово, был так занят, что не мог написать ни строчки. А как хотелось ответить на ваше ехиднейшее письмо, ой как хотелось... Теперь уже всё позади, да вот жаль, за столь длительный срок все ехидство мое куда-то улетучилось. Думаю, что радоваться вам еще рано, ибо впереди лето, а там уж я отыграюсь. Берегитесь!!!

Теперь разрешите отчитаться. Во-первых, работаю пионервожатым (к сожалению, быть другом отряда очень трудно. Пока чувствую себя именно вожатым. В этом отношении с тоской вспоминаю работу в коммуне). Нельзя сказать, чтоб дела шли очень успешно. Очень много трудностей.

Во-вторых, пришлось здорово потрудиться на основной работе. Устроили у нас прослушивание всех молодых артистов. Пришлось и мне играть. Сидел за виолончелью по 9–10 часов в день. Это очень много, ребята (для сравнения скажу, что когда учился, то сидел от 4 до 5 часов). В общем, света белого не видел. Уходил из дому в 8 утра, приходил в 11 вечера. А сыграл, в общем и целом, не плохо. Правда, результатов еще не знаю.

Дорогие мои детки, я был так тронут, так тронут вашей заботой о животе моем и теле, что даже слов не могу подобрать.

Дети мои, обязуюсь: с сегодняшнего дня желудок свой держать в набитом состоянии всегда и при любых обстоятельствах. Ваш Мавр.

P.S. Ребята, шутки шутками, а мне очень нужны сообщения о всех ваших делах. Как я завидую всем вам – такая кипучая, нужная и энергичная работа. Хоть бы еще немножко хлебнуть, чтобы зарядиться. Удастся ли?

Меньше вертитеесь вокруг Фаины Яковлевны – не мешайте ей работать, и особенно в тот момент, когда она будет писать письмо подробнейшее мне сюда, в Новосибирск. Всё.

Перечитал сейчас только ваше письмо – ну и язвы же вы, черти!

Трубите громко, горны! Пищите, «уйди-уйди»! Бейте, барабаны! Шары, летите к солнцу! Пусть никому не будет проходу от раскидайчиков. Идет, идет Первомай.

А коммуна идет на демонстрацию!!! Хотелось бы пройти с вами, взявшись за руки. И пусть все время светит самое солнечное солнце. Мавр».

(Мавр – так зовут у нас Марка Бородулина. Говорят, что он в гневе страшен, и потому – Мавр. Но до сих пор никто его в гневе не видел.)

АЛИК. На Алике Морковском может повиснуть весь «Урал» – а ему ничего. Он очень крепкий, очень красивый и очень добрый. Он работает бригадиром на машиностроительном заводе. Пришел в коммуну в 25 лет. Если бы он попал вожатым в обычную школу, он не удержался бы, наверное, и одного дня. Это тихий, мягкий человек, никогда не сердится, никогда не ругается. Съели бы его ребята.

У нас ему хорошо, и мы все его любим.

НЕТ КИТА. Игорь Ефремов нашел в коммуне то, чего не было в его собственном детстве, в его юности. Он увлекается живописью и архитектурой, он прекрасный боксер, он умеет логически строго мыслить; он чуток к правде – его не проведешь, не обманешь. После института работал на Камчатке, потом вернулся в Ленинград. Случайно встретил Ф. Я. – он был когда-то ее пионером. Поехал на сбор коммуны – пропал... Все отпуска, все выходные и вечера, словом, все 100 процентов свободного времени – коммуне.

Его очень любит отряд «Байкал» и вся коммуна. А прозвище у Игоря странное – Нет кита. Это из шуточной песенки: «Но нет кита, нет кита, нет кита – не видно!» Каждый раз, когда собирается ревком, Игоря нет, вечно опаздывает. «Где Ефремов?» – спрашивает Олег Иванович. «Нет кита!» – хором отвечают ему.

Так и повелось: «Игорь – Нет кита».

Мы перечитали наши рассказы о старших друзьях и заметили: слишком восхищаемся мы их готовностью работать, не щадя себя. Это и правильно, и неправильно.

Почему правильно – понятно. И мы не будем вычеркивать восхищенные слова.

А почему неправильно? Да потому, что коммуна не только берет от человека – она очень много дает ему.

Коммуна ни для кого не стала долгом, обязанностью. Она для всех – увлечение, счастье. Приведем пример. Человек каждую свободную минуту отдает маркам или рыбкам. Никто не станет говорить о «бескорыстном служении» маркам (рыбкам). Скажут: увлекается!

Но почему-то «служение» рыбкам никого не удивляет, кажется естественным, а служение хорошему делу, увлеченность воспитанием вызывает восторг, смешанный с недоумением («И чего он возится с детишками, что он в них нашел?»). Не надо восторгов и недоумений. Каждый ищет в коммуне что-то свое, свою радость и, если находит ее, остается с нами на годы.

Вот почему нам бы надо продолжить эту главу. Мы не рассказали о члене ревкома Анатолии Георгиевиче Зуеве, учителе и вожатом, самом опытном вожатом в городе, – он с

нами; о Майе Германовне Казакиной, кандидате педагогических наук, и о наших многочисленных друзьях. Друзей у нас много: главный режиссер ТЮЗа З. Корогодский, драматург А. Володин и писатель К. Курбатов, журналисты Л. Региня, С. Гуревич, А. Островский; ученые И. М. Палей, Вернер Гайда, Е. С. Махлах, врач А. Саль, соратник Луначарского – В. А. Брендер, директор Фрунзенского Дома пионеров А. И. Скурихина, директор школы Т. С. Григорьева, педагоги Л. М. Виноградова, И. Г. Виноградова, В. Ф. Карякина.

Они не гости коммуны, а именно друзья: постоянно бывают у нас, ездят на наши сборы, пишут нам, помогают. У каждого отряда есть один-два (а то и три) друга в ревкоме и еще множество друзей из старших. В дни рождения коммуны, когда мы строем идем по городу (в нашей колонне около 200 ребят), впереди – человек 40 взрослых. Это самая веселая часть колонны.

Глава третья, самая деловая

НА ПЕРЕПУТЬЕ. Казалось, все хорошо. «Живем веселой, интересной жизнью». И вместе с тем – угрожающие признаки. В наказе первых сборов новому поколению коммунаров стоит: «Закрепить обычаи... Сделать мачту... Сделать баскетбольную площадку... Провести физкультурный праздник...» Всё – для себя, для коммуны.

Но для чего же тогда коммуна? Кому от нее лучше на свете, кроме нас самих? Нет, красивая жизнь не такая... Красивая жизнь – это когда ты чувствуешь, что нужен людям. И ты сам нужен, и вся твоя коммуна...

А КАК ЖЕ КРЫМ? Поход коммунаров в Крым был делом решенным. Ревком предложил, общий сбор одобрил, и родители согласны.

О Крыме мечтали полгода. Мечтали о грузовых вагонах с нарами, о теплушках военного образца. Лишь бы дешевле и, если удастся, по принципу «прицепите мой вагон». Постоять день-другой на станции – и снова в путь... В общем, чего только не придумалось за полгода!

На последнем сборе от ревкома многого не ждали: всего лишь уточнения маршрута.

– Олег Иванович, как там, кстати, насчет теплушек? Договорились?

По виду Олега Ивановича поняли – готовится тронная речь. Так и есть.

– Ребята, вам не кажется, что в коммуне сейчас примерно такое же состояние, какое было в колонии имени Горького перед завоеванием Куряжа? Все у нас как будто хорошо, а чего-то не хватает...

Не успели мы оглянуться, как на столе очутилась большая карта Ленинградской области. И тут по рукам быстро пошла записка: «Кажется, дело пахнет подшефным районом». И верно: в самом верхнем углу карты большим красным кружком, отмечен поселок Ефимовский... А как же Крым? А как же веселый отдых?

– Дело за вами, ребята, решайте. Хотите отдыхать – поедем в Крым. В Ефимовском районе веселого мало. Там очень нужна наша помощь.

Саша Прутт (без энтузиазма):

– Раз надо – поедем.

Гуля Кулиева:

– Два года мы считаемся шефами ефимовских пионеров. А что сделано за эти два года? Собрали подарки, отпраповали райкому, а сами что? На лето в Крым смываемся?

ПИ-ШИ-ТЕ! Через ограду закрытого садика перед Домом пионеров то и дело перепрыгивают коммунары и, к возмущению родителей, ревкомовцы тоже. Сегодня мы уезжаем.

Сбор начинается традиционной линейкой. Слышите, команда на построение. А сейчас с речевками и песнями выстраиваются на линейку отряды. И вот...

– Командирам отрядов доложить о готовности к сбору!

– Товарищ председатель совета коммуны! Отряд к операции «Человек – человеку» готов!

Мы идем по Загородному проспекту. Рядом с нами второй, гораздо менее стройной колонной идут родители.

Нам никогда не узнать всего, что говорила неделю назад на собрании наш полпред в стране родителей Фаина Яковлевна. Может быть, оно к лучшему, потому что, если бы мы это услышали, нам трудно было бы удержаться от тихих завистливых вздохов: «Вот ведь какие места есть на земле!» Места – словно из книжки-раскраски для малышек. Жить будем в самом современном и шикарном интернате, через дорогу (не волнуйтесь, по ней не ходят машины) – аптека...

А если без раскраски? Тогда – наши палатки в полудне ходьбы от ближайшей деревни, а до медпункта – пять километров. И только солнце на обеих картинках одинаковое: не зажатое домами и трубами, оно заполняет все небо. Но о солнце родители спрашивают меньше.

– Вовка, не пей сырой воды!

А вы забыли вкус родниковой в день, когда готовы расплавиться палатки?

– Таня, не работай слишком много, береги себя! Разве вспомнишь это, когда в 100 метрах от лагеря горит поле от сорняков? В одном все едины:

– Пишите!

И когда поезд трогается, снова:

– Пи-ши-те!

Вот это постараемся. Не слишком часто, конечно, но постараемся.

Стоп! Надо приступать к своим обязанностям. Мы едем в двух вагонах. По одному из них дежурю я. Дежурю – это значит, сейчас всех уложить спать, а завтра... Впрочем, завтра – завтра, а сейчас – спать. Но можно ли уложить всех, когда по вагону мечется завхоз – уверяет, что на перроне оставили все ведра, и собирается бежать обратно, а навстречу ему пробивается паренек из другого вагона, безнадежно и монотонно повторяя:

– Лишнего рюкзака нет? Лишнего рюкзака нет?

И пока не найдешь завхозу ведра под головой уже заснувшей девочки, пока не вытащишь парню из какого-то бака его рюкзак, покоя в вагоне не будет.

На часах 2.30. Все постепенно стихло. Беру книжку и сажусь на край полки. Если по правде, не спать сейчас совсем не обязательно, но в конце концов почему не воспользоваться своими правами?

ЧИСТИТЬ ЗУБЫ ЗАПРЕЩАЕТСЯ. Утром в Ефимовском нас встретил друг отряда «Урал» Вадим Лисовский – в робе, загорелый. Вадим уже работает бригадиром в Заголодно. С чьей-то легкой руки все ответственные за работу в поле будут называться теперь Вадимами.

После «огонька» меня дернуло пойти на речку – почистить зубы и помыться. Только начал чистить зубы, как вдруг в голову пришла мысль, что мне нельзя оставлять отряд перед сном, если я – ДКО. И тут же на пригорке показались Марик, Люся Гудкова, Данилова и стали хором и наперебой возмущаться моим поступком. Я сказал, что в конце концов каждый человек имеет право почистить зубы на ночь, а они, между прочим, могли бы справиться с ребятами и без меня. Но Таня ответила, что ничего подобного: помощники вожатого не вмешиваются в обязанности ДКО, и мне, мол, пора бы это уже знать. А вот имеет ли право ДКО чистить на речке свои драгоценные зубы, когда дан сигнал отбоя, а ребята никак не улягутся спать, – это еще большой вопрос.

В палатке Сашка Прутт завел разговор на свою любимую тему: искусство не нужно человеку. Он сказал, что поставил перед собой две цели. Первая – физика, в частности радиотехника, а вторая – доказать людям, что они много времени своей жизни теряют даром – на искусство, сон и прочее. Потом он рассказал кое-что из радиотехники, и наконец мы заснули.

РАПОРТЫ ДЕЖУРНЫХ КОМАНДИРОВ. «15.VI. Утром после завтрака три группы отправились в разведку. Вадимы трудились на свиноферме, а завтра пойдут на кукурузное поле. Группа Тимуров начала с местными ребятами подготовку к спартакиаде, которую решено провести через два дня. Третьей группе повезло меньше всех. Работу она найти не смогла, но зато обнаружила здание новой школы, которое можно украсить к учебному году. С этими новостями наши вернулись к обеду. Дождь заставил отодвинуть начало нашего первого «огонька» в Озереве. Рассказали озеревцам о коммуне, о наших законах, обычаях и делах. Но встреча не совсем удалась, так как озеревцы и зареченцы торопились в кино. ДКО – Женя Хрычкин».

«16.VI. Рано утром с поля вернулись изрядно уставшие вадимы и узнали от Костровых, что завтрака нет и будет он не раньше, чем через час. Завтрака решили не ждать. Взяли по куску хлеба, и снова за работу. Вместе с озеревскими и зареченскими ребятами продолжали готовиться к спартакиаде. Но сначала пришлось перекидать огромную гору земли, чтоб засыпать камни у входа в школу. Тем же утром отправилась разведка в Климово. ДКО – Люся Сурова».

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ. Не знаю, есть ли в Ленинградской области место красивее, чем Ефимия. Лицо Ефимии не всегда разглядишь за сетчатой пеленой бесконечного дождя, свисающей с серого неба. Но вот она открывает тебе сказочные красоты лесных холмов, извилистых рек и веселого оранжевого солнца. Смотришь на речную излучину, кажется, что выплывет сейчас из-за поворота красный с золотыми разводами купеческий струг или деловитый петровский парусник. Но возникший внезапно и тотчас отошедший куда-то стук тракторного мотора возвращает тебя в XX век.

Вечером Ефимия, как на полотне Корина, раскидывает по предзакатному небу множество красок. Над притихшей землей разворачивается молчаливая и величественная симфония цвета. Человек, которому случится попасть в этот час под ефимовское небо, бывает поражен. Что приготовила ему природа, да еще в таком суровом краю, как наш северный! Он уносит это феерическое впечатление с собой, и оно становится частицей того, что называется чувством России...

ДЕСАНТ. На летнем сборе в Ефимии у нас был шестидневный десант. Мы должны были остановиться в Чудской. Это в 60 км от нашего постоянного лагеря. До Чудской мы должны были добраться за день. У «Балтики» был самый дальний десант, но никого это не пугало, все были бодры и веселы. В 10 часов утра, после линейки, мы двинулись. Шли довольно четко, рюкзаки еще не казались тяжелыми. Было очень жарко – 35 градусов, небо было синее-синее, без единого облачка, ветра совсем не было, но комары нас оставили в покое, наверное, потому, что мы шли по дороге. Впереди нас шел отряд «Кавказ»; он вышел раньше, но мы шли быстрее и скоро догнали его. Нам было по пути. Настроение у всех было отличное, мы задирали «кавказцев», они нам отвечали тем же. После привала шли уже вместе. Вдоль дороги тянулся лес. Володя Волков сказал, что знает дорогу короче, и все «балтийцы» пошли с ним через лес. Расспросили деревенских ребят; оказалось, что мы зашли бог знает куда. Надо было идти обратно, иначе мы вообще заблудились бы. Ноги уже начинали болеть, от солнца слегка кружилась голова, но, в общем, все было нормально, мы шли по лесу и разговаривали. Вышли на дорогу и зажмурились от солнца. Деревья не шевелились. Была самая жара. Идти было трудно, ноги уже стерли, камни и песок рвали кеды. Лямки рюкзаков глубоко врезались в плечи. Шли молча, растянулись метров на 200. До этого я и рюкзак никогда не носила. Было немного страшно, думала, что отстану и упаду, поэтому пошла быстрее. Во рту все пересохло, на ногах росли белые пузыри. Другим было не лучше, чем мне, но никто не ныл. Володька Волков шел самым первым. Наверное, расстроился, что из-за него пришлось топтать столько, но ничего, шел.

Наконец привал. Через несколько минут все уже шутили над своими бесчисленными пузырями на ногах. Отдохнув минут 10, мы снова зашагали по дороге. Шагали – это, конечно, не то слово: мы кое-как переваливались с пятки на носок, стараясь не задеть пузыри. На отеки плечи уже никто не обращал внимания. И еще, все как-то почувствовали друг друга, от этого стало спокойнее. Мальчишки тащили на себе все ведра, но крепились и даже пробовали острить. Несколько раз, когда проезжали машины (они там ходят очень редко), мы неистово махали руками, но они только обдавали нас пылью и мчались дальше. Мы уже думали, что будем идти по этой дороге до самой смерти, но вдруг увидели вдаль домики. Там была деревня. Ребята из «Кавказа» развалились у старенькой церкви; они были усталые и грязные, как черти, но мы, наверное, были еще хуже. Мы побросали рюкзаки и заковыляли к колодезю. Такую вкусную воду я пила только в Ефимии. После возвращения в Ленинград я еще долго не могла привыкнуть к тому, что, недопив воду из стакана, ее можно спокойно вылить.

До станции нас все-таки подвезли на попутной, и там у нас был обед в столовке. Потом мы сыграли в волейбол, посидели в садике, выпололи грядки с цветами возле почты, а в 9 часов вечера собрались и опять пошли. Нам осталось пройти 17 км. Шли цепочкой, человек в 50: «Кавказ» и «Балтика». Пели «Там, где змея не проползет» и еще много разных веселых песен. Стало прохладно. Появились комары. На первом привале все выстроились в длинную очередь, и Люся Сурова стала всех мазать репудином. Снова шли. Оставалось 12 км. Идти было очень трудно: пузыри, натертые днем, болели и лопались. Руки сожгли на солнце: они были красные, носы тоже побаливали. Плечи затекли, и суставы совершенно не двигались, а тут еще надо было отмахиваться от комаров и чесаться. Очень хотелось пить. Когда увидели колодец, все к нему бросились – пить хотелось ужасно. Было какое-то идиотское животное состояние. Все забыли друг о друге. Даже не так, нет, – просто уже все так измучились, что не было сил думать о ком-нибудь. Но это состояние продолжалось не больше минуты. Все стали уступать и передавать кружку товарищам. Но вот идем дальше.

Мальчишки из «Кавказа» помогают отстающим, все друг друга подбадривают. Холодно и сыро. Уже 12 часов ночи. Приходим на какую-то поляну. Идти дальше невозможно. Осталось 3 км. На поляне высокая трава, так что ноги сразу промокают до колен. Все дрожат, ходят как привидения. Но тут приказ: «Всем за хворостом!» Продираемся сквозь деревья, ищем сухой хворост. Натаскали целую гору, как муравьи работали. Разожгли огромный костер. Палатки ставить было очень долго, да и трава была совсем мокрая. Расстелили палатки прямо на траве. Стали переодеваться в сухое. Мокрые ноги совали чуть ли не в огонь. Половина кед тогда обгорела. Наконец все улеглись вокруг костра. И тут началось чудо: три девочки из «Кавказа» (их там уже назначили дежурными по кухне) мазали сгущенкой черный хлеб, а мы его медленно, со вкусом ели. Это была пища богов. А тут еще, в завершение идилии, Игорь Смелов стал петь хриплым голосом цыганские песни. И тут мы поняли, что не можем жить в десанте отдельно: «Балтика» и «Кавказ». Единогласно решили жить вместе. Через несколько минут все спали. Так крепко я, кажется, никогда в жизни не спала. На следующее утро мы все были единым целым. Федерацией «Кав-Балт».

Через два дня из Ленинграда приехали новые ребята из «Балтики» и «Кавказа» – те, что сдавали экзамены. Мы, конечно, были им очень рады, но все-таки было немножко трудно к ним привыкнуть. И все потому, что их не было с нами в тот день, когда мы прошли 38 км. («Как солдаты на учениях», – смеялись потом ребята). Когда мы вернулись из десанта, мы все равно жили федерацией «Кав-Балт». У нас было после этого много общих очень интересных дел. Но все равно, дольше всего я буду помнить, как шли с рюкзаками, а потом в 2 часа ночи пели песни и ели сгущенку.

О ЧАСАХ И ЗАНОЗЕ. С утра лагерь превратился в Город веселых мастеров. С утра Раскин, Тамарка Королева и я стали «американцами». Почему именно американцами, сказать трудно. С таким же успехом мы могли бы изображать новозеландцев или папуасов. На руке у меня были Тамаркины часы – я изображала миллионерскую дочь.

Уже через год я услышала эту историю в солидной фольклорной обработке. Но мне ли не знать, кто потерял эти часы, если с самого утра они болтались у меня на руке?

Когда мы зашли в ресторан «Кавказ» (в этот день в лагере было много чудес), часов уже не было. Я пришла в ужас. Тамарка утешала меня как могла и тут же взяла с меня слово – молчать и не портить никому настроение. До вечера я честно молчала. Мы продолжали турне по Городу веселых мастеров.

Ночью мы взяли фонарик и отправились на розыски. Но, несмотря на фонарик, я наткнулась на пень и загнала в ногу огромную занозу. Вытащить удалось примерно половину.

Утром Тамаркины часы нашлись под нарами в нашей палатке. Нога у меня распухла, но я все-таки встала и, хромя, пришла на совет. Фаина Яковлевна осмотрела мою ногу и сказала, что нужно резать, а резать в таких условиях она не может, придется везти меня в Ленинград. Кто-то попросил, чтоб я на обратном пути захватила мыла.

– Ты что, соображаешь, – закричал Эдик Биккарт, – человеку ногу будут резать, ей не до мыла!

Я из последних сил изобразила улыбку и заверила, что ничего страшного и мыла я вполне могу захватить сколько угодно.

Меня повезла Рита Кружкова. В поезде я договорилась с ней, что поедем прямо в больницу и, ради бога, ни в коем случае ни слова родителям – иначе пропал мой сбор.

В больнице меня решили положить в стационар. Я сказала:

– Мне нельзя в стационар, у меня через шесть дней кончается сбор.

Врач посмотрел на меня как на сумасшедшую. Я сказала:

– Режьте, пожалуйста, только скорее.

Меня резали. Рита падала в обморок, сестра советовала мне кричать. Но кричать я почему-то не могла, и получилось так, будто я держалась очень прилично.

Из больницы мы отправились прямо на вокзал, купив по дороге мыла. Когда дотащились до лагеря, ребята ужинали. Они заметили нас издали, выбежали навстречу и на руках отнесли меня к столу. Но тут вступила в свои права Гуля Кулиева – в тот день, как назло, именно она была дежурным командиром коммуны.

– Отрядам «Алтай» и «Сибирь» объявляется выговор за побег из-за стола! Все зашумели.

– Слушай, Гуля! – крикнул Эдик. – У тебя когда-нибудь были друзья?

– Да никогда у нее не было друзей, никогда! – кричал Сашка.

А после отбоя Гуля пришла ко мне в палатку. Ей было очень неудобно, и она старалась как-то загладить свой выговор. Ревком хотел было перевести меня на ночь в дом, но ребята меня отстояли, забросали одеялами и неестественно быстро позасыпали. Но это уж было совершенно лишнее, я все равно всю ночь не спала.

А когда стала старше, часто думала: «Еще бы пять заноз с радостью всадила бы и пять операций вынесла, чтобы такое повторилось!»

МНОГО ОТКРЫТИЙ. Когда я впервые пришел в коммуну, ребята готовились к «огоньку». Надо было сделать сюрприз.

– Володя, может, ты прочтешь что-нибудь?

Начал отказываться. Но приготовился согласиться: ждал уговоров. Уговоров же, увы, не последовало. Очень хотелось читать стихотворение, но выступать вызвались другие, и обо мне забыли.

В Ефимии открыл очень много. Понял, что есть хорошие взрослые, которые и не взрослые вовсе: вместе в десанте, рядом сидят на земле у костра, на равных говорят с тобой. И очень нравилось, когда они пели: «Жили-были два пингвина». А потом и мы все запели: «В стуже ледяного края...»

Захотелось жить по-ефимовски, по-коммунарски всегда, а не только на сборах коммуны. И еще приятно было, когда в последний день, на обратном 15-километровом пути, видел новые вывески «Клуб» в деревнях, ребят и взрослых, вышедших попрощаться, слышал «спасибо», может быть ко мне лично и не относящееся, и «приезжайте к нам еще».

ВСЁ – ТВОРЧЕСКИ, ИНАЧЕ ЗАЧЕМ? День складывался так: утром – работа, вечером – творческое дело. Диспут, игра, концерт-«ромашка», «Суд над песней»... Шел поиск форм. Творческие дела придумывались и отбирались так, чтобы они не нуждались в многодневной подготовке, чтобы они действительно требовали творчества и чтобы в них приходилось принимать участие всем. А не так, как иногда бывает в лагерях: 10 человек полсмены готовят сбор, разучивают какие-то «тексты», а 200 слушают и смотрят.

Постепенно выработался такой прием. Когда решат провести вечер (или операцию, или трудовой десант), создают совет дела. В совет дела входят добровольцы из каждого отряда. Совет собирает предложения отрядов, обсуждает их, докладывает план общему сбору, руководит работой и потом отчитывается на «огоньке». Вожатые отрядов и дежурные командиры только помогают совету. А так как творческие дела – каждый день, то и советы дел возникают каждый день. Это очень удобно. Все ребята учатся придумывать, планировать, руководить и разбирать достоинства и недостатки своей работы.

МОЙ «УРАЛ». Председателям колхозов приказали принять коммунаров и обеспечить работой. Они усмехались: «Чего обеспечивать? Работы хватит. Только вот захотите ли?»

Но не прошло и недели, как в Спирово к 6 утра стали съезжаться председатели. Прямо к нам, не заворачивая в райком. Просили прислать коммунаров на поля. А нас было всего 150 человек. На планерках от председателей только и слышно было: «Мой «Урал»... «Моя «Волга»... «Мой «Алтай»...

Не последнюю роль в нашей ефимовской жизни играли шоферы. Они подвозили коммунаров днем и ночью, в любую погоду. Часто делали лишний конец, чтобы подбросить наших до лагеря.

Когда мы были в этих местах через год, ночью на станцию должна была срочно выехать одна женщина. Она обратилась к Ф. Я.:

– Что делать? Знаю я этих шоферов – ни один не возьмет на попутку.

Фаина Яковлевна дала ей свой красный плащ, и первый же проезжавший мимо шофер остановил машину. Потом он, правда, сказал ей:

– А ведь вы не та...

«КАКИМ СТАНЕТ ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО?» На диспуте о будущем выступали «киты»: Саша Прутт, Ленка Добровольский, Витя Капустин. Прутт предложил в будущем воспитывать детей на специальных островах, вдали от родителей. Наклонности юных граждан определять еще в младенческом возрасте с помощью электронно-вычислительных машин. Олег Иванович рассказывал о городах будущего. Потом долго спорили о школах. Какими они станут? Будут ли учителя по-прежнему ставить оценки ученикам?

Наташка Андреева ради смеха спросила, сохранятся ли в будущем дураки. Кто-то в тон ей ответил, что дураков в будущем не будет, машины этого не допустят. Лариса Павловна спросила вполне серьезно: «А что ты понимаешь под словом «дурак»?»

Я аккуратно переписал в тетрадь вопросы диспута. После каникул договорился с классным руководителем Аллой Михайловной организовать такой диспут в нашем VII «А». Перепечатал вопросы на машинке, повесил их в классе за несколько дней до диспута. В последнюю минуту оказалось, что Алла Михайловна прийти не сможет. Я заволновался, но отступить было уже поздно. Прозвенел звонок на последний урок. Я вышел к учительскому столу и прочел по тетрадке:

– Вопрос первый. Каким будет человек будущего?

Ребята молчали. На задних партах перешептывались, пересмеивались. И тут встал наш местный комик и начал, задумчиво растягивая слова:

– Каким будет человек будущего? Ну, прежде всего, я полагаю, он будет лысым...

Все рассмеялись. Я разозлился, но все-таки перешел ко второму вопросу. Если реакция и была, то совсем не такая, какую я хотел. Я обиделся, закрыл тетрадь и объявил, что диспут окончен и все могут уходить.

Позже я понял, как незаметно и тщательно готовится в коммуне каждое дело. И чтобы повторить его в школе, мало иметь при себе список вопросов.

ШВАМБРАНИЯ. «Говорит коммунарская радиорубка! Объявляем план дня, принятый королевой объединенного королевства Швамбрании.

9.30–10.00. Народное вече, присяга королеве, всеобщий референдум. Во время утреннего пиршества – оглашение швамбранских законов.

11.00–12.00. Смотр вооруженных сил.

12.00–16.00. Обед ее величества королевы с приглашением всех желающих. Величайшее горе, постигшее швамбранский народ, покрытое мраком и туманом.

16.00-17.00. Война.

17.00–17.30. Заключение мира.

17.30–18.00. Бал придворной знати! Бал в старинном замке! Бал в двенадцать баллов!

18.00–20.00. Пир горой!»

...Отплытием в Швамбранию командует Джек – Спутник моряков.

– Поднять якоря! – кричит он.– Плыдем! Коммунары качаются подобно морским волнам.

– Спускайтесь в трюм! – Джек приседает на носки и поднимается, не отрывая от палубы рук. Швамбраны за Джеком тоже спускаются в трюм, забираются на мачты, крепят паруса и идут против ветра.

– Земля! – кричит Спутник моряков.

– Земля!!! – подхватывают швамбраны.

– В Швамбранию бегом!.. – командует Джек.

Зарядка кончилась.

Наступил час народного веча. Народ согнали к трону королевы. Королева была умница и изредка кивала головой – золотая корона ее слегка вздрагивала над толпой. За тронном почтительно стояли министры.

– Приветствую вас, мой добрый народ! – стараясь держаться с достоинством, промолвил Сатанатам.

Все шло как нельзя лучше. Довольный премьер зачитывал швамбранскую конституцию.

– Права и обязанности швамбран. Первое – права.

Права, права, права, права.
Росла на улице трава.
А что сегодня на обед?
Не будет прав и вовсе нет.

– Обязанности,– провозгласил премьер-министр. – А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З, И, К... – на все обязанности не хватило алфавита.

Потом министр внутренних дел рассказывал о государственном устройстве Швамбрании. Был принят герб Швамбрании и флаг. Народ отправился на утреннюю трапезу.

И вот наступило время смотра великих армий Швамбрании. Что это были за армии!

Тах-тах-тррах! – шла непобедимая армия Пилигвинии, потрясая палками. На головах пилигвинцев блестели неподражаемые шлемы – тазики. Прогрохотал танк, сплетенный из человеческих тел.

Трум-порум-пум! – выступала армия Кальдонии. Летели самолеты – маленьких гибких солдатиков, раскинувших ласточкой, несли на руках рослые гренадеры.

Да здравствуют пушки и мясо!
Да здравствует пушечный гром!
По черным стопам Карабаса
Мы с вами, швамбране, пойдем!

Пух-грух-тух! – швамбранская пехота ловко передвигалась на четвереньках.

Смотр закончился исполнением швамбранского гимна на расческах:

Эй, швамбране, эй, швамбране,
Слава вам и честь.
Всех врагов мы победили,
Справедливость есть.

Усталые воины и зрители приняли приглашение королевы на обед, и никто не заметил, как между первым и вторым блюдом королева исчезла.

Вдруг прибежал маленький героический гвардеец, шатаясь от ран. В наступившей тишине он сказал: «Швамбране! Пилигвинцы украли нашу королеву. Горе нам!» Маленького гвардейца подхватили на руки и отнесли в лазарет. Маршал Уродонал немедленно отправил ноту наместнику Пилигвинии: «Бесчестному наместнику пилигвинцев. Иду на ты. Готовь к бою свои дырявые пушки и жди смерти. Уродонал».

Тряслась земля, когда союзные силы подходили к королевскому замку, в котором засели пилигвинцы. Солдаты бросились на приступ – двери не поддавались. Наконец пилигвинцам надоело сидеть в бездействии, и они распахнули дверь. Началась рукопашная. В войне участвовали все чины. Маршал Уродонал, изорвав мундир, колотил своих подданных. Ревкомовцы, поддавшись искушению, бросались в битву, не уяснив, за кого биться. Это был великий бой!

Но тут показались гренадеры – они несли королеву.

«Ура! Да здравствует народ! Да здравствует королева!» – крикнули гренадеры и водрузили королеву на престол.

«Ура, ура! – закричали
Тут швамбране все. –
Ура, ура!» – и упали.
Туба-риба-се.

...Швамбране хоронят Джека – Спутника моряков, погибшего от удара мечом в левое предсердие (так сообщает придворный бюллетень). Скорбный гроб плывет на плечах Уродонала, мага Уна (Володи Магуна) и других уважаемых людей королевства. «О! Горе нам! О! Куда ты уходишь?!» – плачут женщины. Мужчины не пытаются сдержать слез. Тайный советник сквозь плач подмигивает ревкому и говорит: «Как плачут? А?!» Но что это? Народ упал на землю, держится за животы... Массовое отравление? Нет, народ смеется! Уродонал, забывшись в плаче, стянул с гроба покрывало, и всей Швамбрании стали видны ноги Джека – желтые палки. Кто-то хитроумно приладил Джеку две палки на плечи и накрыл их одеялом, а сам Джек жив и невредим. Под общий хохот улыбающийся Джек удаляется.

И грянул бал в 12 баллов! Вот началась мазурка! Терноусый гвардеец осторожно вертел свою даму. За ними кружились другие, еще более прекрасные пары.

«А теперь мы хотим послушать стихи!» – заявила знать, и на середину, оглядывая себя, как павлин, вышел поэт Игого. Он достал стихи, снял с них розовую ленточку и вдохновенно начал читать. Стихи восхваляли знать и порочили народ. «Черен, глуп и жалок тот, кто зовет себя народ!» – эффектно закончил Игого.

«Ах, так?!» Народ сорвал веревку и с ревом бросился на аристократов. Сашка сидел верхом на Сатанатаме. «Королеве наконец удалось проявить свою демократичность. «Долой королеву!» – кричала она. В минуту знаки сословий были растоптаны, министры побиты. Тайный советник хрипло призывал к порядку. Все было напрасно.

Сатанатама чуть не убили. «Братцы, мы же играем!» – кричал он, задыхаясь. Сашка, сияя, провозгласил победу. Швамбране плакали, смеялись и обнимались от счастья. В огромном костре, почти до неба, горели реликвии старой королевской Швамбрании. На «огоньке» коммуна отплывала в ночную Швамбранию. Низложенный премьер награждал орденом трудовой Швамбрании тех, кто помог провести праздник-сказку.

От усталости швамбранам даже не снились сны.

УТРЕННИЙ СОВЕТ. (Присутствуют вожатые, т. е. командиры коммунарских отрядов, их помощники и вадимы.)

«**Алтай**». Мы должны вернуться в Озереву. Участок трудный, и доверили его нам.

«**Волга**». До Озерева 27 километров, а у вас маленькие есть. Лучше мы пойдем – не бойтесь, справимся с вашими сорняками.

«**Кавказ**». Нам надо в Сомино. Нас ждут.

«**Днепр**». Не вас ждут, а коммунаров! Идите лучше на праздник песни, у вас хороший хор, а мы в Сомино...

АНКЕТА. Когда сбор в Ефимовском районе кончился, по традиции была роздана анкета. Среди других вопросов – один каверзный:

«Если тебе следующим летом представится одновременно три возможности:

- 1) отдыхать с родителями;
- 2) поехать с коммуной в Ефимию;
- 3) получить путевку в пионерлагерь, – что ты выберешь?»

На анкету отвечали 111 человек: 98 выбрали коммуну и Ефимию.

– Я бы поехал в коммуну, потому что в коммуне можно стать человеком.

– Я бы поехал в коммуну, чтобы увидеть, как она изменится.

– По-моему, не обязательно каждый год ездить на сбор. Но обязательно продолжать дело коммуны в лагере и в школе – всю жизнь. По-моему, для того и существует коммуна, чтобы давать какой-то заряд человечности.

Многие участники ефимовского сбора и сегодня работают в коммуне, хотя все они уже кончили школу.

Глава четвертая, самая драматичная

«КТО ВАМ РАЗРЕШИЛ?..» Отряды вернулись из десантов. После обеда вдруг раздался тревожный сигнал горна. Через полминуты отряды выстроились на линейке. Все переглядываются. Что случилось? Почему тревога? Дежурный член ревкома делает молча шаг вперед.

– Несмотря на предупреждение, опять остались грязные миски. Кто не вымыл посуду?.. (Все молчат.) Очень хорошо. Значит, посуду за собой не вымыли ревкомовцы. Ревком, на мытье грязной посуды с линейки шагом марш!

Ревком уходит. Олег Иванович гордо шагает впереди. А из отрядов вслед несутся крики:

– Безобразие! Кто им разрешил уйти с линейки? Отряды требуют слова.

«Урал». Если каждый отряд будет уходить с линейки без разрешения дежурного командира коммуны, тогда зачем вообще собираться по тревоге?

«Байкал». Мы просим разрешить отряду вымыть посуду вместо ревкома.

Дежурный командир коммуны. Не разрешаю.

«Балтика». Предлагаем объявить ревкому выговор за самовольный уход с линейки,

«Алтай». Грязная посуда вообще не причина для того, чтобы горнить тревогу.

Большинством голосов проходит предложение «Балтики». Через 10 минут ревком, покончив с посудой, сдает рапорт дежурному командиру коммуны. ДКК объявляет ревкому выговор общего сбора. Выговор ревкомовцы принимают с достоинством, хотя для них это полнейшая неожиданность. Взрослые рассчитывали на другое – ну, по крайней мере, на то, что детям станет стыдно и они дружно бросятся мыть посуду.

А утро следующего дня совет коммуны начал с того, что присудил «черепаху» ревкому, который в полном составе проспал зарядку. На разведку – выбрать место для игры «Борьба за пакеты» – совет послал не Олега Ивановича, как предложил накануне ревком, а отряды «Днепр» и «Кавказ».

САМОУПРАВЛЕНИЕ. Что за жизнь у нас в коммуне? И месяца не бывает спокойного. Всегда что-то случается, возникают какие-то новые трудности, новые идеи, и коммуна бурлит, спорит, ссорится, страсти разгораются, пока не будет найден выход или пока не возникнет еще более сложная задача. Отчего это? Может, потому, что мы сами все время меняемся, растем, становимся другими? То, что вчера казалось замечательным, сегодня обнаруживает новые стороны и кажется не таким уже привлекательным, а то и вовсе никудашным.

Если бы нас спросили, какая у нас коммуна, как она живет, – на этот вопрос нельзя было бы ответить, не прибавив слова «сегодня». Сегодня наша коммуна живет так-то. А вчера она была совсем другой и завтра опять будет другой!

Мы учились думать, учились считать дела коммуны собственными, учились руководить и подчиняться – все это довольно сложные науки. Самоуправление нельзя «дать», нельзя

«взять», нельзя «ввести». Его приходится годами вырабатывать и отрабатывать. Самоуправление. Но что скрывается за словом «сами». Кто это «сами»? Совет коммуны? Старшие коммунары? Вся коммуна? Кто реально должен вести коммуну, чье слово решающее?

Идеал – чтобы весомым было слово каждого. Чтобы мальчишка, впервые попавший на сбор коммуны, тоже чувствовал себя значимым человеком, к голосу которого прислушиваются с таким же уважением, как к голосу коммунара с пятилетним стажем. В коммуне должна быть дисциплина – иначе она ничего не сможет сделать, и в то же время эта дисциплина не может быть суровой, жестокой, беспрекословной. Мы мечтали о какой-то гибкой, свободной дисциплине. Пусть каждый чувствует себя вольно, а в коммуне – порядок. Возможно ли такое сочетание?

Возможно, если дисциплина не самоцель, если каждый из взрослых, каждый из сменных командиров готов поступиться даже своим авторитетом во имя более значительного – во имя коммуны.

В большинстве случаев наши взрослые были на высоте. Их авторитет держался на том, что они – самые опытные среди нас, самые умные, самые большие выдумщики, самые преданные коммуне люди, больше и лучше других работают. И все-таки не всегда обходилось без трений.

ПЕРВЫЕ ВОЛНЕНИЯ. Краткая хроника двух дней:

26 марта, после обеда – изгнание оркестра Павлика Колка

26 марта, вечер – голосование

Ночь на 27 марта – тревога

27 марта, утром – отказ от вымпелов

27 марта, после завтрака – «алтайский» ультиматум

На весеннем сборе решили провести коммунарский бал...

Идея коммунарского бала всем понравилась, а Павел Колк, наш главный горнист, вызвался привести оркестр. Народ в оркестре был довольно взрослый – 18–20-летние парни, набившие руку на разных платных вечерах. Павлу стоило немало труда уговорить их прийти в коммуну, где играть надо было бесплатно. К тому же двое оркестрантов неожиданно заболели, и Павлик чуть ли не в последний день ездил куда-то за город искать замену.

Держались парни довольно-таки развязно. Один даже повязал под «бабочку» пионерский галстук. Но играли не очень плохо, нормально. И вдруг ревком в разгар бала вызывает оркестр наверх, в рекреацию интерната, где проходил сбор, и тут же объявляет «языковую тревогу». Это значит – говорить по-русски запрещается, только на немецком, английском или французском, кто какой учит.

Мы стояли внизу и ждали. В рекреации за закрытой дверью что-то происходило. Наконец, дверь открылась, оркестранты спустились с лестницы и прошли через весь зал к

выходу. Последним, ни на кого не глядя, шел Павел. Кто-то спросил у него, в чем дело. Он ответил: «Выгнали» – и ушел из коммуны. Навсегда.

На «огоньке» Сашка Прутт встал и спросил у Олега Ивановича:

– Какое вы имели право выгнать оркестр без решения совета коммуны? Без дежурного командира?

За Сашкой встал весь «Алтай». Ира Леонова, член ревкома, с жаром начала объяснять, что игра оркестра была проявлением самых низких музыкальных вкусов, недопустимых вообще и в коммуне в особенности. Но ее почти не слушали. Тогда поднялся Олег Иванович:

– Вы можете не доверять мнению музыканта-профессионала, это ваше право. Но Ирина Михайловна говорила сейчас от имени ревкома. Я ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы считать решение ревкома правильным?

Ребята поднимали руки нехотя. Кто-то сказал: «Ну, раз халтура...» – и дело пошло быстрее. Наш «Алтай» остался в меньшинстве.

Ночью в интернате, кажется, не спал ни один человек. В спальнях шумели. Кто-то плакал. По коридорам двигались тени. Из глубины рекреаций доносились возбужденные голоса. Отбой игнорировали почти в открытую.

Но эпицентром оставался «Алтай», хотя Сашки Прутта в отряде не было – сразу после «огонька» он уехал во Дворец пионеров на вечерние соревнования ультракоротковолновиков. Вернувшись с совета, Таня Теплиц рассказала, что утром «Алтаю» будут вручать переходящие вымпелы «За смекалку» и «За чистоту».

– Надо отказаться! Сейчас же!

– Нет, лучше подождем до завтра. Отказаться надо при всех.

На том и порешили. Утром дежурный командир коммуны зачитал решение совета:

– По итогам второго и третьего дня сбора присудить вымпелы: «За заботу о коммуне», – отрядам «Днепр» и «Сибирь», «За смекалку» – «Алтаю», «Сибири», «Волге», «За чистоту» – «Алтаю».

И «Алтай» ответил:

Только слабый ищет славы,
Только слабый ждет награды.
Обойдутся коммунары
Без почета, без награды.

– «Алтай» отказывается от вымпелов! – гордо крикнул наш дежурный командир.

– «Сибирь» единогласно присоединяется к «Алтаю»! – услышали мы голос командира «Сибири».

После завтрака «алтайских» зачинщиков пригласили в ревком. Все было обставлено очень торжественно. За столом сидели Олег Иванович, Фаина Яковлевна и Лариса Павловна. Мы сели напротив. Олег Иванович откашлялся и сказал:

– Ребята, это была проверка. Вы ее выдержали. А теперь, если у вас есть какие-то предложения, подумайте, посоветуйтесь, и давайте вместе всё обсудим.

Мы удалились на совещание. Говорить с ревкомовской тройкой поручили Сашке Прутту. Он был краток.

– «Алтай» требует: не ущемлять прав совета коммуны! Комплектование отрядов передать в руки коммунаров. И никаких закулисных назначений сверху на посты вожатых отрядов!

Сашку выслушали молча. Когда он кончил, Олег Иванович спросил:

– Это что же, ультиматум?

– Да..

Несколько минут за ревкомовским столом тихо перешептывались. Потом Олег Иванович встал и сказал:

– Ну что ж, мы принимаем ваш ультиматум. – И снова повторил: – Вы с честью выдержали проверку.

Конечно, ни в какую «проверку» ребята не поверили, но версию приняли спокойно, потому что ревком огласил свой ответ на наш ультиматум.

Решение ревкома коммуны

(от 28 марта, утро)

1. Требования коммунаров считать справедливыми. В этом выразился рост наших ребят (ядра коммуны).

2. Нужно сделать новый шаг вперед по пути расширения ребячьих прав в организации жизни коммуны.

3. Учитывая требования ребят – членов совета коммуны, признать изгнание оркестра без решения совета коммуны ошибочным;

впредь ревкому отказаться от «административных» функций;

в совет коммуны входить только дежурным членам ревкома;

вожатых и помощников вожатых коммунарских отрядов выбирать на сборе коммунаров, а затем представлять на общем сборе.

РАЗРЫВ. Но это были лишь первые признаки надвигающейся бури. А скоро случилось невероятное.

Мы долго спорили: рассказывать об этом или нет? Большинство считали: нет, это невозможно. Это наша, личная драма. А потом решили: все-таки расскажем. Надо быть

честными. Взались рассказывать – так уж всё до конца. А то выйдет, что мы хотим показать себя лучше, чем мы есть.

Итак, об Олеге Ивановиче. Кто всех яростнее отстаивал самоуправление в коммуне? Олег Иванович. Кто первый предложил принять дерзкий «ультиматум» «Алтая»? Олег Иванович. И еще похвалил нас: «Молодцы, умеете отстаивать свои права!»

Но вот мы постепенно начинаем замечать: все хорошо в коммуне, пока все делается в согласии с Олегом Ивановичем. Самое смелое предложение пройдет, если Олег Иванович сразу согласится с ним. А если он против? Тогда в коммуне наступают трудные дни. Олег Иванович мрачнеет. Уходит из лагеря (если дело происходит на сборе), исчезает на часы. Все ходят подавленные, настроение плохое у всех. Он такой, Олег Иванович: если ему весело – всем вокруг весело. Если он мрачен – у всех все из рук валится... Бывают же такие люди! Мы и любили его и не любили. Уж очень тягостно все это было.

Некоторые из нас говорят, что мы его не понимаем. Мол, человек отдал коммуне много лет своей жизни; он сросся с нею, и его надо принимать со всеми его достоинствами, со всеми его недостатками.

И все же никто не имеет права распускаться ни на минуту! Что получится, если каждый из коммунаров, чуть что не так, начнет дуться, сердиться, говорить, что его не ценят? Нет, коммуна научила нас не обижаться на коммуноу. Если тебя ругают, то ругают за конкретную ошибку или недостаток в характере. Но никто не собирается рвать с тобой, никто не отворачивается от тебя – уважение к тебе остается прежним. Олег Иванович нас этому научил! И мы привыкли, что требования к любому из старших друзей и к самому новенькому из ребят одинаковы.

...Однажды Олег Иванович пришел на заседание ревкома с новым планом. План был ошеломительный. Коммуна закрывается! Весь район, вся пионерская организация района должна жить так, как живет коммуна, и, следовательно, существование особых коммунарских отрядов теряет смысл.

Внешне это было очень красиво: от небольшой коммуноу – к коммунарскому району! А получится ли это на практике?

Коммуна открыта для всех. Не было случая, чтобы кто-нибудь захотел вступить в нее, а его бы не приняли, сказали бы: «Ты недостаточно хорош». Мы рады каждому, работа найдется для всех; а если работаешь хорошо, получишь звание коммунара.

В чем-то Олег Иванович прав: в коммуне много находок, хочется, чтобы побольше ребят жили так же интересно. Мы должны лучше работать в школах. Но надо ли для этого закрывать коммуноу? И другое возражение: если коммуна станет обязательной для всех ребят, живущих во Фрунзенском районе, – правильно ли это будет? Какое мы имеем право решать за ребят, как они должны жить?

Ревком план Олега Ивановича не принял. Он показался утопическим и опасным.

– Но ведь вся наша работа – педагогический эксперимент, – настаивал Олег Иванович, – а я руководитель эксперимента. Мы должны попробовать работать по-новому! Получится – хорошо, не получится – постараемся понять, в чем дело.

Это поразило всех. Мы не думали, что мы – «подопытные»; мы не хотели быть «участниками эксперимента», мы просто жили и воевали как могли.

Олег Иванович стал горячиться.

– Нам казалось, у нас другие отношения, – сказали в ревкоме. – Мы – друзья, товарищи по работе, и среди нас нет никаких руководителей...

Лариса Павловна поддержала Олега Ивановича:

– Неужели вы думаете, что мы имеем моральное право обсуждать Олега Ивановича? Кто мы по сравнению с ним? Ведь всё, что есть хорошего в коммуне, – всё это он придумал, открыл, нашел!

Да, это была правда. Всё он. Тем не менее...

– Или вы подчинитесь, или я уйду, – сказал наконец Олег Иванович.

Гром среди ясного неба! Такого в коммуне никогда не было. Но вспомнили все: никогда и не было, чтобы предложение Олега Ивановича не принималось на «ура»...

Все смотрели на Фаину Яковлевну. Только она одна из трех основателей коммуны была на нашей стороне. Но что она сможет сделать? Все три года работы Ф. Я. ничего не решала без Олега Ивановича... Олег Иванович предложил:

– Хорошо, если так, давайте соберем старших ребят-коммунаров. Я уверен, они согласятся со мной!

Возможно, кому-нибудь это покажется недопустимым: «Как же так? Переносить споры взрослых в детский коллектив, обращаться к ребятам!» Но коммуна никогда не делилась на «взрослых» и «ребят», она живет единым целым. Коммунары собрались. Олег Иванович обратился к нам:

– Мы должны четко определить наши отношения. Я веду педагогический эксперимент. Коммуну надо перестроить так...

И Олег Иванович развернул перед нами аккуратные схемы-планы на больших листах. Вверху каждого листа было написано: «Научный руководитель...» – и стояла фамилия Олега Ивановича. Вот эта строчка, этот пустяк и определили исход дела. «Научный руководитель!» Опять то же самое. Выходит, все было игрой, «научной работой», экспериментом, который по воле исследователей можно куда угодно повернуть, а в случае чего и закрыть, тщательно подведя итог? Нет! Нет и нет! Все было реальностью, правдой и останется правдой!

– Мы так не можем, – сказали ребята,

– Значит, погибнет дело, – мрачно проговорил Олег Иванович, встал и ушел.

Вместе с ним ушла Лариса Павловна. Наступила страшная тишина. Как будет коммуна без Олега Ивановича? Это невысказано. Но как будет коммуна с Олегом Ивановичем после того, что произошло? Тоже невысказано.

Фаина Яковлевна тихо сказала:

– Ребята, я тоже должна уйти. Я не могу заменить их. У меня нет ни опыта, ни подготовки, ни способностей таких...

– Фаина Яковлевна, не бойтесь, мы поможем, – сказал Володя Лосенков.

Лосенков говорит меньше всех, позже всех и только то, что думают все ребята. Кажется, Лось ни разу в жизни не сказал лишнего слова. Но в этот день даже такая поддержка мало значила. Коммуне угрожала бесславная гибель.

Не однажды собирались мы. Говорили, спорили. Кажется, за эти дни все стали старше. Горе делает людей мудрее. У нас было горе. Всё казалось: завтра придет Олег Иванович, жизнерадостный, как обычно, и скажет, что это была «проверка» или что-нибудь в этом роде, и всё останется по-прежнему. Мы опять охотно поверили бы в «проверку».

Но Олег Иванович стоял на своем. И, как всегда бывает в таких случаях, мы будто второй раз смотрели один и тот же фильм. Только теперь, когда было известно, чем фильм кончается, мы обращали внимание на детали, пропущенные при первом просмотре.

Всё хорошее в коммуне – от него, от Олега Ивановича. Но никто, кроме него, ничего не решал... Как он скажет, так и будет. Раньше мы этого не замечали – просто потому, что всегда и во всем были согласны с ним.

Хорошо ли это – зависеть от настроения одного человека, пусть даже и такого необыкновенного, как Олег Иванович? Нет, мы до последних дней ничего плохого не могли сказать о нем. Всё это было для нас так же неожиданно, как и для читателей этой книги. Но страшные догадки приходили на ум. А может быть, в то время, пока мы были готовы за ним в огонь и воду, он... играл? Играл в искренность, играл в демократию, играл вдохновенно, страстно, но – играл? Мы жили, а он – играл. Или это не правда? Но он же сам научил нас доверять взрослым, доверять друзьям до конца, во всем! И мы теперь не представляем себе жизни без такого доверия. Мы не сможем смотреть ему в глаза. Олег Иванович и Лариса Павловна должны уйти из коммуны. Друзья коммуны уговаривали нас:

– Что вы делаете? Опомнитесь, вы еще мальчишки и девчонки, вы ничего не знаете о жизни! Какое вам дело до того, что он за человек? Но ведь голова, понимаете? Голова! Кем вы его замените?

Общий сбор выслушал все уговоры молча. Олег Иванович и Лариса Павловна из коммуны ушли.

* * *

С тех пор прошло 6 лет. И только теперь мы понимаем, что, быть может, это поражение Олега Ивановича и было самой важной, самой полной его победой.

Олег Иванович все время учил нас быть принципиальными во всем и перед всеми. Свободолюбие без принципиальности – пустой звук. Но отстаивание принципов – дело необходимое. Если бы мы подчинились Олегу Ивановичу, мы тем самым предали бы его.

Сколько всевозможных отрядов, кружков и команд распадается, как только уходит их руководитель-энтузиаст! А коммуна выжила и сохранила положения, на которых она была основана Олегом Ивановичем. Эти положения оказались сильнее всех – даже сильнее самого Олега Ивановича. А что может лучше говорить в их пользу?

Глава пятая, самая спорная

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ? Разрыв с Олегом Ивановичем потряс коммуну. Мы пересматривали всю нашу работу. Мы размышляли: как жить дальше? Вопрос о том, кто будет руководить коммуной, был не самым главным. Остался ревком, осталась Ф. Я., остались все «старые», опытные коммунары, остался заведенный, налаженный механизм – жизнь коммуны могла продолжаться сама собой. Но... Но что-то должно было измениться в самом духе ее, в самом направлении.

Ревком заседал каждый день. Ревком проводил операции «6–8–10». Это бывший адрес Фаины Яковлевны: «6-я Красноармейская, дом 8, квартира 10». Собирались вечером после работы. Покупали пачку пельменей на всех, приходили старшие коммунары. В маленькой комнатухе рассаживались «в два этажа». Спорили до утра. Ездили в Москву, к друзьям коммуны. Опять ночные собрания, споры, размышления.

Чем держалась коммуна? Чем привлекала она ребят? Сутью своей – работой для людей, ощущением полезности жизни, которое она дает каждому. Укладом своим – песнями и строем, «огоньками», дежурствами, традициями, привязанностью к коммуне старших ребят.

Но вот какая опасность подстерегала нас. Мы присмотрелись: всё ожесточеннее споры на «огоньках», все суровее становятся «откровенные разговоры». Мы так привыкли к коммуне, так любим ее, что всем хочется – чтоб не единого пятнышка! Дисциплина стала доходить до смешного. Поехала коммуна в Москву, и в первый день старшим ребятам разрешили самостоятельно побродить по городу. Многим нужно было навестить родных и знакомых. Но условились: ровно в 10 вечера все должны быть в сборе. И вот одна девочка поехала к тете, с трудом разыскала ее дом, а когда подошла к парадному и посмотрела на часы, поняла: она успеет к назначенному сроку только в том случае, если немедленно, не заходя к тете, повернет обратно... И девочка вернулась. Она, вовсе не боялась, что ее будут ругать. Она боялась подвести коммуну, нарушить ее закон «ноль–ноль»: если назначено встретиться в 22.00, то все должны быть на месте именно к этому времени, а не в 22.01 и уж, конечно, не в 22.05...

Жизнь коммуны развивалась так, что коммунары становились все строже и строже к себе и друг к другу. Нет ли во всем этом какого-то фанатизма? А если есть, то как излечиться от болезни, не подрывая основ коммуны? Как научиться более широкому взгляду на жизнь, терпимости?

Когда коммуна создавалась, всем было ясно, какую жизнь мы хотим устроить. Но когда мы добивались своего, каждый раз оказывалось, что на этом успокоиться нельзя, надо искать новое, иначе все рухнет.

Противоречия обступали нас со всех сторон. Олег Иванович, самый ценный человек для коммуны, оказался и самым трудным для коммуны человеком. Дисциплина, которую мы с таким трудом наладили, теперь отчасти мешала жить. Прежде мы радовались

требовательным, непримиримым людям вроде Вити-Гвоздика, считали, что они-то и поддерживают коммуны. Теперь мы увидели, что из-за таких-то вот «непримиримых» ребятам бывает плохо в коммуне. А зачем коммуна, даже с самой прекрасной дисциплиной и самой высокой идеей, зачем она, если кому-то от нее плохо?

Постепенно стала выявляться такая схема. Сначала, когда коммуна только создавалась, всё было правильно: мы учились отказываться от личных, эгоистических стремлений, подчинять свое «я» интересам коллектива. Это приносило счастье ребятам, потому что коллективная работа, общее дело приносит удовлетворение. А теперь наступает новый этап: теперь уже созданный коллектив должен помогать раскрыться каждому человеку, обогатить каждое «я».

Коммуна должна внести что-то новое в свою жизнь... Что-то такое, что поможет ребятам понимать сложность жизни и ее явлений, не судить о людях прямолинейно. Коммуна должна стать взрослее. Не сразу мы поняли это.

ОТ ЧЕТЫРЕХ ДО ШЕСТИ. Летом на сбор в Ефимию с нами поехали 5 музыкантов и 10 художников. С музыкантами никаких разногласий и конфликтов не было. Они наравне с нами работали, мы наравне с ними пели. С художниками было сложнее – они приехали в коммуны со своей программой. Художник Борис Михайлович Неменский привез на сбор группу своих учеников – студентов живописно-графического факультета Московского пединститута. При первой же встрече Б. М. сказал:

– Давайте сразу условимся: мы приехали не в гости, а работать. Полдня – на этюдах, полдня – с ребятами. Коммуне нужна эстетика.

Мы согласились, хотите рисовать – рисуйте, а с эстетикой видно будет. У нас отношение к эстетике было более чем сдержанное. Я, например, считала, что коллектив можно сплотить только трудом а эстетика и красота – дело десятое. Мы стремились к красивым коллективным отношениям, а красивые пейзажи – всякие там виды и тучки – это все хороший антураж для дачного отдыха.

Каждый обеденный педсовет (педсовет во время обеда) неизменно сводился к спору между ревкомовцами и художниками. Борис Михайлович без конца уговаривал:

– Кого вы хотите воспитать – фанатиков или убежденных людей? Если фанатиков, тогда вы правы – фанатикам не нужно никакого искусства, никакой красоты. А коммунар должен быть добрым и человечным. Поймите, не может быть добрым человек, если он не умеет видеть прекрасное, если в нем нет трепета перед красотой, если его не волнуют полотна Рафаэля и Тициана.

– И что же вы предлагаете? После прополки свеклы обучать ребят священному трепету перед произведениями искусства?

А в промежутках между спорами Б. М. объезжал с искусствоведом Лией Макоед ефимовские деревни. Б. М. вел за руль велосипед, к которому трубой назад, как пулемет на тачанке, был приторочен огромный эпидиаскоп. Лия несла коробку драгоценных стеклянных диапозитивов. Там, в колхозных клубах, они рассказывали об искусстве людям, никогда не видавшим картинных галерей, живого художника.

Поздним вечером, снимая с велосипеда проекционный фонарь, Борис Михайлович устало спрашивал нас:

– Почему вы не хотите попробовать? Подумайте, всего два часа в день – от четырех до шести. Мы же не будем отрывать ребят от работы...

Мы были непоколебимы в своем упрямстве:

– Борис Михайлович, а вы спросите у ребят, хотят ли они беседовать об искусстве. Дрогнувшим голосом Б. М. ответил:

– Я уже спрашивал: Наташа Сергеева сказала, что для нее картина все равно что верблюд.

И все же после долгих разговоров художникам разрешили 2 часа в день внедрять эстетику в души вернувшихся из трудового десанта коммунаров. В тот же день Борис Михайлович и его ученик Коля Павлов развесили в зале Спировской школы репродукции картин. Ребята уселись на полу, а Коля начал с жаром рассказывать про красоту линий и цвета. До шести продержаться не удалось – мы засыпали. На следующий день художники изменили тактику. Во избежание засыпания репродукции развесили по всей школе и водили ребят из класса в класс.

Борис Михайлович признал:

– Мне кажется, ребятам сейчас не до экскурсий. – И тут же предложил: – А не попробовать ли нам вместе пойти по селам – собирать народную одежду, утварь, инструменты, записывать старинные песни?

...Но самое удивительное, что и художников заразил наш «фанатизм». Борис Михайлович не узнавал своих любимых учеников: этюды оставлены, художники аршинными буквами («Так, чтобы корова сама прочесть могла») пишут бирки для фермы в Спирово... С ними произошло то же, что происходило со всеми взрослыми, попавшими в коммуну.

С.О.: Сухая энциклопедия сообщает: *«Борис Михайлович Неменский (р. 1922), российский живописец, народный художник России (1986), лауреат Государственных премий СССР и РФ, академик Академии художеств и Российской академии образования, профессор. Драматические картины на темы Великой Отечественной войны («Безымянная высота», 1961-62), лирические композиции («Стихи», 1972). Автор оригинальной программы художественного образования и эстетического воспитания школьников»,* возвышающей и развивающей душу подростка, его индивидуальность, воспитывающей в нем чуткость к прекрасному, душевную чистоту, способность к творчеству и сотворчеству, к размышлению...

«Художник Б. М. Неменский считает, что эстетическое воспитание формирует чувство красоты, художественный вкус, сопричастность ко всему, что происходит в жизни. И помогает раскрыть творческие способности каждого ребенка...»

«...курс “Изобразительное искусство и художественный труд”, созданный группой авторов под руководством Б. М. Неменского. В 1991 году московское издательство “Просвещение” выпустило книгу для учителей с одноименным названием. Эпиграфом к книге взято высказывание Б. М. Неменского: “Главное – воспитать с детства вкус, понимание и жажду общения с подлинным искусством, высокую эстетическую взыскательность и самостоятельность суждений”. В этой фразе сформулирована цель всего курса, в котором на основе общих сквозных тем объединены изобразительное искусство и труд. Такое объединение дает возможность не только знакомить детей с различными видами изобразительного искусства, но и создает условия для развития их воображения, творческой фантазии. Положительно также то, что в процесс обучения включены и другие виды искусства, такие как музыка, литература. На наш взгляд, дети, изучая данный предмет, действительно учатся понимать искусство, а также получают всесторонние эстетические знания об окружающем их мире.»

«...Уникальную роль литературы отмечает и художник-педагог Б. Неменский, напрямую связывая предмет с характером его преподавания. В современной методике он видит некую ложную тенденцию, которая “состоит в подмене эмоционально-художественного раскрытия смысла произведения литературы его

историко-социальным анализом”. Но ведь только литература, а никакая другая наука, может ответить человеку: “Зачем он живет, что значат для него окружающие его люди, что он для них... А ведь эти, именно эти представления делают его человеком среди людей”. Анализ технологии письма тоже мало что дает, ибо “ни язык искусств, ни его история не являются еще сутью, содержанием искусств. Именно поэтому, наверно, опасно делать их целью, а не средством преподавания”, задача которого – “формирование не профессионала, а человека”... “Со школьных лет нужно открыть дорожку ребенку не к внешним, а к внутренним, сущевым явлениям искусства, его огромному эмоционально-нравственному, не только профессиональному, а именно человеческому содержанию – опыту веков в формировании отношения человека к миру”. Истины искусства — особого свойства, за них “не отвечают” другие школьные предметы. “В руках у учителя литературы [...] самое богатое наследие в мире, самое влиятельное на душу учение о добре, самые чудные страницы о детстве... Это могучая духовная ограда от зла...”»

Некоторые из многочисленных сетевых ссылок о Б. М. Неменском: [1](#), [2](#), [3](#), [4](#), [5](#), [6](#), [7](#), [8](#), [9](#) ...

«Если попытаться дать самую краткую, самую обобщенную характеристику личности Бориса Михайловича, я бы сказал, что он — один из самых свободных людей, один из самых свободных художников России из всех, кого я знаю» (искусствовед В.Г. Кисунько, «Особый случай» Бориса Неменского», журнал “Человек”, 1993, № 3).

КАК ЦВЕТЫ НОЧЬЮ СВЕТАТСЯ. Борис Михайлович давно обещал повести нас ночью в лес. И вот наконец дежурный коммунары отпустил нас. Я пыталась уговорить Сашку Прутта пойти с нами, но он был непреклонен. Он считает, что искусство не нужно человеку. Около трех мы отправились.

Ночь тихая, прохладная. А с Б. М. идти интересно. То ему в нормальной елке леший мерещится, то вдруг начнет уверять, что она какого-то необычного цвета.

Сейчас, вспоминая эту прогулку, я понимаю, что лес и вправду был сказочно красив. Но тогда я просто поддакивала Борису Михайловичу только потому, что мне не хотелось его обидеть. Но вот соловей...

Уже около 5 часов откуда-то из густой листвы раздалась соловьиная трель. Мы остановились. Он вспорхнул, мы, крадучись, пошли за ним. Хотелось стоять и слушать долго-долго, но он все улетал, улетал и, наконец, совсем исчез. А мы, размягченные этой встречей, повернули в лагерь. И вдруг Борис Михайлович вскрикнул:

– Посмотрите, как светится этот цветок! Нет, вы вот с этой стороны зайдите. Видите, какое от него исходит голубоватое свечение?

Я обошла цветок со всех сторон, старательно всматривалась, прищуривала глаза, широко их раскрывала, приседала, приподнималась на цыпочках – все было напрасно. Цветок ни чуточки не светился. Но я опять поддакнула:

– Да, действительно очень интересно. И мы отправились дальше.

Перед завтраком Сашка поинтересовался, как прошла прогулка. Я расстроено сообщила:

– Знаешь, Б. М. показывает на цветок и пытается меня убедить, что он светится! Но я-то вижу, что никакого свечения нет. Что у него глаза не такие, как у нас, что ли?

ОПЯТЬ ДИСПУТ.

Володя Селезнев. Главное – приносить пользу людям и улучшать окружающую жизнь.

Боря Фридман. Значит, только общественная работа, и больше ничего? А как же искусство?

Костя Воеводский. Что за икона – «приносить пользу людям»? Чтобы стать людьми, надо духовно обогащаться, сидеть в Публичке и ходить по музеям. Это гораздо разумнее и полезнее, чем вкалывать на субботнике.

Селезнев. Когда обедаешь, ты сразу берешься за третье? Так вот, для нас сейчас искусство – это третье. А если тебя не заденет за душу общественная работа, то больше уже ничего не заденет.

«ИЗ ВСЕХ ИСКУССТВ...» Лозунг был такой: «Из всех искусств для нас важнейшим является диафильм». Автором его был Юра Виноградов.

На сбор он приехал с маленьким рюкзаком и с большим чемоданом. В чемодане были проекционный фонарь и диафильмы. Каждое утро мы получали буханку хлеба на двоих и отправлялись в путь. Новый день – новый маршрут. За 5, 10, 15 километров. Иногда нас подвозили на попутках.

Во многих деревнях уже знали наш передвижной кинотеатр. Стоило нам появиться у околицы, как со всей деревни с криками сбегались ребятишки:

– «Кюфик» пришел, «Кюфик»...

Афишу вывешивали больше для порядка.

Скоро мы обросли вторым, еще более вместительным чемоданом. Утром его еле поднимали, зато обратно несли пустым. После сеансов обычно устраивали лотерею – разыгрывали игрушки и книги.

В условиях Ефимии наш лозунг полностью себя оправдал. За месяц ребята окрестных деревень перевидели столько фильмов, сколько, наверное, не видели раньше за всю свою жизнь.

ПРОЗАИКИ. Школа, крыльцо, над ним – навес из свежеструганных досок, длинная лестница, прислоненная к крыше. Наверху – Коля Павлов и кто-то из наших мальчишек. Они рисуют. Они хотят, чтобы в любую непогоду ребятам светило над школой солнце. «Азиаты» помогают чем могут – держат лестницу, поддают воду, краски, упавшие кисти. Коля иногда прекращает работу и начинает сверху провозглашать свои : взгляды на искусство. Ребята слушают внимательно, но изредка напоминают, что лестница, может, на такие эмоции и не рассчитывалась и что Коля мог бы пожалеть хотя бы коллегу, разрисовывающего рядом с ним гребень петуха, – парень молодой, ему еще жить и жить... Павлов шипит: «П-прозаики!» – и яростно утыкается в очередной луч.

«ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ИСКУССТВО?» Восемнадцать раз брали слово Сашка Прутт и Ленька Добровольский.

– Только интеллектуальное искусство может обогатить духовный мир современного человека! Из зала кричали:

– А Есенин что же, по-твоему, больше не нужен?

– Есенин мне просто нравится, так же как нравится красивый пейзаж, но обогатить мой духовный мир он не может.

– А кому нужно абстрактное искусство, если люди его не понимают?

– А «Войну и мир», по-твоему, все понимают? Почему никто не требует закрыть филармонию? Ведь музыку, даже самую классическую, понимает далеко не каждый. А многие ходят на концерты просто ради приличия.

– Если ты не знаешь музыкального произведения, ты ни за что не угадаешь его названия. И это считается в порядке вещей. А абстракционистов упрекают за то, что публика не может угадать названия их картин!

– Почему же тогда все ругают абстрактных художников?

– Ван Гога когда-то тоже ругали. И Матисса ругали, и Пикассо. Даже русских передвижников и то в свое время здорово ругали...

Диспут получился гораздо серьезнее, чем мы предполагали. Мы боялись, как будут чувствовать себя маленькие, – ведь рядом с Ленкой, который учился в IX классе, сидели пятиклассники. Но старшие, несмотря на ажиотаж, были очень внимательны к маленьким. Их не только не «забывали», а, наоборот, все время вызывали на разговор.

Мне кажется, маленьким ребятам такие диспуты дают даже больше, чем нам, «старикам». Мы иногда спорим просто из любви к ораторскому искусству, а у малышей от таких диспутов заметно увеличивается скорость вращения шариков – ускоряется темп мышления.

ПОНРАВИЛОСЬ? На коммунарском вечере Володька Магун читал стихи Сергея Есенина. Есенинские строки никак не вязались с настроением нашей аудитории. А все-таки, не будь тогда этого вечера, кто знает: может быть, многие ребята открыли бы для себя Есенина с опозданием в несколько лет. Может быть, скажете, что Есенина не поздно открыть и в 15 и в 20? Да, не поздно, но значит, что в 13 и в 14 вы остались без Есенина, и этого уже не изменить и не поправить.

Совсем недавно наших «стариков» пригласили в Пединститут им. А. И. Герцена – рассказать студентам, да и преподавателям, чем живет коммуна. Саша Прутт говорил о традициях, Лось – о творческих делах, о форме работы, а Магун неожиданно для всех начал свое выступление стихами Марины Цветаевой. Прочитал, спросил:

– Ну как, понравилось? Так вот, ребятам тоже нравятся хорошие стихи. И надо, чтобы они сполна получили предназначенное для них поэзией счастье, и готовить, учить их этому надо не только на «Железной дороге», но и на тех стихах, что остаются вне хрестоматий. Поэзию нельзя отвешивать на аптекарских весах.

И рассказал о том, как на обычных общих сборах, где решаются всякие деловые вопросы, наши ребята читают свои стихи. Одни читают свободно, другие смущаются. А когда у новеньких спрашивают, что им больше всего понравилось на полуторачасовом сборе, они отвечают: «Конечно, стихи. И еще что в коммуне так много своих поэтов».

ПИСЬМО ОТ НЕЗНАЙКИ. Что мы должны воспитать в себе?

Главное:

1. Стремление (и умение, конечно) жить, принося пользу людям.
2. Стремление (и умение) жить творчески, все время в поисках истинного значения – сначала лишь субъективно, а потом и объективного ценного.

Коммуна должна воспитывать людей, ориентируя их на творчество в течение всей жизни. Коммуна должна воспитывать интеллигентных людей. Разве каждый нормальный человек не рождается к жизни творческой? Важно только реализовать эти задатки.

Конечно, нельзя отказываться и от физического труда. Для ребят это пока наиболее доступный путь помощи людям, т. е. лучшее – пока что – средство воплощения в жизнь нашей идеи.

Наступил период думания. Из голов старших коммунарков и ревкомовцев бьют родники мыслей. Бумага исписывается проектами и прожектами, профессиональными и непрофессиональными мыслями, доводами «за» и «против». В воздухе носится идея пронизать жизнь коммуны искусством. Рядом с ней парит мысль об оптимальном отражении научного прогресса. А первым серьезным прорывом науки и искусства в коммуны была олимпиада.

...Все началось с того, что на совете коммуны олимпиаду запероли:

– Для двадцати будет интересно, а сотня умрет от скуки...

– То у тебя, Магун, в физматшколе, а то в коммуне...

Я настоял на голосовании, но 4 «за» были задавлены 24 «против». И если бы Сашка Прутт и Ира Леонова, узнав об этом, не нажали на Фаину Яковлевну, а Фаина Яковлевна не нажала на совет – гореть бы олимпиаде ясным огнем... Собственно, об олимпиаде очень коротко.

Чем отличалась коммунарская олимпиада знаний от школьных олимпиад?

Во-первых, она включала в себя 10 областей науки и искусства. Кроме традиционных в то время состязаний в математике, физике, химии, литературе у нас были конкурсы по биологии, географии, живописи, музыке, иностранным языкам.

Во-вторых, многообразие разделов олимпиады позволяло требовать, чтобы участвовал в ней каждый. Тех, кто не хотел участвовать ни в одном из разделов, просили предложить свой, любимый.

В-третьих, организовали олимпиаду не учителя, а ученый совет, в котором не было никого старше 19 лет, а преобладали семиклассники.

В-четвертых, на олимпиаде был миллион придумок. Утром в день олимпиады в коммуны пришло письмо от Незнайки. Потом был митинг, на котором ученый совет выступил со следующим воззванием:

«Академик Амбарцумян в 14 лет окончил университет. Математик Эварист Галуа в 21 год в ночь перед дуэлью сформулировал важнейшие математические принципы; его

записные книжки расшифровываются до сих пор. Сергей Рахманинов в 19 лет написал оперу «Алеко».

Мы уже прожили 13, 14, 15 лет и еще почти ничего не успели. А нам предстоит создать единую теорию поля и запускать космические корабли с человеком на Луну, исследовать проблемы наследственности и раскрыть тайну рака.

Надо создать свою симфонию, написать свою картину, доказать свою теорему... Надо успеть. Надо торопиться жить: ведь с 30 лет человек ежедневно теряет 3000 мозговых клеток (а всего их у нас около 15 миллиардов).

Мы же не умеем получать и собирать знания и не всегда даже знаем, что хотим знать, а к учебе относимся подчас как к печальной необходимости.

Стойте! Одумайтесь!

Тратить впустую годы – самые юные, самые плодотворные – преступление. Во имя ваших будущих профессий и свершений – в бой за знания! Пусть соревнуются ум и эрудиция, смелость и сообразительность, талант и поиск.

Да будет царство Мысли!

Ученый совет коммунарской олимпиады знаний».

Спутать залы математики, истории, живописи, химии было невозможно. Младшие бегали из зала в зал, смотрели и выбирали. Часто шли туда, где лучше оформлено.

Особенно тщательно продумывалась заключительная часть олимпиады. Трое парней вносят в зал предлинную скамью, заваленную книгами. Поверх книг скамью опоясывают ленты. Сначала награждаем 3 отряда-победителя: чемпиону – ленту на флаг, двум другим – полиэтиленовые мешки конфет. Потом чествуем трех победителей по каждому разделу олимпиады. Победители получают ленты с надписью: «Чемпион первой коммунарской олимпиады» и книги. Награждение длится минут 20. По количеству криков «ура», качаний и улыбок это были самые концентрированные минуты сбора.

СТИХИ В ТИШИНЕ. Времени на подготовку у совета дела было мало, а хотелось сделать что-то очень интересное. Долго шумели, даже немного ругались, но наконец план вечера поэзии стал примерно ясен. В 8 часов вечера вся коммуна собралась в самой большой комнате в интернате. Сидели на стульях, на скамейках и просто на полу. Было, как всегда, тесно. Спели несколько веселых песен, потом, чтобы настроиться на более лирический лад, – несколько грустных и тихих. Наконец свет погасили, и остались гореть только две свечи.

Начинал отряд «Днепр». Он читал стихи Есенина. Девчонки что-то тихо напевали. Получалось очень хорошо. После выступлений, конечно, никто не хлопает. Это неписаное правило. В коммунае не хлопают. Просто мы считаем, что такие вечера не концерты. Новенькие всегда удивляются этому. Они привыкли выражать свои чувства, хлопая в ладоши.

После «Днепра» стихи читали «алтайцы». Они читали стихи Светлова и немного рассказали о нем. Трое «алтайских» ребят отлично сделали светловскую «Гренаду».

Просто здорово. Поднялись три высокие фигуры в гимнастерках, зазвучали светловские строки:

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И яблочко-песню
Держали в зубах...

Еще выступило несколько отрядов, я уже не помню, чьи стихи они читали. Последними были мы – «Балтика». Мы читали стихи испанского поэта Гарсиа Лорки. Большинство ребят о нем не слышали, поэтому мы должны были очень хорошо рассказать о нем и прочитать его стихи. Хотелось, чтобы стихи Лорки поняли, чтобы осталось большое впечатление. Стихи Лорки как песни. Мы их читали под гитару:

Начинается
плач гитары.
Разбивается
чаша утра.
Начинается
плач гитары.
О, не жди от нее
молчанья,
не проси у нее
молчанья!
Неустанно
гитара плачет,
как вода по каналам – плачет,
как ветра над снегами – плачет, –
не моли ее
о молчанье!

«МИР ОТКРЫЛСЯ ОЧАМ МЯТЕЖНЫМ...» Несколько лет назад я случайно попал в Театр юного зрителя на обсуждение нового спектакля. Мы долго спорили, устали. Решили чуть-чуть отдохнуть. И вот тут подошли к роялю несколько человек и просто так, без всяких объявлений, не дожидаясь тишины, запели. Все сразу повернулись в их сторону. В зале стало тепло и ласково. А ребята пели и, казалось, не могли не петь, и пели они для себя, а не для нас. Это были коммунары. Я тогда о них ничего не знала.

Сизый дым создает уют,
Искры гаснут в полете сами.
Пять ребят у костра поют
Чуть охрипшими голосами...

Это моя любимая песня, спутница наших коммунарских «огоньков». Но сегодня мне петь не хочется. Сегодня – последний день нашего сбора, и мне грустно, мне немножко страшно расставаться с моими друзьями. Песня разливается по лесу вместе с неясным лунным светом. Я верю: и через 10 лет я буду вот так же сидеть у костра, смотреть в глаза друзей и петь.

С.О.: Дым костра создает уют,
Искры гаснут в полете сами.
Пять ребят у костра поют
Чуть охрипшими голосами...

Пять сердец бьются, как одно,
Вспоминая подруг далеких,
Тех, кто ждут их уже давно –
Самых близких и яснооких.

Если бы слышали те, о ком

Эта песня сейчас звучала,
Прибежали б сюда тайком,
Чтоб услышать ее сначала.

Чтобы почувствовать до конца
В этом диком далеком крае,
Как умеют любить сердца,
Огрубевшие от скитаний.

Дым костра создает уют,
Искры гаснут в полете сами.
Пять ребят у костра поют
Чуть охрипшими голосами.

(Слова Н. Карпова, музыка В. Благонадеждина)

Песни, как минуты, сменяют одна другую. Вот новая мелодия. Она напоминает мне строки любимых стихов:

Мир открылся очам мятежным,
Снежный ветер пел надо мной!

Это Блок. Когда-то я его не знала. Страну-поэзию помог мне найти мой друг. Он не учил меня разбираться в стихах, не бросал высоких фраз о поэзии. Но проведешь с ним несколько минут – и хочется тут же листать страницы со знакомыми и незнакомыми строчками. От него веяло поэзией. Он ее не только знал – он чувствовал ее и стремился к ней. И это стремление передавалось мне.

ЗАПИСКА. Мы в Новгороде. Нас с Вовкой Цивиным назначили старшими в команде малышей. Шестого ноября выпал первый снег и ударил морозец. Мы с Вовкой даже шапок с собой не захватили, а тут – снег. К холодам мы привыкнуть не успели и в своих легких пальтишках, да еще без шапок, походили на беглых французов. И тогда ребята сказали:

– Ишь какие большие нашлись – без шапок. Нечего притворяться, что не холодно! Будем носить шапки по очереди.

Нам пришлось подчиниться.

...Вечером горят от заката кресты церквей. Белокаменный Новгород в снегу. Темно. Только изредка в щели ударяет белое солнце. Наша команда, забравшись по обледенелой стене в заброшенную башню, знакомится с достопримечательностями Новгородского кремля. К часовне ведет какой-нибудь из этих ходов. Первым ползет Игореха, я замыкаю. Впереди перестает ползти Элка Портнова.

– Что случилось?

– Осто-ожно, здесь гвоздь, – картавит она.

Гвоздь ржавый и старинный. Он покрыт инеем.

Влезть по ледяной корке на кремлевскую стену довольно сложно, но стена была взята штурмом. Ребят не пугали ни высота стен, ни множество темных башенных провалов. Они отказывались от помощи и напропалую лезли в такие дыры, куда мы с Вовкой полезли бы не очень-то охотно.

В одной из башен было особенно просторно и холодно. Косые лезвия зимнего солнца пробивались в бойницы. Ребята прильнули к бойницам и смотрели на город. Я уверен, что, когда Валька стоял между зубцами кремлевской стены, он представлял себе, что в тяжелых латах и с огромным мечом в руках защищает древнюю крепость. Валька был маленький и казался еще меньше, когда стоял между гигантскими зубцами. Но он-то знал, какой он богатырь и какие широкие у него плечи!

Дальше мы пробирались какими-то очень узкими проходами. Было темно, и говорить хотелось шепотом. Мы зажгли бенгальский огонь, тесно сбились вокруг него и запели: «Дымилась роща под горою...» Бенгальский огонь отсырел и поэтому то ярко вспыхивал, рассыпая множество искр, то мерцал красным светлячком.

...«Огонёк» кончился рано, завтра подъем в 5 утра. Завтра в Ленинград. Расходиться не хочется. И мы решаем собрать команду ночью, когда все будут спать. Команда улеглась в постели, не раздеваясь, – боевая готовность номер один. Не хочется верить, что завтра уезжаем. Да какое там завтра, когда завтра – это уже сегодня, а значит, пора.

Мы заходим за Ольгой. Бесшумно, в полной темноте вскакивают с постелей мальчишки. Прибежали заспанные девчонки. Утренний холодок пробирает до костей. Садимся прямо на пол, зажигаем фонарик. Лица у всех серьезные. Сейчас должно произойти что-то важное – ведь нельзя же просто так взять и разъехаться. Шепотом поем. Каждому хочется сказать что-нибудь очень хорошее. И Вовка начинает говорить.

– Никогда, нигде не забывать друг о друге, не бросать друг друга в беде...

Ребята повторяют за ним. Шепотом. Слова этой клятвы пришли Вовке в голову только что, и поэтому голос у него дрожит. Он протягивает руку, я кладу в нее свою, потом Ольга, Валька, Жук, Сувор, Элка, Матюха, Ирка и опять Вовка. Теперь мы братья и сестры... Никогда, нигде не забывать друг о друге, всегда помнить эту клятву... Мы молчим. Мы составляем записку... Вернемся сюда, обязательно вернемся... И когда-нибудь в узком темном ходе сообщения Жук опять запоет: «Дымилась роща под горою...»

Подъем. Быстро собираемся. Выходим на улицу. Лицо сечет колючий снег, невозможно сдержатъ озноб. Записка уже запечатана в бутылку. Проходим мимо кремля, до него метров 300. Надо добежать и опустить бутылку в бойницу. Бегу я и Валька. Перебегаем через мост. Налево вдоль стены, первая бойница от ворот. Опускаем бутылку, слышим, как она скатилась.

Обратно бежать труднее – ветер в лицо. Валька начинает отставать, а ребята уже почти у вокзала. Я беру Вальку за руку. Ну-ка, рванем еще самую малость! Догнали. Встали в строй. Поезд уже стоит у перрона. Через 5 часов мы в Ленинграде...

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ. Я еще не в коммуне. Занимаюсь в трех искусствоведческих кружках (два – в Русском музее, один – в Эрмитаже). И в школе – активист. Знаком с некоторыми коммунарами, им завидую, хочу в коммуну, но мама не пускает на сборы.

Идем с коммунарами по Русскому музею. Здесь мое царство, и я, подражая интонациям руководителя первого кружка (советского искусства), заявляю:

– «Весна»... Картина молодого, начинающего, талантливом московского художника Неменского. Обратите внимание на лицо молодого солдата...

Перебивает Ирка Киселева:

– И совсем он не молодой и не начинающий, это Борис Михайлович – коммунары.

Замолкаю. Опять подступает жгучая зависть к коммуне.

* * *

– Когда же он спит? – показывает Игорь Евдокимов на рисующего Бориса Михайловича.

– Легли спать – рисует, проснулись – опять рисует.

– Со мной рядом этюдник стоял, проснулась на рассвете – нет.

По «Алтаю» пошел конкурсный вопрос: «Когда спит Б. М.?»

Перебрали весь сбор, но победителя не оказалось.

* * *

Концертов давали столько, что, казалось, разбуди «Алтай» ночью – через две минуты концерт начнем.

Дали мы один такой концерт. А вечером на «огоньке» выступил Борис Михайлович. Такого разноса «Алтай» давно не получал. И за то Б. М. ругал, что концерт не подготовлен, и за то, что номера плохие, «на низком культурном уровне». В общем, сказал он, это неуважение к людям. Упреков набралось столько, что «алтайцы» лишь переглядывались – сказать было нечего.

Следующий концерт коммуна готовила несколько дней и сделала хорошую и умную композицию о Ленинграде. Мы показали ее в пединституте. Этот день «огонёк» оценил на «отлично».

* * *

«Суд над фашизмом» готовили давно, и вроде бы все было ясно. Борис Михайлович только приехал из Москвы и от ревкома подключился к совету дела. И стало ничего не ясно. Разве фашизм – только зверства и концлагеря? Самое страшное – фашизм в сознании людей. Что является его почвой? Как мог талантливый и умный народ кричать «ура» неврастенику?

Последние выступления были перекроены, срочно поехали в Публичку за дополнительным материалом. Почти что весь план переделали. Говорят, что «Суд...» был затянут из-за обилия материалов, завышен по уровню. Совет дела не согласен.

* * *

На сборе 60 процентов новеньких. Только что приехал Б. М.

– Ребята, приехал наш большой друг, член Союза художников, лауреат Государственной...

– Я коммунар, – перебивает Борис Михайлович. Сбор кончается. Б. М. уезжает. Я пошел провожать. Вышли на улицу.

– Володя, а почему у дежурного командира не спросился?

Молчу. Я председатель совета коммуны. Все три ночи сбора не спал. Дежурный командир коммуны – впервые на сборе. Все это Борис Михайлович знает.

* * *

За последние годы мы стали добрее и человечнее. И этим коммуна, наверное, очень обязана Б. М. Неменскому. Он сделал свое, хотя и не в урочные часы, не «от четырех до шести». Для многих из нас дружба с искусством началась встречей с московскими художниками. Оказывается, можно совмещать коммунарскую дисциплину, требовательность и строгость с добрыми, мягкими, дружелюбными отношениями...

Глава шестая, самая трудная

ДАЕШЬ СПУТНИКИ! Все чаще и чаще нам говорят:

– Пора ваши находки передавать в школы, распространять тот опыт, который вы приобрели...

Но как это сделать? Опыт рассказами не передашь. Мы в этом убеждены. Опыт складывается из тысячи мелочей, их все не предусмотреть, а каждая мелочь, если ею пренебречь, может свести все хорошее на нет. Опыт надо передавать в работе, в деле...

Возникла мысль: а что, если при каждой школе района создать спутник коммуны? Собрать весь школьный актив, человек 50, и провести с ребятами сбор, да такой, чтобы там было не хуже, чем в коммуне. Для этого послать на сбор несколько старых коммунаров. И день за днем учить ребят всему, чему мы сами научились в коммуне... Нет, даже не «учить», а просто жить вместе и вместе работать. Это и будет учеба.

Но легко сказать – спутник при каждой школе. Чтобы провести сбор, нужно найти для него место, нужны палатки, снаряжение, продукты, нужны, наконец, взрослые, которые могли бы подготовить и провести всю эту сложную операцию. А главное, нужно, чтобы в каждой школе захотели создать спутник коммуны, поняли, как это интересно и важно.

И тогда в райкоме партии нам сказали: «Хорошо, мы поможем». Не один раз собирались в райкоме директора школ, пионерские вожатые. Обсуждали, спорили, искали возможности создать лагерь-спутники. Поначалу решили создавать спутники не при каждой школе отдельно, а по кустам: несколько школ объединяются и устраивают один, общий спутник.

И вот летом в Ефимовский район едут не 100 ребят, как бывало, а 600. У коммуны теперь 8 спутников! А на следующий год спутников стало 18, и в них – 1200 ребят. Операция «Человек – человеку» продолжается. Но в каких масштабах!

На первый взгляд в каждом спутнике все то же самое, что и в коммуне: трудовые десанты и творческие дела, «огонёк», дежурный командир спутника во главе дежурного отряда, советы дел. Разведка – планирование – осуществление дела – его обсуждение. Коммунарские законы... Только вместо отрядов (чтобы не путать с отрядами коммуны) – команды. В команде 15 – 20 человек из разных классов, от пятого до седьмого.

Всё так же – и всё не так. Лишь теперь мы увидели, что главное в коммуне не методика, а ребята, выросшие в ней...

Но сколько коммунаров может дать коммуна в команду спутника? Одно-двух, и это еще хорошо... Сумеют ли эти двое сделать команду коммунарской? Коммунарам предстояла самая суровая проверка. Впервые мы действовали не всей коммуной, а порознь.

НА ВЫРУЧКУ В «УРАЛ». Идти по шпалам узкоколейки трудно. Расстояние между шпалами больше шага, но меньше двух. Удобно только Прутту. Час назад Ф. Я. говорила на экстренном сборе «Алтая»: «В «Урале» плохо. Всего один коммунар – Наташка Липнер. Нужна помощь. Хотя бы на три дня». Нас идет 6 «алтайцев» и Ф. Я. Решили разойтись по командам.

– Прежде всего нужно в четвертую, – говорит Наташка.– Этот Володька Тонкий черт знает что делает. Кто пойдет?

Тяну руку. Тянет и Прутт.

– Давайте вместе.

* * *

– Генка! Где ты пропадаешь?

В команде идет обсуждение дня. Володька Тонкий – высокий, красивый парень в голубом пуловере (среди лыжных костюмов, тренировочных, ватников это смотрится).

– Иди сюда! Вот тут нам прислали.– Кидает взгляд на нас, фальшиво жалуется: – Вот, работай с ними!

Генка наконец появляется и как свежий человек (на обсуждении) возмущается тем, что приходится работать в поле. Его поддерживают.

Ладно. Пусть будет так. Мы настояли, чтобы мнение команды о том, что работать не надо, было доложено на «огоньке». Спутник решил освободить всю команду Володьки Тонкого от работы. Мы идем с Сашкой по лагерю. Догоняет Тонкий:

– Мне кажется, спутник решил неправильно. Далеко не вся команда думает, что работать не надо. Переглядываемся.

* * *

Когда влезли в палатку четвертой команды, все спали. Места не оставили. Вот спит Юрка (под тремя одеялами), а рядом Семен (под одним). Позже, в десанте, я буду наблюдать ночью за Семеном и Юркой. Они отдадут свои одеяла девчонкам (будем спать

под открытым небом) и укроются одной курткой. Причем оба не заснут, попытаюсь тайком укрыть курткой друг друга.

Но это будет еще очень не скоро, через две недели. А пока мы с Пруттом регулярно просыпаемся за пологом палатки.

МЕНЯ ПОЗДРАВЛЯЮТ. На зимний сбор коммуны я не поехал – отказался от рекомендации совета дружины. То ли стало обидно, что вот я, старый коммунар, должен, как какой-нибудь новичок, добиваться, чтобы меня послали на коммунарский сбор, то ли просто побоялся, что совет дружины не станет рекомендовать меня. Не поехал и на весенний сбор. А в мае Магун подошел ко мне и, стараясь как-то смягчить свои слова, очень тихо сказал:

– Решено, что коммунары, не подтвердившие работой своего звания, будут лишаться его автоматически, без решения общего сбора. Тебе больше нельзя носить значок.

В Ефимию я приехал без коммунарского значка. Ребята знали, что я «старик», и переглядывались, когда после отбоя я вместе с ними шел в палатку, не оставался у костра с другими старшими коммунарами. Я чувствовал себя прескверно, но обиды не было. Можно обидеться на Магуна, на Прутта, в конце концов даже на Фаину Яковлевну. На коммуну обидеться нельзя.

В конце сбора у нас были «откровенные разговоры». Там решали, кому из спутника можно присвоить звание «коммунар». Тогда на поляне среди дня стояла необычная тишина. Каждый отряд закрывался у себя в палатке. И вдруг откуда-то громко, во весь отрядный голос:

– По-здрав-ля-ем!

А из других палаток кричат:

– Кого?

Поздравляют меня.

И тут же откликается весь спутник:

– Поздравляем!

МАМАНЯ РАСТЕТ. С Ольгой мы пришли в коммуну почти одновременно, а вот ее сестра Танька Потягаило – гораздо позже. С уважением относясь к ее возрасту (она была во втором классе), прозвали ее Маманей.

На второй день десанта «Алтай» послал троих ребят на основную базу лагеря: сообщить, как устроились, проведать «алтайских» больных и т. д. К ночи, когда уже кончался «Вечер логики и эмоций», они вернулись, причем не втроем, а впятером: с ними двое бывших больных – Игорь Переходник и Маманя. Лучшего сюрприза «Алтаю» и нельзя было придумать. Сюрприз качали.

...Вчера, в воскресенье, ровно в шесть Танька звонит мне. Договорились, что она подробно вспомнит о тех днях. Вспоминает:

– Нас не взяли в десант, и мы остались в лагере. Купались по четыре раза. Ходили за цветами. Ничего, кроме чая, не варили. Ну, скучно было, конечно. Вечером, смотрим, идут наши – Игорь, Нинка и Валерка. Они взяли что надо и стали просить Фаину Яковлевну, чтобы нас отпустили. Сказали, что «Алтай» всего за четыре километра. Попросили Сашку, чтобы он сказал Фаине Яковлевне правду, когда скроемся за поворотом, – до «Алтая» около десяти. Когда Ф. Я. закричала, чтобы вернулись, побежали, конечно. Сначала Игореха посадил меня на плечи, Валерка и Нинка шли рядом, потом я пошла сама. Вот и всё.

– Ну а страшно было? Никто не ныл?

– Ныл. Переходник.

– А ты?

– А меня Игорь за руку крепко держал.

Маманя, отметив причину своего бесстрашия, уверена, что этим все сказала. А я вспомнил, что Игореха рассказывал, как чертовски страшно было этой ночью и как нельзя было бояться, потому что рядом было четверо малышей.

Этим летом Танька ездила с «Алтаем» уже одна, без сестры. Осторожно разбрасывая по борозде селитру, объявила:

– А мы с Игорем договорились, что будем работать врачами в соседних деревнях. Ну, ради компании, может быть, Элку еще прихватим с собой. – В голосе Мамани слышалось явное превосходство.

Вот уже второй год ей здорово достается на «откровенных разговорах». Это первый признак того, что человек растет.

СЪЕЗД КОМИССАРОВ. Утром 14 июня с разных концов Ефимовского района съезжались на попутках и шли пешком коммунары. В этот день в спутниках не осталось ни одного «старичка» – все отправились на съезд комиссаров, в деревню Поток. Мы встречали друзей, обнимались, целовались, мы не видели друг друга целую вечность – почти полмесяца. И как хорошо вновь увидеть всех вместе, почувствовать коммуну! По деревне то и дело разносится: «Ура!», «Мо-лод-цы!» – это встречают ребят из самых далеких спутников. «Кавказцы», добираясь до Потока, с утра отшагали 23 километра...

И вот съезд открылся. Здесь не говорили о том, что сделано, – сколько гектаров пропололи, сколько детских садиков открыли. Нет, разговор шел о том, удаётся ли привить коммунарский стиль жизни, коммунарские отношения.

ИЗ ДЕЛЕГАТСКОГО БЛОКНОТА. Вчера пришли в Поток. Встретились с нашими – «Байкал», «Алтай», «Урал», «Днепр». Не знали, с кем раньше говорить и что раньше выложить. Хорошо им тут – живут, черти, все вместе, а мы далеко. Спали у «алтайцев» (тьма новостей). Как-то там наша «Волга»? Все-таки это большой риск – бросить спутники без коммунаров, без спутниковского костяка... Как же пока спутники без ядра? Андреева тоже волнуется, да и другие...

Всё, наш съезд начался. На дверях клуба плакат: «Привет участникам первого съезда комиссаров!» Дежурный командир съезда раздал делегатам мандаты – красные, с

вырезанной звездой. Надо будет показать всем нашим. Голосовать на съезде можно только мандатами.

Делегаты прибыли в Поток чуть ли не со всех концов Ефимии. Добирались на попутках, на телегах, пешком... Сейчас идут отчеты спутников. Реакция зала! Наконец-то всё и обо всех начистоту, на полный мах! Крепко досталось Шуре Вознесенской...

Выступает учительница. Оказывается, она только что заезжала к нам в «Волгу»: «Коммунары уехали, а что изменилось?» Вот чудесно! Значит, могут уже и одни (неужто Наташка заворачивает?).

А в перерыве ревком ходил с песнями по деревне. Впереди, конечно, Малов с гитарой. «Дан приказ – ему на запад, ей – в другую сторону...» Сколько пели! Как пели!

Вернулись со съезда. А наши! Выложили на линейке эмблему. Ночью устроили тревогу. Прошло отлично. Мы с Андреевой походили, посмотрели – а не смыться ли еще на денек? Без нас как будто пружина разжалась. А мы-то боялись!

СДАЮ ДОСРОЧНО. Мне кажется, что спутники – это основное в коммуне, то, благодаря чему мы продолжаем жить, и то самое, для чего существует наша коммуна.

Первый летний лагерь-спутник оглушил, ошеломил. Меня увлек ритм сбора. Все делалось на подъеме, с удовольствием, с интересом, без какого бы то ни было нажима со стороны коммунаров и старших. Походы, встречи, новые люди, поиски семей героев, дружба с местными, работа в поле – все это мне очень нравилось.

Я старался делать все, и после этого сбора меня приняли в коммунары.

Что-то во мне изменилось, появилась жажда работать, хотелось, чтобы ребята и в будущем находили в спутнике то, что мне удалось ощутить после первого сбора. Я так увлекся, что на следующий год даже досрочно сдал экзамены за VIII класс, чтобы уехать на сбор вместе со всеми.

Путь коммунара ясен: из спутника – в коммуну, затем из коммуны – в спутник.

НОЧЬ НА ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ. Вот уже несколько дней подряд мы ходим по деревням и селам Ефимовского района. Из дома в дом. Невелики деревни, но ни в одной нам еще не попадалось дома, из которого война не вырвала хотя бы одного человека. И до сих пор не было в этих местах памятника тем, кого нельзя забывать. Ни памятника, ни простого обелиска, ни придорожного камня с выбитой звездой. Мы решили поставить обелиск павшим солдатам.

Мы идем от деревни к деревне. Стучимся в дома. Люди впускают нас. Мы напоминаем им о самом страшном и горьком, что было в их жизни, и они впускают нас в свои сердца. Они рассказывают и плачут, вынимают поблекшие фотографии и письма; они спрашивают: «Вы не торопитесь?» – и тогда начинают все сначала, с самого начала: с детства – если о сыне; с юности – если о муже. Двадцать лет лежат в земле сын и муж, а боль жива. И люди смотрят на нас с надеждой, хотя мы растревожили их давнюю боль. Мы уходим, и они говорят нам вслед одно и то же: «Спасибо, что не забыли. Спасибо, что вспомнили...»

Да, мы родились после войны. Мы видели войну в кино, мы знаем ее только по книгам. Мы не видели, как люди падают на колючую проволоку, как гниют раны, как растут груды костей, как пылают печи крематориев...

Разве погибнуть
ты нам завещала,

Родина?

Жизнь
обещала.

Любовь
обещала,

Родина.

Разве для смерти
рождаются дети,

Родина?

Разве хотела ты
нашей смерти,

Родина?

Море цветов у подножия обелиска, море слез. Люди плачут, потому что потеряли близких. Они вспомнили войну, потому что сегодня в 4 утра горнист просигналил тревогу.

Не плачьте!

В горле
сдержите стоны,
горькие стоны.

Но они не в силах сдержать. Плачут женщины, плачут фронтовики. Молча глотают слезы ребят. Это война. Мы никогда не забудем, никогда не простим...

Слушайте мирное утро...

Минута молчания. Рыдания затихают. Женщины стиснули зубы.

Мечту пронесите через года
и жизнью наполните!..

Возлагаем венки и слышим голос дежурного командира:

– Добровольцы пойдут работать на поле. Шаг вперед, добровольцы!

Маршем молчания мы идем на поля. Добровольцы – все.

Над рекой стелется туман. Встает солнце. Мы пропалываем борозды. Час, второй, третий. Над полем тишина. Между бороздами застыли в карауле склоненные знамена...

АНКЕТЫ В СПУТНИКАХ. Отвечали 1000 новичков.

Что понравилось на сборе спутника?

950 человек ответили: «Траурная линейка в память погибших», «Операция «Человек – человеку», «Интересные дела», «Всё решали сами», «Песня у костра», «Дружба ребят».

Собираешься ли ты делать что-то похожее у себя в школе?

888 спутниковцев ответили «да!» и развернули целую программу будущих действий.

Глава седьмая, самая многолюдная

СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ. Ну что же, со спутниками, пожалуй, управились. Теперь они работают каждый год, и в школах почти весь актив из тех, кто вырос в спутниках, и в коммуно новый приток – из спутников.

Стало понятно главное: если взять 50 любых ребят, дать им коммунарских вожатых и включить в их число хотя бы 5–6 коммунаров, через несколько дней в отряде (или в команде) начинается коммунарская жизнь. Кто-то назвал это принципом бутерброда. Смешно, но, пожалуй, верно: давление сверху и снизу...

Про нас стали писать в газетах и журналах. Писала «Комсомолка», писал «Пионер», писали ленинградская «Смена» и «Ленинские искры». Начали приходить письма: «Расскажите о коммуне все до мельчайших подробностей... Мы хотим жить так же».

Но разве в письме обо всем расскажешь?

Во всероссийском пионерлагере «Орленок», около Туапсе, собрались 54 комсомольца из разных секций клуба юных коммунаров при «Комсомольской правде». В пионерском лагере появился 12-й, комсомольский отряд. Это был наш самый главный и самый трудный спутник. Ведь до сих пор мы работали только с пионерами. А тут комсомольцы-старшеклассники. Годятся ли наши формы работы для старших ребят?

В коммуне 10 или больше взрослых людей скрупулезно продумывают и анализируют («обсасывают») каждый день, каждый час жизни коллектива. А смогут ли ребята из клуба ЮК организовать свою жизнь сами? Смогут ли найти взрослых друзей, если поймут их необходимость? А если на все вопросы – «нет»? Тогда понятие «коммунар» присоединится к списку понятий, смысл которых убит профанацией.

Вожатыми отряда стали ревкомовцы Виктор Малов, Ира Леонова, Люба Балашкова. В отряд направили семерых наших: Сашу Прутта, Витю Рабкина, Нину Григорьеву, Милу Сазонову, Яню Кучинскую, Женю Хрычкина и Володю Магуна. Перед группой была поставлена задача: за 40 дней орлятской смены сделать отряд коммунарским. Вожатые работают «сверху», мы – «снизу». Принцип бутерброда.

Встретили нас довольно сдержанно. Немногие знали, что такое коммуна юных фрунзенцев. Условия в «Орленке» располагали к отдыху, и только. Море – в 15 метрах от палаток. Но на первом же сборе был поставлен элементарный вопрос: какой прок клубу юных коммунаров от своего сорокадневного отдыха? В конце концов (не без аккуратного направляющего участия вожатых, конечно) договорились жить в «Орленке» по-коммунарски, насыщенной жизнью. Абстрактность этих слов конкретизовалась в тут же придуманном девизе отряда: «Наша цель – счастье людей! Мы победим. Иначе быть не может».

ГОР НЕ ВОРОТИЛИ. Я живу в Киеве. Однажды к нам в школу пришло письмо: нам дают две путевки в комсомольский отряд «Орленка». Одна из них досталась мне. Поехали в «Орленок». Там была и делегация ребят из Ленинграда. Они чем-то

отличались от остальных. Меня тогда удивило, почему на «огоньке знакомства» нет вожатых и почему его ведет длинный парень из ленинградских ребят?

Непонятно и интересно было уже с самого начала, уже на эвакуабазе, когда все они, взрослые ребята и девчонки, выпрыгнули из автобуса – в пионерской форме, в галстуках – и построились на линейку. Коммуна, организация жизни в ней – вот что их связывало.

В нашем большом комсомольском отряде жизнь была организована таким образом, что от каждого из нас требовались все способности и возможности. Правда, в «Орленке» мы гор не воротили, а просто думали, как бы поинтереснее сделать жизнь в школе, начиная с политпросвещения, кончая вечерами отдыха. В этом отношении очень пригодится опыт коммуны. И «ленинградское ядро» принесло в отряд всё самое лучшее, что дала им коммуна.

«ОГОНЁК» У МОРЯ. Первый отряд юных коммунаров вставал раньше всех в лагере и позже всех ложился. Утром, пока не жарко, коммунары работали на строительстве лагеря или в совхозе. Работали дружно, возвращались в лагерь в хорошем настроении.

А по вечерам, когда становилось совсем темно – в Ленинграде не бывает таких черных ночей, – неторопливой цепочкой поднимались в гору по узенькой тропинке в зарослях орешника. Там, на маленькой полянке, дежурный разжигал костер. Не костер, а действительно огонёк – несколько сухих веток, чтобы было светло и уютно. Усаживались вокруг костра на старых корягах. У некоторых были персональные «ложи» – удобные толстые ветви старых орешин, нависшие над поляной. Ревкомовец Виктор Малов снимал с гитары чехол, и все негромко запевали. Потом песня кончалась. Потрескивали сучья в костре, глухо шумело море, надсадно цвиркали цикады. Ребята молчали. Из тишины выростал разговор. Он был всегда неторопливым и до того искренним, что щемило сердце и хотелось всех любить. Прожит день... Что хорошего сделано? Что было неудачно? Что надо сделать завтра? Это был самоотчет отряда и внутренний отчет каждого перед самим собой.

Когда «огонёк» кончался, дежурный командовал:

– Отряд, встать! Смирно! Наша цель – счастье людей!

Пятьдесят ребят отвечали:

– Мы победим! Иначе быть не может!

Скоро всё было, как в коммуне, и может быть, даже лучше, потому что все ребята – старшеклассники, значит, интереснее творческие дела и легче прививается самоуправление. Одно дело, когда дежурный – шестиклассник, другое – если он уже выпускник. И вообще оказалось, что наша методика как будто нарочно придумана для старших ребят, для 16– и 17-летних. В этом стоит разобраться.

Обычно считают, что формы, салют, строй, игры, девизы интересны лишь для маленьких, для пионеров. А старшеклассники, мол, люди «серьезные»... Так ли? Вспомним: когда создавалась пионерская организация, в ней были и 16-летние ребята. Именно они, старшие, поддерживали красивые традиции, ходили в коротких штанах (теперь их назвали бы шортами), барабанили и горнили, командовали отрядами... Играть – это очень интересно и в 16 лет, если только игра серьезная, честная, если взрослые участвуют в игре на равных.

А за игрой, за красивыми традициями встает нечто более важное. Вот строчки из анкет.

Женя Бессонов (Барнаул). В «Орленке» я узнал, какие есть люди и какой я. Очень понравилось, что работали. Не то, что в обычных лагерях.

Валерий Мальцев (Курск). Не думал, что есть такие ребята, не представлял себе, куда еду. Самое сильное впечатление – ленинградские коммунары.

Люда Бондарь (Семилуки). Попала в круг людей отличнейших, поверила в моральное самовоспитание.

Сергей Фролов (Белебей). На всю жизнь останутся в памяти «огоньки», наши творческие дела, откровенные разговоры. Такого в жизни больше не будет.

Но Сережа ошибся: было еще такое, и не раз...

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ. Под Новый год в Москву на сбор юных коммунаров съехались 90 человек. Только 15 из них были в «Орленке», в том первом отряде, но каждый из 15 привез с собой друзей.

В первый же день был спор. Денег ни у кого нет, приехали на свои, заработанные субботниками. Всего 5 дней... Многие впервые в Москве. Главное – зарядиться, узнать, что делается у друзей, научиться. Кстати, идет Новый год. Как его встречать?

Горком комсомола пригласил гостей на бал в Колонный зал. Заманчиво!

Кто-то из московских ребят зовет к себе – поместимся!

А встречали Новый год в просторном зале почтового отделения № 261 на Ленинском проспекте. На почте – гора поздравительных телеграмм. Ровно в 12 разошлись по участку – приносили телеграммы в самые первые минуты Нового года, к праздничному столу. Эта операция называлась «Радость людям». Она определила стиль коммунарского сбора.

Каждый день был насыщен до предела. Каждый день – работа для людей. Участвовали в комсомольском субботнике. Давали концерты в больнице. Ночью построили снежный городок во дворе детского садика – сюрприз для малышей (не обошлось без неприятностей: сторож, увидев столько народу возле детского сада, вызвал наряд милиции... Но мы быстро объяснились с милиционерами).

Эти дела – фон сбора, они – для настроения, для того чтобы чувствовать, что день прожит не даром, что кому-то на свете стало лучше от того, что ты есть. И – для дружбы. Только поработав вместе, можно быстро сдружиться. Это все ребята хорошо поняли на сборе и потом, разъехавшись по школам, старались подступать так же: не пропускать ни одной возможности поработать руками, сделать людям что-то хорошее.

Кроме того, каждый день – творческие дела. Диспут, веселый концерт-«разнобой»... Все это можно провести у себя в комсомольской организации, в классе – только не поленись все подробно записать! Блокноты и записные книжки не выпускали из рук. Если диспут – записывали вопросы; если хорошая песня – записывали ее слова; если толковый парень – записывали его адрес...

Всех участников сбора пригласили в Центральный Комитет ВЛКСМ. Там нас расспрашивали о работе, советовали, как лучше организовать работу секции, чтобы каждая секция помогала сделать школьную комсомольскую организацию боевой.

Весной юные коммунары опять собрались, на этот раз в Киеве. А летом «Орленок» принимал уже не 60, а 500 комсомольцев-старшеклассников. Теперь на зимних и весенних каникулах сборы стали проходить сразу во многих городах – в Горловке, Архангельске, Свердловске, Киеве, Новосибирске, Одессе, Челябинске, в Москве и Ленинграде, в Бресте и Перми... На каждом сборе – гости из других городов и, конечно, обязательные пресс-конференции: обмен опытом, рассказ о своих делах. И у каждой новой секции клуба – свои старшие друзья, такие же энтузиасты, как наши ревкомовцы.

ВСТРЕЧИ, ВСТРЕЧИ... Наш пятый, зимний сбор – всесоюзный.

30 декабря встречаю одесситов. Один. Конечно, в глаза их ни разу не видывал. Стащил с себя шарф, чтобы галстук был заметен, и стою, жду. Идут трое, тоже в красных галстуках (пальто нараспашку, чтобы видны были). Замечаем друг друга одновременно. У всех четверых – рот до ушей. Здравуемся и знакомимся.

Привел их домой. Короткая пресс-конференция: я спрашиваю, они отвечают. Потом засадил готовить (отбирать и переписывать) задания для олимпиады по математике. Через полчаса зову пить чай. Хватают свои чемоданы и сумки и начинают вытаскивать оттуда продукты. Уговариваю побережь запасы до худших времен; или хотя бы до новогоднего празднества. Напрасно. Часа через два Лизу и Наташку забирает к себе Катя Ашмарина из «Волги», Олега – Миша Шац из «Алтая». Я бегу встречать Ульяновск.

31 декабря в 5 утра Милка и Лариса приводят ко мне Сашку Агеева из Москвы. Ставит чемодан. Объятия. Зову в комнату: «Ложись, доспи». Но он, очевидно, стесняется: уходит гулять. Первый раз в Ленинграде, мол. Только лег – звонит телефон. Снимаю трубку.

– Здравствуй.

– Аверина?! Откуда?

Оказывается, из аэропорта. Только что с московского самолета. Едет к Леоновой. Через 5 минут снова ложусь. Часа полтора не могу заснуть. Наконец надоедает, вскакиваю. К счастью, к 8 утра – на Витебский: приезжает Галка из нашего орлятского отряда «Верность».

Новый год мы с гостями коммуны встречали у Иры Леоновой. Именно тогда у нее на стене появилась карта Союза, а на ней 19 флажков, и от каждого – ниточка к Ленинграду: коммунары из 20 городов встречали 1964 новый год вместе.

В ТРИ СМЕНЫ. Жизнь на сборе практически не останавливалась. Сбор если и переводил дыхание, то только в течение двух-трех часов перед подъемом. А часто и такого не бывало: кто-то предпочитал бодрствовать с двенадцати до четырех, а кто-то – с четырех и до конца, т. е. до подъема и дальше. Ночи были необходимы для подготовки творческих дел, для продумывания дня в целом.

...Ночью выхожу из комнаты, где готовится олимпиада, иду по коридору. Вдруг натываюсь на группу стариков-«волжан»: готовятся к завтрашнему дню отряда. Захожу в спальню «Алтай». Забиран беседует с Игорьком «за жизнь»...

Самое печальное, что с тех, кто бодрствовал ночами, требовалась бодрость и днем: продуманный день нужно было еще вести. Иногда все-таки удавалось поспать час-полтора.

...Ко мне, к Цивину и Прутту подходят трое старших «алтайцев».

– Парни, ложитесь спать. Сейчас «Алтай» вполне без вас справится.

Минуты две гордо сопротивляемся, но после приказа ДКО покоряемся (приняв на всякий случай обиженный вид). Заснуть трудно – слишком возбужден. Слышу, как на цыпочках, шикая друг на друга, в спальню возвращаются Ира и Донька. Им поручено укрыть нас потеплее и повесить на дверь записку: «Спящих не будить. «Алтай».

ЛИЧНЫЕ ПИСЬМА. На конвертах писем, которые пишут в коммуну, обычно стоит имя Ф. Я. и адрес Дома пионеров и школьников: Загородный проспект, 58.

Эти письма, может быть, и не стоило бы читать никому, кроме Ф. Я.: уж очень тесно там куски о коммуне перепутаны с сугубо личным – про мужа, жениха, жену, про неприятности на работе... Но тем не менее письма эти хранятся в нашем музее как коммунарская почта. Когда начинали писать книгу, Ф. Я. отдала нам кипу писем, сказала: «Ребята, берите. Моих писем здесь нет – это письма коммуне».

«...В результате моего просчета в финансах мы сели с Володей в поезд Москва – Новосибирск с двумя рублями. Питались в основном остатками подарка, который он получил во Дворце пионеров. Мы стойко и мужественно отворачивались от приносимых пирожков и развлекались разбором записей со сбора.

Наконец, мы радостно, полной грудью вдохнули родной морозный воздух без примеси разной там сырости! Мы – дома! Выступила с вдохновенной речью о ленинградской коммуне перед производственным совещанием учителей нашего интерната. Молодец завуч Луканев – он в своих предложениях пошел даже дальше меня, отстаивая права ребят на критику учителей на «огоньках».

В общем, сейчас живем с ДКИ (дежурный командир интерната), раз в неделю – «огонёк» с передачей дежурства и т. д.

Милая Фаина Яковлевна, а будет летний сбор? Жду ваших сообщений и мыслей. Пишите. Целую. Привет, привет всем. Ваша Нэлла Анিকেева».

«Хотела написать вчера, после проводов ленинградцев, но состояние было хуже нормального – спала весь день, всю ночь, а сейчас – 9 часов 1 апреля. У меня еще мозги не на месте...

Киевский вокзал. Наши песни, шутки вперемежку с рыданиями девчонок, а я уговариваю себя, других, что это ерунда, что все обязательно увидимся (а сама этому почти не верю). Галка Асанова опоздала на поезд и стоит такая довольная, а в руках только голубенькая книжечка «Орленка» – вещи уехали. Приходят ребята. Через час – другой поезд. Галка

зарывается под мое пальто, и через пять минут у меня галстук весь мокрый от ее слез, и блузка тоже.

Но, несмотря ни на что, как это было здорово – за 4 дня 100 совершенно новых людей стали близкими, всего за 4 дня...

Перед отъездом я говорила почти со всеми новенькими: они уехали такие же, как мы из «Орленка», – это точно.

И еще вот что я думаю. Как хорошо, когда есть чему и кому быть верным. Это то, что нужно человеку.

Привет всем. Целую. Л. Тверская.

Киев. 1.IV.63 г.

Наша цель – счастье людей! Мы победим. Иначе быть не может!»

ПОСЛЕДНИЙ «ОГОНЁК». Город Ульяновск. Июнь. 26-го утром одиннадцатиклассники сдали последний экзамен. Весь день работала «живая цепочка». Все носились по Ульяновску, поздравляли выпускников, кто-то доставал транзистор, кто-то лопату, а главное, всем передавали приказ: «Сегодня в 16.00 общий сбор в школе – едем в лес на прощальный «огонёк».

Двадцать человек, штук 10 сумок, гитара, транзистор, четырехместная палатка, мяч и фотоаппарат. Спрашивается: что еще нужно? В трамвае спохватились – нет Володьки. Володька кончил школу год назад. Теперь он работает и ходит к пятиклассникам вожатым. Сегодня он должен вернуться с ними из похода. Я бегу за Володькой. Он сидит на диване усталый, небритый, в пыльной походной одежде – еще не переодевался и не ел. Я объясняю, в чем дело. Он молча встает.

– Ты бы хоть поел, – говорит мама.

– Некогда, ждут.

Нас ждали на последней остановке. И вот мы всё вместе вступаем в лес. Минут 20 бродим по лесу. Наконец «командирша» Наташка говорит: «Здесь». Сумки брошены на траву, кто-то берется ставить палатку, кто-то очищает место для костра. Все пишут свои пожелания и планы на 3 года – самое, самое сокровенное. Записки кладут в белые конвертики, конвертики – в бутылку, а бутылку утром заруют в землю. Мы придем сюда через 3 года. Мы будем читать, улыбаться, а может, и грустить о чем-нибудь несбывшемся.

Несколько человек запевают, но на гитару падает первая капля, и вот уже дождь. Всем в палатке не уместиться. Мы бежим в дом, который строят неподалеку. Кто-то раскрыл сборник Василия Кубанева «Идут в наступление строки». Каким замечательным человеком был Кубанев, а ведь прожил всего 21 год.

Все по очереди смотрят на небо. Дождь – незапрограммированное мероприятие. Но и дождь кончается – все бегут к костру. А у костра – Женька. Он в длинном плаще и с палкой в руках, как настоящий лесовик. «Огонёк» открывается линейкой, в чем-то торжественной, в чем-то шуточной. Те, кто остается в школе, дарят выпускникам

кораблики с алыми парусами. На борту дата встречи – через 3 года. Все выпускники по решению общего сбора остаются почетными членами клуба юных коммунаров.

Исчезли последние отблески заката. На лес опустилась ночь. Хорошо лежать у костра и молча смотреть в огонь или тихо петь: «А желтый цыпленок заснул тихим сном», а потом: «Люди идут по свету»...

– Послушайте,– говорит Наташа,– у меня есть письмо с фронта от одного человека, Зоиного дяди. Мы его сейчас прочитаем.

Желтые листки фронтовой почты и слова о России, о великом народе, о великой вере в великую победу. Когда читаешь книги о войне, то, бывает, и засомневаешься: а были ли такие письма? А не было ли все проще и менее героично? Но тут, у костра, в лесу, эти старые листки убеждают: были люди, не боявшиеся высоких слов, готовые идти на смерть. Листки идут по кругу. Буквы пляшут перед глазами желтым огнем. Минуты молчания.

«Огонёк» есть «огонёк», и завершается он разбором работы дежурного командира. Затем снова песни. В два часа ночи опять пошел дождь. Девчонки забираются в палатку. Мы, мальчишки, стоим под дождем, держа над головой брезентовое полотно. Утром тщательно закрытую и залитую воском бутылку с конвертами опускаем в яму. Укладываем на место дерн и фотографируем это место.

– А через три года здесь будет колесо обозрений, – говорит Сашка. И все смеются. Мы идем по мокрой лесной дороге, скользим по грязи. Полседьмого утра. Народу в трамвае немного. Одни смотрят на нас с удивлением, другие – понимающе, третьи – недовольно: «Это еще что такое? Такие большие, а в красных галстуках, и бог знает откуда в такую рань!» Мы провожаем наших дальних жителей. Меня встречают ребята, трое парней, и спрашивают: «Ну как?» Я им говорю: «С добрым утром», а потом показываю кораблик с алыми парусами. И еще я их фотографирую.

Дома я раздеваюсь и валюсь на диван. Вечером иду к Сашке, потому что он пригласил всех слушать Баха, и я хочу еще раз поглядеть на всех ребят и девчонок.

Через 2 месяца я сдавал экзамены в институт. У меня был день рождения. Утром мне принесли с почты 15 телеграмм и разочарованно сказали: «А мы думали – профессору».

А НАЧАЛО? ...А все началось с 20 «активных, инициативных», которых однажды телефонограммами звали в Дом пионеров и школьников на Загородном проспекте. Помните? «Пришлите активиста с цветочком...»

Глава восьмая, самая будничная

СБОРЫ, СБОРЫ... Стоп! Мы должны остановиться, оборвать предыдущую главу и начать новую. Иначе у читателя, пожалуй, сложится впечатление, будто коммуна превратилась в сплошной праздник: поездки, встречи, объятия, поцелуи... И все это во всесоюзном масштабе.

А на самом деле жизнь коммуны продолжается, как всегда: зимний сбор, весенний, летний, осенний... И каждый сбор надо долго готовить, и на каждом должно быть что-то новое. Ребятам, сегодня вступающим в коммуну, мало дело до ее истории. Им все равно, интересной или неинтересной была «Первая Ефимия» – первый сбор в Ефимовском районе. Они едут в Ефимию этим летом, и нынешний сбор для них – первый, главный, сбор «на всю жизнь». У каждого коммунара, когда бы он ни пришел к нам, должна быть своя Ефимия.

И потому:

Решение общего сбора коммуны от 18 мая 1966 года

1. Одобрить результаты коммунарской разведки.
2. Выезд в Ефимию на 8-й летний коммунарский сбор назначить на 9 июня. Сбор в ДПШ.
3. Базой коммуны считать деревню Озерово.

Ефимия продолжается!

НАРЯДЫ, ТАШКЕНТ И КУРОЧКИ. До обеда мы удобряем селитрой гибридные всходы. Наш гибрид – это помесь капусты со свеклой. Селитра ему полезна, но в строго ограниченных количествах. Ребята с энтузиазмом вникают в диалектику взаимоотношений селитры и гибрида. Вместо одного-единственного способа внесения селитры, которому обучил нас бригадир, придумано по крайней мере 10 новых. Одни из них официально признаны и даже одобрены, другие – полуполезальные, третьи – запрещенные, антигибридные.

В разгар кампании по борьбе с халтурой на гибридных полях появляется колхозный бригадир. Магун напоминает командиру, что Ф. Я. просила договориться с колхозом о нарядах, т. е. о деньгах за работу. Эти деньги будут переведены пострадавшему от землетрясения Ташкенту.

Через 5 минут на борозде у Магуна происходит короткое совещание. Наташка и Аркадий вносят контрпредложение: работать бесплатно, как всегда, а Ташкенту помочь из сэкономленных сбережений.

– Я не возражаю, – говорит Магун. – Как будем экономить?

– Очень просто, никаких курочек.

Когда мы уходили в десант, Ф. Я., выдавая Аркадию деньги, просила не экономить и как следует кормить детей – варить куриный бульон, покупать сметану и фрукты.

Курочки в «Алтае» успеха не имели. Вернувшись, Аркадий на линейке торжественно отчитал Ф. Я. результат введенного режима экономии – 55 рублей 27 копеек.

ЧАС И ЕЩЕ ЧАС. На «откровенном разговоре» мне выдали, и в первую очередь за то, что не люблю физический труд. Это был мой первый спутник, и работать на нем я действительно не научился. Дома приучен не был. На поле, на своей грядке, я через несколько метров уставал. Мне надоела эта свекла, которую надо спасти от сорняка; я

халтурил, рвал сорняк не под корень, а у земли – так было легче. Никто, кроме меня, этого не видел и видеть не мог. Разве только через месяц моя грядка выдаст меня, зарастет сорняками раньше других.

Потом наступило самое плохое: я начал злиться. Злился на сорняк, на грядку, на солнце, на ребят, работу, на себя. Раздраженно отказывался от помощи. Везде смех, шутки, где-то на лучшей грядке виднеется знамя, а я злюсь.

Понадобились долгие часы работы, чтобы эта злость сменилась на чувства противоположные. Однажды пошел на хитрость. Предложил на «огоньке» свою кандидатуру в оформители – за время работы оформить лагерь. Полдня был просто счастлив, пока не вернулись с работы ребята и не разрушили счастье прозрачной речевкой:

Нас мало, мало нас,
Нас мало –
Не хватает среди нас
Одного нахала.

Другой сбор. Огромный завод. Мы работаем на строительстве нового цеха. Девчонки грузят на машины кирпичи. Мы ломками сбиваем застывший цемент. На каждый отколотый кусок уходит 15–20 минут.

Невыносимо жарко (больше 30°), тяжело и... невыносимо весело. У рабочих давно перерыв: смотрят на нас кто с удивлением, кто с улыбкой, а мы без перерывов, только бегаем обливаться из шлангов. Солнце. Все мокрые. Борис Михайлович рисует (раньше бы на него злился, а теперь весело). Рисует, наверное, большие ломы, маленькие фигуры, худые руки в огромных перчатках, а ты поднимаешь лом, привстаешь на носки – сейчас ударишь! И чувствуешь себя очень сильным, ну просто Геркулесом. Правда, после свершения десятка подвигов руки устали. На каждый кусок теперь уходит больше получаса. Часто меняемся. Бьем неверно. Ну хоть бы ветерочек. От девчонок доносится песня про вольный ветер.

– А ну-ка вдарим!..

И еще час. И еще. Солнце. И весело.

...Я на Брянщине – на этюдах. Попросили помочь колхозу с торфом. Нарезанный торф мокрый и очень тяжелый. Перекур.

– Что вас в Ленинграде – работать учат?

– Учат.

ИДУ С БРАТОМ. В коммуну я попал из-за старшего брата. Он был членом отряда «Алтай». Помню, каждый раз он возвращался из Ефимии, покрытый коркой из репудина (средство от комаров) и крови, и всегда был полон впечатлений. Он много рассказывал о коммуне. Я очень ему завидовал, я просил его, чтобы он взял меня с собой. Но он только отнекивался или совсем ничего не отвечал.

Но один раз он взял меня на сбор в ТЮЗ. Вместе с другими ребятами мы пошли в ТЮЗ от нашей школы. Мы шли посредине мостовой, пели песни. Все останавливались и смотрели на нас. Машины вынуждены были объезжать нас. Я шел рядом с братом и был

так взволнован, что забыл все на свете. Мне казалось, что я тоже член коммунарского отряда «Алтай». Впереди «Алтай» шел знаменосец и нес знамя. Оно развевалось на ветру. Когда мы пришли в ТЮЗ, он был битком набит ребятами в красных галстуках. «Алтай» должен был показать и рассказать, что он делал летом. Надо было показать, как отряд шефствовал над детским садом. Для этого отобрали несколько первоклассников. Мы изображали воспитанников детского сада, а коммунары показывали, как они гуляли и играли с малышами. Сбор был очень интересный. После него артисты ТЮЗа показали спектакль «А с Алешкой мы друзья». Потом мы разошлись по домам.

Теперь я в VI классе и тоже ездил в Ефимию.

МОЙ РЫЦАРЬ. Горн раздался неожиданно. Мы быстро собрались на месте общего сбора. Дежурный командир сказал:

– Объявляется рыцарская тревога. Мальчики, сегодня вы не просто вежливы по отношению к девочкам, сегодня вы – рыцари. Вам ясно?

Да, всем было ясно, и это девочки поняли сразу после линейки. Был ужин. Представьте себе наше положение, когда каждую девочку у костра встречает один с кружкой молока и куском булки с маслом, второй стоит и обмахивает ее, защищая от комаров, третий развлекает разговорами. Ей остается только разыгрывать из себя королеву. Великолепно, не правда ли?

Мы ночевали в интернате. Туда мы шли около часа, специально растягивая удовольствие. Мне попался необыкновенный рыцарь – мальчишка из «Днепра». Мы шли по полю. Я изображала маркизу, он – графа. Не знаю как, но он ухитрился в одно и то же время поддерживать меня, отгонять комаров, тащить на себе два спальных мешка (свой и мой), опираться рукой на только что сделанную шпагу и трепаться со мной. Все это было очень мило. По дороге мы придерживались тона великосветской беседы. Говорили о рыцарской чести, о любви дам, об отваге и трусости.

У нас на сборе были три отличных парня из «Алтая». Они ходили всегда вместе, в солдатских гимнастерках с широкими ремнями. Они были очень высокие. Мы называли их тремя мушкетерами. В этот вечер мушкетеры решили изображать бандитов с большой дороги. Они напали на моего несчастного рыцаря в надежде, что он оставит меня в покое, а сам из трусости удерет. Но мой рыцарь был не из таких. Он с честью выдержал испытание и, вернувшись ко мне после боя с тяжелым ранением, предложил мне руку и сердце: он говорил, что заслужил это право, выйдя с честью из ужасного поединка. Я, как добродетельная маркиза, перевязала своему поклоннику рану, но потом возмутилась.

– Как! – вскричала я. – Вы дрались и жертвовали собой из тех же побуждений, что и сотни других рыцарей, которые думают только о том, чтобы получить на карету мой фамильный герб и деньги моих предков! А я-то вообразила, что вы защищаете мою и свою честь. Стыдно, граф, стыдно! Неужели мы не можем любить друг друга без всех этих формальностей? Ведь говорится же в речевке: «Формалист и бюрократ – самый ядовитый гад!» Я ускорила шаг, считая, что граф недостойн даже моего взгляда. Но вот что я услышала от него в ответ:

– Я думал, мадемуазель, что вы не так глупы. За кого вы меня принимаете? За какого-нибудь плебея? Нет! Мое имя – граф де Моруа, вы это забываете, мадемуазель! Мне не нужны ваши деньги, мне нужна ваша любовь, и не отвергайте меня! Я многому смогу вас

научить, я добился степени бакалавра! Еще раз говорю, не отвергайте меня, маркиза, ибо ученье – свет, а неученье – тьма!

С этими словами влюбленный рыцарь преподнес мне букет полевых цветов. Мы подошли к интернату. Оттуда слышалось пение. Все ребята стояли в одном большом кругу, положив руки друг другу на плечи, и пели. Пели мы в этот вечер больше, чем когда-либо. А мальчики очень тактично и участливо (видно, это участие доставляло им большое наслаждение) интересовались, больно ли в данную минуту кусает нас слепень, комар или еще какой-нибудь «хищник».

Это был замечательный, романтический вечер. Почему-то я никогда еще не чувствовала такой душевной близости и такого доброжелательства ко всем ребятам без исключения.

После этой идиллии мальчишки пошли стелить нам спальные мешки и выгонять комаров из помещения. А потом, как обычно, был «огонёк».

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ТЕЛЕФОНУ. В записных книжках несколько страниц – для телефонов. Начинаются они с того номера, с которого для многих начиналась коммуна, – К-2-29-19. Это Дом пионеров. Ф. Я. Как правило, набирая номер, слышишь короткие гудки «занято».

А потом – телефоны ребят и девчонок. Каждый год, каждый сбор прибавляет новые и новые, и если сложить листки всех телефонных книжек – пожелтевшие, измятые, исписанные разными чернилами и почерками, то это – моя история, история коммуны, зашифрованная только нам понятным шестизначным кодом.

А-5...

– Володька? Слушай, как бы достать пару книг?

– Диктуй.

– «Учебник логики» и «Введение в конечную математику».

– Понял. Позвони завтра вечером. А у тебя не осталось от сестры медицинских книг?

А-1... Год назад на 58-й минуте разговора вклинулась телефонистка и злым голосом сказала:

– Товарищи, как не стыдно! Мне звонят, говорят – телефон испорчен, а это вы, оказывается, никак не можете наговориться!

Мы с Тamarкой повесили трубки, а потом снова говорили минут 20: не виделись неделю, и сообщить нужно – горы.

Мы мечтаем о телефонах у всех, пробуем одновременно вдвоем набирать один и тот же номер, чтобы втроем ругаться, говорят, однажды вышло.

До наших не дозвониться. Бывает, что заняты сразу почти все номера. Крутят телефонные диски «частники» и «автоматчики».

– К Ирке завтра в шесть у памятника.

- В пятницу премьеры в ТЮЗе. Нас приглашают. Помнишь?
- Это детский сад?
- Ах, извините!
- Слушаешь? Есть новые стихи.
- Читай.
- «Алтай» в триста двадцать первой в четыре. Надо быть, разговор по спутнику.
- Вечером будут звонить ребята из Новгорода со сбора. Если сможешь, к десяти у меня.
- Мотив к твоему тексту вроде сделал.
- Давай.
- Так не свистеть же в трубку?.. А! Давай, я положу трубку на пол и наиграю мелодию: может, услышишь. Разобрал? Ты знаешь, я припев хочу другой.

– Слушаю.

– В одиннадцать – москвичи, а в десять Севка уезжает в Москву. Встречать-проводить будешь?

– Завтра контроша по физике. Одна задачка, ну точно в ответе наврана. Но на всякий случай попробуй, а?

– Потрясающий фильм!!! Завтра же смотри!

Звонить могут когда угодно, как только будешь нужен. Самый поздний звонок был около двух часов ночи. Говорили 40 минут, причем первые 10 я пытался проснуться и понять, в чем дело. Положил трубку в полтретьего и долго не мог уснуть.

Мы взрослеем. Перечисляем факультеты и институты, где учатся выпускники. А телефоны...

– Здравствуй, это я.

– Здравствуй, «ты»!

– Я здесь.

– Где?

– В метро.

– Буду через десять.

И гудки, гудки в трубке. А по инструкции – «услышав короткие гудки, немедленно повесьте трубку».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. Я пришел в коммуны 24 марта 1963 года, на четырехлетие. Слышал о коммуне очень давно. До сих пор для меня загадка, почему не попал раньше. Я сейчас часто думаю, что если бы мог привести ребят из класса на день рождения коммуны, то им очень многого не надо было бы объяснять – ускорился бы процесс понимания. В какой-то мере это было и со мной: многое, до чего бы долго доходил, увидел в один день.

Наши дни рождения – это огромные сгустки нашего, дни, когда выливается то, о чем не могут говорить: самое дорогое. Любовь к коммуне, благодарность, ощущение счастья. Потому что иметь коммуны – это счастье.

Смотрите 24 марта в глаза ребят – вы все это увидите и поймете. (Не забудьте подойти к зеркалу и посмотреть в собственные глаза.) Страшно везет тем, кто пришел и придет именно 24 марта. Тем, кто придет, я очень завидую. Честное слово, это хорошая зависть. Я точно так же завидую тем, кто впервые поедет в Михайловское, кто впервые прочтет Грина, увидит Гогена...

ПЛЕМЯННИК. Зимний сбор. День отряда. «Алтай» дает на каждом этаже больницы по концерту.

С третьего отпрашиваемся с Киселевой у ДКО на почту – звонить. У Ирки скоро появится племянник.

Автобус. Едем обратно.

– Его назовут Димка.

– Знаешь что, воспитаем Димку по-коммунарски!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ – НАТАША. Всей коммуной едем в Ульяновск. По пути останавливаемся на один день в Москве. И на Красной площади, у Мавзолея, была наша коммунарская линейка. Линейку вела Наташа Перфильева, та самая, которая когда-то потеряла новые синие варежки со звездочками.

Сколько раз она проверяла командиров, чтецов, и все равно это было очень страшно – самой вести линейку. И вот уже горнят на построение, потом после команды отряды торжественным маршем выходят на линейку. Построились. Рапорты: «Товарищ председатель совета коммуны!»

А председатель – Наташа, это ей сейчас сдают рапорты на Красной площади.

ЗДРАВСТВУЙ, ВОЛГА! Боже мой, ну и денек! Мы все время спешим и все время опаздываем. Сегодня «Сибирь» – дежурный отряд, и мы работаем на кухне. Целый день как белки в колесе, и все-таки ничего толком не получается. Опоздали с обедом, а сейчас опаздываем с ужином. Да и день, как назло, выдался жаркий, воздух стал раскаленным и тяжелым, песок жжет ноги. В такой денек забраться бы в тень и носа бы не показывать. А тут – на тебе, прыгай по горячему песку вокруг костра и мешай плюющую кашу.

Боже мой, боже коммунарский! Как налетели, ну свалят же котлы. Нет, опомнились, встали в очередь. Ну, вот и всё. Кажется, всем хватило, ревком сыт. Поворчали, конечно, но дети у нас, в общем, культурные: сказали «спасибо» и пошли мыть миски. А впереди довольно неприятная процедура – мытье котлов.

Тащим закопченные котлы к Волге и замираем удивленные. Никогда еще Волга не была такой красивой. Мы стоим растерянные и чумазые, с грязными кастрюлями в руках, и боимся войти в воду, боимся нарушить эту гармонию цвета, эту несказанную красоту. Вода перестала быть прозрачной. Волга словно наполнена холодной сталью чуть голубоватого оттенка. По вечернему небу медленно стекает огненным сгустком красное солнце. Все вокруг неподвижно и безмолвно.

Красива ты, Волга, очень красива. А все равно зовет и манит нас к себе далекий северный город. И, глядя на ночное бархатное небо с роскошными звездами, мы видим наше хмурое и туманное родное ленинградское небо.

ОПЕРАЦИЯ СУ. 20 июля на ульяновском сборе Ф. Я. надумала покатаить детей на «Ракете» с подводными крыльями. В ревкоме были «согласные» и «несогласные», но серьезно возражать никто не стал.

После полуторачасового ожидания к пристани подошел обычный бескрылый пароход под номером «МО-12». Стараясь не терять бодрости, мы заняли большие каюты. Прокатились вниз по Волге, слезли у какого-то пионерлагеря, дали концерт и около двенадцати вновь ступили на Ульяновскую набережную.

Уже на трамвайной остановке Ф. Я. вдруг (для верности, что ли) спросила: «У кого моя сумка?» Вопрос трижды передавался по рядам, но, увы, остался безответным. Прутт и Колька Крыщук рванули обратно на пристань: они принадлежали к тем немногим, кто знал, что в сумке Ф. Я. – все финансовые документы и деньги на обратный проезд коммуны. Ф. Я. подошла к девочке, которой поручила сумку. Девочка сказала, что забыла сумку на пароходе...

В 8 утра собрался ревком.

Решили:

1. Не паниковать.
2. Сбор продолжать.
3. Заявить в милицию о пропаже.
4. Собрать общий сбор и объяснить положение.

На общем сборе выяснилось, кому была поручена сумка. «Разбирать» поступок девочки не стали, то ли потому, что если уж что-то решать, то надо было решать сурово; то ли потому, что все чувствовали себя виноватыми – не могли осмотреть пароход перед уходом.

Устами Ф. Я. мы призвали сохранять спокойствие. Довели до всеобщего сведения – в сумке 200 рублей. Если она не найдется, деньги на обратную дорогу придется зарабатывать.

23, 24, 25, 26-го коммуна работала. 27-го мы уезжали. Денег заработали много, но на 7 билетов все-таки не хватило. Контролер засек и, несмотря на подробный рассказ о потере сумки, о том, на какие деньги куплены билеты, оштрафовал Ф. Я. на огромную сумму (пока на бумаге – денег-то не было, но бумагу обещал отправить по месту работы). На

другой станции пришел другой контролер и долго возмущался черствостью предыдущего. Но штраф уже был наложен.

Самое печальное началось в сентябре, когда была учреждена специальная «комиссия для проверки». Комиссия выясняла, куда девались деньги. А как, спрашивается, доказать, что деньги потеряны? Найти. О, если бы найти!..

Комиссия держала Ф. Я. в постоянном напряжении, что явно сказывалось на ее спокойствии, трудоспособности и прочих деловых качествах. В конце концов комиссия пришла к выводу, что Ф. Я. ничего не присваивала, а, наоборот, выложила безвозмездно еще и свои деньги. Но сколько было испорчено крови, нервов, рабочих дней и просто дней человеческой жизни у Ф. Я. и у тех, кто был рядом с ней.

Я не умею драться, но сжимаются кулаки, когда люди, закрыв глаза и зажав уши, не желая ничего видеть и слышать, идут против очевидной честности и самопожертвования. И все это в обрамлении лицемерных фраз: «Фаина Яковлевна! Да вы нас не так понимаете. Ведь мы же ничего лично против вас не имеем. Мы хотим просто выяснить, как было дело...» Пропажу сумки и всю эту историю прозвали с грустным юмором «Операция СУ».

КТО ДЕД МОРОЗ? Традиции столько лет, сколько и КЮФу. Каждый день рождения коммуны к концу вечера в зал вносят несколько коробок мороженого – всем мороженое, всему залу. Это как подарки на рождественские праздники, что ли. Такое чаще снится. Ну, кому в детстве не снятся горы любимых конфет, игрушек, мороженого? И мама говорит: «Ешь, сынок, сколько хочешь». В этом году я принимал участие в организации дня рождения. Вспомнил:

– Ф. Я., как с мороженым?

– Обязательно сделаем, а как же?

– Значит, собирать деньги?

– Ты что, с ума сошел? Хорош подарок! Вот тебе десять рублей, двадцать... Получай.

Так я и узнал Деда Мороза.

КОММУНАРСКАЯ МАМА. Когда мама узнала, что я иду на день рождения Фаины Яковлевны, она засуетилась и протянула мне коробку конфет.

– Мама, ты же знаешь, что у нас общие подарки, дарим книги.

– Ну, передай это от меня. Да, да, от меня Фаине Яковлевне. – Мама стала перевязывать коробку ленточкой.

Оказалось, что я такой не один. Вслед за мной к Ф. Я. подошла Таня Теплиц и сказала, что у нее подарок от бабушки и что это съедобное. Потом еще и еще. В общем, еще до нас Ф. Я. поздравили наши папы, мамы и бабушки. А ведь коммуна, кроме того, что изменяет сына или дочку, приносит родителям занятость детей, разлуки, переживания.

Кругом твердят нам:

– Берегите Ф. Я.!

И мы бережем. В походе приставляем к ней двух коммунаров.

– Это для чего? Перетаскивать меня из лужи в лужу? – смеется Ф. Я.

В последний день рождения коммуны кто-то выкрикнул на линейке:

Коммуна идет
И криво, и прямо...

Все хором ответили:

Но с нами всегда
Коммунарская мама!

Глава девятая, самая... нет, не самая последняя

КТО ПРЕДСКАЖЕТ СУДЬБУ? Ужасное занятие – писать книгу! Журналистка Стелла Гуревич, друг коммуны, мучается с нами уже второй год, ездит на сборы, «выбивает» из нас заметки, заставляет писать и переписывать. А мы то и дело отрываемся от листков, потому что воспоминания о прошлом вновь заставляют нас задуматься о будущем коммуны...

Порою нам бывает очень трудно, и все новые и новые проблемы встают перед нами, и сначала они кажутся неразрешимыми, кажется, все пропало. А потом, глядишь, выход найден, всё как-то само собой утрясается, и – смотри! – жива коммуна, и новенькие после сборов пишут в анкетах такие же восторженные слова, какие мы, старшие, сами когда-то писали...

А мы стали строже к коммуне. Нас все время что-то не удовлетворяет, мы ругаемся на сборах между собой и ругаем коммуны – мы требовательны к ней беспредельно.

Проблем много, но, пожалуй, самая главная – проблема старших ребят, гайдаровцев, как их называют в коммуне.

МАЛЫШИ ПОДАЮТ ГОЛОС. Я расскажу обо всем честно. Вот какое-нибудь дело. Собирается отряд и начинает думать. Сначала, конечно, треплются, смеются, а в результате остается полчаса – и неподготовленное дело. И тогда начинают думать старшие ребята. Они, конечно, и умнее нас, и опытнее, у них интереснее получится. А мы, младшие, сидим и смотрим, как они придумывают. В лучшем случае нас пошлют в магазин за бумагой и за красками, а то просто сидим и «думаем». Один раз мы говорили об этом, а старшие ответили: «Но нам же тоже не все равно! Мы хотим, чтобы наш отряд был лучшим».

Мы тоже хотим! И как раз поэтому мы не думаем в полную силу. Ведь все равно старшие лучше придумают.

«БОГИ» И ЛЮДИ. Когда я была меньше, старшие коммунары казались мне чуть ли не богами, во всяком случае «высшими существами», особенно по сравнению со взрослыми ребятами во дворе и в школе. Магун, Лосенков, Шенс, Тамара Галкова, Цивин, Прутт поражали меня своим умом, цельностью, юмором. Они все очень здорово

импровизируют. Это сначала казалось очень необычным, потому что в классе часто прежде, чем что-нибудь сделать, все буквально зазубривается, а получается ерунда.

Но уже через год, через два смотришь на всех по-другому. Старшие перестают быть «богами», но совсем не потому, что ты их больше не считаешь умными. Просто когда вместе живешь на сборе и потом часто встречаешь, все ребята становятся более близкими. Шенса, например, я раньше считала слишком веселым. Он мне всегда нравился, но быть похожей на него я не хотела. А на зимнем сборе все перевернулось. Мы с Шенсом говорили о многих вещах, и неожиданно для меня он оказался очень направленным, серьезным, ну, в общем, совсем не таким, как раньше. Сейчас у меня уже совмещается, что Шенс и первоклассный трепач, и добрый человек, который поможет тебе, когда трудно.

Раньше, я помню, даже боялась старших. Особенно Лося. Боялась, что, когда буду с ним говорить, покажусь ему ужасно глупой и маленькой. Но это все потому, что Лось по-настоящему талантливый человек и мне никак к нему не приблизиться. Но это, по-моему, не так уж важно.

И еще мне открылась одна вещь, совершенно для меня неожиданная. Я даже не представляла себе раньше, что наши старшие коммунары могут друг к другу плохо относиться. То есть не думала, что кто-то из них может быть с другим не в самых хороших отношениях. Меня это открытие просто вывело из нормального состояния. Человека, которого обожают почти все новенькие, оказывается, не все старшие любят!

Потом очень трудно определить, кто из старших с кем дружит. В школе всегда ясно: ребята, которые дружат, ходят по двое или по трое. А в коммуне такого, конечно, быть не может, потому что старшие у нас в разных отрядах. И вообще, такая «школьная» дружба просто нелепо выглядела бы в коммуне.

УХОДИТЬ ИЗ КОММУНЫ? Предложение было такое: разделить коммуну на две части – младшую и старшую. С тех пор доводы против деления почти не претерпели изменений.

Первый довод. Прелесть коммуны – в ее разновозрастности. Может, именно в трогательных (без иронии) отношениях старших к младшим и младших к старшим и рождается коммунарский дух.

Второй. «Старшие хотят быть идеалом для младших» (Ф. Я.) и, стремясь к этому, раскрывают, может быть, лучшее, что в них есть.

Третий. Младшие, с радостью подражая старшим, перенимают у них коммунарский стиль жизни.

– А вы предлагаете разделить старших и младших...

Все это, конечно, верно, но в определенных границах. Безграничная разновозрастность в условиях коммунарских отрядов оказалась вредна и для младших, ибо старшие – более взрослые и опытные – часто, как мы говорим, «зажимают» младших, т. е. настолько расширяют свою часть коммунарского поля деятельности, что младшим остаются две-три бороздки, да и те уже вспаханные. Например, последний зимний сбор именно благодаря старшим прошел отлично. Но, может быть, он и без старших прошел бы хорошо, и это было бы в пять раз полезнее, чем «отлично» со старшими.

Итак, старшие не дают младшим расти, становиться коммунарками. А для чего же тогда коммуна? И для старших, ибо, когда коммунар делает шаг в старшие, это для него действительно шаг вверх по лестнице коммунарского развития. Шагнул коммунар в старшие, побывал на двух-трех сборах, и самое время сделать новый шаг. Ведь старший-то еще не взрослый, старший растет. Но куда этот новый шаг? Уходить из коммуны?

А дело его – в коммуне, большинство друзей – в коммуне, и лучшие годы свои он прожил с коммуной. Из-за чего же уходить? И коммуна рада этому, она хочет остаться главным воспитателем старших, по крайней мере до того, как они окончат школу.

Но, увы, коммунар, став старшим, уже не по ступеням вверх идет – он попал на огромную лестничную площадку. И шага вверх не предвидится. Итак, топтание на месте?

Деятельность младших и цели, которые перед ними нужно ставить, не вызывали сомнений. Но какая цель будет у старших? Может быть, насыщенная интеллектуальная жизнь, обогащение знаниями с обязательной отдачей пионерам, сверстникам, взрослым?

Что будут делать старшие, до конца не ясно и до сих пор. Наверное, самое правильное – чтобы они уходили из коммуны, оканчивая школу. Коммуна должна устраивать «выпуски».

Но старшие уходить не хотят! Вот ведь какая неожиданная беда.

НЕ УХОДИТЕ ИЗ КОММУНЫ! В университете на вступительном экзамене по истории женщина-экзаменатор задала мне первый вопрос: «Коммуну не бросили?» (На отвороте пиджака у меня был приколот значок КЮФ.) «Нет, – ответил я. – А вы знаете о комму не?» – «А вот знаю, – улыбнулась женщина. – Ну, приступайте к первому вопросу». Билет попался хороший, и через 10 минут у меня была пятерка. (Сколько из этих пяти баллов принадлежит мне?) Возвращая экзаменационный лист, женщина немного смутилась и сказала: «А из коммуны не уходите. Хорошее дело».

По-видимому, она не слишком много знала о коммуне, иначе она не стала бы так говорить. Как же уйдешь из коммуны?

ДЕЛАЮ ВЫВОДЫ. Я не могу утверждать, что именно коммуна сказала мне: «Иди и становись психологом, чтобы в меру сил послужить истине, если придется, то педагогической истине». Однако же я пошел на факультет психологии не без влияния коммуны. Она внутренне подготовила меня к этому шагу. Через два года учебы на факультете я понимаю это лучше, чем раньше.

Поэтому я хочу назвать те педагогические открытия – открытия для самого себя, – которыми я обязан коммуне. Эти открытия еще только в первых стадиях осмысления, они далеко еще не оформлены, но они имеют прямое отношение к моей будущей деятельности.

Я понял, что создатель и организатор детского коллектива не может создавать и организовывать, если он не будет частью этого коллектива, его головой и сердцем.

Я понял, что сделать, вырастить такой коллектив нельзя, если ты просто вооружен набором педагогических приемов, сколь прогрессивны бы они ни были. Все эти приемы ничто без высоких гражданских мотивов, которые побуждают к работе людей, строящих коллектив. Эти приемы ничто без гражданской ответственности, без гражданских

идеалов, которыми эти люди живут и в которых видят смысл жизни коллектива. Для тех, кто назовет эти слова излишне громкими, хочу повторить еще раз: коммуна показала мне, что воспитанием ребят могут успешно заниматься лишь те люди, которые понимают меру добровольно возложенной на себя ответственности и несут ребятам собственный, быть может выстраданный, жизненный идеал.

Об этом идеале. Я имею в виду не просто представление о хорошем времени, к которому нужно стремиться, и соответствующих ему хороших людях, нет. Для меня такой идеал – представление об образе жизни, который нужен сейчас, в наше время.

Я понял также, что стоит за формулой «коллектив – воспитатель». Коллектив – основная форма воспитания не только потому, что наиболее экономична (охватывает очень много ребят сразу) и потому лучше и быстрее решает задачи воспитания, чем другие формы. Человек по своей природе и назначению – часть других людей, живет среди них, вместе с ними, ради них и сам для людей то, что и люди для него, – условие существования. Воспитать человека – научить его жить среди людей и для людей. И сделать это можно опять-таки среди людей, в коллективе.

Еще я понял вот что. Характер формируется рано, иногда очень рано. Наука не установила ни точных временных границ, ни главных факторов, ни основных механизмов этого формирования. Одно только ясно: нравственный рисунок личности проступает рано. А что, если надо изменить его? Что, если маленького человека надо перевоспитывать?

Это возможно только в коллективе. Только коллектив имеет силу и возможность научить человека иным формам и иному стилю жизни.

МОИ ПЯТЬ ЛЕТ. Мне 18 лет. Свою жизнь делю на две части: «в коммуне» – с 13 лет, а все остальное – «до коммуны». Пожалуй, с тринадцати только и начал жить. До коммуны у меня был один друг. И всё. Остальные – приятели; мы узнавали друг у друга по телефону, что задано на дом, советовались, как решить задачу, вместе гуляли, играли.

Они отличались от моих нынешних товарищей. Главное отличие было в том, что сверстники довольствовались мной таким, каким я был, не заставляли меня быть лучше, не требовали от меня большего, чем я давал. Поэтому мы были только приятелями (школа моя, кстати, тоже довольствовалась и тоже не требовала).

А с другом мы еженедельно ссорились. Но именно он привел меня в коммуну. В первый же день вечером все собрались у костра. Вспоминали лето. У всех были добрые глаза, и называли меня с первого дня по имени – Володя.

Через две недели исполнится пять лет со дня моего открытия коммуны. Пять лет приобщения к коммунарскому братству. За это время и разглядел товарищей не только по добрым их глазам, но и по добрым в отношении ко мне делам.

ОЛЕГ ИВАНОВИЧ. На сбор в Музее Ленина в день рождения коммуны пришел со своими учениками Олег Иванович. Мы не видели его несколько лет. Он очень изменился. Постарел. Держится бодро. Улыбается нам. Чувствует себя неловко. Мы растеряны. Мы любим этого человека и не любим его. Мы чувствуем свою вину перед ним.

Кто-то предлагает:

– Давайте пригласим Олега Ивановича в наш строй. Неудобно.

Дежурный командир думает.

– Нет, – говорит он.

Мы не спорим. Спорить – говорить и объяснять. А говорить трудно.

ЧУТЬ-ЧУТЬ О ЦИФРАХ. За 8 лет мы провели 36 сборов коммуны, каждый продолжительностью в неделю или месяц. Через коммуну прошло 600 человек, а через спутники ее – более 5 тысяч. Сейчас в коммуне кроме пионеров 90 комсомольцев; 60 из них – студенты. Каждый второй наш студент учится в педагогическом институте или на факультете психологии. В городе работают 27 старших пионерских вожатых-коммунаров; 42 коммунара – на комсомольской работе.

В ЭТОМ ЧЕСТНОМ И ДОБРОМ МИРЕ. У меня четверо друзей. Это самые близкие мне люди. Никто не может понять меня лучше, чем они; никто не может помочь мне больше, чем они; ни к кому меня не тянет, как к ним; ни с кем не чувствую я себя увереннее, радостнее, чем с ними.

Иногда хочется побыть втроем, вчетвером. Но как хорошо, когда вокруг тебя 10, 30, 100. И не чужих людей – они знают тебя, волнуются за тебя, приходят на помощь, улыбаются.

Коммуна дала мне 150 таких людей – 150 товарищей.

Пожалуй, самая большая заслуга коммуны в том, что она допустила нас к жизни не наблюдателями, а участниками. Она убедила нас в том, что преступно ждать взрослости, чтобы начать жить. Мы зорче стали вглядываться во все происходящее и в людей, с которыми встречаемся, поэтому нам легче определить свое место среди этих людей.

Сперва, когда человек приходит в коммуну, он находит удивительно честный, добрый и интересный мир. Когда человек подрастает, он начинает понимать, на чем держится коммуна, ее сущность. Сущность коммуны, по-моему, в том, что все мы живем ради товарищей.

И что бы с коммуной ни случилось, все равно рано или поздно она опять пойдет воспитывать мальчишек и девочек, потому что все люди, сознательно и бессознательно, в конечном счете живут ради человека.

МОБИЛИЗАЦИЯ В РЕВКОМ. Мы с Пруттом поднимаемся по лестнице. Звоним. Сначала нам открывают, потом нас кроют за опоздание, наконец предлагают раздеться. Полревкома хлопчет на кухне: варят кофе.

Входим в комнату Ф. Я. – две полки с книгами, стол и раскладушка, покрытая чем-то цветастым. Леонова вносит кофе. В комнате человек 15. Восьми удается сесть, семеро оставшихся устраиваются вторым этажом. Произношу патетическую речь:

– 22 января 1904 года родился Аркадий Гайдар. 22 января 1947 года родился Владимир Лосенков. Лось, мне кажется, что это символично. И потому я поднимаю свой кофе за 22 января – день рождения Гайдара и Лосенкова.

Ф. Я. вручает Володьке бюст Гайдара, Забиран – книги.

Орем «ура!» по военно-морскому и переходим к кофе. Большинство присутствующих с утра не были дома, поэтому печенье «лакомка» и всё рядом с ним находящееся, несмотря на правила хорошего тона, через 5 минут уничтожены. Появился второй кофейник. Глубокая тарелка по второму разу наполняется печеньем. Теперь можно переходить к светскому поведению: потягивая кофе, обсуждать мировые проблемы.

Перво-наперво поговорили о сборе. Все вроде бы хорошо, но почему не было ревкома? И Ф. Я. говорит, что так как большинство ревкомовцев постоянно с коммуной работать не могут, то надо бы нас ввести в ревком. Нас – это несколько старших коммунаров. Оказывается, нам теперь столько лет, сколько было Ире Леоновой, и Вите Малову, и М. П. Забиран, когда они пришли в коммуны в качестве «взрослых».

Выросли, значит. А мы и не заметили.

...Только что кончился «Вечер горящих сердец». Каждый отряд рассказывал о своем любимом герое. К роялю около сцены из зала идет Ира Леонова. В руках – кожаная папка: в такие адреса вкладывают. Я догадываюсь, что сейчас будет.

– Решение ревкома. Ввести в состав ревкома коммуны юных фрунзенцев коммунаров Прутта Александра, Лосенкова Владимира, Кулиеву Гюльнару, Магуна Владимира, Вознесенскую Александру.

В зале – буря. В ревком вводят не новых взрослых, а старых (хотя еще и не взрослых) коммунаров, которых сделала коммуна. Может быть, это итог жизни коммуны. Вернее, один из итогов.

Хватают за руки: справа – Лось, слева – Прутт. Ревком уже поет «Октябренка». И буря тоже превращается в песню. Потом опять буря. Потом расходимся – уже ревкомовцами.

До конца дня руки все время заняты. Каждый берет в свою и долго трясет – одну или обе сразу. А у меня, я знаю, счастливое лицо. Наверное, самое счастливое в жизни.

ПОСЛЕДНЯЯ АНКЕТА. Какая черта объединяет всех коммунаров?

– Целеустремленность.

Без чего бы я сейчас не смог жить?

– Без коммуны, без друзей, без мечты.

Боюсь ли я смерти?

– Боязнь смерти уже прошла. Теперь уже не просыпаюсь в поту и не плачу в подушку: «Меня не будет!»

– Некогда думать (кроме того, по натуре – оптимист). Только иногда печально: просто физически не охватить за одну жизнь того, что хочешь, не побывать там, где хочется.

Какие у меня самые счастливые дни?

– Дни, проведенные с командой в Новгороде, дни в Михайловском, 24 марта – дни рождения коммуны.

– Мне очень часто бывает хорошо. Спасибо за это всему простому и доброму.

Что изменила в моей жизни коммуна?

- Изменила все.
- Пришел совсем другим.
- Родила второе «я». Перевоплотилась во второе «я». Спасибо!

КОММУНАРСКОЕ БРАТСТВО.

– Раз, два... Не уроните!.. Три, четыре, еще пять...

Я взлетаю над палатками. Меня качают впервые в жизни. Вокруг улыбающиеся лица. Сегодня у всех коммунаров праздник.

Мы беремся за руки и змейкой бежим на огромную горбатую поляну. Все что-то кричат, а я не могу – в горле комок. Такое я только в кино видела: все рады, все поют, кричат, каждый каждому товарищ. Если бы сейчас посмотреть с самолета, был виден бы один огромный белый круг на зеленой поляне. Я – частица этого круга, и, если уйду из него, он разорвется. А сейчас нас много и мы сильные...

– А где Колька? – спрашиваю у Анюты.

– Он на кухне костер поддерживает. Я звала – не идет. Надо, говорит, чтобы обед сегодня вовремя был.

К пятилетию, ко дню рождения коммуны, Б. М. Неменский подарил нам свою картину. На огромной горбатой поляне сидят в кругу ребята. Поляна напоминает земной шар. Коммунарское братство. Это – о нас...

С.О.: В предсмертной книге Симона Львовича Соловейчика (так и названной: [“Последняя книга”](#)) есть воспоминание о том, как в 1969 году издавалась книжка “Фрунзенская коммуна” ([гл. 56](#)):

...была подготовлена книга о Фрунзенской коммуне, составленная из рассказов ребят. Тяжелое дело, чуть не год ушел на маленькую книжечку. И вдруг в издательстве говорят: надо вставить в предисловие имя такой-то комсомольской начальницы. Как это – вставить? Она неплохая женщина, но она была против коммуны – так, во всяком случае, говорили. Как же теперь вставить ее имя в список помогавших? Что ребята скажут? Что подумают? Нет.

Собралось маленькое совещание, и вдруг напрямую говорят: “Вставьте имя – такой-то гонорар, не вставьте – в три раза меньше”. То есть никакой.

Мне казалось, я ослышался. Что?! Отдайте рукопись! “Она в ЦК”. Пошел в комсомольское ЦК. Снова – вовсе не плохой человек, да еще к тому же и новичок; но рукопись отдать “мы не можем”.

Не знаю, что со мной сделалось: как будто потерял сознание. И заявил, что подам в суд. “В суд – на ЦК?” – с интересом переспросил хозяин кабинета. “На ЦК. Отдайте рукопись”. Он помолчал, посмотрел на меня и, видимо, пожалел, что ли. Открыл ящик стола, достал злосчастную рукопись и, ни слова не добавив, протянул ее мне – я и не

думал, что она действительно у него. Книгу потом издавали в другом издательстве, все обошлось, и поправок вносить не надо было.

Воспитание творчеством

1. Результат

Идея принадлежит ленинградцу Игорю Петровичу Иванову, теперь профессору и доктору педагогических наук. Он получил философское образование, был учителем в школе, работал в ЦК ВЛКСМ и с середины 50-х годов стал заниматься методикой воспитания, но не в одиночку, а с группой учителей и вожатых Ленинграда. Они вместе обсуждали педагогические изобретения Игоря Петровича, тут же применяли их в своих школах и с удивлением обнаруживали, что дети меняются. Они все были молоды, Игорь Петрович поражал их своей начитанностью, новизной взглядов, верой и вдохновением; успехи окрыляли их, будущее их работы казалось им значительным, и они называли себя «Союз энтузиастов».

Союз этот существовал три года. Круг идей определился, они были отработаны настолько, что можно было от разрозненных опытов переходить к широкому эксперименту.

В марте 1959 года во Фрунзенском Доме пионеров и школьников Ленинграда собралась небольшая группа семиклассников и восьмиклассников. Предполагали, что создается скромная районная школа пионерского актива; первых ребят вызывали в Дом пионеров просто телефонограммами на имя старших вожатых: кого пришлют. Однако система идей, дел, отношений, предложенная И. П. Ивановым, оказалась настолько привлекательной, что вскоре в Доме пионеров появились ребята, далекие от общественной работы. Принимали всех, кто придет, без разбора – так и сложилась Фрунзенская коммуна. Коммуной это не вполне обычное и не вполне понятное педагогическое учреждение назвали в честь А. С. Макаренко; и всё, что относилось к Фрунзенской коммуне, – дух, стиль отношений, форму работы и всю методику стали называть коммунарскими. И. П. Иванов так определяет истоки коммуны: «...педагогические заветы В. И. Ленина и Н. К. Крупской, С. Т. Шацкого и А. С. Макаренко, А. П. Гайдара и В. А. Сухомлинского, бесценный опыт школ-коммун 20-х годов, детского и молодежного коммунистического движения, опыт лучших современных школ».

Впервые Коммуна юных фрунзенцев (КЮФ) показала себя на большом летнем сборе в Ефимовском районе Ленинградской области. Говоря нынешним языком, это был лагерь труда и отдыха школьников, но в то время таких лагерей почти не было. Коммунары работали в колхозе и вели себя так, что все вокруг спрашивали: «Откуда таких ребят набрали?»

Этот вопрос всегда потом сопровождал коммуны. Они действительно казались необыкновенными, 14-летние и 15-летние ребята. Абсолютная доброжелательность. Готовность прийти на помощь. Веселый настрой. Выдумки, сюрпризы, розыгрыши.

Доброе отношение к старшим друзьям... И какая-то теплота в коммуне, какой-то чистый и светлый воздух; в нем легко дышать, в нем пьянеешь немного, забываешь про себя, про свое, и кажется тебе, что ты и сам стал чище и лучше, ты сам хочешь кому-нибудь немедленно помочь, сделать что-то необыкновенное. Это получилась действительно коммуна: в ней общие настроения, взгляды, отношения, стремления – дух общности.

С первых дней ею руководили педагоги И. П. Иванов, Л. Г. Борисова и методист Дома пионеров Ф. Я. Шапиро.

На ребят дух коммуны действовал неотразимо. Им казалось, что они попали в какой-то уникальный, неповторимый мир, что это они сами молодцы – сумели создать такую прекрасную жизнь.

Но вот коммуна организовала первый свой спутник в одной из школ района. На 100 ребят летнего школьного лагеря пришлось всего с десятков коммунаров – и в спутнике установился точно такой же дух, как в коммуне! И такие же отношения. И ребята оказались – хоть сейчас принимай их в коммуноу.

Потом не один, а по 10 лагерей-спутников создавала коммуна; теперь всего по 3–4 коммунара на сотню новых ребят приходилось в лагере. А когда они встречались, то первый вопрос у них был: получилось, вышло, сделали? Так незаметно и неосознанно появилось понятие о **результате**.

Обычно воспитатель видит результат своей работы через 10, 20 лет, если вообще когда-нибудь видит. Да и как его определить? По должностям и успехам воспитанников, что ли? Да и верно ли это – относить результат сегодняшней работы в такое далекое будущее? Дети-то живут сегодня, а не в будущем... Много раз пытались найти критерии воспитательной работы, составляли списки признаков, но обычно исходили из того, что **делает** воспитатель, а не из того, что он **сделал**, что он получил. Вроде бы ничего он и не получает – нет конца воспитательной работе, нету, так сказать, продукта, не детьми же отчитываться. А работа без конца, без результата и, следовательно, без цели – малопродуктивна.

Нет, должен видеть воспитатель сегодняшний и совершенно определенный результат. Должна быть практичная и ясная сегодняшняя цель, точный сегодняшний образец, сравнивая свои успехи с которым воспитатель мог бы сказать себе «да» или «нет», получилось у него или не получилось.

Таким образом и стала Фрунзенская коммуна, ее дух.

Когда ребята, встречаясь после лагерей-спутников, спрашивали друг друга: «Получилось? Вышло? Сделали?», – то никому не надо было объяснять, что же именно получилось, что сделали. Никто не мог бы в понятиях определить этот дух коммуны, дух коллектива, но каждый знал, есть он или его нет. Есть результат или ничего не вышло. Результат – нечто существенное, существующее, то, про что можно сказать, есть или нет. Результатом в коммунарской методике негласно стали считать появление и полную победу коллективистского духа.

Позже было лето, когда не 10, а 18 лагерей-спутников организовала коммуна, почти две тысячи ребят вывезли, и во всех 18 лагерях **получилось**.

Да ведь и у каждого из нас для всякого дела есть образцы в голове, которые позволяют нам безоговорочно судить, получилась работа или не получилась. От воскресной прогулки за город до проекта нового города – мы про все можем сказать, получилось или не получилось.

Как только появилось представление о результате работы, вся она приняла совершенно новый характер: каждый обрел ясную цель, появился образ-эталон, без которого воспитывать очень трудно. Образ, а не список качеств, потому что педагогика – не будем забывать – искусство, а искусства нет вне образов. Не случайно именно «Педагогическая поэма» стала руководством для воспитателей: в ней есть образ цели, есть привлекательный эталон.

В коммунарской методике видно стремление добиться такого же результата, какой Макаренко получил, но не копируя его организацию. Это попытка создать аналогичную по результату систему воспитания, но в новых условиях, в обычной школе и в нынешней социальной атмосфере, с нынешними детьми, которые, конечно же, отличаются от бывших беспризорников 20-х годов. Нацелились на результат, а не на повторение методов, пусть и отличных. Не то стало важным, что провели с детьми, а что получили. Не то важно, что делали, а что сделали.

Многие сразу же почувствовали в коммуне вкус и запах современности, современных подходов к делу, современной педагогики. Коммуна стала буквально притягивать к себе взрослых. Ее поддерживали Фрунзенский райком КПСС, Ленинградский обком комсомола, Центральный Комитет ВЛКСМ. Спустя год или два при Доме пионеров постоянно работали выпускники Ленинградской консерватории В. Малов, И. Леонова, М. Бородулин, учителя М. Забиран и А. Зуева, инженер В. Корн, бригадир машиностроительного завода А. Морковский, строитель И. Ефремов, большая группа московских студентов-художников во главе со своим преподавателем Б. М. Неменским. Причем слово «работали» не вполне точно: они жили коммуной, они отдавали ей каждую свободную минуту и уж, конечно, каждый отпуск.

Этим коммуна принципиально отличается от множества подростковых клубов: они держатся не одиночными усилиями добровольного воспитателя-энтузиаста, это большой коллектив старших и младших, «творческое содружество поколений», как говорит И. П. Иванов. И еще коммуна привлекла большое число журналистов, писателей, педагогов-ученых, психологов. Их притягивал необычный дух коммуны. Ну хотя бы просто посидеть и полюбоваться на коммунаров, когда они собираются вместе, отойти душой от забот, перенять радость у веселых, добрых, энергичных ребят и подняться вместе с ними, когда дежурный провозглашает:

– Смело и бодро вперед!

И вместе со всеми ответить:

– Победа во что бы то ни стало!

А сами ребята принимали коммуны как полный переворот в их жизни. «Я стал другим», «Я узнал, что такое жизнь», «Я узнал себя», «Я стал лучше», – объявляли в сотнях анкет.

Приведу неподписанное сочинение старшеклассника из коммуны:

«Первый сбор для меня был весенний, на весенних каникулах. Тогда я впервые с удовольствием пел вместе со всеми, хотя петь я не люблю, потому что не умею. Запел я на сборе лишь потому, что приятно было петь,

когда кругом ребята, которые хорошо к тебе относятся, уважают тебя, хотя и они тебя и ты их мало знаешь. Первое, что приходит на память, это атмосфера сбора, атмосфера доброжелательства, уважения, веселья. Именно на сборе люди впервые раскрывают себя.

Потом был летний сбор, он оглушил, ошеломил меня. Меня увлек быстрый ритм, все делалось на подъеме, без какого-либо давления и нажима со стороны коммунаров и старших. Походы, встречи, новые люди, поиски семей героев, дружба с местными, работа в поле – все это мне очень нравилось. Нравилось и огоньки, и суды, и диспуты, все это было для меня в первый раз. Старался делать все. И после этого сбора меня приняли в коммунары. Я не понял, что произошло, но событие это повлияло на мою жизнь.

Осенью мы собрали в школе «спутник», т. е. кто был летом на сборе, и решили сами провести осенний сбор. Впервые я принял участие в подготовке сбора. Искали новых людей, думали над тем, какие дела проводить на сборе, думали, как провести спутник поинтереснее, чтобы ребята потом все делали сами и чтобы они ощутили то, что нам удалось ощутить после первого сбора. Приходилось обдумывать, как вызвать у ребят интерес к работе, чтобы они жили коммуной, а не выполняли то, что мы будем говорить».

Приведу еще два письма из сборника «Фрунзенская коммуна» (М., 1969 и 1972 гг.).

«До коммуны у меня был один друг. И все. Остальные – приятели; мы узнавали друг у друга по телефону, что задано на дом, советовались, как решить задачу, вместе гуляли, играли. Они отличались от моих нынешних товарищей. Главное их отличие было в том, что сверстники довольствовались мною таким, каким я был, не заставляли меня быть лучше, не требовали от меня большего, чем я давал. Поэтому мы были только приятелями (школа моя, кстати, тоже довольствовалась и тоже не требовала). А с другом мы еженедельно ссорились. Но именно он привел меня в коммуны. Там у всех были добрые глаза, и называли меня с первого дня по имени – Володя. Через две недели исполнится пять лет со дня моего открытия коммуны. Пять лет приобщения к коммунарскому братству. За это время я разглядел товарищей не только по их добрым глазам, но и по добрым по отношению ко мне делам».

Другой школьник пишет: «Иногда хочется побыть втроем, вчетвером. Но как хорошо, когда вокруг тебя 10, 30, 100. И не чужих людей – они знают тебя, волнуются за тебя, приходят на помощь, улыбаются. Коммуна дала мне 150 таких людей – 150 товарищей. Пожалуй, самая большая заслуга коммуны в том, что она допустила нас к жизни не наблюдателями, а участниками. Она убедила нас, что преступно ждать взрослости, чтобы начать жизнь... Сперва, когда человек приходит в коммуны, он находит удивительно честный, добрый и интересный мир. Когда человек подрастет, он начинает понимать, на чем держится коммуна, в чем ее сущность. Сущность коммуны, по-моему, в том, что мы все живем ради товарищей».

[С.О. Здесь и далее отрывки из издания 1978 г., не вошедшие в сборник «Воспитание по Иванову» (1989), восстановлены мелким шрифтом.]

Спросим себя: а что мы хотели бы от наших вырастающих детей, какими мы хотели бы их видеть? Да, пожалуй, пусть они и будут такими: участниками жизни, а не наблюдателями ее, и пусть стараются быть лучше, и пусть радуются своему труду и гордятся им – считают себя полезными и нужными людьми. Пусть будут также полны веры в жизнь и в свое право и способность улучшить ее. Пусть у них будут добрые глаза, только добрые!

2. Получается

Три года работы показали, что коммунарская методика очень эффективна. Стало понятно, что это бесценный опыт и надо распространять его, передавать воспитателям и комсомольцам-школьникам.

В январе 1962 года «Комсомольская правда» объявила, что она открывает на своих страницах заочный клуб юных коммунаров. Цель его фактически состояла в пропаганде опыта Фрунзенской коммуны. Школьным комсомольским группам предлагали выполнять задания и присылать ответы. Письма сразу посыпались со всех сторон. Вот одно из них: «В зимние каникулы нам неожиданно пришла мысль: а что, если и в нашей школе создать клуб юных коммунаров (об этом мы вычитали в «Комсомольской правде»). Сходили в

горком, посоветовались, решили все это открытие сделать неожиданностью, договорились о том, чтобы открывать клуб в помещении горкома. После открытия, уже в 11-м часу вечера, решили расчистить от снега памятник павшим героям. Мы, организаторы клуба, сияли: с каким энтузиазмом и желанием все высыпали на улицу и под мерцающим северным сиянием, в морозном тумане принялись за работу! Нам казалось, что такого еще не было. Быстро справившись с работой, юные коммунары отправились по домам, а мы, сияющие, не замечая 40-градусного мороза, с лопатами на плечах, пели песни, и домой идти совершенно не хотелось. А назавтра засвистела пурга, и школы не работали целую неделю. Но вряд ли кто-нибудь из нас мог спокойно сидеть целую неделю из-за снежной бури и мороза. Давнишняя наша мечта – организовать молодежное кафе, где можно было бы чувствовать себя полными хозяевами, устраивать дискуссии, конкурсы и просто не зря терять время. И эта мечта, когда за нее взялись коммунары, тоже стала былью.

После организации первого кафе мы решили провести воскресник по уборке от снега школьной территории. Было много оригинальных предложений, но мы остановились на самом необычном, чего у нас еще никогда не было: начать работу ровно в 6 часов 11 минут (в 6, а не в 18!). Правда, пришлось поспорить с любителями поспать, но мы решили испытать волю каждого, его отношение к общественному делу. И что же?

В предрассветных сумерках, при свете луны, окрыленные романтикой коммунары принялись за работу. Постепенно светало, а у нас почему-то прибавлялось и прибавлялось энергии. Единогласно, под общий восторг и вдохновение приняли мы решение: в середине июня своими силами по собственной, инициативе привести в надлежащий вид ближайший пионерский лагерь. Каждый год на подготовку к работе этого лагеря тратится очень много средств и времени, мы же пришли к тому, что можем использовать свою энергию и насладиться свои души романтикой.

Большой совет салехардского клуба юных коммунаров средней школы № 1».

Возможно, читатель улыбнулся возвышенному стилю послания – кажется, оно написано в героические времена начала 20-х годов. Но отметим его несомненную искренность.

В школах появились карты, на которых ребята флажками отмечали места, где созданы секции клуба юных коммунаров. Многим хотелось «насладиться свои души романтикой». Но вскоре стало ясно, что опыт трудно передать без живого общения с Фрунзенской коммуной. Работать под мерцающим северным сиянием – это ребята могут. Но сделать коммуны... Ребята должны увидеть образец! В газете можно рассказать о методе, о приеме, об организации, но как передать коммунарский дух? Как показать результат?

Летом 1962 года было решено провести коммунарский сбор во всероссийском пионерском лагере ЦК ВЛКСМ «Орленок» под Туапсе. Это было довольно скромное событие. Собрали всего 40 ребят из тех школ, откуда пришли лучшие отчеты о работе. Центральный Комитет ВЛКСМ выделил путевки, ленинградцы прислали 7 ребят-коммунаров и трех вожатых: В. Малова, И. Леонову, Л. Балашкову. Но было неясно, что из этого получится.

Будет ли отряд старшеклассников жить по законам ленинградской коммуны? Появится ли красивый стиль коммунарской жизни? Привьется ли он?

То, что получилось, превзошло все ожидания.

Этими ребятами нельзя было налюбоваться! Веселые, подтянутые, энергичные – во всех соревнованиях все первые места у них. С утра они каждый день – на работе, если дежурят, то это праздник для всего лагеря, а вечерами их на танцах не увидишь – по вечерам у них «огонек» у костра, разговоры о жизни, о прожитом дне («Была ли от нас сегодня польза?») и песни, песни, песни...

И уж, конечно, никаких ЧП, никаких нарушений дисциплины – ребят можно было оставить одних хоть на сутки, хоть на все время: они совершенно не нуждались в надзоре.

Тогда все это было в новинку. Мы с заведующей школьным отделом «Комсомольской правды» Е. С. Брусковой приезжали в «Орленок» посмотреть на отряд – и глазам своим не верили. Мы же работали в школе, мы же знаем, что такое 40 старшеклассников. В анкетах после сбора комсомольцы писали: «Не думал, что есть такие ребята, не представлял себе, куда еду. Самое сильное впечатление – ленинградские коммунары». «В «Орленке» я узнал, какие есть люди и какой я».

С этим постоянно сталкиваешься, когда читаешь коммунарские анкеты: если на сборе сто человек, все сто с удивлением пишут, какие, оказывается, прекрасные ребята есть на свете! Все сто открывают прекрасных людей в себе самих...

С первого маленького сбора в «Орленке» пошла цепная реакция. Методика, созданная ленинградским ученым, отработанная ленинградскими педагогами, стала распространяться по многим городам. Возвращаясь из «Орленка» в школу, ребята искали близких им учителей, создавали секции клуба юных коммунаров, обучали взрослых и одноклассников работать по-новому. В первую же зиму ребята из орлятского отряда съехались на сбор в Москву, и каждый привез чуть не по десятку своих товарищей. Оказалось, что старшеклассники из 15 разных городов – друзья.

«Я впервые встретился с такими ребятами и нашел среди них таких друзей, каких, может быть, не найду никогда».

«Мне бы очень хотелось, чтобы многие ребята поняли то, что поняла на московском сборе я. Чтобы многие скептики, которые, к сожалению, еще есть, поняли, как хорошо, тепло можно дружить и работать».

«Я поняла, что такое настоящая дружба. И еще я узнала, что можно чувствовать себя счастливой, когда делаешь обыденное дело, поешь вместе с друзьями песни, просто играешь в «козлика» и водишь хоровод».

...Оценим, товарищ читатель, эти восторги. Ведь ребята восхищаются именно работой, отношениями, обновлением своим – никто не пишет, что ему было «весело», совсем другое привлекает! Оценим все это и подумаем: а могли бы мы за 5 дней, собрав сто незнакомых между собой школьников, достичь таких же результатов, даже если бы мы очень старались?

После первого удачного опыта по коммунарской методике стал работать весь «Орленок». Годом раньше вожатые лишь присматривались к отряду «Комсомольской правды» и не понимали, что же это происходит (казалось, что просто в отряде очень хорошие вожатые). Теперь они сами овладели методикой, и уже не 40, а 500 комсомольцев-старшеклассников повезли ее по стране. По живой цепочке передавался из города в город образ коммуны, путешествовала коммунарская методика. Из Ленинграда – в «Орленок», из «Орленка» – в Горловку, из Горловки занесло ее в Пермь, в Мотовиловский РК

ВЛКСМ, из Перми – в Соликамск. Мотовилихинская коммуна и сейчас живет, уже почти 15 лет.

В челябинскую школу № 1 вернулись из «Орленка» Саша Мещерский и Наташа Сулина. Поезд приходил в 5 утра, но их встречали, потому что еще в письмах ребята обещали: возем нечто необыкновенное. И тут же, на вокзале, состоялась первая пресс-конференция, в 5 утра. Рассказывали, перебивая друг друга, поразили воображение товарищей, и на следующий день – это было накануне нового учебного года – состоялся первый коммунарский субботник, а вечером зажегся первый в Челябинске «огонек» – маленький костер на заднем дворе школы, вокруг него – 15 ребят, и, что самое важное, в кругу ребят был директор школы В. А. Караковский. Его учили вернувшиеся из «Орленка» гонцы, а он слушал и удивлялся внутренней логике воспитательной системы, которая из Фрунзенской коммуны через «Орленок» пришла к ним.

Я был в этой школе в конце первого коммунарского ее года и провел анкету в старших классах: «Комсомольская работа в школе стала лучше? Хуже? Не изменилась?» Из 56 выпускников (а выпускники, как известно, не самая активная часть школьников) 54 ответили: «Лучше!» и двое: «Не знаем». А недавно «Комсомольская правда» писала о Челябинской школе В. А. Караковского: «Высокое содержание человеческих отношений – забота, доверие, нежность и бережность друг к другу...», «Кажется школа отобрала каких-то очень нежных, даже сентиментальных ребят...», «Кузницей общественников считают ее в обкоме комсомола».

Директор же школы В. А. Караковский в книге «Грани воспитания» так пишет о комсомольцах из школьной коммуны: они «не ждут задания, они сами ищут, где и кому нужна помощь. Их самоорганизация позволяет обходиться без надзора и контроля взрослых. Характер взаимоотношений между ребятами таков, что идет борьба за самую тяжелую лопату, друг помогает другу, стараясь взять на себя наиболее трудную работу. Сколько бы ни было людей, они разбиваются на группы, между которыми идет веселое соревнование. Закончившие работу немедленно приходят на помощь тем, у кого она еще есть.

Обязательным признаком коммунарского десанта является хорошее настроение. Коммунары стремятся любую, даже самую грязную, работу превратить в праздник. Звучат песни, речевки, шутки, смех».

Саша Мещерский, который привез все эти новости из «Орленка», сегодня дипломат, служит в Женеве и раз в год обращается к ребятам по телефону. «Слушайте, – объявляют на сборе, – говорит Женева». В. А. Караковский, кандидат педагогических наук, сейчас работает директором московской школы, разумеется, по той же методике. И непременно получит те же результаты: его дети через год или два будут казаться специально отобранными.

Вот письмо десятиклассника из Ленинграда Айка Котанджяна. Я был в коммуне, которую он создал в своей школе после «Орленка»: она почти не отличалась от Фрунзенской. Аик писал друзьям в Ленинград: «Был в Баку и Сумгаите, пригласили на первый республиканский слет школьного комсомола Азербайджана. Не хочу описывать – было бы нескромно... Просто постарался с моим другом Аркадием Дозорцевым да и с другими хорошими ребятами сделать сбор коммунарским. Кажется, вышло. Ну и всё. Наша цель – счастье людей! Мы победим! Иначе быть не может! Аик Котанджян».

Не надо ничего описывать, не надо долго рассказывать: получилось! Вышло! «Ну и всё».

Чтобы окончательно убедиться в действенности новой методики, лучше понять ее, коммунарский клуб был организован и при редакции «Комсомольской правды». В то время создавалась полоса «Комсомолки» для подростков «Алый парус», естественно, что и клуб назывался так же. В нем было примерно 70 московских старшеклассников из разных школ: ребята-москвичи из «Орленка» приводили своих друзей, а те, в свою очередь, зазывали новичков. Руководили работой клуба вожатые «Орленка» и еще несколько студентов и педагогов: недостатка в старших друзьях не было. В Голубом зале «Комсомольской правды» собралась разношерстная компания, в которой выделялись насмешливые скептики, или ребята уличного толка, или тихони. Но прошли месяцы – и ленинградские коммунары, приехавшие в Москву, говорили, что в «Алом парусе» точно такой же стиль отношений, точно такой же дух, что и во Фрунзенской коммуне: такое же стремление быть полезным людям, такая же изобретательность в работе, и так же все стараются взять на себя самое трудное дело, и так же неистощимы в выдумках, шутках, розыгрышах, и так же любят преподносить друг другу веселые сюрпризы, и так же могут без конца петь, и так же у всех добрые глаза, как и в коммуне. И так же, как в коммуне, все чувствуют себя защищенными, все открыты, все говорят искренне и с воодушевлением.

Опять получилось...

Ребята собирались лишь раз в неделю, по средам, и хорошие же это были вечера! Никаких тренировок, никакой необходимости повышать голос или сердиться, ничего формального, никакого стеснения душ. Странно было думать, что до встречи с Фрунзенской коммуной мы все, хоть и были учителями и вожатыми, ничего этого не знали, ничего не умели – были безграмотными. И уж совсем поражало в Голубом зале «Комсомолки» то, что мы не сами придумали нашу коммуну, что мы честно **скопировали** методику ленинградцев и получили точно такой же, как у них, результат! Теперь наши дети сердились, если оказывалось, что вот уже какое-то время, целую неделю, никому от них не было пользы, никому не принесли они радость... А ведь явились к нам разболтанные, и на каждое серьезное слово – десять шуточек и усмешечек. Мы были подражателями по существу, но это и радовало больше всего: значит, в методике содержится объективное, значит, она не зависит от личностей... Если повторили мы – повторят и другие, и третьи, и четвертые...

Группа химкинских ребят из «Алого паруса» поехала на каникулах в Ленинград, во Фрунзенскую коммуну.

Вот запись в их совместном дневнике: «В субботу вечером мы были в Ленинграде. Впечатлений так много, что даже не знаешь, с чего начать. Самое главное, пожалуй: мы по-настоящему увидели, как живут настоящие люди. За эти 8 дней мы побывали и в спутниках коммуны и собственными глазами увидели, что значит настоящий коллектив (отряд «Кавказ») и как трудно его организовать (отряд «Волга»). Но самое главное, по-моему, коммуна. И хотя много раз говорили нам на «огоньке», чтобы мы не искали чего-то особенного и необыкновенного, все-таки очень здорово – жить и работать, как ленинградские коммунары».

Опускаю письма, отчеты, дневники из Барнаула, Новосибирска, Белебея, Якшур-Бодьи (это в Удмуртии), Киева, Ульяновска. Опускаю рассказ об известной Салаватской коммуне, «салаватской зажигалке», как ее назвал очеркист В. Кокашинский («Из чистого интереса». М., 1976). Опускаю рассказ о Красноборской колонии, куда приехали несколько владевших коммунарской методикой молодых воспитателей и сделали специальное заведение как коммуну.

Пропускаю много лет. Но вот нынешние дни, заметка в «Комсомольской правде» от 19 января 1978 года: «Сначала мне казалось, что наши комиссары – вроде земных богов. Они умеют всё – и петь, и рисовать, и думать о добрых делах, и делать их... Потом поняла: обыкновенные люди. Только чуточку больше ответственности за других взвалили они на себя. Раньше я просто учила уроки, просто гуляла, ходила в театры и кино. А теперь начала... жить».

Это письмо девятиклассницы 73-й московской школы, а «комиссары», о которых она говорит, – ребята из педагогического отряда «Комсомольской правды», продолжающего работу «Алого паруса».

Другие времена, другие школьники, другие люди в «Комсомолке», но всё то же самое: «Я начала жить»...

По подсчетам сотрудников «Комсомольской правды», примерно 250 тысяч ребят воспитывались по-коммунарски.

3. Сбор, сбор, сбор

Истинно эффективную педагогическую систему, т. е. систему, сознательно рассчитанную на результат и дающую высокий результат, невозможно понять, пока не рассмотришь и не исследуешь ее внутренние логические связи. «...Любое воздействие на личность теряет свою силу, если нет других воздействий, – писал В. А. Сухомлинский, – любая закономерность превращается в звук пустой, если не реализуются сотни других закономерностей».

В бессистемной педагогике можно использовать половину методов и четверть принципов – и все равно получится видимость работы, а на результат эта педагогика и не нацелена. В системной педагогике стоит опустить один элемент, и результат будет нулевым, вся работа превратится в «звук пустой».

Коммунарскую методику невозможно разложить на «как» и «что» – каждый отдельный элемент вызывает недоверие, пока не увидишь, чем он подкрепляется. Надо увидеть, как одна идея вытекает из другой, понять, почему один прием невозможен без другого, и заметить, что любое явление можно рассматривать и как причину, и как следствие. Почти 20 лет вижу, как работает методика, и почти 20 лет пытаюсь понять секрет ее успеха. Сколько было споров, сколько разных вариантов объяснений, сколько попыток найти нечто единственно главное, найти какой-то один удобный для понимания и объяснения принцип! Результат – вот он, налицо, его достигает каждый, кто точно следует методике, это теперь бесспорно. А вот понять... Ничего удивительного: искусство легче перенимается, чем понимается. И все-таки я попытаюсь дать объяснение эффективности системы, причем сразу попрошу неудовлетворенного читателя относить свое недовольство на счет объяснения, а не на счет методики.

...Какою бы ни была окружающая детей жизнь, воспитатель обязан учить их **лучшей** жизни – в обоих смыслах этого слова, объединяющего сравнительную и превосходную степени. Примем в качестве рабочего определения, что воспитывать – это значит **учить детей лучшей жизни**. Но даже дрова не научишься пилить, пока не возьмешь в руки пилу. А жить лучшим способом? Работать? Относиться к себе и к жизни? Мы призываем детей к коллективистским отношениям, а они их в глаза не видели и не уверены, лучшие ли они. Мы говорим о подвигах, а дети их не совершали. Говорим о

бескорыстии, а иные ребята ни разу ничем не поступились. Говорим о любви, товариществе, дружбе, но разве мало юношей и девушек входят в жизнь с убеждением, будто любовь и дружба есть только в книгах? Этот перечень можно продолжать без конца. Дети говорят, читают и пишут о том, чего они в жизненной практике не видели, не пробовали, не испытывали. Не знают и не чувствуют! Мы зовем их к чему-то высокому, а к чему именно? Такое воспитание можно сравнить с огромным заводом, где множество цехов работает на полную мощность, но нет цеха сборки, нет конвейера, на котором детали превращаются в готовое изделие. Склады забиты, а продукции нет.

Ах, если бы мог воспитатель, придя к ребятам, с самого начала, чуть ли не с первого дня, не требования предъявлять и не рассказывать о лучшей жизни, а **показывать** им эту лучшую жизнь, причем не со стороны, а так, чтобы они сами, ребята, и были действующими лицами этой новой жизни! Если бы воспитание не заканчивалось достижением идеальных отношений, а **начиналось** с появления, с предъявления реального идеала! Если бы «цех сборки» начинал работать немедленно и ребята могли бы **видеть** плоды своей работы – искомую лучшую жизнь! И себя самих лучших! Как бы они стремились к такой цели! Как бы упростилась вся работа воспитателя!

Но, скажут, это ведь невозможно. Это значит перевернуть все представления о воспитании с ног на голову. Поставить сани перед лошадью, результат работы – перед самой работой. Это же нелепо!

Но отчего же только физикам привилегии на дерзкие идеи, продвигающие науку сразу на сто лет вперед? Отчего так упорно не верим мы, что и в древнейшей науке об искусстве воспитания **могут** совершаться значительные открытия? Отчего все на свете – химики, физики, электрики, медики, токари, пекари, – все живут в ожидании нового, привыкли к постоянным и кардинальным обновлениям в своей работе, и только в воспитании, считается, нового нет и быть не может? А вот, пожалуйста: для задачи, которая любому нормальному человеку покажется неразрешимой, находится решение.

Я, воспитатель, должен привести ребят к лучшей жизни. Этот процесс долгий, трудный и порой безрезультатный. Но, оказывается, я могу создать **вкрапления** лучшей жизни в обычную, а затем расширять их до тех пор, пока обычная жизнь не подтянется до уровня идеальной. Могу создать в душе воспитанника, пусть самого дурного по характеру своему, островок «я-лучшего» и затем расширять его, пока «я-лучшее» не вытеснит «я-прежнее». Могу хотя бы на самый короткий срок создать идеальные отношения между детьми, а затем, опираясь на собственный их новый опыт и многократно повторяя его, распространять отношения на всю жизнь коллектива. Я не могу мгновенно переделать ребенка, да это и не нужно в большинстве случаев, но я могу переменить отношения в коллективе, и дети переменятся сами.

Островки во времени и в душах, островки идеального! Используя коммунарскую методику, воспитатель научается довольно быстро создавать реальные примеры, доступные и привлекательные для детей и подростков. Он показывает детям образ лучшей жизни – не набор требований предъявляет и не набор качеств, а именно цельный художественный образ. Только не книжный, а живой, жизненный. Это достигается многими способами, но прежде всего – на коммунарском сборе. Сбор как романтическая книга о романтических героях, но ее не читают, а проживают, и герои в ней – сами воспитанники. Влияние, которое оказывает сбор на ребят, ни с чем невозможно сравнить.

...Представьте себе полугодовой план воспитательной работы, в котором 5 субботников, 5 собраний, 2–3 диспута, множество вечеров отдыха, десяток лекций... Скажут:

насыщенный план. А теперь представьте, что весь этот план выполняется не в полгода, а в 5 дней, причем на самом высоком уровне. Вот это и есть коммунарский сбор: трижды в году на коротких каникулах и летом на месяц ребятам дают предельно насыщенную жизнь.

Концентрация педагогических усилий и материала – основное отличие современной педагогики. Есть классы, где проходят с первоклашками за год чуть ли не двухлетнюю программу. Учителя иностранного языка учат погружением в иноязычную среду. Нет, все они не торопятся, не экономят время уплотнением – они достигают нового качества. Так и на коммунарском сборе: огромное количество дел создает новое явление – истинно коллективистские отношения между детьми, отношения, которые не сразу внедришь в обычной, «разряженной» жизни. Когда дел очень много, то сами собой отпадают «не хочу», «не могу», «не умею», «пусть делает другой», «а почему я» и т. д. Некогда задавать вопросы, надо делать дело! Все знают, как сплачивает ребят обыкновенный недельный поход. Но если принять воспитательное влияние похода за единицу, то влияние недельного сбора будет 100 или 200 таких единиц.

Американский психолог У. Бронфенбреннер, автор известной книги «Два мира детства. Дети в США и СССР» (М., 1976), развивает теорию, по которой ребенок воспитывается на положительных моделях, поощряемых воспитателем. Но что же именно моделируется? Если моделью служит сверстник, как часто считается, то крайне велика опасность, что и все станут как один. Нет, моделируется не личность, моделируются отношения. Ребята остаются разными, каждый на свое лицо, непохожие друг на друга, но отношения между ними одинаковые: дружелюбные отношения взаимной поддержки, взаимного согласия, взаимного внимания, взаимной симпатии.

Усилия педагога направляются не только на ребенка, не только на коллектив и тем более не только на мероприятие, а на **отрезок жизни** коллектива. Моделируется лучшее время, времяпрепровождение, лучший способ прожить один день человеческой жизни со всеми его сложностями.

Возникает новая организация воспитания: аналогичная уроку в обучении, но не похожая на урок, а своя, специфическая. Сбор, как урок, можно наполнить самым разнообразным содержанием.

Директор челябинской школы № 1 пишет: «Ежегодно в период весенних каникул школа превращается в молодежную коммуны. Трое суток около двухсот ребят... сообща работают, отдыхают, спорят, мечтают... Хочется отметить громадную популярность сбора среди ребят всех возрастов. Нетерпение, с которым ждут очередной сбор, большое количество желающих участвовать в нем, эффект эмоционального заражения, благотворное влияние на всё, особенно на воспитательную работу, яркие воспоминания, остающиеся в памяти выпускников на много лет, – всё это убеждает нас, что найдена верная форма...» (В.А. Караковский, «Грани воспитания»)

Как перенимают ребята коммунарскую методику? Прежде всего они начинают проводить сборы. В Карельской АССР и в Архангельской области сборы вот уже 15 лет проводят почти во всех школах и на всех каникулах. Сбор как поход: всегда одно и то же, но маршруты разные, и поэтому походы не приедаются. Маршруты сбора не на местности, а в труде, истории, политике, искусстве. Сбор не поход, не урок, не вечер, не собрание, не мероприятие. Это дело, деятельность, **действие**. Обучение лучшей жизни погружением в лучшую жизнь.

Задача, таким образом, упрощается, она сводится к тому, чтобы жизнь на сборе действительно оказалась лучшей...

4. Как делают день

Вот на каникулах 80–100 ребят разных возрастов выехали на сбор в пригородную школу, или переселились в Дом пионеров, или еще где-нибудь собрались – все равно где и все равно откуда и какие ребята. Важно, чтоб было хоть несколько мало-мальски опытных людей.

У ребят-коммунаров есть выражения: «Сделать день», «Сделать сбор». Время от времени услышишь восхищенное: «Такой день сделали!», «Такой сбор!» День и сбор **делают** как вещь. Сделать день, сделать сбор – очень конкретная цель.

Как делают день?

День на сборе строится из множества отдельных «кадров», из множества творческих дел. В быстром темпе они сменяются с раннего утра до позднего вечера, поражая ребят разнообразием и богатством.

По традиции день сбора начинается с коллективной работы на заводе или в поле, с любой работы для людей. Подробнее об этом ниже, но пока отметим, что работа для людей – идейная зарядка, основа эмоционального сплочения на день, первое за день чувство удовлетворения, право на дальнейшие радости. Скажем, работа в поле (если сбор летний или осенний) – нехитрое дело, но, как и все другие дела, она каждый раз обставляется по-особому. Процедура такова: очень быстро, в минуты, создается **совет дела**, хитрейшее изобретение коммуны, я бы сказал – основа всей коммунарской методики, остроумное решение множества воспитательных проблем. По каждому поводу, перед каждой работой создается или сам собою возникает совет дела, который продумывает предстоящую работу и затем руководит ею, отвечает за нее. Любая – без исключения! – работа коллективно обдумывается и коллективно организуется. На этом держится коммунарская методика. О педагогических выгодах такой организации мы опять-таки поговорим позже, а пока посмотрим: вот собралось несколько ребят – человек 5–6 – и с ними кто-нибудь из старших. Старший особенно нужен поначалу, когда у ребят нет еще навыков коллективного изобретательства. Завтра надо выйти в поле копать морковь. Как это сделать лучше? Собраться да пойти? Можно. А можно сначала провести линейку с забавными рапортами о моркови, можно провести в поле конкурс на смешную морковку и устроить выставку редких экземпляров с шутивными двустежками. Можно устроить небывалый «перекус» по отрядам и конкурс на лучший бутерброд. Лишь только начнут придумывать, только увидят, как это делается, увидят рождение идей на глазах – число выдумок начинает расти необычайно быстро, и уже на третьем – четвертом сборе советы дела не доставляют ребятам никаких затруднений. И сам механизм работы совета предельно упрощается: собрались, придумали, сделали.

Но представьте себе: что же выходит на практике, если каждая работа обряжается множеством «украшений»? Ведь все придуманное надо сделать: сочинить четверостишия для рапорта и разучить их, написать объявление о конкурсе, изобрести особый завтрак и так далее. Дел – уйма! Значит, работа на всех, и всю ее надо сделать, причем без напоминаний, ибо если напоминать по два раза, то в этой круговерти половину задуманного не сделают. Все заняты! Все готовятся к работе в поле – пусть хоть несколько минут, пусть хоть рапорт хором учат, но готовятся, настраиваются на работу,

как на праздник. Все отвечают за работу – в разной мере, но отвечают. Несут долю ответственности за общее. Мы привыкли считать, что без персональной ответственности ничего не получается. Но – терпение, читатель. Дальше станет понятно, каким образом и ответственность может быть коллективной.

Пока что согласимся: если работа так продумана и если все ребята были ее организаторами, то кто же станет от нее отлынивать? Даже самый монотонный труд превращается в творческий, у всех подъем. И председатель Луховицкого райисполкома Московской области Владимир Петрович Михеев, увидев однажды, как работают коммунары из Ленинграда (они приехали на сбор под Луховицы), так заинтересовался коммуной, что поставил себе палатку и по вечерам, после работы, приезжал в лагерь.

– Вот наконец я увидел, что такое коммунистическое воспитание.

...Но это лишь начало дня, самое легкое – работа в поле, субботник на соседнем заводе или десант – поход с работой. А там начинается обед – и он тоже особый, с сюрпризами, с неожиданным мороженым, с цветочками, которые не сами на стол прибегут. А потом до вечера непрерывная серия творческих дел, каждое из которых требует подготовки, изобретательности, способности к импровизации и, естественно, своего совета дела. Сложные мероприятия сменяются какой-нибудь «кольцовкой песен» или концертом-молнией, концертом-«ромашкой», а там опять: защита времен года, защита профессии, защита фантастических проектов... Или суды: суд над песней, суд над литературным героем, суд над кинофильмом – пространное действие с прокурорами, защитниками, свидетелями, судьями. Или «разнобой» – летучее состязание отрядов в эрудиции. Или бой ораторов – каждый отряд выставляет своего оратора с речью, например: «Речь перед мамой с просьбой отпустить на сбор». Кто будет говорить убедительнее, кто лучше сумеет отвести доводы воображаемой мамы? Или устраивают всевозможные «дни»: день Маяковского, день Маршака, день Греции, день века, день шахмат, день спорта, день Швамбрании... В этот день всё, начиная с зарядки, подчинено заданной теме – ребята проявляют чудеса изобретательности. День XIX века, например, начинается с «Бородинской битвы» и кончается серьезными рассказами о лучших людях века. А к вечеру проводят, например, час поэзии. Сидят на полу, на спортивных матах или скамеечках, тесной кучкой, почти не глядя друг на друга. Посреди – фонарь или свеча. В абсолютной тишине кто-нибудь читает стихи – без объявления, без имени автора, тихонько, как будто для себя и про себя. Закончил – другой кто-то начинает, без репетиций, без организации. Кто не знает стихи наизусть, тот приготовил сборничек, подползает к свету, читает – и опять тихо... Никто не повернется на голос читающего, никто ничего не спросит, не заговорит громким голосом, не встанет. Когда напряжение слишком возрастает, кто-нибудь из взрослых берет гитару – начинают тихо петь. Час окончился. Следующая песня будет веселее, громче.

Я был на сборе в день Маршака. С утра развесили по лагерю забавные четверостишия, и, кажется, все в лагере говорили только стихами. А вечером у костра рассказывали о сонетах Шекспира, читали их по-английски, находили тонкие различия в переводах Маршака и других поэтов. Я видел, как мальчишка-шестиклассник, назначенный костровым, приготовился сломать о колено толстую сухую ветку – да так и замер в неудобной позе, с веткой у колена, потому что тишина стояла такая, что он боялся нарушить ее треском сучка – выжидал момент. У костра сидели в числе других и совсем маленькие ребята, они наверняка ничего не понимали ни по-английски, ни в русском переводе. Но они-то и слушали и смотрели во все глаза: они восхищались старшими ребятами, умными, серьезными, всезнающими.

А творческим делам конца нет. Игра перемежается серьезным: проводят «ленинскую страничку» – каждый и отряд разбирает несколько абзацев из речи Ленина на III съезде комсомола, а потом эту же страничку обсуждают на общем сборе, выясняют непонятное, учатся читать Ленина, обдумывая смысл каждого слова. Или устраивают диспуты о смысле жизни, о человеке будущего: «Вечер горящих сердец», «Разговор о жизни» – ответы на записки обо всем, что непонятно в современной жизни кому-то из ребят. В «Орленке» ходил по рукам список, озаглавленный «Хаос форм», в нем было перечислено 140 разнообразных творческих дел. Но список этот растет с каждым годом и в каждом спутнике коммуны, потому что любое дело проводится как впервые.

Вот коммуна устроила в Ефимовском районе торжественную линейку в 4.30 утра 22 июня:

«Настала и двадцать вторая июньская ночь. В деревнях многие не расстилают постелей, не гасят света. Люди собираются в путь, иные за 20, за 30 километров. А у нас горнист играет отбой. Это значит – все по палаткам. Сегодня приказ дежурного командира звучит по-особому, и никто не посмеет его нарушить.

При свете костра несколько человек довязывают огромные тяжелые венки, надписывают траурные ленты: «Памяти павших будьте достойны!»

Многие не спят в палатках, но в лагере тишина. Мы, девчонки, бредем по мокрой от росы траве и собираем гвоздику – алые огоньки в бледном сумраке ночи.

Не переставая, тревожно кричат чибисы. Действительно, похоже: «Чьи вы, чьи вы?» Лес, тающая в тумане дорога, аромат цветов... Сейчас тишину разорвут сигналы горна: «Тревога, люди, тревога!»

Мерным шагом в траурном марше идут четыре спутника коммуны. Мы входим в деревню, и к нашей колонне молча пристраиваются люди. Идут на костылях инвалиды. Ведут под руки дряхлых старух. На площадь, к обелиску. Его соорудили наши мальчишки.

Замер почетный караул, склонились знамена. Четыре грани у обелиска, четыре простые доски с именами погибших... Плачут женщины, плачут фронтовики. Молча глотают слезы ребята. Это война.

– Слушайте мирное утро...

Минута молчания. Рыдания затихают. Женщины стиснули зубы.

Возлагаем венки и слышим голос дежурного командира:

– Добровольцы пойдут работать на поле. Шаг вперед, добровольцы!

Маршем молчания мы идем на поля. Добровольцы – все.

Над рекой стелется туман. Встает солнце. Мы пропальваем борозды. Час, второй, третий. Над полем тишина. Между бороздами застыли в карауле склоненные знамена...» (Таня Ремизова, из книги «Фрунзенская коммуна»)

Все творческие дела организованы так, чтобы не было зрителей, чтобы каждому пришлось непосредственно участвовать. Ребята на сборе, сколько бы их ни было, обязательно делятся на группы подобно тому, как считаются перед игрой в любом дворе. На практике команды, почти стихийно возникшие на первом сборе, сохраняются и на следующем, и навсегда, и на всю жизнь, потому что все в команде или в отряде быстро становятся друзьями. И с утра до вечера идет соревнование! Вот объявляют: концерт-«ромашка»! Вырезана из бумаги большая ромашка с несколькими лепестками, на обратной стороне лепестков написано: «Франция, Англия, Индия...» Каждый отряд отрывает по лепестку. Что вам досталось? Индия? Будьте добры через 20 минут дать концерт из трех номеров на индийские темы... И представьте себе стеснительного или боящегося

насмешек, скованного тысячьми условностями мальчишку, который вдруг впервые в жизни, в 15 минут, наспех – и потому напропалую – сочиняет с друзьями какую-то «индийскую» песенку, мотает на голову тюрбан, натягивает немислимые шаровары, и выходит в этом шутовском наряде петь свою глуповатую песенку, и не боится, что его засмеют, а рад, если смеются, если доставил удовольствие. Мальчишка испытывает совершенно незнакомое чувство легкости и вседозволенности, он дурачится, но это не ставится ему в вину, как было всегда в его жизни, а, наоборот, одобряется, потому что дурачество-то его – в пользу сбора, он ведь нескованностью своей «сбор делает», помогает создавать атмосферу легкости и свободы, которая поражает ребят.

Это, конечно, не художественная самодеятельность, это игра, шутовство, что-то вроде театрального капустника, не рассчитанного на зрителей. Со стороны это подчас выглядит ужасно! Но посмотрите, как дети играют в прятки или в салки – что за глупость! Что за нелепость! Сели бы лучше за книги! Да ведь дети не со стороны смотрят, дети играют, им хорошо, им нужно, им полезно играть. Поначалу в коммуне сильно грешат против вкуса, больше озорничают, чем придумывают и сочиняют, но постепенно устанавливается уровень, ниже которого опускаться стыдно, – он зависит от самых талантливых в коллективе. Коммунарская методика вовсе не только для интеллектуалов. Уровень творческих дел зависит от состава ребят, но важно, что подтягиваются под самых талантливых, важно, что все «формы» годятся даже для неразвитых ребят, важно, что уровень быстро повышается. То, что кажется нам доступным только особо развитым детям, «лицеистам» наших дней, то на поверку доступно всем.

На коммунарском сборе постоянно создают возможности для творческого развития детей, всем устройством он требует от ребят творчества. Не «элементы творчества» здесь, не «с творческим огоньком» работают ребята, а вся их деятельность есть творчество и только творчество. В каждую минуту коммунарского дня все без исключения ребята **вынуждены** думать о том, как сделать работу лучше, по-новому, самым изобретательным способом. Участвуют в «мозговых атаках». Никаких призывов к творчеству! Никаких разговоров о творчестве! Но те, кто впервые попадает на сбор, страшно устают (все пишут об этом в анкетах) от непривычного умственного напряжения. Постепенно оно становится привычным, и тогда вокруг удивляются: где же таких ребят набрали? И учитель, случайно попавший на сбор, говорит: «Конечно, с такими ребятами что хочешь сделаешь, а вы попробовали бы с моими...»

Мы знаем художественное творчество, научное, техническое. Но ведь есть еще один вид творчества, может быть самый важный: общественное творчество. Есть ведь творческое отношение к жизни вообще, оно может проявиться в отношениях с людьми и даже в самой рутинной работе. Творческий человек по-особому, изобретательно, с воображением делает всё: моет посуду, едет на работу, точит деталь и строит свою жизнь. Наконец, заметим, что проблема творческого отношения к жизни – это проблема качества работы. До тех пор пока не возникает вопроса «Как это сделать лучшим образом?», высокого качества работы и привычного стремления к нему быть не может.

Заслуга Фрунзенской коммуны в том, что она решительно поставила общественное творчество детей на первое место, объявила его целью: «Всё – творчески, иначе зачем?» И она нашла способ обучать детей общественному творчеству. Обучать на материале, доступном и интересном детям.

Отметим немаловажное обстоятельство: в отличие от научного, художественного и технического, общественное творчество индивидуальным быть не может, и потому оно создает прекрасные отношения внутри коллектива. Коллективное творчество и

коллективная организаторская деятельность немислимы без взаимодействия, взаимоуважения, взаимной поддержки, без общего подхватывания самого малого проблеска мысли и самого малого усилия. Коммуна не раздает должностей, не взваливает на ребенка непосильную организаторскую работу, не закликает «все, все, все участвуйте», а пропускает ребят через бурлящие советы дела, каждому дает **частичную ответственность** на короткое время и с немедленным результатом, так что не возникают даже и отношения руководства и подчинения. Тут отношения совместной ответственности. Постепенно все оказываются в организаторах, все знают, как взяться за общее дело, как сделать работу лучшим образом; даже самые малые организаторские способности развиваются на глазах. Коммуна не учит командовать, не учит подчиняться, она учит работать сообща. В результате вырастают самые послушные на свете ребята: предложи им дело – и они тут же подхватят его без разговоров и пререканий. Предложи им не дело, ерунду какую-нибудь – вот тогда держись. Они будут самыми непослушными. Они не ищут удовольствий, не требуют, чтобы все было по их интересам. Условие одно: чтобы было Дело!

Как развивается человек? В испытаниях, которые устраивает жизнь и к которым он сам безотчетно стремится. Не случайно дети постоянно испытывают себя в играх, а порой – в опасных шалостях. Испытание – существеннейшая потребность растущего человека. Потому что оно требует мобилизации всех наличных сил и еще некоторого сверхнапряжения в «зоне ближайших возможностей» (Л. С. Выготский). Так появляется какой-то «плюс», какая-то прибавка. Если нет испытания, то нет и этого сверхнапряжения, нет и прибавки, роста. Где нет испытания, там нет и воспитания, там застой, болото. Между тем многие ребята, малоподвижные по природе своей, уклоняются от трудных испытаний или испытывают себя в очень узких сферах жизни, например только физически. Сбор побуждает ребят испытать себя физически, нравственно, интеллектуально, духовно. Соревнование, общий порыв заставляют ребенка постоянно напрягаться, а значит, и развиваться, тем более что он не боится неуспеха: неудача никому не видна, ибо любая работа выполняется коллективно и как бы анонимно. И нет зависти, нет решительно никакой зависимости от взрослых или от кого-нибудь, нет даже и возможности «сделать карьеру». В коммуне все стараются блеснуть талантами, недаром старшие кажутся младшим богами. Лицо сбора, его уровень определяют самые талантливые. Но и менее способные вносят свой вклад, и никто не прекращает попыток «выиграть», ибо в коммуне соревнуются не за первое место (никаких «мест» и наград победителям!), а за то, кто больше радости доставит товарищам. А радость – вот она, она без всяких жюри видна. Думай обо всех, старайся, изо всех сил старайся «сделать день» и «сделать сбор»! Это беспрюирышное состязание и лежит в основе мягкого, гуманного воспитания, при котором нет пострадавших и покалеченных, никого не надо «ломать». Чувство собственного достоинства всегда сохраняется и укрепляется у ребенка, как бы он ни был слаб физически или творчески. Коммуна побуждает к росту, дает возможность проявить себя. Воспитание и самовоспитание сливаются абсолютно – оттого, в частности, воспитание так эффективно.

Мы говорим, что личность расцветает в коллективе. Это правда, но при условии, что коллектив творческий, как это бывает в научной лаборатории или в хорошей заводской бригаде. Для детского же коллектива это правило и вовсе непреложно. Детский коллектив – это коллектив, нацеленный на творчество, созданный для творческого труда и для обучения детей творческому отношению к своей и общественной жизни. Только в творческом коллективе ребята вырастают, не приспособляясь к жизни, а преобразуя ее вокруг себя.

Не стану говорить о том, что значит творческое отношение к **любой** работе для будущей жизни детей, и не стану говорить, что значит воспитание такого рода в наши дни, когда и хозяйственный, и жизненный уровень страны все больше зависит от творческого потенциала народа.

5. Три минуты «на шум»

Но вот день коммунарского сбора подходит к концу. Приближается кульминационный момент: «огонек», счастливейшие для ребят минуты.

Я бы сказал про воспитателя, что он в той степени профессионал, в какой умеет проводить «огонек». И берусь определить результаты воспитания по «огоньку». Если где-нибудь царит дух коллектива, то здесь, на «огоньке»...

Вечер. Ребята за день устали физически – они до пота работали, много двигались. Устали умственно – они узнали много нового за день, весь день что-то придумывали, решали всевозможные проблемы. Они устали эмоционально – от обилия впечатлений, от множества микроконфликтов, возникавших на каждом шагу. Они с утра – все и каждый! – несли ответственность за день, волновались, получится ли он. Они гордились, восхищались, бурно реагировали, утешали неудачников, помогали кому-то и сами принимали помощь. Теперь они идут на «огонек» – неторопливо, не все вместе, по одному тянутся, садятся в общий круг так, чтобы видеть лицо товарища, это неписаный закон коммуны. Если сбор летний, то разложен маленький костер для света, две головешки, два сучка – и медлительный дежурный, который очень не любит, чтобы ему напоминали о костре: не погаснет, не беспокойтесь... Рассаживаются вольготно – кто в обнимку, а кто и уляжется, если есть удобное местечко. Никакого напряжения: тихо поют, пока все не соберутся. О песнях не спорят, песню заводит гитарист, и если сбор продолжается хотя бы третий-четвертый день, то уже много общих песен, и даже те, кто поначалу никак не мог взять в толк, зачем это петь вместе, теперь поют, как умеют.

Наконец дежурный дает знак, и начинается разбор дня, или, как говорят ученые, «коллективный самоанализ». Он и заканчивает длиннейший коммунарский день, пролетающий как одно мгновение. Что сегодня было хорошего? Что плохого? Кому было сегодня хорошо от нашей работы? Кто работал лучше всех? Кому было труднее всех? Кто помогал товарищам, кто должен был помочь, да не помог? Словом, как сделали день?

Прообраз «огонька» – макаренковский общий сбор, с той лишь разницей, что здесь упор делается не на проступки и происшествия, а на анализ дня. Говорят потихоньку, не спеша, бережно сохраняя чувство единения. Если ребята неопытные, не умеют говорить, ничего не увидели, не заметили и не могут оценить происходившее, то ведущий дает время «на шум»: соберитесь отрядом в кучку и предложите общую оценку.

...Больше всего я люблю коммуну за мелочи, за то, что все здесь продумано в интересах самого слабого, самого неопытного, самого пассивного: не дергать его, не звать к его совести, не стыдить, не уговаривать «будь активнее», а дать ему возможность выразить себя. До чего просто – три минуты «на шум»... и ты человек! В отрядной тесной компании ты говоришь, не дожидаясь очереди, не стесняешься. Может, и не говоришь вовсе, а сначала только выкрикнешь что-то, или промычишь, или кивнешь головой, когда тебя спросят, а все же ты участвовал в общей оценке дня, думал. Пусть бедноват твой аналитический аппарат – ничего! В следующий раз будешь думать чуть отчетливее и

говорить чуть бойчее. А главное, вот что случилось: пока днем составляли вопросы для «разнобоя» или читали докладки о великих людях XIX века, твое участие могло быть мизерно малым, не эрудит ты. Но вот оценка дня – и ты такой же, как все, у тебя такой же голос, и ты со всеми равный, ты можешь и превзойти других, потому что умение анализировать день ценится как высшее достоинство. Редко услышишь: «Ребята сегодня хорошо работали». Что ж такого? Конечно, работали, чему удивляться... Но вот восторг, вот о чем будут долго говорить: «Николай вчера такой анализ выдал!» Думать над своей и коллективной работой – вот забота коммуны, вот ее задачи: научить думать о работе, о товарищах, о жизни, о себе. И не вообще думать, а основательно, серьезно. Параллельно коллективному анализу идет самоанализ личный, это явно видно по анкетам: «Попала в круг людей отличнейших, поверила в моральное самовоспитание».

...«Огонек» продолжается. Говорят тихо и слушают внимательно: в коммуне все слышат всех. Устали, начали отвлекаться? Ведущий подает знак, заводят песню, сначала тихую, потом повеселее, потом лихую шуточную, и кто-то обязательно выйдет в круг подурачиться, «драматизирует песню». И опять разговоры о дне и о жизни. Говорит один из старших, оценивает день по-своему, высказывает свои мысли, не обязательные для всех. Кто-то из ребят может не согласиться с ним, поспорить – что такого? Нет ажиотажа, перешептываний, переглядок, обид. Я много раз видел: вот мальчишку покритиковали, и он видит, что и весь «огонек» согласен с этой критикой. Тяжело ему, наверное. Но буквально через минуту он участвует в общем разговоре и так же открыто говорит о своих товарищах. Здесь персональных дел нет, нет виновных и правых, и потому никто не боится идти на «огонек».

Трудное дело – «огонек». В первые годы коммуны лишь Игорь Петрович Иванов умел вести его, да и то чуть ли не с полдня начинал готовиться, записывал вопросы, которые следует поставить перед ребятами. А сейчас дежурный командир, мальчишка-девятиклассник, управляет «огоньком», зорко следит за темпом и настроением, вовремя пошутит, вовремя заведет песню. Если бы каждого студента педвуза научили проводить «огонек»!

Как обычно бывает в общественной работе? Провели собрание? Провели. Пошли по домам. Ребята не обсудили, что было хорошо на собрании и что плохо, оценка работы принадлежит только взрослым или откладывается чуть ли не на год. Воспитательный эффект собрания – или любого другого мероприятия – резко снижается, он почти равен нулю. Чаще всего мы боимся вынести общий суд потому, что знаем: ребята могут раскритиковать работу и таким образом косвенно взрослого ее организатора. А если всю работу проводят сами ребята, воспитателю нечего бояться, он храбро идет на этот «суд». Во всяком человеческом деле мы сначала планируем работу, потом проводим ее, потом оцениваем. В общественных же делах получается так, что ребята и не планируют, и не обсуждают итогов – на их долю остается лишь роль исполнителей. Что же удивляться, если они теряют интерес.

Дисциплинирующее влияние «огонька» огромно. Каждый вечер приходится выносить оценку общей работе, и, значит, ты должен весь день всё видеть вокруг себя, всё замечать, должен добиваться высших результатов. Нет лучшего способа научить думать об окружающей жизни. Тебя не принуждают, не заставляют, не уговаривают, не наказывают и даже не поощряют (системы наказаний и поощрений в коммуне нет вообще). Но ты стремишься поддержать дисциплину, потому что только вчера на «огоньке» ты сам требовал оценить день на тройку из-за того, что какой-то отряд сорвал творческое дело. Невидимый институт общественного мнения работает круглосуточно: собирает мнения и вырабатывает их. Он как губкой снимает расслабляющие мысли типа: «А ладно, и так

обойдется». Не обойдется! Всякая нетщательность будет отмечена, или, хуже того, замучит совесть. Разговариваю с четвероклассником на летнем сборе коммуны:

– Я очень изменился, – важно объявляет он.

– Ну да? В чем же это проявляется?

Долгое молчание.

– Сначала, когда приехали, то дежурные разложат хлеб перед обедом, а я побегу и стяну кусок... Перед обедом так есть хочется!

– Тебя ругали за это?

– Нет, никто не видел...

– Так что же?

– Ну сначала таскал, а потом нет. Стыдно стало.

Сколько воспитатель ни говори об отношениях, о коллективе – лишь немногие, да и то не сразу, услышат его. В коммунарской методике каждой высокой цели соответствует цель конкретная, точная, совершенно определенная по результатам. Установить высокие отношения? Нет! Сделать сбор... И сразу появляется истинное самоуправление, которое невозможно в детском коллективе, пока нет практической цели и результата. Скажите ребятам: «Построим дом» – самоуправление возникает тут же. Скажите им общими словами, что надо бороться за дисциплину в школе – и вам придется годами и без толку разговаривать о самоуправлении, и в лучшем случае у вас возникнет орган самоуправления, от которого стоном стонать будут ребята.

В коммуне и ее спутниках самоуправление действует настолько четко, что, например, горловские коммунары самостоятельно организовали сбор на сто ребят. Только вечером, после работы, приезжал к ним старший друг – Владимир Гамаюнов, работник горкома партии. Такой же сбор – без взрослых – провел под Одессой девятиклассник Сергей Лазарев. И еще был большой сбор в Братске, который организовали десятиклассники из Гродно, Архангельска и других городов: ездили в командировки, списывались, договаривались с начальством – огромнейшую работу провели!

Установка «сделать день», насыщенность дня работой, творческий процесс, коллективный самоанализ работы на «огоньке», дисциплина и самоуправление – все это связано в узел. По отдельности ни одна из этих проблем не решается. Например, если бы коммунарский день не был до такой степени насыщен творческими делами, то на вечернем «огоньке» не было бы достаточно материала для анализа: если ничего не происходит, то что анализировать? Ребята не научились бы думать о происходящем, не было бы самодисциплины. И наоборот, если бы не было самодисциплины, то ни одно творческое дело не удалось бы, ребята просто не смогли бы усидеть в совете дела. И не стали бы они сидеть и думать, если бы не чувствовали себя ответственными за день и за сбор, если бы не было реального самоуправления. И не самоуправление, а только фикция его была бы, если бы не бесчисленные советы дела. За всеми этими зависимостями можно следить без конца...

Но ребята ничего этого не замечают. Их отношения к коммуне проще. На моих глазах на сбор привезли очень трудного мальчишку 15 лет, через 3 дня он уезжал: куда-то должен был торопиться по семейным обстоятельствам. Никак не хотел уходить, даже всплакнул. Я спросил, чего это он так.

– А тут ребята такие... – пробурчал он.

– Какие?

– Не ехидные...

Потом я узнал, что он в первый же день намочил трусы в реке и ждал, что над ним будут смеяться. Но первый же, кого он встретил, спросил: «Ты что? Трусы намочил? На мои».

А в анкетах пишут:

«Я впервые услышал, как поются песни по-настоящему. Решают всё сами ребята. Дисциплина. Дружба. Я даже удивлялся, как совсем незнакомые друг с дружкой ребята веселились, работали, всё делали вместе».

«В первый раз я встретила с коммуной на общем сборе. Сначала было страшновато, но недолго. В зале было много ребят, шумели, пели, и было как-то легко. В отряде приняли меня за свою, и через пять минут казалось, что ты всех знаешь давно. Меня удивило, что взрослых совсем мало и что решают всё сами ребята и говорят очень серьезно, с большой ответственностью».

«Мне очень понравились ребята. Когда можно – пошутят, когда надо – отчитают, всегда всё объяснят, помогут».

«Лучшее, что было на сборе, – это дружба большая и верная, которую каждый увезет с собой в сердце. Хотя мы вместе были всего лишь пять дней, кажется, что знаем друг друга уже очень и очень давно. После таких сборов убеждаешься больше и больше, что вокруг живут удивительно хорошие и интересные люди: и если с кем-нибудь случится несчастье, оно обязательно отступит, ведь вокруг столько настоящих и замечательных друзей... А еще главным на сборе был коммунарский дух, присутствующий во всем! Правда, были и недостатки, и ошибки, но важно то, что к этому мы приходили сами, подробнее обсуждая прожитые часы и минуты».

«Такие сборы помогают понять то, к чему мы стремимся, все те «высокие слова» и «сияющие вершины», поверить в их реальность, в их простоту, силу и необходимость».

6. Для кого?

Если остановиться лишь на творческих делах и «огоньках», то, как бы они ни были интересны и полезны, они скоро превратятся в развлечение и наскучат ребятам. Раз – концерт-«ромашка», два – суд над песней, а зачем?

Цель! У всей этой работы должна быть возвышенная цель, которая делает ненужным принуждение, побуждает к творчеству. Уже указывалось на многие причины, по которым ребята преображаются за каких-нибудь 5 дней сбора, но самая мощная из сил – возвышенная цель.

«...Чем больше сознает воспитанник возвышенную цель труда, – писал В. А. Сухомлинский, – тем меньше он нуждается в контроле и тем ярче для него выступает в качестве побуждаемого стимула его собственная совесть». У. Бронфенбреннер, на книгу которого я уже ссылался, считает, что советское коллективное воспитание детей своими успехами во многом обязано возвышенным целям. «На наш взгляд, – пишет психолог, – именно использование подобного рода цели открывает самую многообещающую перспективу при разработке воспитательных и социальных программ».

В коммунарской методике педагогическая сила возвышенных целей используется исключительно полно, с самым высоким КПД. Что делает работу возвышенной? Сознание ее необходимости для людей и – главное – хотя бы малый элемент самоотверженности. Возвышаться – над кем? Над самим собой! Отрываться от сугубо личного, поступаться личным. Вот чем опасна работа по самообслуживанию: если все воспитание строят только на ней, то слишком выпирает «само», обслуживание себя (даже если и не себя лично). Здесь нет возвышающей человека самоотверженности, здесь обращаются не к альтруистическим чувствам ребенка, а к эгоистическим: «Уберем класс, и нам будет хорошо». Скажите ребятам в пионерском лагере, что надо сделать спортплощадку, все окажутся в лентях. Скажите им, что в соседней деревне пожар, все будут в героях. Так герои они или лентяи?

В коммуне постоянно стараются найти работу для кого-то. Не «для чего» мы работаем, а именно «для кого» – так ставится вопрос. В основании цели – всегда человек, люди. Для кого мы работаем, кому от нашей работы легче, веселее? И обратный ход мысли: вот мы сегодня прожили день – кому от нас сегодня была польза? Не просто «что мы делали», а кому было от нас хорошо. Важная педагогическая тонкость! Потому что если есть или хотя бы предполагается человек, который обрадуется нашей работе, то вот она и награда. «Я узнала, – читаем в анкете, – что делать людям полезное, хоть немного, очень приятно. Жизнь становится полнее и радостнее, а люди от этого добреют и становятся лучше. Так живется веселее и проще». Сливаются в одну три цели: работа для людей, работа для коммуны и работа для себя («моя жизнь становится полнее и радостнее»). Эта тройная цель: для дальних людей, для близких, для себя, если она просматривается в каждом деле, необыкновенно возвышает человека. Но лишь только бледнеет одна сторона триады, кривая педагогической ценности труда резко падает или даже вовсе сходит на нет.

«Особая организация сбора, образ жизни, творчество – обо всем этом можно писать долго. Но основное в коммуне – это помощь людям, в колхозе у которых мы живем. Будь то колхоз, совхоз, завод, школа – везде мы ищем работу, чтобы поработать с людьми на равных, помочь чем можем. Отношение к труду в коммуне особенное. Каждый день мы на сборах работаем, каждый день на линейке говорится, что на работу пойдут добровольцы, и каждый раз в числе добровольцев оказываются все. Не забуду, как впервые почувствовал пользу от того, что мы делаем. Это было в Ефимовском районе, в Ефимии. Мы уже прожили дней десять и каждый день работали в поле. А работать в поле, полоть свеклу, когда ее не видно из-за сорняков, «не очень-то приятно, не очень-то легко, не очень-то понятно и очень далеко» – грядки у нас действительно были длиннющие. Засуха была уже дней пять, и вот однажды ночью раздался сигнал тревоги, мы построились, и с нами стал говорить председатель колхоза. Он просил нас выйти ночью и дополоть оставшиеся 10 га, так как свекла может погибнуть, и мы тут же пошли работать. Не удивляйтесь, что это ночью. Ефимовский район – Ленинградская область, а у нас в июне белые ночи. Работали мы здорово, часов до восьми утра, но успели все выполоть. Тогда-то я и понял, что все, что мы пропололи, действительно нужно. И было очень приятно чувствовать себя полезным и нужным человеком.

Работаем мы не только на сборах. Но и в любое время года, когда хочется собраться всем вместе и поработать. Работать в коммуне очень приятно. Каждый старается сделать быстрее свое и помочь товарищу, мальчики и девочки дерутся из-за лопат и ломов. Мальчишки пытаются доказать, что лом – мужское орудие труда, девочки – обратное. Работаем мы часто с песнями. В общем, работаем так, что сачковать никому не приходится» (из сочинения).

– Дух связан с самоотверженностью, и только так! Только! – говорит руководитель Фрунзенской коммуны Фаина Яковлевна Шапиро. – Помогите детям проявить самоотверженность, стать добровольцами – и дух ребят, и дух всего коллектива поднимется необыкновенно, и включатся многие другие побудительные мотивы, которые ничего не дали бы, если бы не было высокого духа:

Без принужденья коммуна живет,
Дело зовет – добровольцы, вперед!

Когда работа для людей и стремление к новым отношениям соединяются в одно, когда деятельность становится нравственностью, а нравственность – деятельностью, то можно выбирать и такие дела, которые требуют долгих усилий. Мы увидим дальше, как в одном из коммунарских коллективов ребята еженедельно ходят на молокозавод мыть бутылки – дело, не романтическое во всех отношениях. И тем не менее школьники принимают работу с радостью, любят походы на завод, потому что видят, как они сами изменяются в совместном труде.

Труд на заводе и творческие дела не разделяются. День не делится на труд и отдых: день – это все время труд, с утра до вечера, и все время праздник.

«Огромный завод. Мы работаем на строительстве нового цеха. Девчонки грузят на машины кирпичи. Мы ломами сбиваем застывший цемент. На каждый отколотый кусок уходит 15–20 минут.

Невыносимо жарко (больше 30°), тяжело и... невыносимо весело. У рабочих давно перерыв: смотрят на нас кто с удивлением, кто с улыбкой, а мы без перерывов, только бегаем обливаться из шлангов. Солнце. Все мокрые. Борис Михайлович рисует (раньше бы на него злился, а теперь весело). Рисует, наверное, большие ломы, маленькие фигуры, худые руки в огромных перчатках, а ты поднимаешь лом, привстаешь на носки – сейчас ударишь! И чувствуешь себя очень сильным, ну просто Геркулесом. Правда, после свершения десятка подвигов руки устали. На каждый кусок теперь уходит больше получаса. Часто меняемся. Бьем неверно. Ну хоть бы ветерочек. От девчонок доносится песня про вольный ветер.

– А ну-ка вдарим!..

И еще час. И еще. Солнце. И весело.»

Это – когда они все вместе. А если кто-то из воспитанных таким образом ребят окажется один, без коммуны?

«Я на Брянщине – на этюдах. Попросили помочь колхозу с торфом. Нарезанный торф мокрый и очень тяжелый. Перекур.

– Что вас в Ленинграде – работать учат?

– Учат.»

Обе записи из книги «Фрунзенская коммуна», их сделал Володя Цивин, теперь он член Союза художников СССР.

Не все нынешние идеи воплотятся в жизнь. Но и через 100 лет, и через 200, и через 500, и всегда детей будут воспитывать на добровольных возвышенных делах и в творчестве. Ничего лучшего человечество не изобретет, потому что ничего так не соответствует сущности человека, как высокий дух и творческое стремление.

7. Старшие друзья

Постороннему человеку, если он попадет случайно на сбор, могут прийти в голову совсем иные объяснения. Он скажет, как и все говорят, что ларчик просто открывается, что все дело в старших друзьях, что каким-то чудом собрались вместе необыкновенные энтузиасты. Конечно, у таких все получится. Но много ли их?

И сколько не объясняй метод – «Да, конечно... Но личность, знаете, личность! Личность в воспитании – всё».

Вечная проблема педагогики – метод и личность.

Все наше существо восстает против мысли, будто метод в воспитании хоть что-то значит, будто он может быть независим от личности. Характер воспитывается характером, убеждения – убеждением, любовь – любовью, и причем здесь метод?

Весь наш собственный опыт убеждает, что профессия воспитателя – это призвание. Одним дано, другим не дано...

Не станем спорить. Однако согласимся, что условия, в которых работает педагог, сильно влияют на его личность, и в одних случаях позволяют развернуться природным способностям педагога, а в других – глушат эти способности. Достоверно судить о том, есть ли у человека призвание к воспитанию или нет, мы можем лишь тогда, когда он попадает в оптимальные условия. А условия эти создает применяемый в воспитании метод. Личность, возможно, не зависит от метода. Но раскрытие и развитие личности воспитателя зависит от метода почти полностью.

Обычно спрашивают: какими способностями должен обладать взрослый, чтобы овладеть коммунарской методикой и получить результат? Но поставим вопрос по-другому: что дает методика воспитателю?

Прежде всего, коммуна снимает с взрослого тоскливое чувство страха, которое знакомо каждому, кто хоть раз оставался один с 30–40 ребятами: никто в целом мире не в состоянии тебе помочь, успех работы полностью, на 100 процентов зависит лишь от тебя, от твоих способностей, и ты с горечью замечаешь, что этих способностей не хватает. Ты не можешь справиться с ребятами или справляешься с трудом, огромным напряжением сил.

В коммуне же взрослый не одинок. Человеческая ответственность, лежащая на нем, очень велика, но она не давит, потому что состояние его ребят и успех его работы точно на те же 100 процентов зависят от общего духа, установившегося на сборе. Взрослый – добровольный помощник ребят и в их трудной работе «сделать день, сделать сбор», и ребята эту помощь с благодарностью принимают. А если старший в чем-то слаб или если его даже и совсем не будет, то и не страшно. Ребята, мы видели, могут проводить сборы и вовсе без взрослых – только уровень работы будет гораздо ниже и запас идей,

необходимых для творческой жизни, быстро иссякает. Ребята это прекрасно понимают, не случайно вернувшиеся из «Орленка» комсомольцы первым делом сами искали – и почти всегда находили – старших друзей. Конечно, нетворческому по своему духу человеку трудно работать в коммуне, но таких людей на практике почти не находится. Механизм коллективного творчества увлекает и развивает всех, и даже у взрослых открываются способности, о которых они не подозревали. Высокая ответственность перед детьми, но без страха не справиться с работой, без страха перед детьми полностью раскрепощает взрослого.

Он чувствует себя на сборе необыкновенно свободным: он и воспитатель, он как бы и воспитанник, он на равных правах со всеми – равно ответствен. Он даже не бывает весь день со своим отрядом: старшие друзья в своем особом отряде, который, как и другие отряды, выходит на линейку, на зарядку, участвует в творческих делах. И так же, как дети, взрослые стараются победить в состязаниях и радуются, если им это изредка удастся. Взрослый не нависает над детьми, не давит на них своим присутствием, он с детьми тогда, когда он нужен детям и дети нужны ему.

Добавим, что коммуна дает взрослому чувство равенства с детьми, поразительное, ошеломляющее чувство, знакомое лишь очень немногим людям. Даже с собственными детьми, как бы они ни были близки с нами, мы всегда чувствуем себя старшими. В коммуне бывают часы, когда ощущение возраста пропадает совершенно, и взрослый действительно видит себя равным ребенку, а ребенка видит равным себе. Нетрудно понять, отчего так.

Когда учитель математики дает ребятам задачу, сам-то он знает ее ответ. Учитель и ученик перед задачей не равны. Только лучшие учителя в математических классах могут позволить себе роскошь вместе с учениками на равных решать не решенные ими задачи. В коммуне эта педагогическая роскошь – норма. Когда взрослый и дети в совете дела вместе придумывают выступление для «боя ораторов» или разрабатывают день Гайдара, они равны перед задачей, они одинаково нуждаются в сотрудничестве: дети без взрослого и взрослый без детей решат задачу хуже, чем вместе. Отношения равенства и общей ответственности возникают естественно, это искренние отношения: взрослый не играет роль «демократичного» воспитателя, не прикидывается добрым из педагогических соображений и не боится думать и предлагать, не повторяет: «Сами, сами, ну-ка сами, ребята». Нет, он старается изо всех сил – дело-то надо сделать! Нет ничего более полезного для ребенка, чем видеть рядом с собой думающего взрослого, и нет другого способа научить ребенка думать, кроме одного: думать вместе с ним. И нет ничего более полезного для воспитателя, чем работа вместе с ребенком. Взрослый забывает, что он воспитывает. Он вовсе не воспитывает, он «делает день»! Он увлекается – и тут-то человек и становится истинным воспитателем. Теперь он и вне дела может говорить с ребенком как равный. Освобожденные от многих забот, не обремененные необходимостью поддерживать дисциплину (и значит, ссориться с ребятами из-за мелочей), свободные от всяких страхов, взрослые получают время и силы для душевных разговоров то с одним, то с другим подростком. Разговаривают неторопливо, часами, действительно как равные, потому что это не проработка, не лавина укоров, не разбор проступков, а важный для ребенка и интересный для взрослого разговор о жизни. Не удивительно, что в коммуне взрослые быстро отвыкают командовать детьми. Как можно командовать, если твоя цель – развитие творческой активности? Ну, раз крикнешь, ну, другой раз одернешь на совете дела или на «огоньке» – все замолчат, работа будет не сделана. Взрослому приходится сдерживать себя не из педагогических, а из чисто деловых, практических соображений. Конечно, в коммуне и ругают детей, и злятся на

них, и кричат – живые люди! Но тут же, как правило, возникает конфликт, и, пока он не разрешится, дело не пойдет.

В этих конфликтах, в творческих делах, во всей жизни сбора взрослый получает чисто профессиональные воспитательские навыки, к нему приходит мастерство. Человек любой профессии умеет делать нечто такое, чего другие люди, непрофессионалы, делать на достаточно высоком уровне не умеют. Только воспитатель вроде бы никакими особыми умениями не обладает. В коммуне же взрослые обучаются проводить сбор, «огонек», творческие дела, быстро перенимают приемы, и способы незаметного влияния на детей, постигают искусство эффективного воспитания и, главное, воочию видят результат своего труда: «сделали сбор»!

Я много раз наблюдал, как люди, не собиравшиеся идти к детям, случайно попадают на коммунарский сбор – и остаются с коммунарами навсегда. Они впервые обнаруживают, что дети не орава, с которой никак не управиться, а верные и чистые друзья: и услышат тебя, и расспросят, и в глаза хорошо посмотрят, и бросятся помочь, если нужно. Взрослые, попадая в коммуну, испытывают такое же чувство духовного обновления, что и ребята, они молодеют. Учитель, привыкший командовать детьми, покрикивать, делать замечания на каждом шагу, – словом, «воспитывать», успокаивается в коммуне. У него и голос другой становится, и глаза загораются.

А со стороны кажется – какие удивительные люди собрались вместе!.. Конечно, им всё под силу, но много ли их?

Да ведь и детей, участников коммунарских сборов, взрослые удивляют: не слишком часто встречали они людей, которые разговаривают с тобой, как с равным, не дергают, предельно искренни, никогда не притворяются, говорят только правду и не навязываются, стараются держаться в тени. Взрослые удивляют детей своим отсутствием! Их очень любят, старших друзей, к ним приходят, с ними переписываются, но, например, в анкетах после сборов имена взрослых почти не встречаются.

«Когда я была меньше, старшие коммунары казались мне высшими существами, особенно по сравнению со взрослыми ребятами во дворе и в школе. Магун, Лосенков, Шенс, Тамара Галкова, Цивин, Прутт поражали меня своим умом, цельностью, юмором», «В «Орленке» я узнал, какие есть люди...», «Я убедилась, что есть очень много хороших ребят и девочек», «По-настоящему увидели, как живут настоящие люди» – таких записей в анкетах десятки и десятки. Здесь важно множественное число: «ребята», «люди», «высшие существа». Никто и никогда не говорит об одном каком-нибудь человеке – именно обо всех или о многих. Несколько лет назад в Подмоскovie собралось человек 200 молодых людей, когда-то побывавших в «Орленке». У микрофона, установленного посреди зала, выстроилась длинная очередь желающих выступить. Говорили коротко, говорили совершенно одно и то же, но все-таки каждый хотел и сам сказать: «Орленок» перевернул мою жизнь». Именно «Орленок», а не тот или иной вожатый «Орленка».

Так коммуна снимает со взрослого еще одно, самое тяжелое бремя: чтобы добиться результата, ему не обязательно быть идеалом. Есть кружки, работающие по 30 лет, и спортсекции с красивыми традициями, и прекрасные школьные классы, которые собираются у своего учителя чуть ли не полвека. Но все такие коллективы складываются вокруг одного учителя, воспитателя, тренера, режиссера, ученого. Они принципиально неповторимы в соседнем классе, кружке или клубе.

Коммунарская же методика – в этом ее преимущество – рассчитана на обыкновенных людей, которым нет необходимости нести трудную службу ребячьего идеала. Им не нужно быть лучше, чем они есть: каждый отдает коммуне то, чем обладает, не больше. На практике всегда происходит некоторое разделение труда: одни взрослые – выдумщики, другие – организаторы, третьи – собеседники детям. Каждый делает, что может, и все вместе побеждают и становятся лучше.

Когда мы говорим о личности и методе в педагогике, мы порой путаем трудность метода и трудность новаторства. Метод представляется нам трудным не потому, что он труден, а потому, что применение его – пока что новаторство и требует усилий и борьбы, сопряженных со всяким новаторством. Но ведь не всегда метод будет новаторским. Станет и он нормальным, естественным, даже рутинным. Вот уже сегодня приезжает человек на работу в «Орленок», а там все воспитывают по коммунарской методике, и ничего особенного тут нет, никакого новаторства, уже забыли, как методика в «Орленок» попала. И человек начинает работать, как все: проводит «огоньки», говорит с ребятами о смысле жизни, старается пробудить творческую активность, ставит возвышенные цели – стремится получить результат. Обычное дело. Традиция.

Будет и коммунарская методика традицией. Потому что ребята, воспитанные коммуной, в той или иной степени сами несут ее идеи в жизнь.

Об учителе химии можно достоверно судить по тому, какое количество его учеников становится химиками. Об учителе физики – по его ученикам-физикам. Пожалуй, это самый надежный из всех имеющихся критериев. Но как оценить воспитателя? Как измерить достоинства его работы?

Вырастая, комсомольцы, воспитанные коммуной, идут, как и все, работать на предприятия, служить в Советской Армии, учиться. В свое время «Комсомольская правда» опубликовала письмо мальчишки из «Орленка», который, окончив школу, пошел работать на завод. Однажды случилась авария: струей бил горячий состав, в котором был большой процент серной кислоты.

«Первыми пришли в себя я и Павлик. Без фартуков, противогазов, перчаток мы бросились к емкости, и он закрыл вентиль с реактора на емкость, а я открыл другой – на материальную линию. Удивительно, что ни Пашке, ни мне гидролизат не попал на руки. Ему попало на лоб и нос, мне же пришлось хуже... Но я держу хвост пистолетом. Сейчас выгляжу как пятнистый олень».

Письмо было написано девушке, она переслала его в «Комсомолку». На страницах газеты возникла дискуссия: стоит ли рисковать собой?

Но сейчас о другом. Ребят растит вся наша страна. Коммуна лишь концентрирует, фиксирует то лучшее, что есть в окружающей действительности.

Однако при самом широком разбросе профессий и судеб более половины ребят из коммуны выбирают работу, связанную с воспитанием людей: они становятся учителями, пионервожатыми, комсомольскими работниками, психологами, психиатрами, научными работниками в области теории воспитания. И если врачом, то детским! Автором интересных книг о подростках стал А. Мудрик, один из руководителей «Алого паруса»; психологами стали ленинградские коммунары В. Лосенков и В. Магун, московский коммунар А. Зубаткин; редактором литературы для детей стал Н. Крышук; Айк Котанджян, чье письмо из Ленинканана мы читали, стал первым секретарем ЦК ЛКСМ

Армении; несколько человек из клуба «Алый парус» работают в области теории воспитания.

В 1961 году архангельский инженер Владимир Сотрудинов попал в Ленинград и познакомился с Фрунзенской коммуной. Вернувшись в свой город, он создал при городском комитете комсомола штаб школьников. Прошло 17 лет. Вот что писал в «Комсомольской правде» корреспондент А. Морозов в апреле 1978 года:

«Штаб существует для города. В первую очередь для его школ. Каждые каникулы проводили сборы комсомольского актива. А летом – копачевский двадцатидневный сбор... Поток творческих дел – диспутов, концертов, импровизированных инсценировок, всевозможных вечеров, все это – после работы. А работа отнюдь не легкая: за лагерную смену они вырубали по 900 кубометров известняка. Две трети зданий в поселке Копачево построено из этого камня.

Среди других тематических дней на сборе – день истории коммунарских сборов, и на него со всей страны съезжались «старики». Люди уже взрослые, семейные, почтенные, но один день они жили по законам коммуны – ставили свои спектакли и преодолевали различные препятствия в конкурсе рыцарей... Две трети бывших штабистов стали профессиональными организаторами: педагогами и комсомольскими работниками».

8. Истинный и подлинный?

«Как это было здорово – за 4 дня 100 совершенно новых людей стали близкими, всего за 4 дня... Перед отъездом со сбора я говорила почти со всеми новенькими: они уехали такие же, как и мы из «Орленка», это точно» (из письма киевлянки Любы Тверской).

Что это за воспитание такое, которое измеряется не годами и не месяцами, а днями?

Напомню читателю: пока что мы рассматриваем только коммунарский сбор как модель, по которой ребята учатся лучшей жизни. Теперь, очевидно, стало яснее, как эта лучшая жизнь создается, как это вообще можно: быстро создать почти идеальную жизнь в далеко не идеальном коллективе.

Окинем это красивое здание общим взглядом, выпишем в ряд:

- юношески-романтическая идея помощи людям постоянно воплощается в работе для дальних друзей, для коллектива и для себя, возвышает дух ребят, делает их нужными, взрослыми, ответственными людьми;
- реальный идеал – в действительности созданные однажды, пусть и на короткий срок, коллективистские отношения – служит образцом-целью, который объединяет всех и во много раз ускоряет развитие детского коллектива;
- принцип «Всё – творчески, иначе зачем?» обеспечивает равенство, быстрое развитие детей и высокое качество работы, объединяет идею, идеал и будничные труд;
- коллективный самоанализ побуждает к самовоспитанию, образует множественные обратные связи в коллективе и дисциплинирует ребят;

- свободно работающие старшие друзья развивают и поддерживают творческую активность ребят.

Идея, идеал, творчество, анализ, старшие друзья... И параллельный организационный ряд: сбор, творческие дела, советы дела, «огоньки».

Никаких понуждений, деклараций, каждая из побудительных сил поддерживается всеми остальными. Стоит вынуть один камень, как вся постройка рухнет: ничего не получится без возвышенной цели, или без реального идеала, или без творчества, или без анализа, или без старших друзей. И ничего не получится без сбора, без творческих дел, без советов дела и без «огоньков» или чего-нибудь, что их заменяет.

Интересно заметить, что при таком воспитании, если оно продолжается достаточно долго, многие традиционные проблемы педагогики снимаются сами собой.

Снимается проблема хулиганства, пьянства, воровства, агрессивности, грубости, порчи имущества, аморального поведения – ничего этого просто нет. Нет таких проблем.

Снимается проблема юношеского пустого скептицизма и критиканства, неуважительного отношения к взрослым – снимается без специальных разговоров и мероприятий.

Снимается проблема «вещизма», «потребительства», исчезает психология исполнительства – «что велют, то сделаю».

Скажут: но ведь в коммуне не было трудных. Не было, хотя, как уже говорилось, коммунарская методика с успехом применяется в Красноборской колонии – там тоже сняты многие и многие сложные проблемы. Но вообще-то говоря, если мы научимся хорошо работать с обычными детьми, в обычных условиях, то и трудных будет куда меньше...

Что же, беспроблемная жизнь в коммуне? Отнюдь нет!

Здесь резко обостряются проблемы смысла жизни, понимания себя и людей, самовоспитания, учения, поиска полезной деятельности, поиска своего места в жизни, культуры поведения и общения, проблемы способности и неспособности, уверенности в себе и неуверенности. Нормальные, истинно человеческие проблемы, которых никто не может избежать и, главное, не должен избегать.

Если внимательнее присмотреться к отдельным результатам работы коммуны, встретиться с нынешними 30–35-летними воспитанниками Фрунзенской коммуны, то можно отметить любопытное явление: далеко не все воспитанники коммуны «борцы», воспитание не отменяет психологических различий; однако общественные черты, стремление помочь людям, делать всякую работу творчески и на высоком уровне, доброжелательность и готовность к добровольному участию в тяжелой работе, бескорыстие – все эти черты личности, которые, как обычно считают, воспитать очень трудно, все сохраняются безусловно и надолго (не имею пока оснований говорить, что навсегда). Но если взять умение справляться со своей личной жизнью, добиваться личного успеха, то здесь мы стопроцентных достижений не увидим. Что же? Коммуна не растит таких преуспевающих молодцов, которым жизненное море по колено. Нет, она растит людей обычной человеческой судьбы, сложной духовной жизни. Коммуна не конвейер, выпускающий продукцию с гарантией. Воспитанникам коммуны свойственны, как и всем людям, сомнения, разочарования, духовный поиск, жизненные неудачи. И не

потому, что они «идеалисты», а потому, что они духовно богатые люди и многого хотят от жизни – коммуна в каждом развивает желание жить красиво.

Впрочем, им и легче жить красиво: у каждого из 30-летних по-прежнему 100–150 друзей. Прибегут, помогут, спросят, на день рождения соберутся. С этими людьми может случиться все, что может случиться с людьми, но они с детства не знали, сейчас не знают и, я думаю, никогда не узнают одиночества. У каждого свои семьи и свои заботы (многие воспитанники и воспитанницы коммуны пережились между собой, сейчас у коммуны около сотни своих детишек), но живо коммунарское братство.

Среди них нет идеальных людей, но более важно, что среди них нет и не может быть обывателей.

С главным своим делом – воспитанием советского гражданина, творчески активного, развитого, духовно богатого, идейного человека, верящего в людей, в жизнь, в свою способность улучшить ее, – коммунарская методика справляется отлично. Коммуна растит не добродетельных, а добродетельных. Если бы попросили кратко сформулировать, что хочет видеть в человеке коммуна, я бы ответил: «Как можно больше уверенности в себе, как можно больше любви к людям».

Коммуна опирается на самое высокое в человеке – и всегда выигрывает. Высокое воспитание, каким бы оно ни казалось непрактичным, на самом деле самое практичное, мощное, эффективное воспитание.

В последние годы идет очень широкий поиск передовых методов воспитания. Мы знаем о новых важных начинаниях комсомола, об энтузиастах – создателях подростковых клубов, о том, как совершенствуется вся воспитательная работа с детьми и подростками. Коммунарская методика лежит в русле этого общего поиска и привлекает внимание педагогов как одна из плодотворных форм комсомольской и пионерской работы. Как бы ни различались между собой и сами воспитатели, остается важнейшее и общее: это воспитание в коллективе и через коллектив. В научной литературе перед словом «коллектив» принято ставить осторожное уточнение: «истинный» или «подлинный». Ну, например, так пишут: «Мы за активное создание в коллективе детей и подростков новых, **подлинно** коллективистских отношений...» Или так: «Мы будем считать деятельность **истинно** коллективной, если...»

Выберем из многих определений истинного коллектива, быть может, не самое легкое для понимания, но, пожалуй, наиболее строгое и авторитетное определение из коллективного труда Института психологии АН СССР «Психологические проблемы социальной регуляции поведения» (М., 1976, с. 248).

«Мы будем называть деятельность истинно коллективной, если для индивида:

- 1) предметом деятельности является объективно общественно заданный предмет;
- 2) данный предмет является истинным осознанным мотивом деятельности и благодаря своей осознанности он превращается в мотив-цель;
- 3) стремление к достижению согласия является мотивом, обусловленным основной целью деятельности;

4) деятельность и осуществляющие ее действия имеют высокую нравственную детерминацию.

Всякая иная совместная деятельность, для которой не выполняются все эти четыре условия, не может быть названа коллективной».

Предоставлю читателю самому – на основании изложенного выше – решить, насколько жизнь ребят в коммуне отвечает всем условиям этого определения.

9. Школа у Витебского

Иногда кажется, будто кто-то невидимый проверяет коммунарскую методику с придирчивостью и научной дотошностью. Словно нарочно ее испытывают самыми большими перегрузками, которые сознательно, в чисто научных целях допустить было бы нельзя.

Вырастили хороших ребят? Что ж, проверим... Посмотрим, как они будут действовать не вместе и не со своими старшими друзьями, а по одиночке, в массе школьников. Как поведут себя коммунары в спутниках, в соотношении 1 : 10, 1 : 20, 1 : 50?

Победа всегда оставалась за коммунарами, и уж во всяком случае не было ни одного случая – ни одного! – чтобы мальчишка из коммуны поддался общей разболтанности, уступил бы в принципах, совершил хоть мало-мальски предосудительное.

Что ж, говорит невидимый экспериментатор, все-таки это у себя, в Ленинграде, и притом с младшими ребятами, с пионерами... А если забросить горсточку коммунаров за тридевять земель от дома да поместить их среди сверстников, которые и слыхом не слыхали о коммуне – сумеют победить? Операция «Орленок»... Мы видели, чем она закончилась: весь «Орленок», 500 человек, стал работать по новой методике и вот уже 15 лет работает.

Ладно, продолжает экспериментатор, попробуем испытать вас по-другому. Известно, что самые сильные, на весь мир прославленные педагогические учреждения хирели, распадались, теряли свою славу, когда по какой-либо причине уходил их организатор. Ну а коммуна? Выдержит ли она такое жесточайшее испытание?

В 1962 году, всего через три года после образования Фрунзенской коммуны, по разным житейским обстоятельствам из трех организаторов нового дела уходят два. Остается на месте только методист Дома пионеров Ф. Я. Шапиро. Что теперь будет с коммуной?

А ничего не случилось. Был короткий период волнений и обсуждений, но продолжали нормально работать, и именно в следующие 8 лет коммуна расцвела, у нее появились спутники, провели трудные сборы под Полтавой, в Ульяновске, под Москвой. Именно в это время о коммуне стали много писать, снимать ее для кино (документальный фильм «Подростки»). Еще и славой испытание пришлось выдержать коммунарам, но ни разу и ни от кого не пришлось даже и услышать жалобы на то, что ребята зазнались, что теперь они «не те». Единственное было затруднение: вырастая, ребята не уходили из коммуны. А как воспитывать вместе 14- и 19-летних?

Но и на этом испытание методики не кончилось! Невидимый наш оппонент говорит: что ж, признаем коммуну педагогической удачей И. П. Иванова и его сотрудников. А если бы ему пришлось вновь создавать ее, и притом сначала, совсем в других условиях? Что тогда?

И это было. И вот в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, профессором которого стал И. П. Иванов, возникла и уже 15 лет работает Коммуна им. А. С. Макаренко (КИМ). В нее входят студенты – будущие учителя, они на студенческой скамье учатся коллективному творческому воспитанию. Оказалось, что методика почти без изменений годна и для студентов... А студенты стали применять ее в **начальных** классах школы, с первоклашками и второклассниками! Изданы книги о находках и достижениях коммуны. Сотни педагогов школ, выпускников коммуны, «десантников» учительствуют во многих городах и селах, и ежегодно проводятся слеты воспитателей, работающих по методике коммуны.

Выпускников герценовского института спрашивали:

- Чему вы научились в коммуне?
- Смотреть на педагогику как на борьбу.
- Что из кимовского багажа используете?
- Самую суть: методику коллективного творчества.

И. П. Иванов так определяет основу, стержень всей деятельности Коммуны им. А. С. Макаренко: «Идея необходимости и неисчерпаемости воспитательных возможностей творческого содружества старших и младших поколений в общей – многообразной! – заботе о непрерывном улучшении жизни своей и окружающей».

Итак, пионерский лагерь, коммуна школьников, коммуна студентов, дворовый клуб (московский форпост Педагогического института им. В. И. Ленина). А школа?

Хотя во Фрунзенскую коммуну, например, брали всех, кто придет, но ведь и приходили-то не все... И в Коммуне им. А. С. Макаренко состоят не все студенты, лишь некоторые... А что, если методика эта и годится только для особых людей с общественной жилкой? Правда, есть опыт челябинской первой школы, но и там особая группа коммунаров. Коммуна в школе. А если без коммуны, без отбора, просто – в комсомольской и пионерской организации? В школе, с ее будничными хлопотами, где все свои – трудные, легкие, коллективисты, индивидуалисты. Никто никуда не уйдет, никого не исключишь – всех воспитывай! И не сто их, не двести – полторы тысячи человек.

Делали день, делали сбор, делали коммуну. Сделать школу?

Вот испытание так испытание...

Но если не пройти через него – пропали все труды, останется недосказанным главное, и вся деятельность коммуны, все огромные усилия сотен людей будут иметь скорее теоретическое, чем практическое значение. Пока нет хотя бы одного примера работы в школе, пока нет хотя бы одной «своей» школы – все это разговоры, все неубедительно. Любой педагог скажет: «Да, интересно... Полезно... Красиво... Но у меня же не коммуна...

У меня класс... Школа... Я, знаете ли, уроки на дом задаю и двойки ставлю – вы слышали про уроки и двойки, дорогие мои энтузиасты?»

Фрунзенская коммуна перестала существовать – ее роль была сыграна до конца. 20 августа 1972 года три воспитателя из коммуны пришли в старую, довоенную школу возле Витебского вокзала, обосновались в пионерской комнате на первом этаже. Вскоре всех троих стали объединять словом «пионерская». Сбоку, за крошечным столиком – Фаина Яковлевна Шапиро. Она знает про всех детей решительно все, и я видел второклассниц, которые считали Фаину Яковлевну своей личной подружкой. Оратор, организатор, боец, дипломат – но не от воли у нее эти качества, не от собственного характера, мягкого, уступчивого, женственного, а от благородной веры в свое дело и от глубокой, скромной преданности детям, товарищам по работе и друзьям, а друзей у нее пол-Ленинграда. Не от воли, а от духа – понятна ли будет разница? От духовности же идет и это плодотворное для педагога стремление не быть на виду, принижать свои способности и свою работу, говорить больше о неудавшемся и несделанном, отчего вокруг нее волнами расходится беспокойство. Фаина Яковлевна – дух пионерской и ее нрав, ее броневая защита и идейный центр. Да она и старшая здесь, она участник Великой Отечественной войны.

А рядом – Елена Ивановна Махняева, Лена-большая, историк. Есть в ней что-то значительное, перед чем все смиряются, хотя сама Лена неотличима в толпе невест-десятиклассниц. Разговаривать с ней огромное удовольствие: у нее абсолютный педагогический слух и упрямая неуступчивость перед формализмом, банальностью и пошлостью. Ей не нужно спрашивать ребят, как примут они то или другое дело, она знает их реакцию заранее и безошибочно. Если нужно вымыть полы или посуду после гостей, то это Лена-большая. Если надо кому-то из троих раньше всех с утра приехать в школу – это Лена-большая. И если надо придумать новое творческое дело, в неторопливых разговорах с ребятами подготовить его, то это опять – она. Лена-большая – творческий центр пионерской комнаты.

И наконец, географ Елена Борисовна Шалыгина, Лена-маленькая, Леночка – ее прежде и среди семиклассниц, бывало, не сразу заметишь. Работала в соседней школе старшей вожатой, была на первой роли и на лучшем счету в районе и бескорыстно и радостно заняла место подручной, человека на подхвате: с одного слова послушно подменит Фаину Яковлевну или Лену-большую, нарисует плакат во всю стену, сбегает с поручением, часами будет шептаться с пятиклашками и организует сложнейшую игру для всей пионерской дружины. И всё одинаково легко, без видимых усилий, только улыбнется: «Будет сделано!» Леночка – центр надежности пионерской комнаты.

Фаина Яковлевна отвечает за дело перед миром. Лена-большая – перед совестью своей, а Лена-маленькая, кажется, и вовсе не отвечает, а просто делает все, что нужно и лучшим образом.

И у всех троих точное знание, чего они хотят, один реальный идеал. Фаину Яковлевну преобразила коммуна, а обе Лены воспитывались там с V–VI класса. Они, можно сказать, и не видели другого воспитания, кроме коммунарского. Представление о человеке и человеческих отношениях все трое не вычитали, а получили в жизни: в жизни они видели то, о чем и в фантастических романах не прочитаешь. Они были педагогическими баловнями: вот уже много лет они работали с ребятами, готовыми отозваться на каждое их слово, единомышленниками, выдумщиками, общественниками.

Уже писал и здесь готов повторить: никаким образом не хочу принизить работу педагогов школы, среди них много просто замечательных людей. Было в школе и научное

общество, и был когда-то свой театр, и все положенные мероприятия проводились регулярно. И не на плохом счету была школа!

Но первый же старшеклассник, к которому обратились с незначительной просьбой, ответил грубой руганью. И в первом же походе, когда пришли на привал и надо было ставить палатки, ребят не оказалось – разбежались. Когда же их нашли, то двое не стояли на ногах, да и остальные были пьяны: на 20 «детских» рюкзаков обнаружилось 12 бутылок вина, и дети были очень удивлены тем, что старшие не взяли с собой выпивки – как же они в поход собрались? На чужой счет?

Я был на вечере в первый месяц после начала работы пионерской: старшеклассники отказывались даже танцевать, пока... не погасят свет. Я упросил, чтобы свет погасили, мне было интересно, что же произойдет. Погасили, осталась одна маленькая лампочка на сцене – в полумраке несколько пар тоскливо извивались, не слушая музыки.

«Первые годы в новой коммуне для беспризорных всегда каторга», – писал Макаренко Горькому. Но и не в коммуне, и не для беспризорных первые годы – каторга! Трое воспитателей сознательно выбрали ее, но даже и они не знали, с какими трудностями им придется столкнуться, когда начнут работать в обычной школе. Им казалось, что стоит рассказать ребятам и учителям о прекрасной жизни, как все пойдут за ними – ведь это очевидно. Они говорили часами на собраниях и педсоветах, в классах и в пионерской, но их никто не слушал. Слушали, но не слышали. Никто не понимал, о чем они толкуют. Разве у них в школе что-нибудь не в порядке? Разве у них хуже, чем у других? И чего, собственно, они добиваются? Что им надо? Какие там еще **отношения**? Какая работа? «Вы что – мир собираетесь перевернуть?» – поинтересовался один десятиклассник. Все-таки он что-то услышал, что-то понял, может быть, и главное понял: они хотели перевернуть мир!

Как будто они на разных языках разговаривали. Решили поехать в Комарово. Проголосовали: все едем. В воскресенье на вокзале оказалось трое: заместитель директора, одна учительница и ее муж. В понедельник бросились к ребятам: как же так, вы же голосовали? Оказывается, они голосовали не слыша, не зная, за что они голосуют, никак это голосование к себе не относили, голосовали по привычке голосовать...

Пионерская не стала работать только с активом. Правило: все вместе. По идее Майи Германовны Казакиной, научного руководителя пионерской, они стали работать с целыми классами. Всем классом на молокозавод раз в неделю, расставлять пустые бутылки в ячейки железных ящиков. Никто не мог понять: зачем? Мальчишки паясничали, родители протестовали, горе было, а не работа; но уже через месяц после ее начала, когда я спрашивал первых попавшихся в школьном коридоре ребят, все, не сговариваясь, отвечали: самое интересное у нас – работа на молокозаводе. Начали работать – и новые герои стали появляться. Кто умеет трудиться, кто умеет весело трудиться, кто может сочинить частушки про молоко и бутылки, быстро нарисовать «молнию», кто поднимает дух, а не ноет... Что такое перевоспитание? Смена героев, больше ничего.

Но все это были лишь дальние подступы. Главное, знала пионерская, – сбор. Чтобы ребята не из речей, а глазами своими увидели ту новую жизнь, к которой их зовут, чтобы в себе ощутили хоть маленькие перемены, чтобы хоть приблизительно поняли, о чем же говорит пионерская! Не ждать годы, пока дойдут до хорошей жизни, а сразу показать ребятам реальный идеал.

К первому сбору в ноябрьские каникулы готовились, как к битве. «Сбор должен пройти на «5+», иначе нам капут», – писала Фаина Яковлевна в те дни. Однако, несмотря на всевозможную агитацию, поехало всего 30 человек, да и то не активисты, не самые влиятельные в классах, а случайные ребята, которым некуда было деться на каникулах. Что ж! Будут работать с теми, кто есть! Все ребята одинаковы!

Но тут была у них и подмога. Может и в 5 лет не удалось бы пионерской достичь тех результатов, которых она достигла, если бы не старые коммунары, воспитанники Фрунзенской. Их было 10 человек, они тянули весь сбор, и не получиться он не мог. Вот где сказались те прежние 12 лет работы!

Не будем обманывать молодых педагогов, уверять, что истинный коллектив создается легко и просто: надо лишь пройти через такие-то стадии и провести такие-то мероприятия. Если нет «закваски», если нет ребят, которые сами хоть на короткое время хлебнули новой жизни, дело это бесконечно трудное... Создавать коллектив с самого начала, да еще без собственного опыта, почти невозможно. Коллектив, как жизнь, не самозарождается. Все нынешние коммунарские коллективы ведут свою родословную от Фрунзенской коммуны, от «Орленка»: всегда можно проследить живую цепочку из 5 – 6 звеньев, которая приведет в Ленинград. Если никто своими глазами не видел образца, то надо обладать исключительными педагогическими способностями, чтобы создать истинный коллектив.

Итак, первый сбор, 4 дня под Ленинградом, 30 случайных ребят... Цитирую письма:

«Ехать было страшно. Ребята ехать не хотели. Все спрашивали, что будет, и ждали чего-то веселого... Кажется, два дня ничего не происходило, а потом все произошло. Не хотели уезжать – как обычно бывало после коммунарского сбора. Мы сбором довольны. Работали, провели интересный разговор о школе, «университет» (четыре факультета), рассказ о коммуне, парад, посвященный 7 Ноября, день Греции, прекрасный вечер революционной песни (пели так, что дрожь по телу пробегала), вечер Маяковского (читали стихи), открытие нашего города, две прогулки с игрой, три вечерних общих сбора-«огонька». «Огонек» – всё! Чудо из чудес. И в той степени, в какой в классе нельзя проводить «огонек», в той степени и плохо».

Девятиклассница писала после сбора: «Сначала было очень трудно. Ни одной свободной минуты у нас не было, постоянно нужно было думать, чего многие из нас просто не привыкли делать в таком количестве. Мы были как в другом мире. Из творческих дел очень понравился «университет», лекции в котором читали старые коммунары и взрослые, и веселый день Греции. Этот день начался с того, что у нас украли прекрасную Елену. Все отправились на поиски, было много смешного, но в конце концов каждому отряду досталось по Елене или Алене, а одному отряду Людоедка Эллочка, и каждый отряд на обратном пути решал, как доказать, что именно наша Елена – Елена Прекрасная. Вечером у нас был греческий театр. Каждый отряд представлял разные жанры греческого театра: театр масок, трагедии комедии. Сбор прошел очень хорошо, «на уровне мировых стандартов». Мы были как в другом мире».

«Мы были как в другом мире...» Вот оно! Увидели его, другой мир! Теперь в пионерскую не надо было зазывать старшекласников: 30 человек из нее не уходили, 30 человек хотели и всегда жить, как в те 4 дня на сборе. Если бы всю школу – на сбор! Но что же мечтать, надо вкраплять «другой мир» в обычную школьную жизнь, показывать ребятам, что и все они могут жить так же... Короткие письма из школы (некогда было длинные писать!) как фронтовые сводки:

22 ноября. «В субботу открыли школьное кафе. Было очень тихо, но ребята кофе не пили, а просто сидели, шепотом разговаривали и чего-то ждали. Играла музыка (серьезная). Слушали. Потом обсуждали, что хорошо в кафе и что плохо. Решили, что вечера в кафе должны быть тематическими».

24 ноября. «День географии для V–X классов. Десятые-девятые проводят «аукцион» «Знаю ли я географию?», восьмые – «разной», седьмые – обзор журнала «Вокруг света» и т. д. Продолжаем работу на молокозаводе, и теперь уже без хлопот».

27 ноября. «Общее комсомольское собрание. Во-первых, все пришли и без опозданий. Было очень тихо. Пять человек выступали без подготовки и по существу. Выбрали нового секретаря – девятиклассника, который был на сборе».

29 ноября (письмо Лены Махняевой, Лены-большой). «Трудно с пионерами. Готовим день истории. Когда отряду даешь задание что-нибудь решить, то придумывают мальчики, собравшись в кучу, а девочки говорят: «Без нас всё решат» – и сидят в сторонке».

...Считается, что власть в общественной жизни захватывают девочки, что нет сугубо мужских дел, например военизированных игр. Но вот стали проводить «Зарницу», и опять во многих местах во главе батальонов – девочки, только теперь – в погонах. Но, как показывает опыт коммуны, истинно мужское дело – придумывание, творчество! Сначала, когда пионерская собирала представителей советов отрядов (их здесь для краткости называют командирами) и ребятам говорили: «Давайте придумаем...» – все молчали. Тогда догадались: надо выбирать в отряде по два командира. Пусть вдвоем придумывают! Выбрали по мальчику и девочке. Дело пошло веселее: пошушукаются, пошепчутся и что-нибудь предложат. Но вскоре ребята выяснили, что придумывать гораздо легче, если оба командира – мальчики. И вновь произошла смена власти: теперь каждый отряд был представлен в совете двумя командирами-мальчиками... Повсюду страдают от засилья девочек, а здесь одни только мальчики сидят в совете! Возникла проблема прямо противоположная: как девочек привлечь к общественному творчеству? Но продолжим сообщения из школы.

30 ноября (письмо Лены Махняевой). «Очень активно подключились к дежурству. Мне кажется, что у нас вся школа только и делает, что дежурит. Мы установили совместное дежурство пионеров и комсомольцев. Они такие красивые, все в пилотках, даже девятые классы. Сегодня дежурные повесили плакаты: «Вы не бегайте, крича, плохи шуточки с Ф. Я.», «Наша служба и опасна, и трудна» и прочее».

Это значит, уже и советы дела появились в школе – иначе откуда придумки?

Письма Фаины Яковлевны:

2 ноября. «Прошел день географии. Обнаружили двух очень знающих и умных ребят. Оказывается, есть и звезды, а вначале казалось – никого. Я вожусь с X «В» классом – там заболела классная руководительница. В классе все колобродят. Одни с нами, человек 6 – 8, другие плевать хотят на всё (человека 4), остальные смотрят: что-то будет? Вот единственное: все классы хотят работать на молокозаводе и работают все хорошо. Время летит, ничего не успеваем...»

10 декабря. «Были ужасно тяжелые дни. Ничего не происходило и не получалось, я было совсем отчаялась и хотела написать, что мы все бросаем. А потом...

Кульминация была, когда мы проводили кафе (2-й раз). Пришли в полном составе три десятых класса. Пришли, нарядно одетые, посмотреть, что мы делаем. Короче: все прошло отлично. Полтора часа читали стихи французских поэтов XV –XVI веков – программу подготовили 12 человек с Леной, те, кто был на сборе, и их друзья. В зале за столиками было 100 человек, мест не хватало, но было необыкновенно тихо. Вторая часть – ребята со сбора пели песни, и третья – танцы. Кажется, темно и все такое, чтобы повторился тот первый вечер, но ничего подобного не было. Танцевали вполне достойно, а потом сели кругом и тихо пели. В 10 кончили. Было очень интеллигентно, в первый раз в этой школе. Теперь все хотят ходить в наше кафе, все готовятся, а о дисциплине и говорить нечего».

Вот так работает сбор в школе. Всего 4 дня провели вместе, а на каждом шагу: ребята со сбора провели... ребята со сбора пели... Выбрали секретаря из тех, кто был на сборе. Любопытно, что и новое слово сразу появилось: «сборовцы» – те, кто был на сборе.

13 декабря. «Ежедневно с одним-двумя разговариваю о жизни. Есть очень сложный паренек в 10-м. Все его ругают, внешне неказист. Был с ним большой разговор. Умный парень. Прекрасная речь. Говорит, что он был вполне приличным учеником, но так долго говорили ему, что он плохой, и в конце концов он стал таким. Мне его очень жаль. Говорю, дай помогу тебе, а он говорит, что уже поздно.

Сейчас готовим день истории – праздник 50-летия образования СССР. Десятые-девятые классы – конференция по теме «Культурная революция в жизни народов СССР» (литература, живопись, музыка). Восьмые классы – «Вечер горящих сердец» (о Луначарском, Баумане, Кирове и Чичерине). Шестые – игра по «станциям». Пятые-четвертые – викторина. На молокозаводе продолжаем работать, через неделю начнем работать в детском отделении больницы – будут играть с ребятами, читать им и т. д.».

17 декабря. «Все очень плохо. Вчера было кафе – посвятили его памяти декабристов. Опять пришли какие-то гопники (которых привели, конечно, наши), напились, и стало очень мерзко. Внешне как будто все очень пристойно, а вообще-то ничего не происходит. До часу ночи стояли у школы, разговаривали. И всю ночь, конечно, не спали. Самое противное было то, что один наш мальчик, А., все-таки не выдержал, пошел в магазин, принес вина и сам напился. А мы-то решили, что с этим всё.

Так что же нам делать? Завтра посвящу этому день.

Опять буду говорить, говорить... Какое-то расслоение среди ребят идет. Кто-то полностью с нами (человек 50–60), кто-то в середине, а остальные – против (человек 30). Ухмыляются и говорят: «Неужели вы верите, что в школе можно что-то сделать?»

...Но пионерская верила. Дрогнули даже старые коммунары, которые то и дело приходили в школу: не получится! И все кругом твердили: не получится! И самим казалось минутами: не получится! Но пионерская верила. «Есть такой независимый механизм в человеке – вера, – говорит Фаина Яковлевна. – Одним дается она с детства, к другим приходит с делом. Я верю в наше дело, в нашу правоту!» Они мучились, искали: в чем же они ошиблись? Может быть, слишком громко начали? Может, нельзя приходиться в старую школу с новой программой? Может быть, перейти в другую школу, начать все сначала, но тихо начать? Незаметно?

И все из-за того, что **один** ученик был пьян... Отвыкли!

Очень хотелось бы написать, что дальше все вдруг как-то само собой получилось у них, но не было этого. Было еще хуже.

6 января. «Конец декабря был страшный. Конец четверти, все устали, куча дел и... страшный грипп. И все повалилось из рук. Мальчишки (с VI по VIII класс) играют на деньги. Это как эпидемия. Игра называется «болтанка». Ужас. А мне-то казалось, что все хорошо. Вдруг стали плохо дежурить по школе; IX «Б» пошел на работу, а до молокозавода из 30 человек дошли 12, остальные пошли домой. А мне казалось, что уж с работой все отлично! Вот так и живем. Да разве это жизнь? Это письмо пишу с зимнего сбора. К сожалению, опять поехало только 42 человека (10 заболели). И это после ноябрьского сбора и нашей агитации! Столько сил и так мало ребят! В последний день учебы все VIII–X классы ходили на спектакль в ТЮЗ. Было больше 250 человек. Все были ужасно рады, и вообще все было очень мило. Кончился спектакль, и... **никто** с нами не попрощался, не поздравил с Новым годом, просто прошли мимо нас, и всё. Вот так. Не принято, поэтому – стыдно, и вообще – зачем? Ничего в школе не происходило в эти полгода, ребята такие же, как в сентябре. Просто удивительно, как все это быстро получается. «Это» – я имею в виду полную бездеятельность и безразличие ко всему. Полное отчаяние, хоть беги из школы. Такое состояние у всех нас троих».

Тут важно заметить – отчего отчаяние? Такое чудесное мероприятие, 250 человек в театре, «все очень мило». Прекрасный факт для отчета, и сколько воспитателей даже не обратили бы внимания на эту мелочь, на то, что с ними не попрощались! Но пионерская привыкла судить о состоянии духа по мельчайшим мелочам. Они не с пьянством борются, не за вежливость, не за дисциплину, не мероприятия проводят, а дух поднимают! Между сценой у театра и тем, что один напился, прямая связь. Потому что, будем честны, нет способа исправить этого одного, не знает таких способов педагогика: нужен общий подъем духовной жизни всех ребят.

Терпение... Можно поверить в любое педагогическое чудо, но никогда не поверишь, будто был на свете хоть один педагог, не познавший отчаяния, и будто можно изобрести метод, который от отчаяния уберезет. Единственное, что остается педагогу в такие минуты, – верить и призывать себя и товарищей своих к терпению. «Я поняла свой главный недостаток, – писала Фаина Яковлевна. – Я хочу сделать **все и немедленно**».

Это действительно опасный недостаток для педагога и его большое достоинство. Терпение и нетерпение, как топливо и кислород, сгорают в одном огне и дают энергию душе. Тот, кто не хочет сделать все и немедленно, не сделает ничего и никогда.

14 января (письмо Лены Шалыгиной). «Если первый сбор (осенью) был для наших «познанием мира», так как было много коммунаров, которые в основном все делали и «развлекали» наших ребят, то зимний сбор принес много трудностей. Коммунаров не было, пришлось все делать самим, а это оказалось невероятно сложным. К тому же мы не смогли как следует подготовить сбор заранее, поэтому многие дела прошли просто на низком уровне, что очень повлияло на настроение ребят в первые дни, а значит, и на наше (со всеми вытекающими отсюда последствиями). Ребята не понимали, в чем дело. Оказывается, они ничего не могут! Все ждали, пока «вылетит птичка», как говорит Ф. Я. Потом, на последнем разговоре, они сами смеялись над этим. Вот, что я записала на последнем «огоньке»:

Володя П. (X класс). Для меня сбор – как гром среди ясного неба. Не могу прийти в себя. Главное – интересные люди!

Катя Н. (VIII класс). Таких нормальных человеческих отношений не видела, Удовольствие от общения. На сборе впервые в жизни хотелось что-то делать!

А в анкетах на вопрос, понравился ли сбор, отвечали:

– Я был в первый раз. Понравилась жизнь, которой живут ребята, особенно «огонек», обсуждение дня. Каждый день работаешь и руками, и ногами, и головой. Взрослые почти не вмешиваются, чувствуешь себя взрослым. Узнал много нового о музыке, о людях. Все вечера готовишь сам.

– Я в первый раз в жизни выступал сам.

– Здесь очень интересно и как-то необычно, очень нравится подготовка к делам.

– На первом сборе я в основном смотрела и училась, а этот дал мне возможность поработать самой.

– Убедился, что мне нужно больше читать и знать.

– Понравилась дружеские отношения между людьми, забота друг о друге; неразграничивание на старших и младших. Нравится, что все вопросы решают сами ребята.

– Весело. Чувствуешь себя человеком.

Опять: всего 40 ребят и среди них много новичков, но – «гром среди ясного неба!» «Главное – интересные люди!» Это кто же – интересные люди? Да они сами...

24 января. «После сбора какой-то просвет! Сегодня два десятых класса добровольно остались готовить вечер о ленинградской блокаде, восьмые – опять же добровольно – выпускают газеты, и девятый пошел на работу. Был хороший разговор в двух десятых классах. Все говорят, что ребята плохо относятся друг к другу и не умеют учиться, а отсюда плохое настроение».

28 января. «Обстановка в школе улучшилась и разрядилась. Опять хожу в классы, говорю о том, о сем, вернее, всё о том же: о культуре поведения, отношений, о смысле жизни... Кажется, они начинают что-то слышать. Появилась новая традиция – ходить с ребятами в филармонию. На зимнем сборе был Виктор Малов (это один из первых коммунаров, теперь – художественный руководитель Краснодарской филармонии, он проводит с ребятами отличные беседы о музыке). Нашлись 26 человек (24 девочки и 2 мальчика), которые никогда не были в филармонии и просили пойти. Пошли на концерт из произведений Рахманинова. Им было довольно трудно, но сидели хорошо. Интересно было с ними в этот вечер. Ходили толпой. Скоро опять пойдём, и каждый возьмет с собой еще одного человека».

7 февраля. «Новостей очень много. Пожалуй, с десятыми классами что-то произошло. По одиночке приходят в пионерскую и просят дать дело. Вчера два парня из X «В» пришли и стали убирать комнату, которую нам дали для подготовки домашних заданий со слабыми и трудными ребятами. Хотим сделать ее уютной – будет самовар, книги... У Лены-большой был день рождения (кто-то узнал), старшие с барабаном, строем пришли поздравить ее, и было очень сердечно. Принесли молоко, разлили по чашкам, чокнулись и выпили. Сейчас усиленно готовится театральное кафе. Сегодня около 30 человек весь

вечер сидели и готовили его. 14-го – открытие университета. На сборах мы его проводили, а вот в школе – впервые. Все IX–X классы расходятся по факультетам; физика, история, педагогика, живопись, биология. Кто куда хочет. Это, в общем-то, обычные лекции, как и всюду, но, когда есть выбор, ребята идут охотнее. На заводе продолжаем работать. Это вошло в привычку. Пионеры начали работать в типографии. Каждый день – звено. Записываются добровольцами человек 15, приходят 6... Пионеры нас еще совсем не слышат. Дел столько, что даже с Ленами по 2–3 дня не разговариваем. Мы теперь так решили: они – с комсомольцами, я – с пионерами, а через некоторое время поменяемся».

12 февраля. «Это письмо внеочередное. Пишу, чтобы сообщить: вчера было первое настоящее кафе. Ура!

Итак, было около 150 человек в зале. Кафе было театральное. Во время выступлений – гробовая тишина. Два девятого класса подготовили «капустник». Вход по билетам. Ажиотаж страшный. Некоторым ребятам я «доставала» билеты, были даже «контрамарки». Очень интересно оформили зал. Пили кофе, разговаривали. Очень мало и только прилично танцевали. В 10 часов объявили кафе закрытым. Никто не побежал в раздевалку, очень многие спрашивали, не нужно ли помочь. Все быстро убрали, вымыли посуду и вместе пошли домой. Хорошо!

У меня такое чувство, что кольцо сжимается, мы все приближаемся к ребятам. 9 февраля пионеры впервые хорошо поработали в типографии и сами попросили поработать сверх нормы еще два часа. Мы хвалили их, и реакция была очень интересной. Редко мы хвалим, так что восторг был полный. Итак, можно сказать, что работа и кафе получились! Скорее бы лето, большие надежды возлагаем на сбор. Повезем человек 150, не меньше».

Не могу удержаться от комментария: будем внимательны к механике работы. Сбор, второй сбор, а между сборами – работа, кафе и другие творческие дела, которые теперь проводятся **как на сборе**, т. е. с выдумкой, интересно, привлекательно для ребят. Сбор дает опыт, сбор как школа общественной жизни. Из той «сборовской» школы – в эту, обычную.

21 февраля. «Новый комсорг VIII «А», Андреем зовут, вчера приходит и говорит: «Вот бы дело трудное дали нам всем классом сделать, а? Надо проверить себя да и ребят всех». Днем и ночью думаем об этом. На молокозаводе все работают, но это теперь игрушки. Деятельность для людей нужна или что-то в этом роде! Все, кто был на сборе, тоже для себя дела не нашли, хотя они все работают в школе. Теперь им всем этого мало!»

27 февраля. «Во всех VIII–X классах прошли вечера в честь Дня Советской Армии. Буквально все старшие стали «ручными», многие уже слышат нас и сразу реагируют. Было очень интересно смотреть, как они веселятся и общаются. Жаль, что в школе 31 класс, а если бы было, скажем, 18, то уже кое-чего определенного достигли бы. Продолжаю ежедневно встречаться и разговаривать с 10–12 ребятами, в перемену еще 2–3 совета дел, и еще почти ежедневно что-нибудь в одном из классов. Подобралась к седьмым. Готовим чайную по примеру кафе. За последнее время острых ситуаций с ребятами почти нет».

4 марта. «Сегодня воскресенье. Провели однодневный сбор: зарядка, линейка, выпуск стенгазет и кинофестиваль – сами играли фильмы, которые нравятся. Вечером прогулка

по городу. Нашла двух очень умных ребят. Один из восьмого (учится плохо) и из четвертого. Трудно в IX и X классах заниматься перевоспитанием, но и так доживать год не хочется. Все, что мы делаем, – это только разведка, правда, уже глубокая».

9 марта. «Очень приятно прошел Женский день. Много готовились, и все прошло культурно (оформление, встреча утром всех девочек с цветами и открытками, обслуживание в столовой, концерт по заявкам, подарки и т. п.). Самое смешное и грустное – поздравительные открытки, которые получили Лена, Леночка и я. Вот что пишут: «Пусть наша школа будет самой лучшей», или: «Пусть наша школа будет такой, какую вы хотите ее видеть», или еще: «Воспитайте нас честными и смелыми!»

Каждый день новости, с каждым классом альянс, и, конечно, есть движение, но нужно время! И только тогда получится, когда мы начнем с III–IV класса, а сейчас чисто внешние изменения происходят. А я все хожу по классам, что-то говорю, говорю... Все призываю ребят читать и думать».

22 марта. «Было хорошее комсомольское собрание, отчетно-выборное, такое, которое нас впервые устраивало. Ребята им очень довольны. Говорят, что такое было впервые, что оно было неформальное, что было несколько очень интересных выступлений... Все четыре десятых класса выступили с творческими отчетами, с наказом на будущий год. Смысл такой: «Не будьте дураками (так буквально сказано), работайте, учитесь. Мы поняли, что это возможно и интересно». И главное, впервые в истории школы были предложения признать работу неудовлетворительной».

20 апреля. «Так получилось, что писать не могла. Приехала из Москвы, узнаю, что в первый день весеннего сбора тяжело заболел мальчик-пятиклассник, отправили в местную больницу, там он шесть часов был без сознания, наконец, привезли в Ленинград, и оказалось – менингит. Десять дней был в крайне тяжелом состоянии. Сейчас все благополучно.

В пионерской комнате ежедневные сборища. Весна! Сидят, делать ничего не хочется, домой не идут. Грустно, что десятые уходят. Это накладывает отпечаток на жизнь школы. О чем бы ни думала, все возвращаюсь к ним.

Провела в школе день ТЮЗа для всех классов, с IV по X. Прошел отлично. Все готовились упорно и с интересом. Сегодня первый день, когда я освободилась в 8 часов. Стыдно, но работаем с утра до ноченьки...»

В этом месте, я знаю, читатель подумает: «Вот! Вот она простая разгадка: «Работаем с утра до ноченьки...» А у многих ли такая возможность? И что это за методика, если она требует работы с утра до ноченьки?»

Но вспомним Макаренко: первые годы – каторга. И к тому же они не просто работали, перед ними стояло угнетающее «да» или «нет». Получится или не получится? В пионерской комнате висела грамота за победу в городском соревновании комсомольских организаций школ, они провели мероприятий на 10 школ и на 10 лет, но это еще не значило «да». Не результат. Им нужен был дух и стиль коммунарской жизни. Они умели делать день, делать сбор, делать коммуны, а школу? Школу они пока что не сделали.

Три воспитателя, три обыкновенные женщины – не теоретики, не мыслители, не обладатели сверхсильных характеров и невероятных педагогических способностей, эти

три рядовых человека, из которых одной было 27, а другой 24, взяли на себя очень трудную ношу.

Когда мы в «Алом парусе» собрали 70 ребят и поставили перед собой дерзкую воспитательную задачу, мы знали, что в Ленинграде эта задача решена, что она в принципе решается, и нам было легко. А пионерская не знала, решается ли ее задача, и все кругом твердили, что не решается она, что они взялись за невозможное.

И ведь даже не директорами они работали! Не было у них и власти! Две пионервожатые да организатор внеклассной работы – великие ли должности в школе? И никакого спуска им не давали, ни малейшего промаха не прощали. А если бы у них не получилось, никто бы и не заметил провала, никто и не спросил бы с них – как позже никто не заметил их победы и никто не похвалил их. Рядовая, будничная работа, каждый день которой – предсказываю – отзовется тысячами и тысячами счастливых детских дней далеко от этой школы, в пространстве далеко и во времени... Они работали «с утра до ноченьки», чтобы те, кто будет вторым, сто пятнадцатым, работали спокойно и уверенно, зная, что задача решается.

10. Тяжелое лето

Да, они нервничали, отчаивались, падали духом – не хладнокровные исследователи перед нами и не герои. Но, страдая, унывая, стыдясь своего упрямства, преодолевая тысячекое сопротивление, они продолжали свое дело – ни на шаг не отступили от идеи.

Худо ли, бедно ли, но первый учебный год был позади. Они добились многого – и были очень далеки от цели. Наступал решительный час: летний сбор. Итог их годовой работы и залог работы будущей.

Кого же везти на сбор? Вновь – кто хочет, и значит, вновь – невидимый отбор? И опять останется неясным, можно ли работать по коммунарской методике со всеми детьми без отбора и разбора.

Решились на необычный шаг. Собрали всех старшеклассников-комсомольцев. Фаина Яковлевна выступила с речью, и так эта речь была зажигательна, что собрание единогласно проголосовало: едем на сбор все, без исключения! Постановили, но когда дошло до дела, то оказалось: тот не может, тот не хочет, а тот думает отдохнуть с родителями. Нет! Голосовали? Голосовали. «У нас было основание заставить ехать всех и заодно научить: прежде чем голосовать – думать», – писала Фаина Яковлевна. Много было драм, скандалов, объяснений с родителями, да и самим было не сладко: не привыкли они **заставлять**. Но голосовали? Вынесли решение? Будьте добры выполнять.

Поехали все: 4 старших класса полностью, да еще пионеры, итого – 170 человек. С ними 20 взрослых, из которых лишь шестеро имели коммунарский опыт, остальные – новички. Шесть на сто семьдесят. Им предстояло **сделать сбор**, т. е. добиться, чтобы установился в лагере коммунарский стиль добрых отношений, творчества, мажора, чтобы все 170 увидели реальный идеал – как надо и как можно жить. Хоть к последнему дню сбора! Хоть на один миг! Плазма существует в земных лабораториях лишь секунды, но даже это ее краткое существование сулит человечеству неисчерпаемые источники энергии. Все-таки она существует!

Однако и не совсем уж новичков везли на сбор. Три коротких опыта – осенний, зимний и весенний – не пропали даром. В школе распространились слухи, что на сборах какая-то особая жизнь... Ребята, ехавшие в Вишки (это под Даугавпилсом), были готовы к подвигам, у них была установка на лучшую жизнь:

«Я ждала чего-то необыкновенного. Я прочитала книгу о коммуне – она показалась мне необыкновенной. Я послушала рассказы пионерской, и они тоже показались мне необыкновенными. И наконец, рассказы о сборах моих одноклассников, которые раньше ездили, – и опять что-то необыкновенное (а уж им-то я больше всего верила). Что я заключаю в понятие «необыкновенное»? Попробую объяснить. Во-первых, постоянная кипучая жизнь; ни одной свободной минутки. Во-вторых, совершенно иные, чем в школе, отношения в коллективе. В-третьих, ощущение самого коллектива. Дальше необыкновенное касается меня. Я ожидала получить массу новых знаний, отчего надеялась стать высокоинтеллектуальной особой. И вообще, я хотела проверить себя (причем я была уверена, что раскроюсь почти как гений). И еще что-то вкладывала я в это понятие «необыкновенное», отчего у меня было ужасно радостное и восторженное настроение. Но самое интересное то, что я рассчитывала сразу же попасть в эту необыкновенную жизнь, уже сделанную для меня кем-то».

Увы! Ужасное разочарование ожидало автора письма: «Приехали. Разумеется, необыкновенную жизнь для меня никто не сделал. Ни о каких необыкновенных отношениях нет и речи. Даже элементарное внимание – и то выражается в миллиграммном количестве. Все сами по себе. Об ощущении коллектива можно только мечтать. Его у нас нет и, как мне кажется, не будет. Отношение к творческой работе такое же, как в классе (одна делает, десять смотрят)».

Так драматически начался этот первый сбор, на который поехали практически все. Однако заметим, что и в этих строчках, написанных в середине сбора, уже есть открытие: оказывается необыкновенную жизнь надо делать самим...

Из писем Фаины Яковлевны. 3 августа. «С утра очень хорошо поработали на прополке капусты. Вчера было ЧП: после неоднократных предупреждений один мальчик все-таки закурил прямо при всем народе. Я просто онемела. И конечно же, решила его отправить. Я была в ярости... И вдруг собрался отряд, и ребята стали говорить, что я не имею права без общего сбора ничего решать. Все поняли очень хорошо свои права. А вот с обязанностями плохо. Хотя все здороваются и уже говорят «спасибо». Меньше стали кричать. Более подтянуты, аккуратнее выглядят. Больше улыбаются».

Она изо всех сил старалась быть объективной, она старательно подчеркивала хорошее: работали, подтянуты... Но что было на душе, об этом можно догадаться по фразе «я была в ярости», по совершенно немыслимому для прежних дней «решила его отправить». Слабость? Да, слабость. «Ребята не признают нас, злятся на нас». А сколько воспитателей, за которыми дети идут безоговорочно, на которых смотрят влюбленно! Нет! Ничего такого здесь нет. Никакой влюбленности, никакой магии. Самые обыкновенные люди.

11 августа. «Все плохо. Сегодня утром конфликт взрослых со всем лагерем. Сегодня и завтра все решится. Быть или не быть! Таких ребят я не видела ровно 14 лет».

13 августа. «События так быстро развиваются, что я не успеваю опомниться. Час – вроде ничего, потом полный завал и т. д. Позавчера мы были в отчаянии, вчера намечался взрыв. Мы все были на волоске от полного провала. Помогает наша злость, интуиция и...

бессилие. Во вчерашнем конфликте с ребятами еле-еле уговорила взрослых согласиться, что мы не правы. Был разговор о коммуне, читали отрывки из книги. Потом вместе пели и – отбой. Через час после отбоя три отряда готовили сюрприз для лагеря. Одни наготовили дрова, которых уже нет, другие оформили «огонек» для пионеров, третьи готовили творческое дело, и все точно, как в коммуне. А два отряда в 3.15 ночи пошли допалывать капусту. Идти туда час и обратно час, два часа работали, а утром были на зарядке. И всё тайно и т. д. Все хотят жить по-новому... Сегодня день рыцарей. Очень веселая была линейка, сейчас все на работе, вечером турнир рыцарей и карнавал. Внешне всё 11 дней выглядит прилично, но в отрядах конфликт за конфликтом».

15 августа. «Хуже вчерашнего дня у меня ничего в жизни не было. После рассказа о коммуне, ночных десантов, замечательного дня рыцарей начался страшный спад, в конце дня было невыносимо. Настроение плохое, никто ничего делать не хочет, все валится из рук, не говоря о том, что взрослые хотят спать, устали. В отрядах все разгулялись. Мы в полной растерянности. Бегали, ругались, думали и... придумали. Вызвали директора совхоза, который соответственно выступил, похвалил за капусту. И сегодня все уехали на уборку помидоров в отличном настроении и, кажется, собираются работать две смены. Дело пошло... У взрослых разный опыт, многое на словах не объяснить. Острые ситуации – ежечасно. Самое приятное – это вечерние «огоньки», работа в поле. Конечно, этот сбор отличается от всех предыдущих летних сборов. И все-таки он не зря!»

Конечно, не зря! И даже та девятиклассница, которая так ждала сбор и так быстро разочаровалась, когда выяснилось, что необыкновенную жизнь надо строить самим, даже она еще в середине смены, 15 августа, честно отметила: «Что касается духовного мира, то здесь кое-что сдвинулось. Мне начали нравиться стихи (после того как меня «всунули» в совет дела)». Немалое приобретение!

И лишь на 21-й день, в последние три дня перед отъездом, «все произошло».

26 августа. «Всю ночь сидела с больным мальчиком. Страшная ангина и даже удушье было. Все кончилось хорошо. Очень интересные были последние три дня. Сплошные добровольцы. Все хорошо работали. Вежливы по отношению друг к другу. Особенно усердствовали мальчики по отношению к девочкам. Изменилось отношение к нам, взрослым. Мы слишком хотели, чтобы все быстрее произошло, а от этого еще никогда пользы не было. Мы все не понимали, почему внешне все хорошо, а в отрядах – ничего. Нужно было время».

Первого сентября, через год после появления трех воспитателей в школе, было счастье и восторг: «Линейку провели прямо на улице, очень хорошо выступили ребята со сбора, мы все, взрослые, были завалены цветами, одарены улыбками и лаской абсолютно всех – учеников и даже учителей. Очень приятно в школе встретиться с ребятами летнего сбора. Они все отличаются и подтянутостью, и доброжелательностью ко всем, и желанием работать. Но еще не учиться: этого им еще не хочется. С нами на сборе были две учительницы. Первые два дня одна из них прибежала в пионерскую и спрашивала: «Что мне делать, я прихожу на урок, а мне улыбаются?» Ей никогда в жизни не только не улыбались, но и просто не обращали на нее внимания (7 лет стажа). Она не ходит по школе, а летает. Говорит, что верит во все наши начинания, что ей стало легче на уроках и особенно с летними ребятами, они ей морально помогают. А летом она отказалась работать с отрядом, помогала на кухне...»

11. Цепочка не оборвалась

Учителя один за другим переходили в новую веру – начинали понимать, что же делает пионерская, и становились убежденными сторонниками новой методики. Математик Нина Васильевна Кожанова сказала мне:

– Ученики стали неузнаваемыми. Деловой настрой. Сдвиг в сознании.

Маргарита Васильевна Иванова, учительница литературы:

– Отношение к общественной работе стало лучше во сто раз.

А учительница химии Тамара Алексеевна Старицына (9 лет стажа) после первого же осеннего сбора работала в пионерской так, словно она тоже вожатая или воспитатель. «Я нашла здесь смысл жизни», – объяснила она.

Тамара Алексеевна привезла 14 своих десятиклассников на зимний сбор. «И вдруг они такие же, как коммунары, стали, – рассказывает она. – Ну абсолютно то же самое, поняли, в чем дело, что надо и что не надо. Раньше приходилось заставлять класс работать, а теперь ребята сами. Всё делают сами, и без всяких, без ругани. Я фактически освободилась от классного руководства, только контроль, чтобы в рамках, потому что они еще маленькие, могут глупостей наделать. Для меня вопрос бесспорный: я приобрела методику. Я и раньше понимала, что всегда надо действовать через ребят... Но я не понимала, как это делать, не понимала в институте, о чем речь. И на педагогической практике этого не было. Все было непонятно, пока не увидела».

И еще подмога подросла: старший вожатый соседней школы Михаил Федорович Мосалев перешел сюда работать лаборантом – лишь бы поближе к пионерской. «Поет, рисует и еще умный», – говорили о нем.

Михаил Федорович сделал обратную карьеру: конструктор в КБ, учитель, старший вожатый, затем лаборант. Каждый переход стоил ему чуть ли не ползарплаты, и ровно двойной выигрыш, по его мнению, получал он в духовном развитии.

...Так что теперь их пятеро было в пионерской, потом еще 8 учителей стали «своими»... И пропадала в пионерской М. Г. Казакина, прибежали выпускники и старые коммунары – чем помочь? Настоящий штаб... Там, где истинное воспитание, там всегда много взрослых. Магнит! «130 своих ребят, 8 учителей, 1 завуч, завхоз, 3 нянечки (а было с ними совсем худо), 7 прошлогодних десятиклассников – такой актив насчитала Фаина Яковлевна через год после начала работы. – И еще около 200 человек улыбаются нам, когда мы идем по школе...» Конечно, она слишком строга, конечно, как показали анкеты, «своих» было куда больше. Но отметим этот подсчет улыбок, которыми, оказывается, можно измерить результат...

Прошел всего год, и на страшный вопрос «да или нет?» твердо отвечали: да. Стало ясно, что и вся школа **может** жить по коммунарским законам, хотя до полной победы еще далеко. Надо было начинать и с другого конца, с младших. Тут возникло такое теоретическое разногласие: а правильно ли вообще сделала пионерская, что сначала сосредоточила свои силы на старших, даже на десятиклассниках, которые тут же ушли из школы и, казалось, унесли с собой все затраченные на них труды? Не впустую ли усилия? Нет. Лицо школы определяют старшие ребята, их отношение к работе, их настрой. Завоевали старших – и по невидимым каналам пошло по школе их влияние на младших, начал работать реальный идеал – мощнейшее средство воспитания. А когда старшие стали «своими», когда учителя на примере старших увидели, каким может быть

воспитание, то появилась возможность взяться за самых маленьких, за первоклашек. И вот, когда принимают малышей в октябрята, то не концерт у них, нет! Расходятся по домам, и с помощью родителей (заранее проинструктированных) каждая звездочка готовит первый свой «творческий сюрприз» для всей октябрятской группы – вот это праздник!

Так они и работали – с утра до ноченьки, со старшими, с младшими, с пионерами...

Приведу свидетельство очеркиста Нины Павловой из журнала «Клуб и художественная самодеятельность». Она побывала на втором летнем сборе школы. Сторонними глазами свидетеля посмотрим, как претворяются в жизнь те общие положения, о которых мы говорили.

«...Лагерь ошеломил меня настолько, что отчетливо помнится лишь первое впечатление. Помню, брела я по лесу наугад, отыскивая палатки лагеря. Спросить не у кого – ели да сосны. Вдруг через просеку бесшумным призраком скользнул отряд индейцев. Из ельника вышли несколько королей и королев в бумажных мантиях. «Вы к нам в лагерь?» – спросила меня королева. – Тогда я знаю, вы будете жить в Санкт-Петербурге».

За деревьями показались палатки... и запестрило в глазах: 200 мальчишек и девчонок в самых невероятных костюмах из бумаги носились в разных направлениях со своими сверхсрочными делами – красили, строили, жгли костры, варили борщи и каши, спорили, орали, командовали...

Я действительно поселилась в Санкт-Петербурге. Он же Спарта. Он же партизанская землянка. Он же... проще сказать, что в лагере никогда не знаешь, где и в каком веке проснешься. По утрам нас будят стихами, объявляя, что сегодня мы подданные Шахматного королевства или древние греки. Погода – хуже не бывает: холодно, вторую неделю костры и палатки заливают дождь. Не живем, а тонем. Тонем и хохочем – утром в нетерпении выскакиваем из палаток на холод, потому что если объявлено, что сегодня XIX век, значит, в лесу уже что-то случилось: ветер раскачивает старинные фонари на шестах. Столовая (поляна у костра) превращена в особняк графов Ростовых. Графиня Ростова, в кринолине из простыни, суетится, принимая гостей. А мы, гости, важничаем, изображая кто во что горазд: Болконских, Безуховых. Таково правило здешней жизни: войдя в столовую, надо войти в роль и назваться кем-то из героев книги или фильма, а ежедневно меняющиеся вывески над столовой означают тему импровизации.

Каждый день в лагере с утра до вечера идет такая непрекращающаяся игра, спектакль, бал-маскарад, уж не знаю, как назвать. Каждый день необычный: сегодня день шахмат, завтра день Древней Греции, послезавтра партизанский день, потом день телевидения, день сказок, день рыцарей и т. п. Пересказывать сценарий какого-либо дня было бы неразумно – их здесь не пишут, а сочиняют живьем на ходу...

Фантастический лагерь! Здесь бывает, чего не бывает: пассивные одержимы жаждой творчества. Разболтанные – дисциплинированы. Главное, все рвутся совершать положительные поступки и являют чудеса трудолюбия: ребята не только сами готовят и обслуживают лагерь – они ежедневно перевыполняют норму на прополке...

Парадокс лагеря: здесь не борются за дисциплину – здесь вообще никого не уговаривают быть хорошими. Непривычно, а все-таки может быть и такая мода: на талант, подтянутость, самоотдачу в любом деле.

...Своеобразный стиль: говорят с ребятами вполголоса – и мало говорят. А чтобы стал понятным стиль немногословной педагогики, надо пояснить: в этом лагере взрослые живут на общих основаниях. Строятся, как все, на зарядку – своим отрядом. Это отряд друзей. Они действительно друзья – между собой и в отношениях с младшими. У каждого отряда есть свой друг. Он не вправе командовать отрядом – в лагере самоуправление. Отношения с ребятами построены на чисто человеческой основе: если нужен совет, друг всегда придет на помощь. И он не пойдет к отряду, если увидит, что в нем не нуждаются...

Система здешней творческой иерархии такова: каждым днем руководит совет дела из 5 – 7 ребят. Тот же принцип добровольческого набора – кто хочет войти в совет дела ко дню индейцев? Вызываются охотно, потому что совет дела не просто оргкомитет, это штаб и герои будущей игры: вожди индейских племен, Гекторы, Ахиллы, Менелаи... Совету дела дается на подготовку несколько дней, чемодан книг и консультанты из друзей. На период дела вся полнота власти в лагере передается совету – он раздает задания командирам, те, в свою очередь, разбивают отряды на творческие группы...

Мне очень понравились здешние «сырые» концерты. Скажу больше: не раз присутствовала на представлениях талантливых детских коллективов, искренне восхищена ими, а вот, пожалуй, впервые увидела самый ребячий жанр в искусстве. Это же главный талант детства – жажда выдумывать, фантазировать, сочинять...

Почти традиция больших летних сборов – когда лагерь начинает шатать от усталости и ливней, общий сбор принимает решение: на работу выходят только добровольцы, остальным – отсыпаться, набираться сил. «Хитренькие! – разгадал этот маневр Петя. – Так ведь каждый выйдет». Невелика хитрость, но почему-то волнуешься, когда в серое холодное утро раздается команда: «Добровольцы, вперед...» В этом главная воспитательная сила лагеря: подростки здесь совершают поступки, заставляющие их почувствовать себя хорошими людьми. Именно потому, что не принуждают (хочешь – выбирай себе ношу потяжелее, твое дело; за подвиг в лагере не превозносят, а за слабость не осуждают), личный, хотя в итоге массовый, выбор – жизнь по нравственным нормам сильных».

Художественный руководитель Краснодарской филармонии В. А. Малов, который прошел с коммуной все ее первые годы, долгое время работал в «Орленке» и очень хорошо знает, что такое коммунарский дух и стиль, писал мне с первого зимнего сбора:

«Такой глоток свежего воздуха этот сбор, что даже постоянное старческое несогласие со многим, что происходит и что не происходит, не отравляет общей моей человеческой радости. Уже 15 лет пытаюсь осознать, понять до конца, где скрыта самая главная мысль всего этого. Методика? Не уверен. Хотя и не без оной. Почти неуловимое, построенное на тончайших нюансах взаимоотношений взрослых и детей братство без лицемерия, искреннее уважение и дружба...

Словом, понять не дано.

И все же, до чего чист педагогический труд! На какой самоотверженности, на каком бескорыстии он держится – с утра до ночи, спанье в неудобных кроватях, питание в несъедобных столовых. И все-таки этим детям суждено стать коммуной, вернее, они уже стали ею. Ибо противостоять Ф. Я., не поддаться ее педагогической магии не под силу даже взрослым».

Это на сборах, на летнем, на зимнем... А в школе?

Я приезжал в школу через год после начала работы, после того вечера, на котором никто и танцевать не хотел и вызывали отчаяние лица: тусклые взгляды, и никто тебе не ответит, никто с тобой не заговорит, все глаза отводят. Попроси о чем-нибудь – отвернутся, пожмут плечами.

А теперь? На каждой перемене в пионерскую сбегаются ребята, собираются вокруг столиков, расставленных по углам, спорят, о чем-то говорят тихо и деловито. Посреди пионерской, на самом неудобном месте, – шаткое металлическое сооружение с тремя горшочками цветов. Для красоты и... чтобы не бегали. И все же почти каждый день кто-то из малышей, расшалившись, задевает сооружение, оно падает, горшочки – вдребезги, мальчишка – в ужасе. Но тут же спокойно подходит Елена Ивановна, Лена-большая, утешает: «Разбились? Ничего, вон совок и веник» – и на утро несет новые горшочки... Только звонок с утра – кто-нибудь из ребят включает проигрыватель, а один день был – на всех переменах звучала Пятая Бетховена: оказывается, вечером школа идет в филармонию, больше ста билетов купили. Я тоже пошел на концерт, и на верхней галерее со мной то и дело здоровались незнакомые юные личности – видели в школе.

Я был на комсомольском собрании «Школа, комсомол, ты». Висело у входа огромное, в два роста, объявление с вопросами, и все собрание называлось «Восемнадцатое мгновение весны» (видимо, на совет дела, который готовил собрание, повлиял только что показанный тогда фильм). Старшеклассники с утра пришли в школу нарядными – наряднее, чем на прошлогодний вечер! Разодетыми! За столиками в вестибюле комсорги раздавали анкеты, и каждый должен был выразить свое отношение к учению, поставив галочку под одной из улыбающихся и хмурых рожиц. Весь день перед собранием школа хлопотала, как перед праздником, – разбирали анкеты, украшали зал, прикалывали белые бумажные буквы на темный занавес: «Человек должен учиться потому, что он человек. Сухомлинский». Никакого напряжения, все весело, дружелюбно, открыто – лица открыты! До собрания было еще много времени, а уже стали собираться в зале. У входа стояли дежурные и спокойно, не уставая, повторяли: «По рожицам садитесь, по рожицам...», т. е., если ты отметил в анкете, что доволен своим учением, налево садись, недоволен – направо. Все деловито рассаживались «по рожицам», никаких насмешек, все шли на собрание с интересом и полным доверием, и никого не волновало, что не по классам будут сидеть (а как держать дисциплину, если не по классам? А как классный руководитель будет над рядами нависать: «Тихо! Я кому сказала!»). На сборах у них все перемешалось: класс классом, но и в соседнем классе – друзья, и в младшем – друзья, и всюду – друзья. Говоря языком социологов, между формальной и неформальной структурой появилась третья, объединяющая – «сборовская», и она все подчинила себе. В назначенное время все до одного оказались на местах, и не пришлось председателю устанавливать тишину, он просто начал собрание тихим и будничным голосом, немного флегматичный мальчик попался, но и его слышали, здесь все всех слышали. А потом начали выступать перед двумя трибунами: одна – слева, другая – справа, довольные учением и недовольные. Очередь желающих выстроилась! Очередь желающих выступить на школьном комсомольском собрании, на котором не персональное острое дело, а речь об учении, об уроках, двойках и прочей прозе... Говорили и глупости, не без этого, и тогда зал смеялся, но беззлобно и дружелюбно: мол, не робей, говори! Я смотрел на этих ребят и думал: а куда же делись те, прошлогодние? Как будто их распустили по домам и набрали каких-то новых, особенных... Честно говоря, не только радовался я тогда, но и злился: «Да что же это такое? Да что же мы ругаем наших ребят? Да вот что с ними можно сделать за один только год!»

Случилось так, что в зале вдруг погас свет – пробки перегорели. Ну, словно нарочно – кромешная тьма, ибо окна были плотно зашторены. Позже я во многих школах спрашивал: «Что будет, если в зале, где сидят все старшеклассники, погаснет свет?» В ответ обычно переглядываются: «Что будет? Кто-то свистнет, найдется такой... Кто-то завизжит...»

А здесь не случилось ровным счетом ничего. Взрослые, учителя как сидели все вместе в последнем ряду, так и остались сидеть: дежурные побежали похлопотать насчет пробок. А зал? В зале сразу стали петь, словно репетировали этот педагогический фокус заранее. Свет зажегся, песня оборвалась, и трое парней-ведущих продолжали собрание как ни в чем не бывало.

И еще через год я был в школе, после второго летнего сбора. Опять попал на собрание «Комсомольская организация и интеллектуальный фон класса». Я записал 37 выступлений, одно другого интереснее. За президиумом стояли две доски, а специально приставленные ребята вылавливали из речей деловые предложения и тут же их на досках записывали: так составилось решение собрания. Был в кафе: в большом актовом зале, где два года назад бродили подвыпившие и понурые, теперь были расставлены столики, накрытые для кофе, – чашки, сахар, баранки, сухари. Пришли нарядные ребята. У дверей внизу нет дежурных, приходи в школу кто хочет. Мальчишка-девятиклассник пригласил садиться, но никто не торопился занять место, подождали, пока девочки сядут, потом на свободные – мальчики, а остальные ребята, кому не хватило места за столиком с чашкой, спокойно устроились вдоль стен, без малейшей обиды. И никого из взрослых! То есть были, конечно, все тут, но мы были как в гостях. Все шло само собой: читали короткие доклады о великих математиках (кафе на этот раз было математическое), потом была защита математических действий, включая танцевальную сюиту на тему «Извлечение корней» (по мотивам сказки о репке), потом математический кроссворд, смешной до невозможности – математические забавы, но лежали на столиках и труднейшие задачи для любителей, а в углу работал киоск с самыми серьезными книгами по математике и физике. Все эти выдумки меня не удивили, понятен был механизм – как это делается. Удивляло другое – дежурные в белых колпаках, потихоньку разливавшие кофе, терпение, с каким слушали даже и скучноватые докладчики. Перерыв – и все спокойно поднимаются, шумят, весело. Объявляют продолжение – вмиг все на местах. Стали под конец танцевать, но танцы сами собой превратились в смешные детские игры в общем кругу: «Шел козел по лесу, по лесу, по лесу, нашел себе принцессу, принцессу, принцессу...» Потом так же в кругу пели при свечах, и было им всем хороню. Тремя годами прежде мы заспорили с воспитателями: «Ну вот вы пойдете в школу, станете работать, а что считать результатом?» Кто-то в шутку сказал: «А когда старшеклассники, не стеснясь, в «козлика» играть будут – тогда и скажем, что получилось».

Получилось... При настоящем воспитании, я заметил, ребята, когда они серьезные, серьезнее и содержательнее своих сверстников, а когда веселятся, гораздо моложе их. Совсем как дети. С упоением пляшут «козла» – только плечами пожмите.

Ребята скакали по кругу, взявшись за руки, прыгали, пели, громко хлопали в ладоши, дрыгали ногами, дурачились и смеялись. Им было легко, а я подумал тогда, что это и есть то прекрасное, что дала ребятам пионерская: способность испытывать чувство единения с людьми, способность радоваться этому чувству. Чтобы дать детям радость, мало удовлетворять какие-то их желания, надо научить их желаниям новым, не известным им прежде. Сейчас в зале, когда руки в руках друзей, это не минутное обманное возбуждение у них, за которым обычно следуют разочарование и усталость, – это глубинное слияние душ в общей любви к друзьям и к себе самим. Всю жизнь будут ребята помнить чувство

единения, слияния и, не побоимся сказать, забвения себя. Ведь самый тяжелый груз человека – груз своего «я». На что только не идут люди, чтобы освободиться от него хоть на мгновение! А эти ребята – они как в невесомости парят самозабвенно, но кто из них потерял себя? Лишь серость делает людей одинаковыми, а в радости лица так непохожи одно на другое! Добавим к научным определениям истинного коллектива: в нем каждый человек – «я», причем мощное «я», но это «я» не давит, а поднимает. Личность и растворяется, и концентрируется в едином сложном движении, которое, по сути, и есть духовная жизнь. Пионерская взялась воспитывать, т. е. учить лучшей жизни, и вот он – результат.

Я пошел в старшие классы и попросил ребят написать несколько слов про жизнь в школе – без подписи, отметив только, мальчик или девочка писали. Вот, что обнаружилось в ответах **мальчиков**:

«Мне нравится та атмосфера, которая царит у нас во время работы».

«Нравится, что выполняется все задуманное. Даже неудавшееся имеет черты крупного масштаба».

«Нравится то, что почти все что-то делают (можно сказать, всё), чего в других школах я не видел».

Я разговаривал с родителями старшеклассников, и они тогда же в один голос говорили о том, как переменились их дети. Одна мама сказала:

– Одухотворенность – вот самое положительное, что появилось в их жизни.

– Я вижу по своему Андрею: за эти два года он понял, что такое вкусно, интересно жить, – сказала мама.

Конструктор Вадим Лукич Седых, человек крайне занятый, привез своего сына на летний сбор и, увидав, какая там жизнь, остался в лагере на весь свой отпуск. Он говорил мне:

– Для меня все это – как появление нового качества в нашей школе. Какая-то жилка в них, струнка, другие отношения. Сами собой командуют... А главное – отношение к труду. Никогда не видел, чтобы люди так работали! Начинаешь уважать этих ребят. А фактор творчества? Приходят с работы усталые и сами друг перед другом что-то выдумывают, изобретают, откуда что берется! Пошли мы с ними в поход, заблудились, 30 километров крюка дали, пришли – у многих ноги окровавлены. А в походе – ни звука, ни один не пикнул, один о другом заботился. Я-то нес стандартные 32 килограмма, а они с маленьких мешки снимают, на себя наворачивают. И без разговоров, вот что приятно! Пришли на место – стали работу искать, помогли в уборке урожая, а вечером – творческое дело... Уважение к своему слову прививается и точность. Уезжаешь со сбора – как будто 10 лет сбросил...

Итак, и в обычной школе у Витебского результат снова был получен. Цепочка не оборвалась.

Дневник Николая Федоровича

1.

Через несколько недель я войду в IV класс, и мне предстоит прожить с ним 7 лет. Когда они кончат школу, эти мои четвероклассники, мне будет 50 – фантастический возраст, я и представить его себе не могу, впрочем, и мои новые ребята наверняка не могут представить себе, что они когда-нибудь кончат школу.

Трижды в своей жизни брал я новый класс и вел его 5–7 лет – до выпуска. Это будут мои четвертые выпускники, и я теперь понимаю, что меньше всего стоит загадывать, какими они вырастут, – этого, к сожалению, мне не дано знать, как не дано мне знать, что будет со мной за эти 7 лет и вообще – доживу ли я...

Доживу!

Что они будут знать историю в тех небольших пределах, которые поставлены программой, в этом сомнения нет, дело относительно нехитрое. Но история – что? Можно знать историю, а можно и не знать. Нет, другое меня мучит, как всегда, другое...

Когда я только начинал, еще до института и до армии, и работал старшим вожатым, у меня всё и всегда получалось. Нет, это не по молодости лет и обычной для молодого человека самоуверенности казалось мне так – у меня и в самом деле получалось! Сколько ребят было всегда в пионерской! С каким удовольствием они бежали ко мне! Как засиживались мы с ними по вечерам! А ребята у меня какие были? Чудо! Вите Леонову только скажешь: – Витя...

А он уже отвечает: – Понял!

И сразу готов делать, что нужно, и берется за работу, и у него тоже все получается... А Саша Пивоваров? Только скажешь: – Давайте проведем...

И неважно, что было предложено, Саша все равно поинтересуется: – А зачем это проводить?

А Майя Дворкина, это живое воплощение энтузиазма! Если есть рядом с тобой человек с такой энергией, то любое, даже самое безнадежное, казалось бы, дело будет доведено до конца.

Как я любил их всех! Теперь я понимаю, что мне очень повезло: именно на этих ребятах, на Вите, Саше, Майе, я, можно сказать, и научился любить детей. Их невозможно было не любить. Рядом с ними я и сам чувствовал себя таким молодцом, у которого все получается... Прирожденный педагог, вот я кто! И как это говорят, думал я тогда, что в педагогической работе есть что-то трудное? Собрал ребят, сказал, что нужно провести поход, они закричали «ура!» и пошли в поход, а после похода, понятно, и делать нечего –

все твои, все за тобой. И кто знает, если бы я на всю жизнь остался старшим вожатым, может быть, я всю жизнь и прожил бы в такой счастливой педагогической эйфории, в радостном забытьи. Но и меня постиг удел всех: кончил институт, стал учителем и, следовательно, классным руководителем. И я помню, как точно в такой же день, как сегодня, перед тем как взять первый свой класс, я думал: «Какие пустяки! Ведь у меня будет теперь не тысяча с лишним ребят, а всего сорок. Семечки!»

Но еще не кончилась первая четверть, как я понял: не семечки, нет. Ведь когда я был вожатым и командовал в пионерской комнате, ко мне, в сущности, приходили только те, кто хотел, кому все это было интересно. И на тысячу детей всегда найдутся и Витя Леонов, и Саша Пивоваров, и Майя Дворкина, и даже два-три десятка таких ребят. А кому со мной было скучно, те просто не приходили ко мне. Да я их и не знал, и не думал о них, не подозревал об их существовании, я был искренне уверен, что всем ребятам в школе хорошо примерно так же, как Вите, Саше и Майе... Я, конечно, понимал, что это не так, но не думал об этом: для успешной моей работы, за которую меня награждали грамотами и хвалили, те, другие ребята, были мне просто не нужны. Трудные дети, конечно, в школе есть, это я видел, они и ко мне приходили, но в пионерской комнате они все почему-то становились совсем нетрудные, и я помню, как выступал на педсоветах. «Почему вы считаете этих ребят плохими? Почему вы говорите, что с ними не справиться? А у меня, – восклицал я гордо, – они все ведут себя прекрасно!»

Я искренне удивлялся: что это про них говорят? Ребята как ребята! Коле Петровскому поставили четверку по поведению – надо было сильно досадить учителям, чтобы получить четверку вместо стандартной тогда для всех отличной отметки. А у меня в пионерской он был незаменимым человеком, самым преданным помощником. Кстати сказать, потом он учился в Институте международных отношений и стажировался в Сорбонне.

Получилось точно так, как пишут в газетах: учителя «недоглядели», не сумели в хулигане увидеть замечательного человека – а вот я молодец, я сумел...

А на самом деле? На самом деле, теперь я понимаю, не потому Коля Петровский дорос до Сорбонны, что ходил со мной в походы и околачивался в пионерской, а потому что его хорошо научили те самые учителя, которые снижали ему отметку за поведение, «не увидели и не разглядели».

В походе-то в тысячу раз легче, чем на уроках. В поход-то он по своей воле пошел – потому он и был у меня таким деятельным, хотя, конечно, и строптивым. Не я разглядел в нем хорошее, не было тут моей заслуги – это он со своим хорошим, что у него было, пришел ко мне.

Нет, не буду уж так строго, была и моя заслуга: все-таки нашлось в школе такое место, куда ему захотелось прийти. Но я же и говорю, что был хорошим вожатым, я вовсе не отрицаю этого!

А вот сказать про себя, что я хороший воспитатель, классный руководитель, – нет, не могу. Сорок человек оказались в тысячу раз труднее, чем тысяча, потому что не они ко мне приходят теперь, а я к ним, и я должен с ними работать, хотя они того или не хотят. Теперь у меня как семья: хорошо, конечно, семейный дух и все такое, но ведь в семье не без уroda, и никуда от этого – ну, скажем, уroda – не денешься, и его никуда не денешь. Твой он. Все они твои, все до одного.

Конечно, я скоро обнаружил, что и классному руководителю можно в принципе, работать примерно как водителю, т. е. с пятью-шестью самыми активными детьми, и внешне все будет гладко, но... Душа болит.

В классе они все перед тобой, все на виду, и каждый, кто тебя не слышит, кто ничего от тебя не получает, кому ты не нужен, – боль твоя. Можешь не признаваться в ней даже самому себе, можешь отводить ее всевозможными логическими доводами, можешь говорить: «А в конце концов, ну, почему же ты должен влиять обязательно на всех?» Можешь даже успокаивать себя тем, что дети от природы разные и что может быть какая-то психологическая несовместимость с кем-то из детей... Все правильно. Но, как сказал поэт, «и все же, все же, все же...»

И не то, чтобы я был за них за всех в ответе, как принято говорить. Немножко опыта, и ты приспособишься работать так, что никто к тебе не придерется, и ты будешь на хорошем счету. Ведь на самом-то деле почти никого не интересует, что там у тебя в классе происходит. На дежурство класс вышел? На линейке стоит? Макулатуру дети собирают? Родительские собрания проводишь регулярно? Конфликтов и жалоб нет? Всё в порядке. Тебя призывают на педагогических советах «дойти до каждого», но и призывающие и внимающие этим призывам хорошо знают, что дойти до каждого невозможно и что слова эти, по существу, ничего не значат, хотя бы потому, что познание человека – процесс бесконечный и здесь глаголы совершенного вида, означающие какое-то окончание, никак не уместны.

В том-то и беда, что я не волшебник, я не могу глубоко и до конца понять даже одного какого-нибудь человека, не то что 40 людей, которые к тому же все время меняются. Не могу!

А должен. Я чувствую, что должен, потому что все равно будет болеть душа...

Именно потому, что дети тебя не выбирали, что у них не было возможности выбора, что в этом смысле они беззащитны перед судьбой, я перед их судьбой и в ответе.

Когда я работал в 412-й школе, мне приходилось очень далеко ездить – час двадцать в одну сторону. И мне все говорили:

– Почему ты не перейдешь в школу поближе к дому?

– Потому что я не могу оставить своих ребят.

– Откуда ты знаешь, может быть, к ним придет учитель гораздо лучше тебя? – говорили мне.

Может, и так, может, и лучше. Но я уйти от них – уйти из их жизни по своей воле – не мог. Когда они кончат школу и уйдут естественным, так сказать, образом, все правильно: уйдут и, может, забудут на второй день, это их дело. Но уйти самому из той жизни, которую мы вместе начали, не могу.

Меня тогда это очень интересовало: ну отчего я не могу уйти, отчего катаюсь через весь город, проклиная всех и вся и падая с ног от усталости? Привязался к ним? Привык к ним?

Конечно, привязался. Но ведь не отец же я им в конце концов, и не дети они мне, и я не люблю, когда про меня говорят, будто я им как отец родной или они мне – как дети. Не дети и не отец! У нас совсем другие отношения!

У нас отношения общественные, деловые: мы вместе взяли за работу, и нельзя, невозможно, стыдно ее оставлять, эту работу, до окончания ее.

Словом, я не бросил их, пока не выпустил. Но с тех пор каждый раз, когда я беру новый класс, я слишком хорошо представляю себе, в какое дело я ввязываюсь. Слишком хорошо понимаю, что если я хоть раз вошел в класс воспитателем, то выйти из него по своей воле я не смогу.

Это ведь точно, как в «Маленьком принце». Приручил – и теперь ты в ответе...

Первого сентября я приду к моим – к моим! – четвероклассникам, к моим десятилетним ребятам, к моим завтрашним детям...

2.

Я знаю, что буду делать в первый день.

Я не стану рассказывать ребятам, как мы будем жить, какие у нас будут правила жизни, не стану «предъявлять им требования», как принято в педагогике. Во-первых, потому, что они еще просто малы для того, чтобы думать о том, как они будут жить, – они только что из начальной школы и на первом уроке по привычке будут сидеть, аккуратно положив руку на руку и с любопытством осматривая все вокруг. В IV класс детям так же интересно приходить, как и в первый: открывается другая, новая, взрослая школа – школа со многими учителями, с кабинетами, с новыми предметами и с новыми возможностями учиться и не учиться.

Я просто скажу ребятам о том, что я и сам буду чувствовать в этот день.

– Здравствуйте, – скажу я, – поздравляю вас! У нас сегодня праздник – первое сентября!

И я устрою им праздник!

Нет, я не поведу их всем классом в кино или в зоопарк; не повезу их за город – это все будет потом. Я прежде всего постараюсь, чтобы в этот день, первого сентября, состоялись все уроки до одного и чтобы каждый урок был настоящим уроком. В конце концов им сегодня интересны именно уроки, а не гулянье – гулянье они видели и прежде.

В этот день они все скучают по своей первой учительнице, даже те, кто не очень-то любил ее. На первой же перемене они, конечно, кинутся в свой бывший класс. И чтобы это не выглядело так, что они бросили меня и убежали к другой, к своей учительнице, чтобы не было противопоставления той учительницы и нового учителя, чтобы не заставлять ребят делать выбор и даже сравнивать нас, я буду с ними, я сам поведу их на первой же перемене в их бывший класс, к их первой учительнице.

Но там же теперь первоклассники! Хорошо, вот и повод, зачем мы идем туда: мы идем поздравить первоклашек. Как старшие, как взрослые, как ученики средней школы. А если поздравляешь кого-нибудь – будь добр и подарок преподнести, так заведено среди людей.

За несколько дней до начала занятий они придут на медосмотр, и я найду среди ребят несколько добровольцев, которые захотят посидеть со мной в нашем кабинете истории, и мы вместе придумаем и сделаем красивые праздничные значки для первоклашек, для своих ребят и, может быть, для всех учителей, если хватит у детей терпения. А чтобы терпения хватило, чтобы всем было интересно, чтобы каждый мог поработать в свое удовольствие, даже те, кто совсем не умеет рисовать, я принесу им 15-копеечные папки из твердого полиэтилена, и мы вырежем из них трафаретки. Сиди, печатай, как Гутенберг, и вырезай!

– А кто такой Гутенберг? – спросят обязательно.

Расскажу. И расскажу про главный принцип всякого печатания, он очень прост: чтобы было аккуратно. Ведь каждая эмблема кому-нибудь достанется, и, если она будет кривой или смазанной, у человека может испортиться настроение.

Ну а шарики для подарков первоклашкам я, на этот первый случай, куплю сам, не обеднею.

Речей произносить, вручая подарки, мы не будем, а просто споем вместе две-три песенки, которые знают и старшие, и младшие.

В этот день в школе будет много цветов. Так уж принято теперь – первого сентября с букетом, и подороже. Да мне и самому нравится идти первого сентября в школу с цветами – не из школы с цветами, как положено учителю, а в школу! У меня ведь тоже праздник! И ребята это увидят и почувствуют то, что бесполезно объяснять им словами: они не мне несут дорогие цветы и не учителям, а школе.

Ну а раз школе, то надо побеспокоиться о том, чтобы эти цветы долго стояли. Нужны недорогие вазочки или банки, чтобы расставить цветы по всей школе, – это нетрудно сделать. И когда я поведу ребят на экскурсию по знакомой им и все-таки новой для них школе, мы, конечно, подарим цветы и поварам в столовой, и нянечке в гардеробе, и медсестре. А однажды, когда у меня были семиклассники, мы дарили первого сентября цветы продавцам соседнего магазина, мороженщику, работникам нашей районной библиотеки, фармацевтам в аптеке, чтобы в этот день все вокруг нас радовались празднику.

И чтобы ребята мои почувствовали радость дарить, устраивать праздник для других, чтобы они увидели: в праздники, как и всегда, надо работать душой, думать о веселье других людей.

А когда уроки закончатся, праздник будет продолжаться в семьях. В первые годы я об этом не заботился, и получалось так: в одной семье торжественный обед, в другой – подарок ребенку, а в третьей – ничего, да еще накричат на мальчишку или накажут за порванную в первый же день рубашку.

Потом я стал заранее, до начала занятий, собирать родительские собрания и среди прочих дел говорить о празднике первого сентября. Получилось лучше. А потом я догадался делать совсем по-другому. Я учил класс уже четвертый год, родителей своих ребят я знал хорошо, поэтому, не устраивая собраний, я вызвал несколько человек из тех, кто гостеприимнее, и мы договорились, что в пяти домах проведут общие праздники для пионерских звеньев. Принять 7–8 детей не так уж трудно, тем более что главным должно быть не застолье, а рассказы детей о лете, игры и подготовка сюрпризов на следующий

день. А второго или третьего сентября, когда удобнее, мы устраивали общий сбор отряда, и каждое звено выступало со своим сюрпризом: небольшая сценка, драматизированная песня, сказка – все что угодно, все что родители вместе с ребятами смогли подготовить.

Вот так я и сделаю в наше первое Первое сентября в моем новом классе. Для ребят будет праздник, а у меня тут дальний прицел: первая попытка устроить коллективное творческое дело – первое из сотни таких дел, которые предстоит выполнить ребятам, пока они кончат школу.

Я иногда думаю: какими мелочами я занимаюсь! Пять лет пройдет, прежде чем догадаешься, что первого сентября надо устраивать праздник, и десять лет – пока придумашь, как делать значки по трафареткам, чтобы всем была работа... Со стороны посмотреть – чем занимается мужчина? Мелочи, мелочи и мелочи. Но ведь все твердят, что педагогическое дело состоит из мелочей. Твердить твердят, а заниматься ими охотников мало. Кажется, пустяки: будет дома праздник или не будет, праздник для одного или для всего звена, праздник для тебя или праздник, который ты сам устроил. Пустяки? А тут и проходит водораздел между воспитателями. Когда я только начинал, я тоже говорил детям: «Сделайте эмблемы» (или еще что-нибудь в этом роде). У них ничего не получалось, и я думал, что виноваты ребята – ребята мне плохие достались, ленивые и малоактивные. Можно ведь и нарисовать эти эмблемы, а праздника не получится – мало их будет, и кривые какие-то. Да чепуха, картонка... Но ведь и про все в жизни можно сказать: чепуха, стоит ли стараться... А я люблю старательных. Раз делаешь, – значит, считаешь нужным, а если нужно, то как же не стараться? Этого я не понимаю. Один папаша сказал мне как-то на родительском собрании:

– Старательные – это посредственность, это люди, у которых нет искры. И они компенсируют свой недостаток старательностью.

Я не стал с ним спорить, я только сказал ему:

– Не всегда, не всегда...

Я знаю, что мой долг – приучать детей к старательности, всех – и тех, что с искрой, и тех, что без искры... Собственно говоря, в этом-то и смысл школы.

Нет, мои первые уроки воспитания будут содержать в себе и то, и другое, и третье, но они всегда будут еще и уроками старательности – никакой работы кое-как и впопыхах я допускать не должен, не имею права. Позволить ребятам сделать какую-нибудь работу не старательно – с этого и начинается формализм, расхлябанность, начинается тот ненавистный мне школьный разврат, другого слова не подберу, когда школа не приучает ребят к работе, а внушает отвращение к ней.

На этот раз мне хорошо – я беру еще маленьких, можно сказать, неиспорченных. Но ведь приходилось и больших брать, которым и праздника-то не устроишь, не верят они ни в какие школьные праздники, ухмыляются!

А ведь к ним тоже надо прийти в первый раз первого сентября и что-то сказать им, чем-то зацепить, и их тоже надо научить ценить все, что делается в школе, иначе они не будут ценить и того, что делается людьми в жизни. А что придает цену любому делу? Та самая искра таланта – и старательность, тщательность, мастерство. Ребята, как и все люди, не терпят никакой халтуры, они умирают от нее!

И все они, даже самые трудные, даже в самых тяжелых классах, чувствуют, с чем ты к ним пришел, есть ли у тебя что-нибудь за душой.

Мне много раз приходилось являться в класс учителем-новичком, и я, кажется, испробовал все. Пробовал произносить монологи, излагал свою программу. Пробовал завязать диалог, расспрашивать ребят об их жизни. Пробовал рассказывать им о себе, о том, почему я стал учителем, ребятам это всегда интересно, они вообще любят все личное. И потом, в классе же всегда есть девочки... Пробовал ничего не говорить – напускал на себя неприступный вид и прямо приступал к уроку.

Но лучше всего у меня получалось, когда я догадывался, что в этот день, первого сентября, надо привести к девятиклассникам недавних моих выпускников – Андрюшу Лаврентьева, Володю Волкова и Володю Цветкова. Мы так и явились на первый мой урок бригадой из четырех человек.

– Не будьте дураками, парни, – сказал Андрюша Лаврентьев, – учитесь! Два последних года в школе – самые главные. Только в эти два года и понимаешь, что такое школа, и именно эти два года определяют жизнь.

– Нам очень хотелось побыстрее закончить школу, – сказал Володя Цветков, – а теперь мы вам завидуем...

Правда, Володя Волков поставил меня в неловкое положение, когда сказал примерно следующее:

– Николай Федорович нас часто ругал, нам казалось, что он ругает нас больше, чем мы этого заслуживаем. Но вообще-то вы его не бойтесь, он не такой!

И было решено в первое же воскресенье вместе пойти в поход.

Выпускники мои пришли в точно назначенное время, а новеньких моих было человек восемь или девять, не больше. Ну что ж, мы только начинали...

А вообще-то я не придаю слишком большого значения первому, так сказать, свиданию с ребятами и не слишком огорчаюсь, если что-то получается не так, как задумал. Ведь что нужно ребятам-старшеклассникам в первый день? О чем они говорят после уроков в первый день? О новых учителях. Они уже опытные, они знают, что вся их школьная жизнь зависит от учителей, и обсуждают их точно так же, как во всяком учреждении обсуждают нового начальника, пользуясь любой информацией и любым слухом: «Про него говорят, что он...»

И ничего страшного, если информация эта окажется ложной и даже невыгодной для меня – тем интереснее им будет дальше. Мои отношения с ребятами тоже должны иметь свою драматургию, тоже должны развиваться. У нас всё впереди.

Но вот чего я как огня боюсь – это составлять хоть какое-нибудь мнение о ребятах по первому своему впечатлению.

Я не стараюсь узнать их побыстрее! Запомнил, как кого зовут, и этого пока достаточно. Я знаю себя: когда складываются более или менее четкие представления о ребятах, мне труднее быть одинаково справедливым со всеми. Я должен полюбить ребят прежде, чем я

узнаю их до конца, – тогда мне легче будет примириться с их недостатками, меньше будет раздражения.

Нет, я не буду торопиться узнавать их, но я потороплюсь дать им возможность – каждому – проявить себя. Ведь они сами так в этом нуждаются, ведь даже самые скрытые из них так хотят показать, какие они хорошие!

В плохом они проявятся без меня. А я должен дать им возможность поскорее проявиться в хорошем. Поэтому-то так и тяжелы первые месяцы – вовсе не оттого, что я не знаю ребят и они меня не знают, а потому, что мое присутствие, участие везде необходимо. Я пока не буду заботиться об их самостоятельности, не буду говорить им: сами, сами, вы уже большие! Я буду помогать им в чем только можно и, не стесняясь, заменять их где только можно – лишь бы у нас все получалось, лишь бы они почувствовали вкус победы и поверили в себя, и в меня тоже. За кем идут люди в жизни? За строгими? За добрыми? Умными? Да нет же? Они идут за теми, с кем получается дело. Если дети видят, что этот учитель может их научить, они за ним пойдут, какой бы он ни был, и простят ему все его недостатки.

А самостоятельность – что ж, она обязательно придет в свое время, это я знаю по опыту. И чем больше я буду сейчас помогать ребятам, чем лучше будут результаты любой нашей работы, тем тверже они будут стоять на ногах и верить в себя и в свои способности.

Мне все директора говорили, сколько их не менялось на моем веку:

– Да что вы с ними как нянька? Оставьте их, они и сами могут убрать класс, без вас!

А я знаю: какие бы ни были хорошие ребята, весь первый год я буду всегда убирать класс вместе с ними. По крайней мере год!

3.

Как это ни странно, самый забытый народ в школе – четвероклассники.

О начальной школе более или менее беспокоятся. Есть методики, есть свой журнал, есть, наконец, учитель – специалист по начальному образованию.

Конечно, всех волнуют подростки – неуправляемы, в V класс, бывает, и не войдешь, а в VII уж и тем более. Иногда кажется – хоть бы как-нибудь перетерпеть эти трудные три года – пятый, шестой, седьмой. О подростках – целая литература, о подростках – статьи в газетах, совещания на высших уровнях, круглые столы и прочее.

Старшеклассники – в центре внимания школы, они – лицо школы, так сказать, ее фасад. Им экзамены сдавать, они помощники во всем, их всех знают, и любого девятиклассника в учительской при желании можно обсуждать часами.

Четвероклассника не знает никто, кроме его первой учительницы, но она почти никогда не бывает среди учителей, да ей сейчас и не до выпускников, у нее первоклашки, она не может от них отойти и только изредка смотрит на то, как погибают ее бывшие. «А ведь они были у меня такие хорошие! – говорит она. – Что вы с ними сделали?» Ни один учитель начальной школы никогда еще не был доволен новым воспитателем своих выпускников.

А учитель средней школы недоумевает: что же с ними делали три года? Они же ничего не умеют! Объяснение находится обычно самое простое: все дело в том, дескать, что прежде у них был один учитель, а теперь много.

Но я постепенно начинаю понимать, что на самом деле всё гораздо сложнее, и четвертые классы вырастают в моих глазах в узловую проблему всей средней школы. Может быть, оттого, что сам я собираюсь поступать в IV класс, мне кажется сейчас, что и весь успех школьного обучения и воспитания зависит от работы в IV классе. В каком-то отношении он даже важнее, чем начальная школа и старшие классы!

Все знают: с 11 лет, т. е. с пятого класса, ребята вступают в трудный возраст, становятся дерзкими, шумными – словом, «осторожно, подростки!» И все эти сложности кажутся нам неизбежными: что поделывать? Природа!

В V классе с ребятами труднее, но еще можно договориться; в шестом еще труднее, но ничего, жить можно. А в седьмом, когда им становится 13 – 14, т. е. когда они становятся подростками в их классическом, так сказать, виде, – вот в седьмом-то беда! От седьмого и стонут учителя! В седьмом обычно и происходит первое разделение ребят на тех, кто будет учиться всегда, может быть, всю жизнь и станет в конце концов культурным человеком, и на тех, кто, кое-как окончив восемь или даже десять классов, больше никогда учиться не станет.

Если представить себе переходный подростковый возраст как крутую дорогу от плоскогорий детства в пик юности, то видно: начинается восхождение довольно беззаботно и весело в V классе, когда мы скорее умиляемся забавным шалостям и дерзостям ребят, а заканчивается в седьмом, когда все устали, изнемогают и нет сил идти дальше...

А четвертый-то класс – это время сборов в дорогу, укладки снаряжения и выбора пути! Готовились, тренировались и в первом, и во втором, и в третьем, но тогда до похода было далеко, а сейчас – вот он, завтра в путь, и нельзя терять ни минуты.

Мы обычно благодушествуем в V классе, нам кажется, что впереди много времени, мы заняты теми, кто уже в походе. Восьмиклассникам – педсоветы, собрания, тревоги и заботы! Все ими занимаются – до детской комнаты милиции включительно. А четвероклассникам? Отчитался классный руководитель на педсовете – ну и все, и хорошо, и ладно: приступим к другим, более важным делам.

К тому же мы все психологически не готовы работать с четвероклассниками, так же как и они сами не готовы еще учиться в средней школе. Так уж принято: учитель средней школы – это учитель старшекласников. Да и то сказать: вчера он занимался с десятиклассниками, а сегодня – какие-то малыши, безответные и безответственные.

– Возьму четвертые, год передохну! – говорят в учительской.

И я так думал, когда впервые брал IV класс: отдохну!

Действительно, пришел – не класс, а собрание ангелов и херувимчиков. Сидят, подтянутые, ручки сложенные. Что ни попросишь – с удовольствием! Все всё хотят делать, миллион предложений, от добровольцев не отбиться. Попросишь книжку принести – завтра у всех на парте. Исполнительны! А как слушают? Слово бояться пропустить.

Теперь-то я понимаю, что мне тогда достался просто-напросто дрессированный класс, и, естественно, вся эта внешняя позолота слетела вмиг. Для ребят школы еще не было, у них был только один их учитель – и у них, и у родителей: учитель! Но вот даже и родители перестали ходить в школу. Школа та же, и дети те же, и родители те же – а не ходят! Потому что во всей школе они знали только учителя их I или II «Б» Лидию Васильевну. От нее все зависело, ее любовь надо было завоевать, ей подарки, ей старались продемонстрировать свою готовность служить и помогать. На всё готовы: и класс вымыть, и полки сделать, и в театр детей сводить. Лишь бы Лидия Васильевна хорошо относилась к моему ребенку. А потом все это рушится в один день.

Нет, четвертый не для отдыха, и зря так уж сразу успокаиваются и родители, и учителя.

Теперь я знаю: IV класс должен быть самым напряженным годом для всех. Если очень потрудиться в IV классе, то трудности перехода через подростковую пропасть можно смягчить и всех ребят до одного довести до цели.

Вдобавок ко всему мне придется сильно перестраиваться. Мне придется говорить не тем языком, каким я говорил с десятиклассниками, и интонации должны быть другие, и темп речи другой. И сколько времени пройдет, пока я опять вернусь в свою «малышовую» форму, стану учителем, пригодным для обучения и воспитания десятилетних ребят!

Придется снова привыкать к тому, что они на каждом шагу ябедничают, не дают друг другу списывать, все время виснут на тебе, складывают тебе на стол конфетки, плюшки, яблочки – угощают учителя!

И надо будет не попасться на удочку, когда тебе начнет казаться, будто перед тобой идеальные ученики – все считают, все решают, все читают, все делают уроки. Потому что через два месяца с неизбежностью обнаружится, что далеко не все считают, решают и даже читают. Так что будет казаться, будто они пришли в четвертый знающими и вдруг – разучились, стали незнайками и неумехами.

И действительно так будет, действительно кто-то из них не научится, а разучится поначалу, потому что у меня для них только урок – 45 минут, потом приходит другой учитель. А в начальной школе учитель был хозяином всего времени и, если что-то не успел на одном уроке, заканчивал на втором, а вместо труда устраивал урок математики. И он очень хорошо знал всех, знал, кого и когда спросить, кого проверить, а кому поверить. Производительность его труда была гораздо выше, чем будет у меня. И потом, я же никогда не смогу сосредоточиться на них так, как это делал учитель начальных классов – у меня, кроме моего IV «А» будет еще 11 классов, это участь историков. И так у каждого из моих коллег. Что же удивительного, что класс начнет разваливаться на глазах – в то самое предподходное время, когда надо собираться и собираться!

Но это еще ничего, с этим справиться можно. А вот что будет для меня, знаю, самым страшным, отчего я буду приходить в уныние, – скука...

Я хорошо помню, как мне было скучно работать в IV классе. Это не для меня работа, не для моего темперамента!

То ли дело в восьмом или особенно в девятом. Там трудно, там невероятно трудно, там конфликт за конфликтом, так иногда кажется, что и не выживешь, что тебе из школы надо уходить; но уж если что-нибудь получилось – то получилось. Там одним интересным делом, в одной острой ситуации, если довести ее до конца, даже одной пылкой речью

можно добиться видимого результата. Там иногда так удачно скажешь слово, что ребята запомнят его на всю жизнь.

А четвероклассники... Да если бы Цицерон пришел к ним на воспитательный час, они старательно выслушали бы его, но ни единого слова не запомнили бы.

В старших классах я или вижу результат или по крайней мере могу надеяться на него. В IV классе результата не жди. Говоришь, говоришь, делаешь, делаешь, а ничего не меняется, и вся твоя работа – на потом, на потом, на потом, и никогда ты не знаешь, не можешь судить по результату, правильно ли ты поступил сейчас или неправильно, и нужна сумасшедшая уверенность в своем мастерстве, чтобы не растеряться, не заметаться, не начать суетиться.

Учитель – всегда терпение, нетерпеливым в школе трудно. Учитель четвероклассников должен быть гением терпения. Даже в I классе и то легче: там наглядно видно, как быстро обучаются дети. Не умели читать – зачитали, как говорят профессионалы, не умели составлять задачки – научились. А у моих даже и такого результата не увидишь: учатся и учатся.

Вот что самое трудное будет: эта видимая рутинность жизни, скука! Но я помню, как говорил мне директор, когда я впервые взял IV класс и испытал жуткий приступ тоски:

– Не отчаивайся! Все равно они будут другие, все равно они будут очень хорошие! Я твоих ребят почему-то очень люблю!

Они и вправду стали хорошими, они и всегда становятся хорошими, при одном неперенном условии: если мы не торопимся увидеть их хорошими.

Нет, нет, я неправ, на этот раз мне с ними скучно не будет, я теперь знаю цену каждой мелочи, я знаю, из чего что получается!

Мне нужно, чтобы мой четвертый не развалился за этот год, а собрался, чтобы в том подростковом походе слабые могли надеяться на помощь товарищей, чтобы они были вместе – друг с дружкой вместе и со мной вместе, чтобы я мог их вести и тогда, когда их начнет тянуть в сторону, чтобы я не потерял управление, когда управлять ими станет трудно, когда наш пароход пойдет через пороги подросткового возраста.

4.

Итак, мне нужно их собрать и дать им возможность проявиться – каждому в отдельности и всем вместе. Да и у любого воспитателя такая задача, в какой бы класс он ни приходил. Может быть, другим везло больше, но мне еще ни разу не приходилось принимать класс, в котором был бы крепкий, готовый коллектив, – мне всегда приходилось начинать с нуля или почти с нуля. Не знаю, почему так. Может быть, у меня особое представление о том, что такое детский коллектив.

Меня учили методике воспитательной работы в институте, а потом доучивали в школе, или, вернее, я сам доучивался, отчаянно экспериментируя на ребятах, как и все начинающие учителя, – другого выхода у меня не было. И я, как и мои преподаватели в институте, был уверен, что вполне достаточно знать методику и иметь некоторый опыт, чтобы справляться с воспитательной работой в классе. Но оказывается, я долгие годы не понимал главного. Теперь-то я знаю эту простую, даже банальную истину: все лучшие

человеческие качества сами собой развиваются там, где есть творческое отношение к жизни. Коллектив, особенно детский, вообще не может существовать и не имеет права называться коллективом, если нет в нем постоянного совместного творчества детей. В большой связке ключей педагога ключ «творчество» открывает почти все двери. Обычные слова «создавать коллектив» для меня означают теперь только одно – учить детей совместному коллективному творчеству, потому что, когда они вместе думают, вместе изобретают и вместе работают, тогда только они и объединяются и научаются ценить друг друга. Только тогда и устанавливаются между ними отношения и товарищеские, и принципиальные в то же время. Тогда только и живут ребята в том душевном напряжении, в котором развиваются их способности. Тогда только и чувствуют они себя хозяевами в коллективе – все чувствуют, а не одни лишь так называемые активисты. И не будет преувеличением сказать, что почти вся методика воспитания сводится к методике развития коллективного творчества.

Педагогика буквально кричит сегодня о развитии творческих способностей человека. Но самый эффективный, самый результативный способ развивать эти способности состоит в том, чтобы ребята заражались стремлением к творчеству друг от дружки, чтобы они были поставлены в такие условия, в которых они вынуждены работать творчески.

Вот и я должен создать такие условия в моем новом IV классе, больше ничего. И если все 7 лет, оставшиеся до выпуска, мои ребята проведут в напряженной творческой жизни – не только на уроках, не только в решении задач по геометрии, в сочинениях и в ответах у доски, но и в самых обычных житейских обстоятельствах, – то они и будут такими, какими я хотел бы их видеть.

Слово это – «творчество» – заездили с изумительной быстротой. Еще когда я учился в институте, о творчестве почти и не говорили, все больше – о дисциплине. Теперь замечательное это слово не сходит со страниц педагогических книг, и только ленивые, кажется, не пишут о развитии творческих способностей на уроке математики, физики, географии, не говоря уж о рисовании. От частого употребления слово это быстро приелось, затерлось и порой вызывает усмешку.

Но явление, но свойство, которое этим словом обозначается, никак не должно усмешки вызывать!

Перебираю в уме все важнейшие человеческие качества и вижу, что все они могут развиваться только в условиях коллективного детского творчества.

Мне, нам нужно, чтобы ребенок вырос неравнодушным человеком? Но только человек творческий действительно неравнодушен к жизни.

Мне, нам нужно, чтобы ребенок, вырастая, стремился изменить мир, был способен к революционному преобразованию его? Мы должны воспитать его творческим человеком. Недаром Ленин говорил о революционном творчестве масс.

Мне, нам нужно, чтобы дети были трудолюбивыми – но какое же трудолюбие, если нет творческого отношения к труду?

Словом, доказывать тут нечего. Трудность только в одном: как сделать творческое отношение к жизни естественным отношением каждого из воспитанников, внутренней его необходимостью?

Сделать так, чтобы ребята вышли на субботник, я могу в два дня, да и без меня они выйдут, если на них кто-нибудь прикрикнет. Подготовить монтаж для праздника, доклад или 10 докладов для сбора, нарисовать газету, устроить танцевальный вечер – все это довольно просто. Дни и недели – и всё будет.

А для того чтобы научить ребят делать все это и еще тысячу других вещей творчески, – для этого нужен не один год, и нужно самому здорово помучиться.

Обычно говорят с важным видом: «Но прежде всего сам педагог должен быть творческим человеком!» Конечно, должен. Хотя я не очень люблю, когда об учителях говорят: должен быть такой, должен быть сякой, должен быть этакий. Какой есть – такой есть. И лучшая воспитательница, какую я только видел в своей жизни, всегда повторяла:

– Я сама человек нетворческий. Но я умею сделать так, чтобы все вокруг творчески работали...

А что еще нужно?

Я не знаю, творческий я человек или нетворческий, меня это мало интересует, но я знаю, что я приду к ребятам и скажу:

– Давайте дежурить по школе каким-то особым образом, так, чтобы всем от нас была радость. Давайте придумаем, как это сделать.

И я знаю – и тут уж я не ошибаюсь! – я знаю, что в ста случаях из ста они будут молчать, лениво переглядываться, скучать и ждать, когда я сам что-нибудь предложу. Никто из них ничего дельного не придумает. Так что сразу начнет казаться, что ни к какому творчеству они не способны, ни одной мысли у них в голове нет.

5.

Никто из них ничего дельного не придумает... Я должен научить их думать, для этого я и поставлен им классным руководителем, и ни для чего больше.

Ну ладно – долгий разговор, дела на годы... А начать – начну с чего-нибудь крайне простого, чтобы не говорить о творчестве и не призывать к творчеству, а показать им, что все на свете можно делать очень интересно, если... Если сначала подумать.

Я приду к ним и скажу самые обычные слова, они не раз это слышали:

– Нам надо составить план работы. У кого какие предложения?

И наверняка полкласса закричит:

– В кино!

– Пойдемте в кино!

– Культпоход в кино!

Они не знают половины слов русского языка, но уродливое слово «культпоход», в котором теперь даже и не слышится составляющее «культура», это слово они знают. В

первые годы я буквально из себя выходил, когда слышал «культпоход в кино», я набрасывался на ребят:

– Неужели вы больше ничего не можете придумать? Неужели вы не способны ни на что другое? У вас только кино в голове!

Но теперь я скажу спокойно:

– В кино? Хорошо. В кино так в кино. Очень хорошо. Кстати, я тоже люблю кино. Но как мы пойдем в кино?

– То есть что это значит: «Как мы пойдем в кино?» Кто не знает, как ходят в кино? Покупают билеты и идут в кино!

– А я и сам не знаю, ребята, как мы пойдем в кино... Я, – скажу я, – никогда заранее ничего не знаю, так я устроен... Мне всегда нужно сначала подумать... Кто поможет мне?

– В чем – поможет?!

– А вот в этом... Кто поможет мне придумать, каким образом мы пойдем в кино?

Человека 3–4 добровольцев всегда найдутся, особенно в IV классе. Да и в классе постарше тоже. Я не скажу им: «Подумайте», я не скажу им даже: «Давайте подумаем вместе» – это будет враньем. Не умеют они еще думать вместе! Нет, я попрошу их именно о помощи: «Помогите мне придумать...» Помогать – вот это они умеют. И мы останемся вчетвером или впятером – так, чтобы никто не мешал, никто не выкрикивал и чтобы каждому действительно пришлось чуть-чуть напрячься, чтобы трудно было отмолчаться.

Если я говорю ребятам: «Давайте думать», я должен быть уверен в том, что думают, хотя думают действительно все. Я не могу позволить, чтобы думало трое, а 30 просто сидели. Лучше пусть гуляют в это время и гоняют по двору смятую консервную банку – это лучше! Потому что сидеть и не думать, когда нужно думать, – этого допускать нельзя.

– Ну что ж, – скажу я ребятам, когда мы останемся одни, – вы знаете, кто мы сейчас с вами?

– Кто?

– Мы с вами – первый в истории нашего класса совет дела. Нам нужно провести дело – сходить вместе в кино, а мы собрались на совет по этому случаю. Мы – совет дела, и от того, как мы сейчас поработаем головами, будет зависеть, получат ли все ребята удовольствие, будет ли им интересно. Вы знаете, – скажу я, – пока мы собирались и усаживались, я подумал...

И я расскажу им, что же я придумал на первый случай. Мы должны пойти не в соседний привычный кинотеатр, а выбрать по газете самый интересный для всех фильм из тех, что идут сейчас в городе. Для этого мы предложим список из трех-четырёх фильмов и устроим голосование...

– Тайное? Открытое?

– А как вы думаете?

– Потом, – скажу я, – мы заранее купим билеты. Но как мы их распределим? По звеньям? По жребию, как попало? Или кто с кем дружит?

– По жребию! Возьмем шапку и по жребию!

– Тогда, может быть, – скажу я, – сделаем один билет счастливым? Знаете, когда дома делают вареники, пельмени, то один из них счастливый, в него что-нибудь кладут?

Решим и про счастливый билет – что на нем написать, чтоб было смешно.

– А в самом кино? Во-первых, в кино работают люди – есть билетерша, есть киномеханик, есть кассир, и администратор сидит за окошком! Представляете? Все к нему идут, хотят выпросить билетик или бесплатный пропуск, а мы ничего просить не будем – просто подарим ему цветочек!

– А если будет очередь?

– Ну, с цветочком-то нас пропустят... С цветочком всюду пускают без очереди!

– А к киномеханику? К киномеханику не пустят?!

– Ладно, – скажу я, – это я беру на себя. Насчет киномеханика я договорюсь. А вы что на себя возьмете? Кто будет собирать деньги? Выбирать фильмы? Проводить голосование? Покупать цветы?

– Ох, сколько дел!

– А вы что думали? Думали, это так просто – пойти в кино? Мы же не по одиночке идем, мы идем вместе, и мы сами вызвались отвечать за это наше общее дело.

Они наверняка пропустят мои слова мимо ушей – что ж! Я буду повторять их все 7 лет, и в конце концов они их услышат. А пока что – острый момент. Вот сейчас мы вместе придумываем, и они возбуждены, и им все это в общем-то нравится, потому что рядом со мной сидят только четверо-пятеро, добровольцы. Но ведь завтра всё, что мы придумали, надо будет делать! И я знаю, что тот, кому поручено собрать деньги, завтра забудет их собрать или скажет мне: «Я им говорю-говорю, а они не несут», и те, кому поручено выбрать фильмы для обсуждения, выберут 5 самых неудачных или вообще отмахнутся: «А мы нигде газеты не нашли».

Вот где скука начнется! Но ведь и на уроке ученики говорят, что они не сделали домашнего задания, потому что не было учебника, или не было света в квартире, или, оказывается, «Вы нам не задавали!» На уроке-то все выглядит естественным и есть сто методов, с помощью которых учитель постепенно обучает работать. Почему же в воспитательных делах я должен быть беспомощным и непредусмотрительным?

Хороший учитель не тот, кто дает задание, а потом исправляет ошибки. Хороший учитель тот, кто знает заранее, какие ошибки сделают его ученики, и так ведет урок, что они их и не допускают, этих ошибок. Вот он действительно учит – быстро и эффективно.

Поначалу я буду стараться никогда не ругать моих ребят за безделье и вообще ни за что не ругать: что бы они ни сделали дурного – я виноват, это я не предусмотрел и не предупредил возможность дурного, поступка.

Воспитание на 90 процентов состоит из предусмотрительности. Говорят: знал бы, где упадешь, так соломки бы подстелил. Я должен знать, где они могут упасть, в этом и состоит мое профессиональное мастерство, если оно у меня есть.

И я говорю своему первому совету дела:

– Нас будет почти сорок человек, и мы все сразу явимся к контролеру, и все захотят, конечно, пройти первыми, чтобы занять очередь в буфете. Как быть? Я не знаю еще вашего класса, может быть, вы очень воспитанные, но однажды я видел, как толпятся и чуть ли не дерутся ребята у входа в кино, хотя у каждого на руках свой билет, – это мне не понравилось, это было некрасиво. И билетерша сразу начала нервничать, кричать и отталкивать напиравших, и настроение у всех было испорчено. Как быть?

Молчат. Не знают, как быть. Кто-нибудь скажет:

– А мы парами строились всегда...

Ну да, они же из начальной школы, они привыкли парами, под строгим взглядом учительницы, под окрики: «Сережа! Тебе больше всех надо? Сережа, я кому сказала?»

Нет, парами мы в кино не пойдем, мы уже большие. Но как быть? Может, на каждом билетике написать карандашом номер, чтобы по очереди? Или это скучно? А может, написать букву так, чтобы сложилась по билетам смешная фраза из сорока букв? И войти в кино, так сказать, целым предложением? Поставим на билете и номер и букву. Поиграем перед входом в кино, но войдем не толпясь. И они не будут кричать, и, главное, я не буду на них кричать, не буду дергать их и останавливать. А если нам придется поехать на трамвае? Что будет в вагоне, где 40 десятилетних ребят? Однажды я вез в цирк семиклассников. Отчего-то они были очень возбуждены в этот день. Что творилось в вагоне! Они нарочно не держались за поручни и при каждой остановке с визгом валились друг на друга и на пассажиров. Время было после рабочего дня, люди ехали уставшие, а тут – крик, гам, глупые шутки во весь голос. Ну и пассажиры, конечно, не остались в долгу...

– Ребята, выходим, выходим, – сказал я, когда мы подъехали к цирку. – Билеты у всех есть? Покажите. Все достали билеты, я собрал их – доверчиво отдали.

– А теперь, – сказал я, – мы с вами едем домой. – И я порвал билеты и на глазах ребят бросил в урну.

Домой поехали молча. И 5 родителей, которые были с нами, тоже молчали.

Но начинать с этого нельзя. Да я бы и не хотел, чтобы такой случай повторился в моей жизни. Что же делать? Ладно, что-нибудь придумаю потом. Пока что договоримся, что в трамвае мальчики покупают билеты девочкам, а в буфете угощают девочек конфетами.

А потом, когда все эти мелочи, которые так интересны детям, будут позади, я выложу самое главное. Именно в таком порядке: сначала мелочи, потом главное. Я знаю, что в этом возрасте мелочи ребятам интереснее всего, и когда начинаешь обсуждать с ними

вечер сказок, то они не спрашивают, какая будет сказка и о чем она, а сразу кричат: «Я буду медведь? У меня есть маска!» Костюмы для них важнее, чем представление.

Главное же мое предложение покажется им случайным, только что придуманным. Они не поймут, какие последствия будут у этой истории. Я предложу, чтобы после кино, на другой день, мы все собрались и устроили «разнобой» – что-то вроде привычного им КВН. Разобьемся на 4 команды, и каждая команда будет задавать вопросы по фильму, чтобы ребята внимательнее смотрели картину и думали над ней. Можно, конечно, просто устроить обсуждение, но это скучно, это трудно для ребят. И что они могут сказать, просмотрев фильм? То, что говорят всегда: понравился, не понравился. «Особенно мне понравилось то, что...» – вот и весь репертуар выступлений.

Нет, я должен помочь им посмотреть фильм иначе, чем всегда, повнимательнее, чтобы они во время фильма были заняты фильмом, а не друг другом, как это часто бывает при коллективных посещениях кино или театра. Недаром режиссеры так встают против этих «культурных» походов: невыносимый зритель тот, кто не сам пришел в театр, кого привели строем!

Пусть каждая команда придумает по вопросу на такие темы: что-то о действующих лицах (в чем одеты, любимое выражение героя, причины его поступка, главная черта героя); что-то об актерах, занятых в фильме, и создателях его (и пусть таким образом ребята впервые в жизни заметят, что у фильма есть режиссер); и какой-нибудь вопрос из истории кино...

А разобьемся мы на эти команды заранее, завтра же. И что самое важное для меня, всю работу по подготовке нашего дела распределим не по отдельным ребятам, а по командам. И пусть каждая команда, в свою очередь, придумает, как свое поручение выполнить творчески.

Но и тут я их не оставляю. Мне придется хоть 15 минут досидеть с каждой командой, и тем, кто будет, например, отвечать за билеты, подсказать, что можно устроить в классе билетную кассу, повесить вывеску и назначить часы работы. А тем, кто будет отвечать за «разнобой», помочь составить жюри, придумать, чем наградить победителей и церемонию вручения призов. А тем, кто будет покупать цветы для работников кинотеатра, подсказать, где и какие цветы лучше купить, и, кстати, может, к каждому букетику приложить открытку с добрыми словами или даже стихами, если найдется поэт. И конечно, у каждой команды будет свой капитан, а может быть, и название, эмблема... Вот, ребята, скажу я, когда все кончится, вот что значит ходить в кино!

Конечно, трудов много. Но если получится хотя бы половина того, что придумано, ребята почувствуют: что-то в классе происходит! Это чувство и есть мой первый педагогический, так сказать, доход. Ребята будут в этот день – один только день! – в необычном состоянии, и каждое слово, которое они от меня услышат, будут воспринимать острее. Одно дело – всюду и всегда вести себя хорошо, это придет еще нескоро. Но сделать так, чтобы ребята хоть немножко были внутренне нацелены на хорошее поведение, чтобы они были в состоянии некоторого обостренного отношения к себе и к другим, – это, я думаю, получится. Меньше всего слышат меня ребята, когда они в привычной колее, когда им все известно и они без меня знают, что делать и как себя вести. А в непривычном состоянии они нуждаются в информации, т. е. во мне, воспитателе. Не я навязываюсь им со своими воспитательными идеями и советами, а они ждут их от меня.

И это будет моим постоянным правилом на все 7 лет: всегда в классе должно происходить что-то важное для ребят, они всегда должны быть в некотором душевном напряжении, это напряжение постепенно должно стать их естественным, обычным человеческим состоянием – творческое напряжение. Только не засыпать душой! Всё, что угодно, только не засыпать! И если это напряжение начнет спадать, то первыми будут тревожиться сами ребята. Когда это случится, тогда и я почувствую, что чего-то добился, это будет первый маленький результат многолетней моей будущей работы.

Да что такого? Берутся же люди плотину строить, а это 10 лет. Берутся люди завод крупный возводить, а это 7–8 лет. Берутся люди сад сажать, а он лишь через 10 лет по-настоящему плодоносить начнет, да еще заморозки, все погибло – и начинай сначала. Что же мне-то бояться предстоящих долгих лет?

Сначала мы просто пойдем вместе в кино, а потом проведем скромный турнир, на котором половина вопросов будут глупыми, а половина ответов – нелепыми... Но станут и мои ребята старше, и они будут собирать советы дела легко и непринужденно – просто собрались и подумали, и они будут устраивать настоящие кинофестивали, когда мы в какую-нибудь неделю посмотрим сразу 7 лучших фильмов, и они будут способны к серьезному диспуту. Или подготовят доклады о творческом пути режиссера, или придумают что-нибудь такое, что мне и в голову сейчас прийти не может... И тогда не надо будет волноваться о том, как они станут вести себя в трамвае.

6.

Но как бы интересно ни прошло первое наше дело, второе опять придется начинать с нуля – так же, как и третье, и четвертое... Получилось ли первое дело хорошо, получилось ли оно плохо, второе начинать одинаково страшно, и так будет почти всегда. Если было скучно, тяжело собрать ребят на следующую работу. Если было весело, следующая работа может вызвать разочарование.

Зато при творческом методе никогда не знаешь скуки повторения. Сами дела могут и повторяться, но никогда не повторяется подготовка к ним – неожиданности, которые преподносят тебе ребята, бесконечны.

Ну ладно, допустим, в кино мои будущие ребята сходят молодцами – всё сделали, в трамвае проехали чинно, цветочки купили и преподнесли... Молодцы, молодцы. Но посмотрим теперь, каковы они в более сложном деле.

Я им так и скажу:

– А теперь попробуем испытать себя в каком-нибудь серьезном деле...

Серьезном? Но каком же? Ах, если бы пожар... Все бросились бы тушить. Но пожара нет, и не нужен нам пожар.

– А серьезное дело, – скажу я ребятам, – это такое дело, от которого кому-то на свете станет хорошо, какое-то дело не для себя, а для людей. И мы можем сразу и навсегда договориться: именно такие и только такие дела мы будем впредь называть серьезными.

Чтобы не ставить их в неудобное положение и не вытаскивать из них ответы клещами, я сам предложу:

– Давайте сделаем генеральную уборку в вашем бывшем классе, где теперь первый «А»...

Заранее вижу разочарованные лица: уборка! Да еще уборка класса!

Сначала попробую подействовать на сознание:

– Прошло уже почти две недели, а первоклашкам убирать свой класс трудно. Вы знаете, сколько весит даже самая легкая парта? А поднимите-ка стул, на котором вы сидите? Нет, не так, одной рукой!

Мне очень важно, что мы будем убирать не свой класс, а чужой. Я никогда не стану обращаться к ребятам с аргументами типа: «Уберем наш класс, и нам же будет лучше...», «Проведем поскорее собрание и быстрее пойдем домой»...

– Мы будем убирать чужой класс за «спасибо»?

– Нет, – скажу я ребятам, – мы придем под вечер, часов в пять, уберем его, и можете быть уверены: даже если мы наведем стерильную чистоту, никто из первоклашек этого не заметит – и вы были такие же.

– А учительница?

– Учительница, конечно, ахнет, но откуда она узнает, что это мы? Неужели кто-нибудь в нашем классе проговорится?

Людей, способных выдать тайну, в моем будущем классе, конечно, не найдется. Кстати, что такое «стерильная» чистота? Я объясню ребятам это слово, а потом:

– Еще раз переверните стул. Видите, на ножках колпачки из полиэтилена... На них – видите? – пыль лохмотьями. Это не потому, что мы плохо убираем, пыль набирается каждые два дня. Надо взять мокрую тряпку и пыль эту снять... Иначе, если на чистый пол поставить такой грязный стул, то действительно никто и не заметит, что мы убрали. А пол линолеумный...

Но это ребята и без меня знают: линолеумный пол надо оттирать квадрат за квадратом, стирать черные полосы от каблучков кто чем может – бритвой, ножичком, стеклышком, пастой, наждачной бумагой... И кто только изобрел это – покрывать полы в школе линолеумом! Чиркнул каблучком – черная полоса.

– Работа, – скажу я, – чрезвычайно трудная, и если все сделать тщательно, то нужно часа два. Но мы должны совершить подвиг, мы должны поставить мировой рекорд уборки: вымыть класс, натереть пол мастикой и расставить парты и стулья всего за час!

– А кто будет принимать работу?

– Я. И если она будет отличной, то я поставлю в углу знак качества, у меня уже и трафарет готов, вот он...

Словом, я постараюсь убедить их приняться за работу и обязательно проведу голосование: кто за? Все ли принимают предложение?

Скорее всего, предложение будет принято – все-таки четвероклассники... А если получится, что проголосуют против?

Тогда мы не будем убирать I класс, мы придумаем что-нибудь другое! Какое-нибудь другое дело для людей, и незаметно для себя ребята, даже и отказавшиеся от уборки класса, примут как несомненный сам принцип – принцип работы для людей,

Итак, мы будем убирать – все за это проголосовали, мы постараемся убрать тщательно...

Но есть на свете правило: «Всё – творчески, иначе зачем?» На первый взгляд это «зачем» звучит дерзко: ведь можно придумать и другие, более важные объяснения, для чего люди работают. Но если вдуматься, то почти всегда увидишь: когда работа сделана не творчески, она никому не нужна... Нет: всё – творчески, иначе зачем?

И у нас уже есть маленький опыт совета дела, у нас в классе «советская власть», как пошутил однажды Вадик Кириенко, главный остро слов в моем прошлом X классе.

Опять я предложу:

– Кто хочет в совет дела?

Вероятнее всего, на этот раз в добровольцах окажутся другие, потому что другое по характеру дело. В этом-то и прелесть советов: они не окаменевают, не устанавливаются раз и навсегда, в них гораздо меньше опасности формального подхода к заданию... И это единственный путь – другого я не знаю – постепенно научить всех ребят обдумывать предстоящую работу, т. е. относиться к ней в какой-то, пусть небольшой, степени творчески. Самый неэффективный способ обучать детей думать – это говорить им: «Думайте, ну думайте же! Ну что, я за вас должен думать?» – хотя многим этот способ кажется единственно верным. Действительно, вроде бы педагог и не должен думать за детей.

А по-моему, мысль развивается только в присутствии человека, который думает на наших глазах. Что получают ребята на совете дела? Ситуацию, в которой думать необходимо, и пример человека, который думает и на их глазах находит удовлетворяющие всех решения. Вот я и буду на первых порах служить им таким примером, если мне настолько не повезет, что в классе не окажется ни одного мыслящего ребенка. Необходимость думать и пример думающего! Я должен играть роль зажигания, я должен искру давать, не заботясь о том, кто и что придумал на самом деле, кто нашел выход. Здесь результат важнее, чем автор. Если у нас постоянно будут приличные результаты, то постепенно ребята увидят, как это выгодно – посидеть и подумать, прежде чем взяться за работу, и это станет у них привычкой и потребностью – собраться и подумать. Вот и хорошо! Это то, что мне нужно: чтобы совместное размышление над предстоящей работой стало привычным делом.

А кроме того, даже если они сами ничего придумать не могут – они же принимают или отвергают мои предложения, т. е. опять-таки думают. Это видно хотя бы потому, как быстро устают они от напряжения мысли: 20 минут – самое большее, а потом их как бы и нет со мной – утомились...

К тому же детям все равно будет казаться, что всё придумали они сами. И это ощущение дороже всего. Нет, я не играю с ними, не навожу их на ответ, заранее зная его, как это делает учитель математики, предлагая детям задачу. Это слишком серьезный процесс,

чтобы играть или прикидываться. Если я не знаю ответа, я молчу, думаю и с такой же решительностью отвергаю их неудачные предложения, с какой они отвергают мои. Если у меня есть в запасе удачный ответ, я тут же его и выдаю, не пытаюсь изобразить глубокомысленные поиски. Это очень тонкое дело! Если потороплюсь с ответом, я могу заглушить ребячью мысль, которая, может быть, родилась бы в следующую секунду. Если же начну вытягивать ответ из ребят, а потом наконец выдам свой ответ, то тем самым я невольно подчеркну, что они – неспособные, а я – молодец. Нет, они даже и заметить не должны, в какую секунду родилось верное предложение, из какого угла оно прозвучало. У детей должна быть уверенность: если мы собрались вместе, мы обязательно придумаем что-то интересное, что ответ есть. А если мы ничего примечательного не придумали, значит, мы просто поленились и имеем все основания быть недовольными собой и своей умственной работой. Значит, надо собраться еще раз или два, иначе нечестно, совесть будет мучить.

Конечно, все это можно делать куда более экономным способом, и коллеги мои часто говорят мне:

– Ну что ты с ними сидишь и сидишь? Возьми трех-четыре дельных ребяташек, всё сделай с ними, и получится то же самое и, может быть, даже лучше!

Да и по теории педагогической так вроде бы и выходит: считается, что если я собираюсь создать коллектив, то я должен в первую голову вырастить актив – работать именно с этими тремя – пятью ребятами, и пусть они потом, когда я выращу их, будут работать со всеми остальными. Как хорошо!

Хорошо – на бумаге. А на деле сразу появится противопоставление активных и пассивных; на деле сразу обнаружатся ребята, которые будут рассуждать примерно так: «Есть активисты, пусть они и думают, пусть они и работают». И затем: мне, профессионалу, стоит огромных трудов вовлечь в работу пассивных ребят. Почему же считают, что это по плечу ребенку-активисту?

Нет, я буду сидеть с ними на советах дела, потрачу время, потрачусь силами – и так я обеспечу себе относительно легкую жизнь в старших классах, когда у меня не будет пассива, когда все ребята научатся думать и когда у меня вырастет действительно крепкий и уверенный в своих силах актив, которому очень нетрудно управлять классом, и никто никогда не произнесет заветную фразу активистов: «В нашем классе ничего не сделаешь». Этот мой актив вырастет естественно и безболезненно из советов дела и общей нашей работы. Вырастет – не выделится... Выделять актив и выдвигать в активисты мне не придется никогда.

И уже к VII классу, когда меня спросят перед сбором: «Кто у вас будет председателем совета отряда?», я отвечу: «Не знаю, кого ребята выберут». И мне действительно неважно, кого выберут. Кого выберут, с тем я и буду работать, тот и должен справиться.

Так что в IV классе я не стану жалеть времени на советы дела, чтобы всех ребят втянуть в работу. Не втягивать всех и, разумеется, не принуждать, а так придумать дело, так его организовать, чтобы у всех появилась необходимость работать. Не я заставляю ребят работать! И не активисты! Просто – необходимость. Но я должен эту необходимость создать.

Так как же будет выглядеть наша тайная генеральная уборка I «А» класса? Начнем мы, конечно, не с уборки. Убирать помещения мои дети не умеют, и потому уборка не

доставит им удовольствия. Удовольствие доставляет лишь тот труд, в котором ты хоть немножко профессионал, только та работа, которая у тебя получается. А иначе работать противно, особенно гордому человеку. Значит, мы сначала проведем краткосрочные курсы уборщиков!

Тут уж мне придется показать свое мастерство. Иногда мне кажется, что единственное, что я умею, – это убирать школьные помещения! Я покажу им, как пронести ведро с водой, чтобы не облить всю школу, и как надо выбирать тряпку для мытья полов; как отжимать ее двумя-тремя движениями – и почти досуха; как пользоваться шваброй и как – веником; я расскажу им, в какой момент уборки лучше вытирать пыль и как сделать, чтобы она не поднималась в воздух. Специально для девочек я покажу, какими должны быть движения во время уборки и как держать осанку – трудящийся человек всегда должен выглядеть красиво! Я открою им личные свои секреты протирки стекол до блеска – так, чтобы стекло было почти и не видно; покажу, как удобнее мыть стены, чтобы не испортить их и чтобы вода не лилась за рукава.

Я уверен, меня будут слушать внимательно. И когда я устрою летучий конкурс «Ну-ка, отожми», от желающих взяться за половую тряпку не будет отбоя, причем в очереди будут почти одни мальчики.

Класс для уборки мы, конечно, разделим по бригадам, которые теперь наверняка составятся по-другому, не так, как было, когда мы ходили в кино. И это очень хорошо – пусть у каждого ребенка будет больше товарищеских связей.

А вот соревнования между бригадами мы устраивать не будем, хотя, кажется, сам бог велел соревноваться в этом случае. Я противник детского соревнования в труде! Я считаю, что соревноваться в труде могут люди с очень высокоразвитым сознанием, взрослые, зрелые люди. Для детей труд не должен иметь никакого другого стимула, кроме удовольствия от высокого качества работы и ее полезности для людей. И даже когда ребята постарше получают деньги за работу – против чего я отнюдь не возражаю, – я всегда стараюсь сделать так, чтобы деньги были для них вторым или третьим стимулом, а не первым. Приятно за свою хорошую работу еще и деньги получить, но именно «еще и».

Я сам, конечно, приду в рабочей одежде. Не для того, чтобы помогать моим бригадам уборщиков. А потому, что знаю: ни одна из них не доведет дела до конца! Но я не буду их за это ругать, не буду произносить речей о том, как из малого складывается великое, – это они потом сами поймут. В конце концов они же добровольцы, они никому ничем не обязаны. И настроение ребят мне дороже отвлеченной педагогической мысли о том, что надо доводить работу до конца. Однако уборка действительно должна быть закончена, иначе сами ребята не получат удовольствия от нее.

Выход один: нарушая все педагогические правила, я быстренько протру пыль там, где они ее оставили, подотру лужи, вымою тряпки и поставлю ведра на место. Прости меня, суровая педагогика, но, когда художник учит рисовать начинающего, разве он не прикасается кистью к его работе? Не наводит последние штрихи? А я буду всегда стараться, чтобы мои дети во всяком деле чувствовали себя художниками; художническая этика и будет нашей трудовой этикой.

Когда генеральная уборка будет закончена, класс доведут до блеска, так что в нем дышать легче станет, и когда я торжественно поставлю в углу знак качества – вот в эту минуту, разогнувшись, я и прокляну себя. Я знаю, что так будет! Сейчас бы домой – дел много, к урокам надо готовиться, да и устану я к этому времени: к середине сентября как раз

приходит первая, самая тяжелая усталость, усталость оттого, что еще не втянулся в работу. Домой! Но ведь придуман был на совете дела бал уборщиц и уборщиков... Ах, как это соблазнительно – махнуть рукой на все, найти какую-нибудь причину и сказать ребятам: ладно, не будем сегодня бал устраивать, в другой раз! Они не обидятся, и вообще ничего страшного... Но – нельзя. Вот этого мне делать никогда нельзя. Я весьма снисходительно смотрю на то, что ребята не заканчивают работу, но себе я этого позволить не могу. Всё, что придумал совет дела, всё, за что голосовали, должно быть сделано во что бы то ни стало, наперекор всем обстоятельствам. Потому что чаще всего, когда доходит до дела, то как хочется провести его по сокращенной программе, побыстрее, попроще. «Ему чего-нибудь попроще...» – обычный педагогический девиз.

Но в этом и особенность творческого подхода к работе – он принципиально не совместим с желанием сделать «попроще». Наоборот – побогаче, поветвистее, что ли. Наша работа должна быть украшена, в ней должны быть какие-то необязательности – именно от них в последнюю минуту всегда хочется отказаться, но именно они и делают работу праздником, именно они и дают педагогический доход. Конечно, доход – по сравнению с расходом сил – до смешного незначителен. Но что поделать? КПД педагога даже меньше, чем у паровоза...

Нет, я вздохну, соберусь с духом, найду в себе силы для улыбки, и мы проведем наш бал уборщиц, бал Золушек...

У меня был директор, который говорил мне:

– Николай Федорович, нельзя ли сделать так, чтобы все было, но чтобы ничего не делать? К сожалению, я так не умею, хотя всегда несколько завидовал умельцам такого рода, я их немало встречал в жизни: ничего не делают, а не придерешься. Вроде всё есть, что положено...

И все-таки мы сделаем наш бал попроще. Костюмов, конечно, не будет, но какие-то детали... Девочек мы разделим на две команды – на Принцесс и Золушек, мальчиков разделим на Принцев и Трубочистов. Разделимся самым простым способом – посчитаемся, как считаются дети во дворе, когда начинают играть в казаки-разбойники:

– Матки-матки, чей вопрос: роза или ромашка?

– Матки-матки, чьи заплатки: лягушка или жаба?

– Маша или крокодил?

Нет, теперь не такие вопроса задают. Теперь даже восьмилетние:

– «Чайка» или «Мерседес»?

– «Мерседес»!

И у нас начнутся веселые соревнования между Принцессами в бумажных коронах и Золушками в передничках, между Принцами с гофрированными бумажными воротниками и Трубочистами в черных цилиндрах. Кстати, ребята увидят, как можно сделать шикарный цилиндр за 15 минут – не надо приклеивать донышка сверху.

А на следующий день... На следующий день я даже и вспоминать не позволю, как мы вчера работали. И чуть только кто-нибудь начнет про вчерашнее, я палец к губам:

– Тс-с! Тайна!

7.

Теперь, наконец, можно вести ребят в первый поход – да и пора, потому что уже конец сентября, последние теплые дни. Я знаю, многие начинают с похода, и мне хотелось бы скорее в поход, но... Чем старше я становлюсь, тем больше боюсь за ребят – просто за жизнь их боюсь, и незнакомых мне детей я не решусь повести в поход.

Однажды я так сделал – взял VIII класс, и в первую же субботу:

– Пойдемте в поход!

Я тогда, как и все, думал, что поход это самое легкое – ничего придумывать не надо, ребятам и так интересно. Собрались и пошли...

Но если бы я знал, что из этого похода получится! Если бы я только мог предположить, каких ребят я веду в поход! Достаточно сказать, что на 15 детских рюкзаков позже обнаружилось 12 бутылок водки и вина – и детишки мои были крайне удивлены тем, что у меня с собой водки не было. Они даже косились на меня, как будто мы собрались вскладчину на вечеринку, а я решил за чужой счет проехаться... Но мне и в голову не могло прийти, что они могут взять с собой такое количество спиртного, и я понял, что происходит, слишком поздно – когда обнаружил в одной из палаток настолько пьяного мальчишку, что он чуть не умер, и мне пришлось среди ночи бежать в поселок и вызывать «скорую помощь». Врач мне объяснил потом, что мальчишка и в самом деле был на волосок от гибели – у него не опьянение было, а отравление алкоголем, ведь ему всего 14 лет...

Конечно, с моими четвероклассниками этого не случится, но там другие трудности будут, и лучше сначала присмотреться к ребятам, понять, насколько они управляемы, когда все вместе. Потому что поход-то у нас будет, конечно, настоящий, с ночевкой, а лишь очень немногие из них ночевали в лесу в палатке, и мне придется еще выдержать бой с родителями, чтобы отпустили ребят.

– Ой, они замерзнут! Мой такой слабенький, он в детстве воспаление легких перенес!

– Ой, что вы, а если хулиганы?

– А автобус вы обеспечиваете? Что?! Пеш-ком?!

– А можно я с вами пойду и буду им готовить?

Мне придется долго и спокойно уговаривать родителей, улыбаться и шутить, а самого колотить будет. Отчего вы, товарищи родители, о другом не думаете? Вашему мальчику уже 10 лет, а он еще не может побеспокоиться о себе, одеться потеплее, когда холодно, и я вынужден буду каждому по сто раз говорить: «Надень сапоги, у тебя ноги промокли!» Вашей дочке уже 10 лет, а она, когда готовит чай, бросает заварку в холодную воду, и если ей поручить сварить манную кашу, то она начнет промывать крупу...

Но курсов походного ликбеза я на этот раз проводить не стану, ребятам придется всему учиться в пути. Единственное, чему я их заранее научу, – укладывать рюкзак и ставить палатку. Может случиться, что, когда мы придем на привал, будет проливной дождь, и если никто, кроме меня, не может поставить палатки – пропали.

Вроде бы понятно, чем будет заниматься предпоходный совет дела. Он у нас будет называться на этот раз штабом похода, и всю подготовку мы начнем с выбора командира похода. Я вообще буду стараться, чтобы у меня было больше калифов на час – начальников, избранных или назначенных только на одно дело: на неделю, на день или действительно на час, чтобы время командования кончилось прежде, чем станет окончательно ясно, что ни к какому командованию ребенок этот не способен. Неважно, пусть чувствует себя способным организатором, тогда у него появится хоть какой-нибудь шанс впоследствии действительно стать организатором. Мы будем выбирать начальников бесконечно, при всякой возможности.

Совету дела придется предусмотреть тысячу мелочей – это, наверно, будет первый более или менее активный совет. Но ведь не просто в туристский поход мы идем! Не только туристские у нас задачи!

«Всё – творчески, иначе зачем?»

В чем будет состоять главная, творческая, часть нашего похода?

Можно придумать великое множество всяких игр, забав и занятий. Мне надо всё обдумать так, чтобы легче решались главные задачи похода, чтобы все получили от похода удовольствие, несмотря на то что туристы мы пока что неважные.

Что будет самым трудным в походе?

Хотя мы часто говорим, что надо заботиться о товарище, ребята заботиться друг о друге наверняка не умеют. Для них помочь товарищу – это значит дать ему списать домашнюю работу, и не больше. Ну, может быть, отнести уроки домой, когда товарищ заболевает. А в походе им впервые предстоит сделать открытие, что почти каждый нуждается в помощи, и я должен заставить их сделать это открытие, иначе они весь поход будут переругиваться, и сваливать работу друг на дружку, и бегать ко мне жаловаться: «А Киреенко ничего не делает, только всем мешает!»

Затем, когда мы окажемся в лесу, да еще с топориками, ножами и фонариками, ребяташки мои как будто озвереют. Кинуть топор в дерево, сломать ветку, поджечь кору... Кажется, с ними никогда не говорили о любви к природе, хотя на самом деле им твердят об этом непрестанно и уже изучают они «Природоведение». Попали в лес – и всё в один миг забыто.

У нас поход не туристский. У туриста цель – пройти, дойти, осмотреть, не потерять снаряжение и получить соответствующий спортивный значок. Для туриста поход – спорт.

У меня же цели другие. Мы пройдем ровно столько, чтобы ребята устали, но не больше. И вероятнее всего, на первый раз мы не пойдем осматривать какие-нибудь достопримечательности родного края. У нас другая цель, и нужно, чтобы именно эта, другая цель и была в центре внимания ребят, чтобы она и для них была целью, даже если они этого не поймут. У нас нет на этот раз ни исторических, ни биологических, ни

географических, ни гидрографических задач – у нас задача помощи товарищу и сохранения природы.

Когда мы убирали класс, то мы не устраивали соревнования; а в походе мы будем соревноваться на каждом шагу, потому что в походе промедление иногда очень опасно. Поставили палатку – получили право поднять свой вымпел на отрядном флагштоке. Чей вымпел поднимется первым? Вымпел той команды, где работали дружнее, где не поленились до похода лишний раз поставить палатку во дворе школы.

Пошли за хворостом – неважно, кто больше принес, а важно – какая команда лучше постаралась.

А если пойдет проливной дождь, то будем соревноваться, в какой палатке веселее, и на этой палатке прикрепим клеенчатый знак «Непромокающие».

И с первой минуты похода до последней будет идти соревнование на «мандат надежности».

– В походе, – скажу я, – как и в жизни вообще, надо быть бдительными, надо быть очень бдительными людьми!

– А что – враги кругом?

– Нет, не враги, а друзья. В походе, как и в жизни, ребята, человеку всё можно. Решительно всё! Но он должен постоянно оглядываться: не затрудняет ли он кого-нибудь? Он должен быть бдительным в этом отношении!

– В походе всё можно?

– Всё.

– И не спать ночью?

– И не спать ночью, если тебе не хочется спать или ты не умеешь еще засыпать в палатке, где холодно и жестко. Можно и не спать, а сидеть у костра. Но надо оглядеться: кругом спят, не разбудить бы. Можно идти куда угодно, но надо оглядеться: не станут ли волноваться за тебя? Не придется ли другим отложить все дела и искать тебя по лесу? И наконец, – скажу я насмешливо, – можно взять с собой апельсин и съесть его украдкой – можно! Никому из ребят от этого вреда не будет. Но я не думаю, чтобы в нашем классе нашлись такие люди...

И мы всем классом проголосуем за два твердых наших, походных закона: закон человека и закон леса. Ведь поход, скажу я ребятам, – это взаимодействие человека с лесом. Лес очень много дает нам, а мы ничего ему дать не можем, мы ничем не можем его отблагодарить, разве что очистить от мусора какой-то небольшой участок. Отблагодарить не можем, но не имеем права быть неблагодарными, вредить лесу. Итак, закон человека: будь бдительным, помни, что кругом товарищи, торопись на помощь! И закон леса: помни, что лес беспомощен перед человеком. Помни, скажу я еще раз, что этот огромный старый лес беспомощен даже перед десятилетним мальчиком с топором или, еще хуже, со спичками в руках. Береги лес!

А что же мы будем делать с нарушителями наших законов?

А ничего. У нас не будет нарушителей. Потому что мы сосредоточимся не на тех, кто законы эти нарушает, а на тех, кто соблюдает их строже других, – им мы и выдадим в конце похода шикарно разрисованные картонные, в аккуратной целлофановой обертке, на шнурке, как будто это пропуск на Олимпиаду, «мандаты надежности». Мы приготовим таких мандатов немного, не больше трех – пяти штук, и постановим, что человек с таким мандатом имеет право в течение года, день в день, участвовать в любом походе, в любом отрядном деле, в любой экскурсии, что бы с ним ни случилось и как бы он ни провинился за этот год, потому что это надежный человек. Он проявил себя в нашем первом, самом трудном в жизни походе.

Тут я, конечно, размечтаюсь и скажу ребятам:

– Вот бы хорошо, если бы к концу десятого класса каждый из вас хоть по разу получил такой «мандат надежности», – я лично больше ничего не хочу.

Но это, конечно, только для десятилетних игра – потом никакие мандаты будут не нужны.

А чтобы новый для ребят закон леса был понятен, мы с утра второго дня проведем большую игру. Я попрошу пойти с нами в поход троих ребят из прежнего моего выпуска или родителей. И один из них будет ужасный Лесогуб – погубитель леса, другой – Водомут, загрязнитель лесных ручьев, а третий Шумовик – злодей, нарушающий лесную тишину, отчего, естественно, страдают лесные птицы с их тонким музыкальным слухом: Шумовик ходит по лесу с транзистором!

Вот этих-то трех злодеев отряд, разбившись на три команды, должен будет выследить по ужасным их следам, изловить, но не наказать, не убить – в лесу нельзя убивать ничто живое! Каждого из злодеев надо обучить правилам поведения в лесу, а в заключение игры особая комиссия будет принимать у них экзамены на правила поведения в лесу. И если ребята станут подсказывать своим злодеям ответы – ну что ж, пусть подсказывают хоть хором...

Без взрослых в походе мне не обойтись – они должны будут взять на себя большую часть физической работы, тяжелой для десятилетних мальчиков и девочек. Еще и еще раз: я не тороплюсь увидеть своих детей самостоятельными, я буду стараться где только можно снимать с них трудности, особенно трудности физические, непосильные. Зато уже в IV классе, пока другие ходят лишь в однодневные походы, мы пойдем с ночевкой, а весной – и с двумя; зато у моих ребят останутся силы на творческие дела, на игры, на то, чтобы побегать по лесу, чтобы они почувствовали: всё можно – это не просто слова. Действительно в походе – вольница, не зря все так любят поход!

Мы снимем с ребят часть работы, чтобы не пришлось понукать их, уговаривать, стыдить и заставлять, чтобы они отдохнули душой. Да ведь и я должен соблюдать закон леса: в лесу кричать нельзя даже на детей!

8.

И этот закон леса – не кричать на детей – я буду неукоснительно соблюдать и в классе.

Я не знаю педагога, который не мог бы рассказать о себе истории, подобной той, что рассказывал Макаренко, – о том, как он ударил воспитанника, или той, о которой рассказывал Корчак, – как он тащит ребенка из спальни, а тот упирается, хватается за кровать. А Песталоцци вообще считал пощечину нормальной реакцией разгневанного

педагога. Ударить ребенка мне не приходилось, судьба была ко мне милостива; но было, когда я работал вожатым в лагере, – было, что я схватил мальчишку и тряс его изо всех сил, так, что и теперь помню его глаза, полные ужаса. Обычно говорят: ничего, он уже, наверное, и забыл это.

Не забыл. Я твердо знаю: ни один ребенок никогда не забудет, если его ударить, оскорбить, сильно – до испуга – накричать на него или просто сделать ему несправедливое замечание.

И вот об этом-то я тоже стараюсь все время помнить: что он не забудет. Когда я только начинал, все мои ученики были для меня временными в моей жизни: поучились – ушли. А теперь я вижу, что временных учеников нет: каждый остается со мной навсегда. Передо мной десятилетний мальчик, но ведь будет ему и двадцать, и тридцать, и сорок – и он всегда будет помнить мою несправедливость. Не потому, что он такой злопамятный, нет, он добрый и у нас будут с ним добрые отношения, но я твердо должен знать: он будет помнить. И это знание помогает мне удерживаться даже в очень трудных случаях.

Одна из самых распространенных педагогических ошибок: оттого, что дети часто не отвечают на нашу грубость ничем – ни ответной грубостью, ни заметным улучшением поведения, ни даже мимикой, нам, и лучшим из нас, кажется, будто дети бесчувственны: «С детей как с гуся вода!» Так из чего же волноваться? Подумаешь, накричал! Подумаешь, шлепнул! А разве мама не кричит на него? Разве отец его не колотит? Дети беззащитны перед нами, и мы распускаемся все больше и больше.

Но и мы, педагоги, бываем беззащитны перед детьми, особенно те из нас, которые не позволяют себе прибегать к сильным мерам. Мне надо вести урок, а они шумят, разговаривают, смеются, и нету силы заставить их замолчать – разве что прикрикнуть. Кричать я не хочу, но урок сорван. Один такой случай, второй, и про меня говорят:

– Нет, он ничего учитель, но не умеет держать класс...

Ах, как я старался держать класс, когда начинал! Мне было мало, что они сидят тихо, – мне нужно было, чтобы они смотрели мне в рот. Мне было мало, что они все смотрят на меня, – мне было нужно, чтобы они ни на секунду не отвлекались... Хорошо, что я вовремя остановился, – неизвестно, до чего бы я дошел.

Понятно, что дисциплина должна быть разумной. Но что это значит? Где та граница, которую можно считать разумной?

К тому же в сознании многих учителей дисциплина и тишина – синонимы. Лишь бы было тихо! Приходишь на урок к коллеге, у него самостоятельная работа, ребята переговариваются, а он объясняет мне шепотом:

– Ничего, что они шумят, это деловой шум...

Извиняется! Опыт многочисленных проверок научил его, что всякое, даже малейшее и необходимейшее нарушение тишины на уроке будет считаться недоработкой. Минус ему, минус: ребята шумели.

Чудные люди! А вы не видели Юру Колосова, восьмиклассника, не пробовали его учить? Он входил в класс только одним способом: по партам. Вспрыгнет на первую парту – и так, по партам, до своей, последней. А вы не пробовали учить Сережу Рапо? Он все

время пел на уроках – негромко, но достаточно, чтобы вывести из себя любого, даже самого сверхтерпеливого учителя.

– Сережа, ты почему поешь?

– А что – нельзя?

– Нельзя.

Через минуту вновь поет.

Кричать на них? Вызывать родителей? Юре Колосову я каждый раз спокойно говорил после его циркового прохода по партам:

– Юра, возьми тряпку и вытри за собой следы.

Вытирал, пока ему не надоело, – и перестал ходить по партам. А Сережа Рапо так и пел на уроках до конца VIII класса, пока не ушел из школы. Интересно, поет он сейчас в ПТУ или там другие представления о нижних границах дисциплины?

Начинающий педагог всегда заботится о нижней границе дисциплины. А меня с годами все больше мучит проблема верхней границы. Чем сильнее и опытнее я становлюсь, тем тише у меня в классе – и это меня сильно беспокоит. Ведь не всегда же это благородная тишина увлечения, та тишина, которая царит, например, в концертных залах, когда хорошая музыка. Не страх ли это вползает в класс, тот страх, который сковывает не только движения ребят, но и разум их?

Два зла поджидают педагога: беспорядок, при котором учитель сбивается с мысли, и порядок, при котором не могут мыслить ученики. Причем истина в этом случае вовсе не лежит посередине, не есть среднее из порядка и беспорядка, что означало бы: шумите, но не очень, в меру; думайте, но не очень, а тоже, пожалуйста, в меру...

Это все очень непросто, и многое стало понятно, когда я обнаружил, что нижняя граница дисциплины не должна быть установлена раз и навсегда: «У меня так! Я такой! Я этого не допускаю! У меня не поговоришь!»

Верхняя граница стремится к бесконечности, к полной свободе в поведении, к полной раскованности и непринужденности. А нижняя граница должна быть очень подвижной.

Часто мы не потому кричим на детей и требуем абсолютной тишины, что дети нам мешают, мы кричим впрок, мы боимся распустить их. Страх распустить детей, страх, что они сядут на шею, страх перед либеральничаньем всякого рода довлеет над педагогом.

Именно этот страх за будущее поведение детей и толкает нас на всякие педагогические нелепости, мутит нам разум. Ведь для каждого из нас не справиться с детьми – это значит не справиться с работой, уйти из школы или мучиться в ней до конца своих дней. Причем во многих случаях не в том беда, что учитель не держит класс – у него, бывает, вполне достаточно порядка, чтобы учить детей или во всяком случае не озлоблять их и самому не озлобляться. Беда в другом – в давлении, которое испытывает учитель не изнутри класса, а со стороны – со стороны коллег, администрации и общепринятого представления о хорошем учителе.

Когда я поехал старшим вожатым в пионерский лагерь нашего института, я считался опытным вожатым, поэтому мне доверили 450 ребят. Напутствуя меня, начальство мое профкомовское говорило:

– Добивайтесь, чтобы в столовой была тишина. Тишина в столовой – первый показатель порядка в лагере. Старайтесь, чтобы было тихо!

И я старался. Я ходил между столов и сыпал замечания направо и налево, я грозил, я кричал, я заманивал:

– А ну посмотрим, какой отряд тише сидит! Сейчас я скажу, кто не умеет тихо сидеть в столовой. Сейчас я кое-кого накажу...

Тишины в столовой я, конечно, так и не добился, но зато добился другого: ребята меня возненавидели. А я – их. Для меня это были не дети, а сплошь нарушители. Печальная история, сейчас и вспоминать не хочется – стыдно.

Не так ли и мы в классе? Нам кажется, что тишина – первый показатель нашего профессионального мастерства. Чем моложе учитель, тем старательнее наводит он тишину – он хочет выглядеть мастером в своих глазах, ему нравится, что дети его боятся. Он уверен, что так и нужно...

Когда я думаю о дисциплине, у меня всегда перед глазами два учителя.

Одного зовут Игорь Владимирович Петухов. Однажды мы с ним вместе шли на его урок, подходим к кабинету, а на стене рядом с дверью крупно написано карандашом: «Петух – дурак». Я сделал вид, что не заметил надписи, хотя не заметить ее было невозможно. На уроке у него творилось бог весть что: ходили, кричали, бросали бумажных голубей, на каждом слове прерывали учителя. Игорь Владимирович то делал вид, что ничего не замечает, то старался перекричать ребят, чтобы его услышали – кто? Я, что ли, на задней своей парте? А то вдруг начинал сердиться и стыдить ребят.

И так у него на каждом уроке. Когда я говорю ему, что пойду к нему на урок, он облегченно вздыхает, он благодарен мне. Я представить себе не могу, что же творится на его уроке, если никого из других взрослых нет. Наверное, дети просто уничтожают его.

Самое поразительное заключается в том, что он знает математику лучше всех в школе и очень любит ее; он вовсе не слабый человек, прекрасно умеет постоять за себя на педсовете, особенно когда распределяют нагрузку – нагрузки ему нужно побольше – или дают какие-то поручения – поручения ему нужно поменьше.

Обычно говорят: не может держать класс, слабый, слабохарактерный... Но Игоря Владимировича ни при какой погоде не назовешь слабым человеком. Ну мог бы слабый человек получить два высших образования – техническое и педагогическое?

Сказать, что он равнодушен к детям? Я видал учителей, у которых на уроке ужасная дисциплина от полного их безразличия к тому, что происходит. Провел 45 минут в бушующем классе, как сталевар у горячей печи, ушел – и всё. Но про Петухова так не скажешь: он старается, он огорчается, он страдает и злится.

Мне кажется, я нашел разгадку, когда побывал на уроках Тамары Алексеевны Старицыной. Вот чудо-то! Тамара Алексеевна преподает химию, и притом недавно

преподает, всего восьмой год. Она сидит за высоким своим демонстрационным столом с таким видом, будто все, что происходит в классе, совершенно ее не касается: слегка развалясь, подперев голову рукой, и смотрит-то большей частью в окно или пишет что-то в журнале, а может быть, и просто черкает на листочке... Говорит она тихо, я бы сказал занудно, и кажется, у нее одна задача: не тратить сил ни на что... Между тем ученики отвечают урок, один за другим, и при этом – в полной тишине, изредка прерываемой ленивыми замечаниями учительницы. И все работают в классе, и все довольно прилично знают химию, во всяком случае на районных олимпиадах ученики ее всегда занимают первые или вторые места... И все ее очень любят, я бы сказал, что это самая любимая учительница в школе. Интересно, что, если увидеть ее вне уроков, она-то как раз и произведет впечатление слабой женщины: тихая, болезненная, неприметная.

Сильный мужчина и слабая женщина. Оба одинаково хорошо знают свой предмет, так что не в этом дело. И одногодки они, им по 35.

Секрет, на мой взгляд, заключается в том, что Игорь Владимирович Петухов, статный и сильный мужчина в расцвете своих сил, втайне и глубоко боится детей. А может быть, не сознавая того, и вообще людей он боится.

А Тамара Алексеевна, уж не знаю почему – от характера ли, от воспитания ли, от жизненной ли своей истории, совершенно, ни на грань не боится детей, в каком бы количестве и в каком бы возрасте они перед нею ни оказались.

Все проблемы дисциплины укладываются в эти два слова: боится – не боится. Страх – отсутствие страха.

Поют: «Трус не играет в хоккей». Не знаю, как насчет хоккея, но трусу нечего делать в классе, трусу лучше к детям не ходить: съедят, загрызут, доведут, замучают. Дети к трусам безжалостны. И нечего упрекать их за то, что они не уважают взрослых, непочтительны к старшим, что они бессовестные и так далее. Говорить-то можно, но бесполезно. Дети уважают старших, понимают, что такое больной человек, готовы с почтением относиться к учителю и к учителям вообще, готовы простить учителю любое уродство, любую слабость, все что угодно, но они не в состоянии пожалеть или простить учителя-труса. Они просто не могут этого, не способны на это. И какую бы воспитательную работу вы ни вели в классе – все равно: учителя, который их боится или побаивается, они будут уничтожать. Педагогика не только для мужчин, но она только для мужественных.

И, оглядываясь на свой педагогический путь, я могу сказать про себя горькими словами Антона Павловича Чехова: «По капле выдавливал из себя раба...» Я начал с панического страха перед детьми и, чтобы заглушить его, кричал на них, наказывал их, творил невесть что. Я доказывал всем и себе самому, что я – учитель, что я не хуже других. Я нуждался в этих доказательствах, потому что боялся. Отчего боялся? Оттого что плохо знал свой предмет – историю; оттого что... Да не знаю отчего. Боялся – и всё. А теперь не боюсь.

Миша Наумов из VIII «Б» подошел ко мне при всех на перемене и говорит:

– Николай Федорович, вот вы говорите, что вы нас не боитесь. А мы ведь тоже вас не боимся!

– Не боитесь?

– Нет!

Я топнул ногой, сделал свирепое лицо, пригнулся и крикнул негромко: «Ух!»

Как ветром сдуло Мишу Наумова! Он вмиг оказался в другом конце коридора! А кругом все хохотали. И сам Миша тоже смеялся над собой...

9.

Нет, я теперь не боюсь детей и, не применяя никаких известных теоретикам педагогики методов, не наказывая детей, не делая им замечаний, могу мгновенно установить дисциплину в любой степени и на любой срок. И это уже давно, лет 15 назад произошло. Просто был такой день, когда я вошел в класс и впервые отчетливо осознал, что я совершенно никого в классе не боюсь, – и сразу же ощутил раскованность и покой, и с тех пор я прихожу в класс словно к себе домой. Неловко сказать, но я в классе отдыхаю. То, что я рассказываю ребятам, мне самому интересно, и я рассказываю так, будто сижу дома среди друзей, которые меня с интересом и внимательно слушают. Сначала так было не во всех классах: в седьмой идешь – как на отдых, а в четвертый – как на фронт. Я даже еще покрикивал на ребят – я их еще побаивался. Но однажды я догадался, что надо сделать, и, войдя в класс, не закрыл за собой дверь... Дверь была распахнута весь урок! И все следующие уроки.

И всё переменялось. Мне пришлось делать над собой усилие и не кричать – нельзя же кричать на всю школу, мешать заниматься другим. И ребята присмирели, и я, открыв дверь настежь, тем самым показал им – и себе, – что я ничего не боюсь. Даже того, что они шумят. Кто-то заглянул, кто-то вошел, а кто-то из ребят поднялся и вышел. Однажды четвероклассник даже выполз потихоньку из класса, так что я и не заметил этого, – и вдруг он появился вновь в дверях. Я буквально остолбенел:

– Ты откуда взялся? Ты же был на уроке?!

Человек, который не боится детей, имеет возможность и сам распахнуться перед ними, предстать перед ними таким, какой он есть, и потому дети чаще всего и любят его, именно за это, за непритворство. Но стал ли я лучше как учитель с тех пор, как не боюсь детей? Ответить решительным «да» я не могу.

Я не боюсь детей. А они? Они меня не боятся? Или их, как Мишу Наумова, можно сдуть любым учительским «ух!»?

Учитель, который не боится детей, – это вовсе не обязательно хороший учитель. У него может быть строгая дисциплина, но не более того.

Нет с первого же дня я так постараюсь повести свой новый класс, чтобы в нем нигде, ни в одном уголке его не было ни намека на страх, чтобы не гнезвился страх ни на одной парте, – точно так же, как нет его за учительским столом.

До сих пор у меня было так. На уроке, пока я для ребят учитель, у меня абсолютная тишина. Но кончался урок, и я для ребят классный руководитель, воспитатель – их как будто подменяют. Они становятся живыми, они не всегда обращают на меня внимание, они перебивают меня, и мне это кажется нормальным. На уроке – тишина и скованность, после урока – вольность и раскованность. На уроке, когда я говорю, слушают все до одного, после уроков по-всякому бывает, Я никогда не сердился на ребят за это, даже

гордился этим своим умением поддерживать дисциплину двух родов. К тому же если вы заняты творческими делами, какая же может быть скованность? Как может родиться мысль в голове скованного человека? У него только одна мысль – о свободе... и о том, когда все наконец-то кончится.

Я считаю это, повторяю, нормальным, но коллеги удивлялись:

– Почему у тебя так шумно на сборе? Почему ты это позволяешь? Это же неуважение к тебе! Ты же все-таки не вожатый, а учитель! Ты их распустишь, они и на уроке тебе на голову сядут, ты дождешься...

От меня требовали, чтобы и на воспитательных часах был такой же порядок, такая же дисциплина как и на уроке. А я сейчас думаю - нет! Наоборот! Найти бы в себе силы добиться бы такого мастерства, чтобы и на уроке было, как на сборе, как в походе, как на совете дела!

Почему мне нельзя придерживаться строгого порядка в творческих делах? Потому что творчество несовместимо с зажатостью. Это хорошо известно из психологии. Станиславский показывал, что даже чисто внешняя физическая, мускульная зажатость полностью прерывает творческий процесс. А мы сажаем ребят в положение «смирно», мы не даем им шелохнуться и при этом повторяем:

– Думайте! Ну думайте же! Творите!

Пусть бы учитель сам попробовал составить интересный план урока, сидя за столом прямо и под строгим взглядом директора, повторяющего: «Сиди тихо!»

Мы говорим: развитие творческой мысли, проблемное обучение, и всем кажется, что успех зависит от того, какие вопросы придумает учитель. Это правильно, вопрос – великое дело. Но в конечном счете нас должен волновать ответ ученика, а не только вопрос учителя. Ответ же этот во многом зависит от того, как чувствует себя ученик на уроке, зажат он или раскован. Я более или менее научился пользоваться принципом «Всё – творчески» в воспитательной работе. Теперь я должен перенести этот принцип и на урок, а это означает, что я должен сделать так, чтобы ученики совершенно не боялись меня.

И что же – прощай гробовая тишина на уроке? Прощай... Не скажу, что я расстанусь с ней без сожаления. Она сильно облегчает жизнь учителя. Но делать нечего, пришла пора расстаться, так нужно для детей.

На место тишины и порядка должно прийти то, что я назвал бы творческой дисциплиной, в основе которой – уважение к рождающейся на твоих глазах мысли, своей и чужой. И если мысль пришла к ученику не вовремя и он перебивает тебя, учителя, кричит – что ж...

Иногда учителя говорят:

– Без страха нет и уважения.

– Немножко должны бояться, как же иначе?

Или успокаивают себя:

– Они меня не боятся. Они меня уважают...

И вправду, не разберешь... Но пусть они лучше и не уважают меня, чем боятся, я согласен!

Воспитание, к которому примешан страх даже в самой малой доле, не стоит ни гроша. Я это испытал на себе, в школе и в институте, и хуже всего у меня настроение в тот день, когда я, бывает, хочу заглянуть в тетрадку ученика, сидящего за партой, а он голову в сторону, как будто ожидает удара. Он боится! Не меня лично боится, но боится.

Я люблю подшучивать над ребятами, но я не имею права делать этого, если не позволю им подшучивать над собой. Пусть шутят! Вот это и будет значить, что мы друг друга не боимся.

Я знаю, что мне придется туго, что коллеги мои будут недовольны:

– Подрывает авторитет учителя!

– Допускает панибратство!

– Из-за него они у меня стали хуже себя вести!

Но что делать? Я же решил никого не бояться...

С проблемой тишины и порядка, с проблемой под названием «держать класс» я, по-моему, для себя разобрался – не знаю, как это будет выглядеть на практике, посмотрим. Я даже втайне не стану гордиться своим умением держать класс, это недостойное учителя умение – держать класс силой или волей.

10.

Но вот другая сторона вопроса о дисциплине: отдельные ребята, отдельные нарушения дисциплины, часто совершенно невыносимые, недопустимые, они ведь бывают у любого учителя...

Саша Никитин, девятиклассник мой бывший, благополучный был мальчик, и учился прилично, и вел себя, как все, и дома у него все было хорошо – за ним очень следили и мама, и отчим. Мальчик, ухоженный во всех отношениях... И вдруг: три дня нет в школе. И вдруг: нагрубил учительнице биологии, на простое замечание ответил нецензурной бранью. И вдруг: учинил драку, что в IX классе воспринимается как чрезвычайное происшествие.

Что делать? Какие меры принимать? Как наказывать?

Стал разбираться, и выяснилось, что мальчишка люто ненавидит своего отчима, который много делает для него, но при этом постоянно требует выражения благодарности. И когда отчим заболел, то Саше вменялось в обязанность ежедневно навещать отчима в больнице, чтобы доказать свою к нему любовь. И мальчишка, у которого не хватало сил на домашний бунт, взбунтовался в школе. И это еще хорошо! Могло быть и хуже: мог уйти из дому, украсть деньги, напиться, нахулиганить, попасть в тюрьму – я видал, как это бывает.

За что же его наказывать? Но ведь что-то надо делать...

Все нарушения дисциплины можно разделить на две части. Одни имеют глубоко личный характер: нелады в семье, нелады с кем-нибудь из учителей, нелады с друзьями или просто болезнь – дети гораздо чаще, чем мы думаем, нуждаются в медицинской, а не в педагогической помощи. Другие нарушения прямо или косвенно связаны с какой-нибудь группой ребят, в которой состоит ученик, – в школе или вне школы. Тогда ученик не подчиняется простейшим школьным правилам потому, что для него более авторитетна его группа, в которой нагругить учителю, например, считается доблестью, а прогулять месяц или два – нормальным делом. Такой ученик обычно во внутренней оппозиции к школе, и с ним труднее всего, потому что, как бы ты ни был с ним добр, ты все равно для него враг, чужой, учитель или училка; и у него всегда есть поддержка среди друзей – от одиночества он не страдает.

Я заметил, что, не понимая этого различия между личными и групповыми причинами, мы чаще всего путаемся в своих реакциях, неверно оцениваем свои возможности, выбираем неточную тактику и потому не можем ничего добиться.

Сашу Никитина нечего наказывать: дело не в нем, а в его отчине и неумной его маме; ему нужно только посочувствовать, дать ему возможность выговориться, раскрыться и помочь ему пережить его беду, хотя бы тем помочь, что принять ее серьезно, а не говорить: «Подумаешь, какие пустяки», или: «Ну ничего, ничего, всё обойдется, образуется», или того хуже: «А какое кому дело до твоих семейных дел, будь добр в классе» и так далее.

Что же касается ребят, связанных с дворовой группой, то нет никакого способа образумить их, кроме одного: перетягивать их на свою сторону, и вести все дело в классе так, чтобы здесь им было лучше, чем во дворе. Всякие уговоры, всякие угрозы и наказания, всякие личные шефства – все это бесполезно, все видимость заботы о мальчишке.

Иногда кажется, что и причин-то нет для дурного поведения, а просто дрянь человек попался тебе, чтобы ты, учитель, не очень зазнавался. Но покопаясь поглубже, и обязательно откроется одна из этих двух причин – личная или групповая. И когда говорят: «А вот посмотрите на него, у него и семья благополучная, и во двор не выходит, а он...» – я всегда думаю: значит, семья благополучная только внешне, а на самом деле она и питает мальчишку чужой групповой моралью.

Конечно, это разделение причин дурного поведения на личные и групповые не дает никакого рецепта – что же делать в каждом конкретном случае? Но с тех пор, как я понял механику, мне стало легче находить решения в каждом отдельном случае.

Из всех известных педагогике способов воздействия на ребенка, я один признаю во всех случаях, а другой не признаю никогда.

Когда Макаренко поступил с воспитанником Карабановым так, как он поступил, он очень рисковал: тот мог и ответить ему, на него могли пожаловаться, парни могли налететь на него всей оравой – такого опыта у них было достаточно. Он рисковал, воспитанники чувствовали это, – и потому он победил.

В некоторых случаях, когда обычные меры не помогают, приходится рисковать, иногда и очень сильно. Мне кажется, педагогика, полностью лишенная риска, полностью лишается и силы. Педагогика, безопасной для педагога, на свете нет. Как это ни страшно, но мне

не раз приходилось рисковать и жизнью воспитанников – иначе не воспитаешь мужества. Да и каждый трудный поход, и каждый далекий заплыв на реке – ведь дрожишь! Дрожишь! А что делать? Не позволять? Держать ребят на привязи?

Особенно страшно, когда приходится рисковать, чтобы осадить ребят, привести их в чувство. Однажды в малознакомом VIII классе мне надо было оставить мальчиков для неприятного разговора.

– Мы не останемся! – и пошли к дверям. Я не мог допустить, чтобы они ушли, стал в дверях. Пошли толпой прямо на меня. Но, увидев, что я не двигаюсь, остановились.

– Ладно, тогда мы выпрыгнем в окно.

– Прыгайте.

А класс на высоком втором этаже... Двое мальчишек, поколебавшись, выпрыгнули в окно. Остальные испугались.

Я даже не подошел к окну.

– Садитесь по местам, – сказал я.

Сели. Мы начали разговор, как будто ничего не случилось. И вдруг двое прыгнувших, Слава Павлов и Боря Миронов, появляются в дверях – надо же им насладиться победой!

– Нет, – сказал я, – обычно люди входят в помещение оттуда, откуда они и выходят. – И я показал на окно.

Повернулись, скрылись. Через несколько минут в окне на втором этаже появилась голова Славы Павлова, и его еле-еле втянули в класс – чуть не сорвался. Второй был внизу, ждал очереди, но я велел ему идти в класс обычным способом... И мы вполне дружелюбно закончили наш разговор.

Это был трудный класс. Когда у нас была первая уборка и мальчишкам раздали стеклышки, чтобы отчищать линолеум, они все нарочно порезали себе руки и устроили демонстрацию: идут, и у каждого кровь капает на пол... Многому меня этот класс научил, многому. Но ничего, выросли – поумнели. Риск – вот единственное педагогическое средство, которое я признаю всегда.

А вот чего я категорически не принимаю из дисциплинарных мер, так это коллективного обсуждения проступков детей, какие бы они ни были, проступки.

Впервые я понял, что такие обсуждения вредны, когда задумывался над тем, что же у нас происходит. Мы не обсуждаем проступки, чтобы вынести наказание, нет – само это обсуждение и является, по сути, наказанием. Сколько бы ни говорили о том, что нужен педагогический такт, ребята быть тактичными не умеют: они распаляются друг от друга и, как правило, жестоко оскорбляют провинившегося. О справедливости тут даже речи быть не может. Возрастные особенности детей таковы, что они всегда принимают поступки как черное или белое, и все призывы быть внимательными, учитывать какие-то обстоятельства всегда тщетны. Если ребята против виноватого, они непримиримы – просто потому, что они все максималисты. В результате виноватый озлобляется и перестает чувствовать себя виноватым. Что бы он ни совершил – наказание в виде

обсуждения всегда сильнее проступка, это наказание не по мере. Хуже всего то, что такие обсуждения никогда не забываются ребятами. Пройдет 10 и 20 лет, а все помнят:

– А помнишь, как ты меня однажды предал? Как ты выступал против меня?

На каждом шагу в школе:

– Вызову на совет отряда! На учком! На совет дружины! На комитет!

И это звучит именно как угроза. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из ребят ответил:

– Ну вызывайте, разберутся и увидят, что я прав.

Все знают, что вызывают не для обсуждения, а для осуждения, что это вид наказания. Но наказывать ребенка руками ребят – это по меньшей мере безнравственно. Я этого видеть не могу.

Чаще всего бывает еще хуже: вызывают мальчишку на совет, а совет никак не осуждает его. Классный руководитель сурово призывает к осуждению, но все молчат или говорят по обязанности дежурные фразы. Тогда это недопустимая комедия.

– Что же вы, – говорит учитель. – А еще товарищи! Товарищи, по его мнению, должны бесстрашно предавать друг друга.

Но даже если бы все эти доводы были неосновательны, есть одно препятствие, которое преодолеть нельзя, как бы ни были прекрасны и полезны коллективные обсуждения. Иногда говорят, что нельзя, чтобы дети обсуждали друг друга, пока не сложился коллектив. Но и когда он сложится – и тогда нельзя! По той простой причине, что в обычном классе, как правило, есть несколько человек, которых нельзя подвергать процедуре обсуждения ни при каких мыслимых условиях: это больные дети, с отклонениями в психике. Причем мы не имеем права сообщить об этом классу, и ребята никогда не поймут, почему Петрова чуть что тянут на совет, а Сидорова, который ведет себя в десять раз хуже, почему-то от совета оберегают. И еще одно обстоятельство: я не знаю будущего своего IV класса, но, к сожалению, заранее могу предполагать, что примерно у трети моих ребят нет отцов, у них так называемые неполные семьи, и оттого эти дети требуют особого внимания и чуткости, и их тоже никогда нельзя обсуждать совместно. С ними и один-то на один бывает очень трудно говорить. И, естественно, никогда нельзя обсуждать поведение ребят, которые дурно ведут себя не по групповым а по личным причинам. Таким образом, круг детей в классе, подлежащих обсуждению, настолько узок, что обсуждения практически невозможны, хотя многие из нас считают, что коллективное обсуждение и коллективное воспитание почти синонимы, что коллектив для того и нужен, чтобы помогать учителю ругать, осуждать и наказывать.

Говорят: но ведь должны же они научиться обсуждать друг друга? Ведь в жизни-то им придется делать это не раз! Возможно, что и придется, но есть много взрослых дел, которым мы не учим людей с детства, которым рано учить на уровне детского сада, IV и даже X класса.

На наших советах дела, а потом на «огоньках» мы часто будем ругать кого-нибудь или все вместе ругаться, когда намеченная нами работа будет не выполнена или выполнена плохо, нетворчески или не тщательно. Это будут обсуждения по делу, рабочие, а не моральные.

«Работай, Саша, хорошо!» – это требование понятно и Саше, и всем.

«Будь, Саша, хорошим человеком!» – и сразу и у Саши, и у меня, его воспитателя, и у всех возникает сомнение: а не окажется ли, что Саша и так лучше нас всех?

И ведь у Саши на этот счет есть твердая защита, хорошо изученная, он сразу применяет ее:

– А сам-то ты, сам, а?

Я знаю, что все эти мои рассуждения и соображения многим кажутся сомнительными. В нас всех – и во мне тоже, признаюсь! – живет тайный страх: «А что получится? Не распустятся ли ребята? Не вырастут ли они у меня преступниками?» Страх перед дурным поведением детей, страх, что такое поведение будет иметь ужасные последствия...

Страхи, страхи! А между тем – я все больше думаю об этом – воспитание эффективно лишь настолько, насколько лишено оно всевозможных страхов: страха учителя перед детьми и за детей, страха учеников перед учителем и перед своими сверстниками, страха быть неспособными, выглядеть неумными или смешными. Эффективность педагогики обратно пропорциональна страхам, которые в этой педагогике содержатся. И прямо пропорциональна ее творческому потенциалу. Там, где воспитание нетворческое, неживое, там детей приходится обсуждать или нужно кричать на них с утра до вечера. В конечном счете все проблемы дисциплины сводятся к проблемам творческого воспитания.

Мы все мечтаем сегодня о творческих личностях, мы повторяем: «Творческий потенциал в наш век – основное, главное богатство народа». Мы лелеем творческую мысль, ухаживаем за ней, как за нежным цветком, а потом, сами того не замечая, наступаем на этот цветок ботинком, чтобы не выдавался из земли, и очень удивляемся: отчего же он не вырос? Отчего не расцвел? Мы же так ухаживали за ним!

11.

Сентябрь будет тяжелым, очень насыщенным месяцем: первосентябрьский праздник, поход в кино, генеральная уборка, поход с ночевкой. Много для одного месяца? Может, и много, может, и не хватит сил и времени, но лучше бы хватило. У меня же новички, новобранцы средней школы, и некое подобие курса молодого бойца им необходимо.

Мне вообще кажется, что в воспитательной работе ровное, равномерное и даже равноускоренное движение невозможно. Ребятам надо дать возможность выложиться, напрячься, устать. Надо иногда затормозить их так, чтобы они не могли опомниться и понять, что с ними происходит. А потом, естественно, идет более спокойное время, потом можно предоставить ребят самим себе – пусть отдохнут от воспитателя и мощных воспитательных мероприятий, если, конечно, не бояться, что они за это время распустятся.

Пожалуй, в октябре у нас ничего значительного в классе не произойдет, и я использую это время для разговора то с одним из ребят, то с другим. У меня будет теперь материал для этих разговоров: мы ведь вместе были и на празднике, и в работе, и в походе. Теперь мне важно будет узнать, как кто относится к новым нашим делам и, вообще, кто чем живет и чем дышит. Эти разговоры и будут подготовкой к нашему первому коммунарскому дню.

Да, именно так, серьезно мы отметим праздник 7 Ноября – коммунарским днем, а не дежурным утренником с докладом, монтажом или концертом самодеятельности. Эти утренники, а также доклады перед четвероклассниками, а также монтажи, а также и концерты самодеятельности я ненавижу, впрочем, и дети их не любят.

Если первые сентябрьские творческие дела я буду готовить не торопясь, растягивая подготовку на неделю или на 10 дней, то подготовку к первому коммунарскому дню постараюсь провести интенсивнее. В классе наверняка будут такие ребята, у которых желание творчества только зарождается: оно вспыхивает и тут же гаснет. В пионерском лагере или в школе-интернате я бы провел всю подготовку за день, искусственно поддерживая накал страстей и ожиданий, который помогает рождению новых мыслей, желанию придумывать, находить выходы и решения. Но в школе что у меня есть? Полчаса, от силы час в день, больше я ребят задерживать не могу – они устают после уроков, да я и сам не могу долго задерживаться, я и сам с трудом буду выкраивать этот час или полчаса. Кстати, я сразу договорюсь с ребятами, чтобы они, уходя из школы, заглядывали ко мне в кабинет истории – не нужны ли они мне? Чтобы мне не приходилось искать и ловить их по всей школе. А будут ли они прибегать или не будут – посмотрим.

У меня есть только час, а мне надо посидеть и с отрядным советом дела, и с каждой из команд, которые сложатся специально для проведения коммунарского дня.

Я бы мог сказать ребятам, что коммунарский день – это прообраз, начало самой важной нашей будущей работы – коммунарского лагерного сбора, что мы сейчас проведем один день так, как потом будем жить неделю или даже месяц. Но я не стану говорить: ребята еще не знают, какая это радость – сбор. И потом, я всегда буду стараться, чтобы ребята чувствовали именно сегодняшнюю радость, а не только радостное предвкушение завтрашних событий. Мне кажется, у нас в школе слишком много подготовок к чему-то: готовимся, готовимся, неделями и месяцами... Мы сейчас не живем своей жизнью – мы, видите ли, готовимся! И вообще, мы еще не люди – мы только готовимся стать людьми! Но чем мощнее подготовка, тем, как правило, бывает сильнее разочарование, когда желанный день настает, и у всех одно на уме: а стоило ли так готовиться?

Тут есть принципиальное соображение: я буду учить ребят всегда ценить сегодняшний день. Есть этот час и эта минута, все остальное – химера, все остальное или в прошлом – нет его, или в будущем – нет его. Есть сейчас, и давайте сейчас жить разумно, честно и радостно, не откладывая ничего на завтра и не жалея о прошлом. Поэтому я постараюсь, чтобы все эти мои встречи с советом и командами были веселыми, чтобы ребята что-то получали от них, чтобы это была не нудная «общественная работа», не только забота, а чтобы нам вместе было хорошо, чтобы ребята полюбили этот процесс придумывания, когда глаза горят, и все перебивают друг друга от нетерпения высказаться, и все довольны друг дружкой, если придумали что-то дельное.

Для простоты мы проведем наш первый коммунарский день в школе, в один из дней осенних каникул. На сборе отряда, когда мы утвердим программу коммунарского дня, выберем все необходимые советы дела, их будет много. В этом и особенность коммунарского дня: проводится много дел сразу, одно за другим, вереницей, без передышки, чтобы ребят захватил темп, чтобы они друг от друга заражались желанием работать и хорошим настроением.

Начнем мы день часов в 9 утра, с митинга – не с линейки, где все строим, а именно с митинга, где все толпой и где произносят несколько очень коротких, на 2 – 3 минуты

речей: удастся, пригласим кого-нибудь из шефов или выступят мои выпускники, кто-то из родителей, а может быть, даже и директор школы или старшая вожатая. Все будут поздравлять моих ребят так, будто они именинники, но ведь и вся страна в этот день именинница. А ребята мои будут с красными бантами и лозунгами.

Затем мы пойдем работать, это обязательное начало каждого коммунарского дня. Для десятилетних ребят трудно найти посильную работу, но я пробовал водить маленьких на овощную базу – ничего, вполне доступно им, и даже можно заработать немного.

Я скажу ребятам:

– Я знаю по опыту, что если нам достанется, например, перебирать капусту, обрывать листы с нее, то можно всем вместе заработать большие деньги – рублей 15 – 20... А давайте поступим так: сделаем поменьше, но получше. Скажем, рублей на 10, на первый раз достаточно. Зато каждый кочан капусты будет на загляденье. Ведь он попадет в чей-то дом, к какой-то хозяйке, и она будет или благодарить нас, или ругать. Ребята, – скажу я, – запомните: на свете нет ничего такого, что не имело бы отношения к человеку. И нет работы, даже самой противной, которая не имела бы отношения к человеку. Каждый раз, когда перед вами какая-нибудь капуста, которую надо перебирать, и вообще какая-нибудь работа – постарайтесь не забывать, что за ней стоит незнакомый вам человек. Он будет доволен или недоволен нашей работой. В прошлый раз, – скажу я, – мы работали для наших ближних друзей, для первоклашек, а теперь мы работаем... Ну, не для друзей – будем беречь это слово, но для людей. Это всегда немножко трудно помнить, потому что мы не знаем этих людей в лицо. Но все-таки постараемся для них!

И чтобы слова не остались пустыми, а запомнились хоть некоторым из ребят, мы будем на каждую кочерыжку ставить свой тайный знак: ребята заранее вырежут личные знаки из ластика, об этом побеспокоится совет дела, отвечающий за трудовой салют Октябрю.

Все 7 лет, что я проведу с ребятами, каждый раз, когда мы будем работать, постараюсь ставить их в такие условия, чтобы им хотелось добиваться самого высокого качества. Умение работать быстро, выполнять норму или план придет к ним в свое время, а стремление работать с высоким качеством и творчески можно воспитать только с детских лет. Потом будет трудно.

Ну а чтобы работа была радостной – ведь праздник же! – мы составим магнитофонную ленту революционных и праздничных маршей и возьмем магнитофон с собой на базу. Если в классе окажутся фотографы, пусть они щелкают вовсю во время работы.

Потом мы вернемся в школу и устроим обед из бутербродов, которые ребята принесут из дому. Соответствующий совет дела придумает что-нибудь интересное и для обеда, потому что опять и опять: всё – творчески...

Затем наступит собственно творческая часть дня. Сначала мы проведем концерт – все-таки у нас будет концерт, но в особой форме. Нужно сделать его так, чтобы вся подготовка заняла не больше получаса и чтобы не было зрителей – одни только выступающие, чтобы выступали все, умеющие и неумеющие. Это будет концерт, очень далекий от искусства, но у него и цель другая, его нельзя назвать и художественной самодеятельностью. Скорее, это будет игра в концерт или даже легкая пародия на концерт, что-то вроде театрального капустника. Главное, чтобы ребятам хотелось придумывать свои номера, чтобы даже самые стеснительные нашли в себе смелость выйти на публику, чтобы им некуда было деться: надо! Поэтому и времени отводится всего

полчаса, тут не до уговоров и разговоров. Потом, когда ребята опомнятся, они будут сами себе удивляться: «Неужели это я надел на себя чалму из чьей-то майки и танцевал индийский танец?»

А мальчишка будет танцевать индийский танец, потому что ребята сделают большую ромашку с лепестками по числу команд, и на обратной стороне лепестка будет названа какая-нибудь страна. Оторвала команда лепесток «Индия» – будьте добры через полчаса дать концерт на индийские темы из трех номеров. А всего-то в команде человек восемь! Значит, выкладывайся!

Вот это «выкладывайся» и дороже всего... В этом важный принцип творческого воспитания: когда мы начинаем какое-нибудь дело, мы должны найти такую форму, чтобы ребята по необходимости (а не уговорами) все участвовали в работе и чтобы им приходилось напрягаться и выкладываться, фантазировать. Конечно, в каждой команде обнаружатся свои творческие лидеры, именно они все придумают, а остальные пока что будут в роли исполнителей. Но я видел, как это бывает: 5–6 лет от человека никто и слова не слышал на совете дела или при обсуждении командного выступления, и вдруг он начинает фонтанировать идеями и забивает всех. Важно верить, что это время наступит, и важно, чтобы 5 или 6 лет человек провел рядом с людьми, легкими на выдумку. Пусть сначала только присутствует, пусть с какого-то времени завидует, пусть даже и перестрадает, пусть ему кажется, что он неспособный, – всё станет сильным стимулом к развитию.

Сижу и думаю: а как мне провести конец первого коммунарского дня, чтобы опять вернуть ребят к мысли о революции, о революционном празднике?

Что сделать? А, вот интересное: мы назвали свой день коммунарским. Хорошее слово – «коммунар», но наверняка не все ребята его понимают. Удобный случай объяснить им, что значит – коммунар, коммуна, коммунистический. Нет, неинтересно. Я выступаю, а они слушают? Не годится! Как бы увлекательно я ни говорил и как бы внимательно они ни слушали – неинтересно. Надо, чтобы участвовали в разговоре все до одного.

Может, подготовить выступающих и дать им тексты, объясняющие все эти слова? Тогда получится, как пишут в методиках, «сами ребята». Но где же «сами», если тексты придется составлять мне и выступать будут от силы пятеро, а остальные – слушатели, причем такие слушатели, которым слушать вовсе не обязательно. Еще, пожалуй, придется одергивать: «Сиди тихо! Не вертись!» Тем более что все будут возбуждены после концерта-«ромашки»...

Нет, не годится. Может, попросить выступить ребят из старшего класса? Ну и что изменится? А, придумал: мы сделаем подобие костра из вентилятора и легких красных бумажек и вырядимся под участников гражданской войны. Будет красиво... Опять же, как пишут в газетах, «ребята запомнят на всю жизнь». Нет, это ерунда. Костер, костюмы, сил уйдет много, и, пожалуй, директор похвалит меня, если забредет на наш фальшивый костер, скажет: «Постарался... Красиво оформлено... Видна работа...»

У нас во всем видна работа в школе, только иногда смысла в ней нет. Ближе к здравому смыслу! Может, устроить конкурс песен про коммуны и коммунаров? «Никогда, никогда, коммунары не будут рабами...», «Наш паровоз вперед лети, в коммуне остановка...» Это лучше: по крайней мере всем придется петь.

Но не самое любимое занятие детей – петь хором, да еще такие песни. И найду ли я третью песню о коммуне? Что-то сразу и не припомнить... И петь станут ужасно, всем будет стыдно. Хотя мероприятие вполне приличное, особенно для отчета: тут тебе и эстетическое воспитание, тут тебе и политическое... Хорошо? Нет, не годится. Не то, не то... Может, лишь одну песню взять, и разобрать ее подробнее? Например: «Наш паровоз вперед лети...» Там есть непонятные ребятам слова, да и общий смысл вряд ли ясен им. Я объясню... Опять – объясню? Опять детям только слушать?

Нет, вот что надо сделать: ребята у меня маленькие, им всего по 10 лет, им интересно услышать рассказ о революции, о том, как она проходила, час за часом. Сделаем монтаж! Но зачем? В скором времени мы начнем изучать с ними историю Октября по программе. Нет, это я лучше оставлю для уроков, а то им будет неинтересно... Пожалуй, лучше вернуться к песне, к непонятным словам... Стоп! А почему брать только слова из песни? Ведь и многие революционные слова ребятам неизвестны, словаря революции они не знают. Словаря, азбуки...

Азбука революции... В этом что-то есть. Да так ли уж они ничего и не знают? Что они – не слышали слов «Аврора», «большевик»? Конечно, конечно! Не я им буду рассказывать об этой азбуке, а они расскажут друг другу и мне, причем без подготовки. Вот какая у нас будет игра: «Азбука революции»! Кто знает слова на А? Кто догадается назвать крейсер «Аврора» и заодно кто расскажет о нем? А уж потом, когда пройдем азбуку, мы вместе споем «Наш паровоз...», но теперь все слова в песне будут понятны и интересны ребятам.

Не знаю, надо подумать еще, да и советы дела, вероятнее всего, найдут интересные детали. Но во всяком случае это близко к истине; не я рассказываю ребятам, а они сами поставлены в необходимость искать ответ, соревноваться, придумывать, находить выход, и все будут участниками игры, даже те, кто не проронит ни слова. Это же так: сидит, молчит, не решается открыть рот, а у самого в голове крутятся варианты и предложения, возникают обрывочки мысли. Обрывочки? Хорошо! Замечательно! Меня не огорчает ребенок-молчун, если я знаю, что сделал все возможное, чтобы заставить его думать. Думать я его заставлю, а заставляя говорить не буду. Пусть молчит хоть семь лет!

Да, еще не забыть: мы же десятку заработаем на капусте... Что с ней, с десяткой этой, делать? Попробую предложить ребятам: давайте купим на всю десятку в «Детском мире» поролоновые бабочки, раскрашенные во все цвета радуги и совершенно безобразные, если считать их детскими игрушками, но этими бабочками удобно стирать с доски, и можно в заключение сбора пройтись по классам и в каждом повесить по бабочке – сюрприз школе!

Было бы время, я бы написал трактат о сюрпризах как великом воспитательном средстве. Если к окончанию школы вырастут ребята, которым в радость делать приятные сюрпризы всем, по любому поводу и без повода, – то и хорошо! Все остальное приложится.

...Сижу, ломаю голову и, признаться, огорчаюсь: на что трачу время? Почему неделями думаю о какой-то ничтожной игре или о том, где купить поролоновые бабочки? Но никого не удивляет, когда методисты-математики неделями, годами, десятилетиями размышляют о том, как научить детей действиям с десятичными дробями. По каждому уроку истории есть масса методических указаний, брошюр, книг, диссертаций. Только воспитатель считает зазорным хоть день подумать о том, как провести праздник. И я тоже иногда стыжусь своей привычки продумывать все до мелочей, как я делаю это, готовясь к урокам. Урок – серьезно, сбор – никому не нужная выдумка. За сбор с меня меньше спроса, если говорить о начальстве. Но ведь детский спрос такой же, как и за урок, а то и больше... Уроков пять в день, а сбор – один раз в месяц.

12.

Глубокое сомнение вдруг охватило меня, сомнение того рода, которое граничит с унынием. Сегодня соседка рассказывала о сыне-девятикласснике: он сбежал из трудового лагеря, потому что там, как он говорит, «каждый день вкалывают. И сегодня вкалывают, и завтра, и послезавтра, и после-послезавтра». Сына такая постановка дела возмущает. Он не согласен «вкалывать» каждый день! Он сказал матери:

– Кто брал на себя все эти соцобязательства и планы, тот пусть и выполняет их! Я не против помочь, но вкалывать каждый день?

– А вы что сказали ему на это?

– Я накричала на него! Я запретила ему разговаривать таким тоном со мной и говорить про работу – «вкалывать»! Я ему напомнила, что учат-то его в школе бесплатно!

– А он?

– А он сказал, что работа плохо организована. А я ему говорю: стыдно уходить с того места, где плохо, надо сделать так, чтобы было хорошо!

...Даже не знаю, кто меня больше расстроил: мальчик-лентяй или мама-демагог?.. А сколько раз я сам разводил такую демагогию перед ребятами? Оттого что чувствуешь: надо как-то реагировать! Надо, чтобы твой верх был!

А как добиться верха, если мальчишка, может быть, прав?

Прав?! Вот этот мальчишка, сбежавший из трудового лагеря, – прав?!

...Я вел их с четвертого по седьмой. Мы работали на заводе, мы убрали класс лучше всех в школе, мы много раз ездили на воскресники в колхоз, и работали мои ребята так, что вокруг удивлялись. Кажется, я сделал максимум возможного для трудового воспитания.

А после VII класса я решил проверить: что же у меня получилось в результате четырехлетних непрерывных усилий? В июне нужно было ехать в школьный трудовой лагерь на прополку. Не на юг – убирать помидоры и виноград, а полоть морковь. Я сказал: поедут только добровольцы. Мне легко было сделать, чтобы поехали все: достаточно сказать родителям. Но я решил – нет. Никакого давления. Только добровольцы!

Сколько их будет? Наверное, человек 30, думал я. Есть больные, есть разные семейные обстоятельства. Ну, человек 25 – обязательно, не может быть, чтобы меньше. В добровольцах оказалось 14 ребят из 35.

Это были тяжелые для меня дни. Я не настаивал – 14 так 14... Я, повторяю, мог бы сделать, чтобы поехали и 20, и 30, и в конце концов все были бы довольны и еще благодарили бы меня – так всегда бывало. Но почему-то на этот раз я воспринял выбор, сделанный ребятами, как крушение всех надежд, и уходить от поражения не хотелось.

Мы поехали с добровольцами. Условия были тяжелые. В лагере собрали самых трудных подростков из района; многие состояли на учете в детской комнате милиции, а то и колонии нюхнули, и нам в отряд дали пятерых таких ребят; работать пришлось по 4 часа в

день, да еще жара под 30 градусов, и купаться негде, и просто помыться. Лагерь наспех переоборудовали из бывшего свинарника.

И все-таки мои ребята выстояли, и мне было в радость видеть, что там, где многих приходилось заставлять трудиться, где являлись на поле и не работали, а просто проходили по гряде и ногами расшвыривали и сорняки, и морковь, чтобы была какая-нибудь видимость работы, мои, можно сказать, одни трудились на совесть и вызывали такое уважение, что над ними даже не смеялись, может быть, оттого, что мы зарабатывали меньше всех. Но зато нам ни разу не пришлось переделывать свою работу! В лагерь съехались ребята из 11 школ, и была еще одна школа, которая хорошо работала. Но там порядок: выполнил норму – уходи. Ужасная картина: трое сгибаются на грядках под солнцем, а остальные ушли, оставили их.

Мои ребята вместе приходили и вместе уходили с поля, и их не надо было заставлять помогать друг другу – это казалось им естественным. Причем те, кто отставал, никогда не просили о помощи, они готовы были бы без обиды остаться и одни, как их соседи, чтобы выполнить норму. И хотя изо дня в день по 4 часа полоть морковку для городских ребят, не привыкших не только к полевому, но и ко всякому физическому труду, было тяжело, а все-таки, я видел, мои ребята работали весело. Конечно, не на морковке они держались, не на удовольствии полоть бесконечные грядки, а на радости дружного труда, чувства товарищества, чувства выполненного долга. Их нисколько не волновало, что кругом не работают, ни один не сказал и, я уверен, не подумал: «Отчего мы стараемся, когда можно и полодырничать, как другие?» Никому такая мысль не пришла в голову: тех, других, ребята мои скорее жалели.

И самое большое уважение вызывал тот, кто хорошо работал. Был у нас Саша Кубасов, маленький такой, махонький-махонький, он обгонял всех метров на 200. Только и слышно было ласковое: «Кубасик! Кубасик! Нам тебя и не догнать! Где ты так научился?» А на фоне того, что происходило после работы, мои дети казались просто золотыми.

Между прочим, Саша Кубасов и еще Света Поршенкова учились в художественной школе, у них было время практики. Не поехали на этюды – поехали в трудовой лагерь, чтобы быть со всеми. Я говорил им: «Не ходите сегодня на работу, порисуйте», и ребята не возражали, готовы были выполнить их норму, которая устанавливалась на отряд по количеству едоков за столом. Нет, шли в поле: «После работы порисуем».

Я говорил ребятам: «Кто очень устал или кому хоть немного нездоровится – можно взять выходной». Но никто этим правом не пользовался. Кровь из носу идет, полежит полчаса – прибегает на поле.

Я понимал, что сравнение моих ребят с чужими не совсем правомерно. Ведь из других школ в этот лагерь посылали самых трудных, под большим давлением, а то и с милицией – у меня же поехали добровольцы. Но мне тоже отдали всех пятерых из нашей школы, состоящих на учете в милиции, и с ними не было никаких проблем, они были такие же, как и остальные наши ребята.

Все было плохо, когда мы уезжали в лагерь небольшой группой, меньше чем полкласса. Все было хорошо, когда мы возвращались. Но было ли плохо тогда? И было ли хорошо теперь?

О ребятах, которые не поехали в лагерь – не захотели поехать, я думал: тунеядцы! Я думал: все труды пошли прахом – мои воспитанники не хотят работать! Ну, пусть не все, пусть у некоторых какие-то обстоятельства, пусть лишь один из них настоящий тунеядец... Но если каждый из нас, классных наставников, даст стране одного тунеядца, этого вполне достаточно, чтобы прийти в отчаяние и чтобы про нас в свою очередь говорили: бездельники.

Потом я стал думать: отчего, собственно говоря, тунеядцы? Я знаю многих трудолюбивых людей, которые не стали бы работать в поле или на другой какой-нибудь такой работе. Многие ребята с удовольствием работали бы на машинах, рыли бы траншеи, строили бы, как в студенческих отрядах. А полоть – нет! Иных угнетает видимая безрезультатность труда – ехать неизвестно куда, полоть какие-то поля, которые, возможно, опять зарастут. Так и было: иногда пройдешь километровую грядку, а начало ее опять зарастает. И урожая-то мои ребята не видели и не могли увидеть.

Да и просто: одни люди любят копаться в земле, другие – не любят. Значит ли это, что они лодыри? Дурно воспитаны? Тунеядцы? Почему я на них так жму? Почему настаиваю на своем? Почему разделяю – хотя бы в сознании своем разделяю – тех и этих? Те, поехавшие, кажутся мне прекрасными ребятами, а эти подкачали, эти вызывают неприязнь... Может быть, просто потому, что не захотели они поехать со мной, со всеми, не послушались?

Ну а эти, поехавшие, действительно ли они лучшая часть класса? А может, они люди бездумные, в каком-то смысле безвольные? Надо ехать – поедем. Все едут – и я поеду. Может, кто-то и побаивался: не поедешь – потом неприятности будут. И в комсомол предстоит вступить, спросят: «А ты почему не поехал в лагерь?» Обязательно спросят.

Или взять Сашу и Свету, художников, может быть, их и не надо было брать, что это я так обрадовался? Для их развития, и для трудолюбия в частности, полезнее было бы все лето рисовать с утра до ночи. Ведь поехали же в спортивный лагерь ребята-спортсмены, и мы приняли это как само собой разумеющееся: к спортсменам у нас уважение больше, чем к художникам.

Что же я делаю? Может быть, я не воспитываю, а, наоборот, гублю ребят?

Ну вот я опять собираюсь вести четвероклассников на овощную базу. А там мокро, грязь по колено, и увидят они этот ужас – люди растили, растили капусту, а теперь она гниет под открытым небом... Зачем ребяташкам это видеть сейчас? И можно ли судить об их трудолюбии по тому, с какой охотой станут они перебирать гнилую капусту? Ведь это время можно провести каким-нибудь лучшим способом.

Обычно говорят: но трудности же, на трудностях и воспитывать! Хорошо, если уж так нужны для воспитания трудности, я могу придумать и трудности, но другого рода, например дать им сложные математические задачи.

А я все 7 лет собираюсь с ними заниматься только такими, в общем-то никчемными делами: авральная работа всякого рода, всевозможные концерты-«ромашки», которые и самодеятельностью не назовешь, – они, пожалуй, портят, а не укрепляют художественный вкус. Может быть, лучше учить ребят автомобильному делу? Или плаванию? Или дзюдо? Все дети обожают дзюдо.

Однажды собрались у меня бывшие выпускники. Придумали (творческое воспитание!): пусть каждый приколет на грудь маленькую планшечку, как на международных симпозиумах делают, – кто кем стал. Написали: «Вова Фролов – геолог», «Тамара Верещагина – словесник», «Юлий Паршин – электрик», «Лариса Дровникова – мать троих детей».

А Вадик Жуков щеголял табличкой, на которой было написано: «Вадик Жуков – дерьмо». И нам всем было смешно, оттого что мы знали: и Вадик совсем не дерьмо, и вообще среди нас дерьма нет, иначе такая шутка была бы невозможна, хотя смысл в ней был: «Неважно, – как бы говорил нам Вадик, – кто ты – геолог или электрик, а не был бы ты, друг, дерьмом».

Во-от. В этом-то все и дело. Вот для чего все мои овощные базы и вся эта ерунда. У меня нет задачи научить водить автомашину, плавать, разбираться в искусстве и так далее. У меня задача узкая и очень определенная: чтобы никто из моих воспитанников не стал дерьмом.

Я на **этой** мысли должен сосредоточиться, на нравственном воспитании ребят, и только на нем, потому что все остальные задачи решают другие люди, профессионально, а не дилетантски. Обучать автоделу должен инструктор автодела в специально оборудованном классе. И плаванию кролем, баттерфляем, дельфином и брассом должен учить тренер в бассейне.

Буду исходить из того, что моя узкая и точная задача – обучение нравственности. Но нравственности невозможно обучить так, как учат истории: рассказывая и спрашивая. Нравственность постигается и принимается не из моих или чьих-то речей, а из реальных отношений между людьми, которые ребенок видит, испытывает и осуществляет сам.

Вот класс, 40 человек, 5 – 6 часов ежедневного совместного проживания. При всей важности семьи, двора, кружка класс – главное место в жизни и деятельности ребенка. Ребенок отовсюду может уйти, даже из семьи, а из класса, того или другого, ему не уйти, и именно в классе решается его судьба, и именно в классе берет он первые уроки практической морали.

Говорят: дети видят дурных взрослых, видят безобразия в жизни, и оттого они вырастают циниками, стараются увильнуть от работы и так далее. Нет, дети становятся дурными не потому, что на соседнем заводе плохо налажено производство, и не потому, что продавец в магазине обвешивает, – до поры до времени это детей почти не волнует. Дети становятся дурными потому, что они живут и работают в классе, где дурные отношения между товарищами – почти норма.

Что бы там ни говорили, но высокие отношения между людьми складываются только в совместной работе. Сорок детей, занятых, в сущности, каждый собой и своими делами, всегда превращаются в бурсаков, и начинает властвовать сила. Ни о какой морали и речи быть не может. Там, где командует физическая сила, морали просто нет.

Единственный путь воспитания нравственных людей – это утверждение нравственных отношений в самом классе, между учениками. Не только между учителем и учениками, а именно между учениками.

Я не должен подменять ни семью, ни других учителей. Но я должен воспитывать класс примерно так, как воспитывались бы дети в очень большой семье. Мы говорим:

коллектив, коллективное воспитание, но что такое в сущности коллектив, если не большая семья? У меня нет выбора, передо мной большая, из 40 человек, семья, и я должен какими-то средствами внести в эту семью нравственные отношения. Я не могу воспитывать одного, отдельно взятого человека не потому, что я убежденный сторонник коллективного воспитания, а потому, что у меня нет другого выхода. Хочу я этого или не хочу, но каждого из моих учеников кроме меня воспитывают еще 39 его товарищей, которые – если я стану плохо работать – будут или обижать его, или заставлять обижать других, или смеяться над ним, когда он получит пятерку, или убивать его за двойку... Я не могу, перевоспитывать отдельного ребенка, да я и не уверен в том, что это возможно. И что это нужно.

Перевоспитывать – а по какому проекту? Я же представления не имею, из кого кого надо воспитывать... Всякое индивидуальное воспитание по большей части опасно, потому что даже самый гениальный воспитатель не сможет в ста случаях из ста предугадать, в каком же именно направлении надо воспитывать данного ребенка так, чтобы не сломать его индивидуальность. А если я влияю на общие отношения в классе, устанавливаю атмосферу всеобщей доброжелательности, то каждый вырастает свободно и развивается в том направлении, которое отвечает его характеру, склонностям и личности.

Я, собственно говоря, не воспитываю и тем более не перевоспитываю; я очищаю нравственный воздух, чтобы всем легче дышалось, чтобы никто не был угнетен и все были в безопасности, могли свободно развиваться.

Но говорят: а как же раньше, без всяких коллективов, выросли в гимназиях и даже в бурсах (Помяловский!) замечательно нравственные люди? Отчего прежде-то обходились без коллектива и без творчества?

Да именно потому, что главный воспитатель – семья. В замечательных семьях и выросли замечательные люди, а гимназии и другие заведения ни при чем. Большинство мемуаристов вспоминают нравственный климат в своих классах с отвращением.

Ну и наконец, творческое воспитание не выдуманно, оно в природе вещей и довольно часто само собой складывается в силу благоприятных обстоятельств, как было, например, в пушкинском лицее. Оттого лицей и стал символом дружбы и товарищества на всю жизнь. Именно творческая атмосфера в лицее дала возможность развиваться, и Пушкин остался Пушкиным: не стал, а остался...

Мой товарищ недавно выпустил VIII класс в школе-интернате; он гордится: все его ребята окончили курсы автомобилистов, все плавают четырьмя стилями, а девочки окончили курсы кройки и шитья.

– Я без этого, – говорит он, – я без дураков. Я даю своим детям конкретные навыки – в жизни пригодятся! И ребята мне благодарны. Вазу хрустальную принесли в подарок. Я им говорю: «Хорошая ваза?» – удивились: «Хорошая». – «Ну, тогда несите обратно, у вас ее купят, если хорошая».

Нет, не мое, не мое это дело – автомобиль и плавание. У меня и сил нет на него и средств, я должен заниматься другим: мое поле, мой огород – нравственность, нравственные отношения. Я слышал не раз:

– Чем вы занимаетесь с ребятами? Вот я воспитывалась на станции юннатов... У нас были такие дружные ребята, уже сорок лет прошло, а мы все встречаемся!

– А я в народном театре свою юность провела – вот это воспитание!

– У нас астрономический кружок был – разве забудешь?

Юннаты, драмкружок, астрономия – и вправду все это выглядит куда привлекательнее, чем общественная работа, которая мало того что не дает практических навыков, но еще, бывает, и отвлекает детей от «настоящего» дела. Вместо этюдов – морковка!

– Вот, – говорят, – можно и без всяких коллективов воспитывать!

Но присмотришься – именно там, где у кружка или студии есть общее дело, будь то спектакль или походы, там все и получается. А где этого нет, где одни занятия математикой, там все то же, что и в обычном классе. Просто в таких кружках чаще, чем в школе, встречаются руководители-энтузиасты, они умеют создать творческую обстановку.

Но ведь не в кружках и не в студиях воспитывается основная масса ребят, и не студии и не кружки поставляют кандидатов в милицейские списки, а класс, школьный класс, и только школьный класс...

Люди, не работавшие в школе, непрофессионалы, пишут часто в газетах: караул, дети плохо ведут себя! Приводится соответствующий пример – как дети обругали автора статьи на улице. Поэтому – что? Надо ввести в школе уроки этики и объяснить детям, как себя вести. Считается, что дети плохо ведут себя потому, что их не учат правилам поведения.

Я вел факультатив по этике для старшеклассников: добро – 1 час, справедливость – 2 часа, зло – 1 час...

Ребята смеялись:

– Николай Федорович, что у нас сегодня? Честность или принципиальность?

Нет, это ерунда. Честность и справедливость дети должны видеть в своем классе, в себе самих, в своих поступках и в поступках своих товарищей. Когда я веду детей на овощную базу, я вовсе не учу их труду. Я не осмелился бы назвать это трудовым воспитанием. Трудовое воспитание – серьезная работа, она требует годы и годы разнообразного и, главное, квалифицированного труда детей. Но мне нужно вести их на базу или какую-нибудь другую, в общем-то грязную и неквалифицированную работу, мне нужны эти 2 часа, потому что за эти 2 часа, многократно повторенные, не я учу, а они сами друг от дружки научаются не хныкать, если трудно, если замерзли руки или очень жарко; помогать товарищу, если у тебя получается лучше, чем у него; ценить не болтуна, а лучшего работника или, наоборот, ценить веселого трепача, если он поднимает настроение. Наконец, им приходится отказываться от каких-то удовольствий (не пойти в кино, например, или в гости), и не потому, что учитель велел, а потому что весь класс идет работать.

Слышу возмущение: «Все? Заниматься глупой работой, потому что – все? Вот то-то и оно...» Прижучили меня, поймали. А я думаю, что нормально развитого ребенка, особенно в подростковом возрасте, должно тянуть к товарищам; и он должен испытывать чувство стыда или неловкости, если все работают, а он – нет.

Я должен одарить его чувством стыда – иначе как оно в нем пробудится? И я должен научить его не разводиться антимонии и не разглагольствовать там, где все очень просто: капуста нужна, рабочих не хватает, есть возможность помочь. И нечего болтать: вкалывать, не вкалывать...

Другими словами, на этой капусте и на других таких авральных работах, а я их буду проводить все 7 лет, до X класса, все усложняя, я дам ребятам массу этических навыков во всех их тонкостях. И на сотне лекций и семинаров, на тысяче факультативов этих знаний, навыков и чувств не получишь.

Могут сказать: да что ты в открытые двери ломишься? Кто не знает пользы такого труда? Разве ты первый повел ребят в поле? Разве до тебя не работали ребята, не собирали макулатуру и лом? Но, к сожалению, учить работать мы не умеем. Во всяком случае было в лагере 11 школ, а работали только две. Да и я не велик герой: у меня тоже лишь 14 человек поехали, не буду об этом забывать.

Когда я учу детей истории, у меня есть материал: не только программа и учебник, но и сама реальная история, которая имела место в жизни. И в любом предмете есть такой реальный учебный материал, и только у воспитателя материал – обычная жизнь детей. Но как бедна она по содержанию, эта школьная детская жизнь, на которой мы учим нравственности! Какой узкий круг проблем решают дети и учитель вместе с ними: выучил урок – не выучил, списал – не дал списать, пришел в школу – прогулял, сломал стул учителя – починил стул учителя... Что еще? Бегал на перемене – не бегал на перемене, подстригся – не подстригся... Пойди, научи нравственному поведению на таком материале! И что же это за нравственность получается в результате? Нравственность аккуратно подстриженных детей?

Нет, я буду расширять школьную жизненную практику ребят массой коллективных творческих дел, именно творческих, потому что дела сами по себе могут быть и примером безнравственности. Ведь те 10 школ, что рядом с нами работали, – они же все-таки работали. Они же норму выполнили. У них же во всех отчетах – ажур. А ребята вернулись домой развращенными: они работали из-под палки, они обманывали совхоз.

Творческий подход, изобретательность детей в работе – вот единственное, что обеспечивает, я бы даже сказал – гарантирует: работа даст ребятам нравственный, а не безнравственный опыт. Потому что коллективное творчество с безнравственностью несовместимо. Творчество затухает, задыхается, оно невозможно там, где безнравственная атмосфера. Когда ребята продумывают очередную работу, возбуждены, вносят одно предложение за другим, я могу быть спокоен: мы делаем чистое дело, оно пойдет ребятам на пользу.

Опять и опять возникает старый вопрос: где критерии воспитательной работы? Чем я отчитываюсь – людьми? Но люди иной раз преподносят такие сюрпризы! Да и как оценить качество выпускаемых школой людей – по карьере их, что ли? Нет, мое дело простое: я сегодня, сейчас, пока мои ребята в IV классе, должен создать в этом классе чистую духовную атмосферу, чтобы им жилось хорошо, дружно, содержательно, – вот и всё.

Вот мое поле, вот мой огород – нравственность ребят, и ничто другое. Но не я один на этом поле работаю: чуть отвернулся – и еще кто-то на него суется, что-то сеет без меня, что-то полет, с корнем вырывает посаженное мною. Но кто-то и поливает мои росточки, помогает мне. Как в таких условиях вырастить нежные мои растеньица? День и ночь

оберегать, никого не допуская, чтобы и ветерок со стороны не подул? Хорошо бы, но это невозможно. Чтобы мои цветы выросли, у них должны быть очень глубокие и крепкие корни...

13.

Итак, моя задача определена: я учу нравственному отношению к миру, я должен вырастить людей, которые нужны людям и сами в людях нуждаются, но должна быть и особая форма, в которой проходит это обучение.

Всё, чему люди обучаются в школе, они получают на уроке. А разве в воспитательной работе не может быть нечто аналогичное уроку, что-то отвечающее особой задаче воспитателя? Когда, собственно говоря, должен я воспитывать ребят? На 15-минутной перемене? После школьных занятий, когда дети торопятся домой? Или вечером, когда они торопятся делать уроки? Что это за воспитание – на бегу, на ходу, по дороге? И что это за воспитание, если мне удастся собрать ребят вместе раз или два в месяц – и считается, что я хорошо работаю? Ввели классные часы, но это же разговоры, разговоры и опять разговоры!

Мы говорим: класс – это семья. Но должна же эта семья хоть изредка собираться! Мы говорим: создать коллектив. Но где-то должен коллектив увидеть, почувствовать себя коллективом!

Не знаю, как другие, но я воспитывать на переменах и после уроков не умею, как бы я ни старался. Результат такого воспитания меня не удовлетворяет. Для серьезного воспитания ребят нужен лагерный сбор – не поход, не совместная экскурсия и даже не коммунарский день, а многодневный лагерный сбор. Такие сборы, если их проводить хотя бы раз в четверть, составят каркас всей воспитательной работы, ее основу.

Воспитывая, явно или скрытно, я призываю ребят к лучшей жизни, лучшим отношениям. Но какова она, эта лучшая жизнь? Кто и где ее видел? Как ее сделать? Этого ребята не знают, и все мои слова пропадают втуне, дети или не слышат их, или не доверяют им – и уж во всяком случае слова мои не захватывают настолько, чтобы вызвать желание действовать, поменять свою жизнь.

Нужно время от времени выхватывать ребят из обычной, будничной жизни и показывать им какую-то другую жизнь, почти идеальную, чтобы они мечтали об этой жизни и стремились к ней, ждали ее, чтобы сами хотели будничную свою жизнь сделать похожей на ту, идеальную, которая была на сборе.

На первых зимних каникулах я повезу ребят на четырехдневный сбор, и там они сами устроят себе эту прекрасную жизнь. Сбор и станет мощным уроком нравственных отношений. Но для этого сбор должен получиться. Его мало запланировать и провести, он должен получиться. Он имеет смысл и ценность только в том случае, если он получится – если те идеальные отношения, которые я хочу навсегда установить в своем классе, победят на сборе.

Надо сделать сбор так, чтобы ребята могли с изумлением посмотреть на самих себя и увидеть себя и своих товарищей какими-то новыми, лучшими людьми – пусть хоть ненадолго! Чтобы, уезжая со сбора, все говорили: «Какие у нас хорошие ребята!»

Так я и скажу классу, когда мы начнем готовить сбор:

– Мы едем не играть, не в поход, не просто провести каникулы – мы едем делать сбор. А что это значит, ребята, что такое сбор и как узнать, получился он или нет, сделали мы его или нет, – это вы увидите после сбора, об этом мы будем говорить еще не раз. Пока запомните: сделать сбор! Провести четыре дня нашей жизни необычным образом: чтобы каждый почувствовал, что у него не один-два друга, а сорок друзей. Вспомните наши походные правила: закон человека и закон леса. Теперь у нас будут правила посложнее. Какие? Я не знаю, мы их вместе выведем в зависимости от того, какой у нас будет жизнь на сборе...

Забот будет много: проводить сбор с четырехклассниками почти безумие; но делать нечего, другого выхода нет. В общем-то все будет зависеть от того, каких помощников удастся найти.

Это самая серьезная проблема. И подходить к ней нужно крайне честно, иначе все будет обманом, и никогда не поймешь, почему у одних получаются сборы и, следовательно, воспитание дает результат, а у других ничего не выходит, хотя все делается строго по правилам.

Когда я 15 лет назад вывез детей на первый сбор, у меня ничего не получилось. Намеченные дела мы с грехом пополам провели, но эффект их был незначительным. Не было главного: ребятам негде было увидеть те новые отношения, о которых я им все время твердил, а сами по себе эти отношения вырабатываются очень медленно, годами, и уж во всяком случае не в 3 дня. Необыкновенной жизни не получилось. Но от сбора к сбору, с большими мучениями мы все-таки научились к X классу проводить сборы так, чтобы они были в радость, и в классе сложился коллектив. Со следующими ребятами мне было несравнимо легче. Я взял на первый сбор 5 своих выпускников, у меня в каждой команде были асы – и совет дела проведут, и тон зададут, и пошутят, и развеселят, и покажут готовность к работе. А главное, между ними, старшими ребятами, были те самые отношения, которым мне нужно научить маленьких. Они были настоящие друзья!

А разве дружбе не надо учить? Разве можно десятилетиями воспитывать на литературном примере Герцена и Огарева?

Словом, мои ребята-выпускники и были те дрожжи, на которых всходил, поднимался коллектив...

В методиках создание коллектива представляется довольно простым делом: пришел, предъявил требования, вышел на первую стадию развития коллектива, потом эти требования стали требованиями самих ребят – вот и вторая стадия, и все хорошо. А если не получается, – значит, не умеешь...

Но воспитание коллектива без «дрожжей», без передачи коллективного опыта старших младшим – очень долгий и трудный путь, и не каждому учителю под силу его пройти в одиночку. Когда крестьянка печет хлеб, она пользуется закваской, оставшейся от прежней выпечки, или берет ее у соседки. И никто даже и не знает, откуда дрожжи берутся, и никому не приходит в голову выращивать дрожжи самому – кто из нас встречался с рецептом, как выращивать дрожжи? Кто умеет выращивать дрожжи?

Так и мы, воспитатели, мы тоже не можем воспитывать без дрожжей, без закваски... Дух, как и материя, не самозарождается – это относится и к коллективистическому духу.

Итак, с обученными помощниками дело пойдет быстро и, я бы сказал, легко, естественно. А не найду их – что ж, придется начинать сначала, как многим моим коллегам; но тогда я должен знать, что мне предстоит тяжелая работа на годы, и ни в коем случае не ждать быстрых результатов, и не допускать, чтобы с меня их кто-то требовал...

Для сбора мы выберем подшефную сельскую школу. Хорошо, если найдется интернат, а нет – придется ребятишкам спать на полу в физкультурном зале обычной школы, на матах и в спальных мешках. Дело осложняется тем, что, как бы ни принимали нас, для весеннего сбора придется искать другую территорию: два раза в одно место ездить нельзя. Ребята должны попадать в необычную обстановку и осваивать ее заново, чтобы не было на сборе новичков и старичков – все в каком-то отношении новички, для всех – новое место. Это сильно обостряет необходимость ребят в ориентировке и само по себе сплачивает их: всё больше они нуждаются друг в друге. Для первого сбора мы выберем район по возможности бедный впечатлениями, чтобы ребята могли сосредоточиться именно на сборе и на своих отношениях друг с другом. Нельзя, например, везти ребят на первый сбор в Москву или Ленинград. Получится замечательная экскурсия, а нам нужно другое... Школа в небольшом поселке или в деревне – идеал. Кстати, в такой школе больше возможностей для приложения детских рук, это очень важно.

А дальше – от года к году – наши маршруты будут усложняться. Где только я не проводил коммунарские сборы! На Украине, под Черкассами, мы провели месяц в палатках и работали в совхозе, убирали подсолнухи, помидоры и яблоки – у нас был трудовой лагерь в те годы, когда о школьных лагерях такого рода еще и слышно не было; жили мы под Минском, в знаменитом совхозе «Ждановичи». Трудный был сбор, 20 дней под дождем и в холоде. Были под Ульяновском, на берегу Волги, были под Ярославлем и под Москвой, в Луховицком районе, где ребята сложили поговорку: «В мире три столицы: Париж, Москва и Луховицы». Несколько лет провел я с ребятами в Ефимовском районе под Ленинградом, но каждый раз в другом селе. Были под Порховом на Псковщине, и под Иваново, и в Прибалтике, недалеко от Даугавпилса...

И мои новые ребята тоже это всё изведуют, тоже всюду поедят по стране, но не экскурсантами, бегающими по музеям и магазинам, нет, каждый раз главным впечатлением будут для них они сами – в новых условиях... Главным впечатлением будет для них собственный коллектив. И на любом месте они будут не изучать жизнь, а участвовать в ней и в каком-то смысле стараться улучшить ее, так что люди, которые увидят, как они работают и как живут, станут спрашивать: «Откуда взяли таких ребят?» Мало того, чтобы мы, куда-то приехав, на всю жизнь запомнили эти места; мы тоже должны запомниться тамошним людям – человек всюду должен запоминаться, если он настоящий человек.

Но это все потом, потом, а сейчас – маленький, скромный первый сбор, первый шаг... Я должен продумать его особенно тщательно, день за днем и час за часом. Подготовиться к нему точно так же, как готовлюсь к урокам. С той лишь разницей, что урок – 45 минут, а у меня рабочий день на сборе будет 24 часа в сутки, это я знаю хорошо. Спать на сборе почти не приходится.

До места, где будет проходить сбор, мы, наверное, доберемся часов в 11 утра. Разместимся, устроимся – но быстро! Через полтора часа – общая встреча, и к этому времени каждое звено или каждая команда должны выбрать себе название и подготовиться защищать его.

Нашим первым творческим делом станет защита имен отрядов. Имена эти лучше взять географические, так удобнее и понятнее: «Алтай», «Кавказ», «Сибирь», «Волга», «Урал»... Можно дать ребятам и полную свободу, но тогда надо быть готовым, что появятся «Троглодиты» или «Трулялята», «Пираты» и «Разбойники», хотя в этом тоже страшного нет. Какое бы название ни выбрали ребята, можно с ними спорить, но запрещать нельзя. Ребята будут испытывать мое терпение и удивляться тому, что оно безгранично и что им всё можно. Позже это им надоест, и все войдет в разумные границы. Главное, не бояться распустить детей, и тогда они не распустятся. Пожалуйста, любое название придумывай, но сумей его защитить. Если выбрали имя «Урал», то они сами с помощью друга отряда из старших найдут и аргументы. Отчего именно «Урал»? Почему им нравится Урал? Потому что это горы, потому что это река, потому что это граница... Потому что там уральские самоцветы, а у нас в отряде, посмотрите, тоже одни только драгоценности, а не ребята. Потому что Урал – это символ древности и мудрости. Потому что за Уралом раньше всегда начиналась тайна. Потому что Урал раньше называли камнем, и наш отряд крепок, как камень, как кремь, как Урал. Потому что при слове «Урал» всегда вспоминаешь об уральских мастерах, о малахитовой шкатулке и Хозяйке Медной горы, Урал – это сказка, а мы все любим сказки. Потому что на Урале реки горные, быстрые – и мы будем такие. Потому что Урал всегда был местом вольности – и мы вольнолюбивые. Потому что на Урале климат разнообразный, от холодного до жаркого, – и у нас в отряде так. Потому что на Урале изобрели паровоз, а у нас песня про паровоз. Потому что про Урал говорят – кузница, и наш отряд – кузница новых людей...

И так до бесконечности. Стоит только ребятам один раз увидеть, насколько неисчерпаемой может быть фантазия, как их и не остановить, и чем длиннее будет список аргументов, чем неожиданнее и остроумнее они, тем больше восхищения будут они вызывать у ребят, и первое наше дело, защита имен, создаст творческий настрой. Ребята поймут, что от них требуется. А если у кого-то и не очень хорошо получится, то они увидят, как было у других, и в следующий раз не поленятся. Главное, они поймут, что хотя фантазия – природный дар, но надо приложить усилия, заставить себя пофантазировать. К тому же, наряду со всеми командами, защищать имя своего отряда будут и взрослые. Нас будет человек 5; сначала мы разойдемся по командам, чтобы помогать им, а потом выкроим время и для себя, минут 20 нам хватит. Взрослые должны быть на сборе не охранителями режима, а главной творческой единицей. И хотя взрослые, как правило, уступают ребятам в творческих возможностях, особенно когда ребята становятся старше, сам факт участия взрослых в соревновании обеспечивает их команде успех. Даже десятиклассники всегда отдают пальму первенства отряду старших друзей и очень довольны своей благородной снисходительностью.

Ведь каждый из ребят постоянно фантазирует; но тут он находит сообщников, и оказывается, что фантазировать вместе, подхватывать фантазии и развивать их – это само по себе наслаждение, и никаких наград не надо. Присуждать победы, места и вымпелы совершенно не требуется – ребята и сами видят, кто подготовился лучше, а кто хуже, у кого фантазия богаче, а у кого беднее, и победители обычно не гордятся, а стараются доказать побежденным, что и у тех получилось неплохо. Вечером, когда будут обсуждать день, я знаю, почти никто из ребят не станет говорить о своем выступлении, а каждый отряд отметит: особенно нам понравился «Урал». Они будут говорить и о себе, но не о том, как выступали, а о том, как готовились: дружно или недружно, весело им было во время подготовки или скучно. Они не поссорятся, как футболисты плохой команды, проигравшие матч, а будут думать об одном: как выступить получше.

Очень может быть, что первая защита покажет, что отряды или команды составлены неравномерно. Делились-то по дружбе, а не по способностям. Что поделаться, пусть так и будет, только одной команде придется помогать больше, чем другой.

Набор творческих дел относительно ограничен – и уж во всяком случае не бесконечен. И следующий сбор опять начнется, скорее всего, с защиты имен. И опять появится «Урал», но интересно, что, сколько ни проводи сборов, ребята никогда не повторяются. Если на первом сборе нашли 10 аргументов и казалось, что ничего больше и не придумать, то на следующем сборе таких доводов найдется 20 – и все новые, потому что постепенно в совместное фантазирование включаются все новые и новые ребята, пока в X классе вместо защиты имени не устроят «защиту диссертации» все о том же Урале...

В этом и сущность творческих дел: они заставляют работать фантазию, развивают ребят, они вводят в их сознание какой-то познавательный материал, т. е. расширяют кругозор, они развивают ответственное отношение к заданию, и притом у всех, а не только у активистов; они дают ребенку чувство свободы в коллективе, раскрепощенность и, значит, уверенность в себе. При всей деловой напряженности, притом, что ребята многого ждут друг от друга, отношения между ними улучшаются. Они не спорят так, как обычно – до драки! – спорят в играх, потому что сама игра-то необычна и в ней нет первых игроков, звезд, быть первым в фантазии – это совсем не то, что быть отличником на уроке или лучшим нападающим на футбольном поле. Доблесть-то эта деликатная, и ребятам приходится вести себя потоньше.

Если все эти признаки есть, то лишь тогда и можно назвать дело действительно творческим и поставить себе пятерку – я ведь тоже, как и ребята, люблю чувствовать себя молодцом...

Но, пожалуй, мало ограничиться защитой имен отряда, это бедновато. Из защиты можно выжать и еще кое-что. Ваш отряд называется «Урал»? Прекрасно! А что он из себя представляет? Расскажите о каждом из вас, представьтесь товарищам, которые знают вас уже четвертый год! Пусть каждый предъявит свою визитную карточку – кто он? Один споет, другой станцует... Нет, у четвероклассников это не получится, им лучше составить коллективную визитку: «У нас в команде два молчуна, три Жени, у троих есть собаки, отличников у нас нет, но будут... А командир у нас – Сережа Воинов по прозвищу Бойцов...»

Мне нужно все время направлять внимание ребят друг на друга: никаких хороших и плохих, никаких застывших оценок; внимание и внимание, только внимание!

14.

Основной принцип сбора – насыщенность творческими делами и быстрая смена их. Тут нечего бояться перегрузки, наоборот, пусть ребята в конце сбора говорят: «Никогда в жизни не приходилось так много работать головой», пусть у них и вправду голова трещит с непривычки. Что такое физическая усталость – это знают все, но далеко не каждому хоть раз в жизни приходилось уставать от умственного напряжения, а это ведь тоже приятное чувство.

К вечеру, после прогулки и обеда, устроим калейдоскоп творческих дел:

конкурс любимых песен – каждый отряд предложит свою песню, споет ее, и какая всем больше понравится, ту и разучим вместе;

выставку собак – каждая команда защищает какую-нибудь одну породу собак, рассказывает о ее достоинствах и, конечно, приводит на выставку «настоящих» собак – кто не согласится сыграть водолаза или благородного колли, да еще с медалями?.. Лично мне на этих конкурсах почему-то всегда достается роль овчарки, хотя я с удовольствием сыграл бы роль гончей.

А если останется время, то откроем дегустационный зал варенья – мы договоримся об этом конкурсе до отъезда, и ребята с удовольствием привезут из дому варенье в баночках. И надо определить, из чего каждое сварено, выбрать лучшее и, может быть, даже послать маме-победительнице телеграмму с поздравлением. Можно рассказать о пользе варенья, можно устроить конкурс на самый смешной случай, связанный с вареньем, или конкурс «Ода русской ягоде», аукцион – из чего варят варенье; выступления докторов о медицинской пользе разных видов варенья; можно устроить летучий семинар «бабушкиных рецептов», аукцион пословиц и поговорок о вареньях и ягодах...

А если не захотят ребята говорить о варенье, то уж наверняка понравится мальчикам конкурс роботов. Коль скоро можно сыграть собаку, то робота и подавно. Но у каждой команды будет свой робот: один продает газированную воду, другой – музыкальный автомат, третий подсказывает на уроках...

Вот тут-то можно быть уверенным – ребята сами всё придумают. На сборе семиклассников мы устроили шуточный конкурс художников. Андрей Лежевой со своей командой, в которой не было ребят, умеющих рисовать, вышел с чистым листом ватмана и сказал, что это шедевр под названием «Белый снег». Потом еще раз вышел с тем же листом – очередной шедевр назывался «Потолок», в третий раз – «Простыня», и так он выходил раз 20 – фантазии у ребят хватило надолго. Все это сопровождалось остроумными комментариями, и хохот в зале усиливался с каждым выходом Андрея.

Кто никогда не видел таких вечеров, обычно думает, что подобные игры доступны только особо развитым ребятам. Вот этим-то мы и обкрадываем детей. Не умея заразить ребят желанием выдумывать, мы отнимаем у них право на фантазию и обедняем их жизнь. Мы не даем им возможности проявить фантазию в творческих делах, и они проявляют ее, срывая уроки.

Второй день сбора мы посвятим сказкам. Каждая команда выберет свою сказку, и все станут ее героями. Конечно, надо будет сделать костюмы, дети так любят переодеваться. В этот день все должно быть необычно для ребят. В мир сказки должны вступить с подъема, и зарядку будет проводить Кот в сапогах и Мальчик с пальчик. Кот будет командовать:

– А теперь выгнем спинки... Теперь вы будете мышки, а мы, кошки, будем ловить вас... Теперь станем на носочки – мы подглядываем в окно людоеда... А как мы будем предупреждать друг друга об опасности? Давайте помяукаем...

И день пойдет своим чередом: строительство снежного сказочного города, обед у маркиза Карабаса, турнир сказок, а вечером главное действие – каждая команда представляет свою сказку...

Вот почему некогда спать на сборе – все надо подготовить, обсудить с советами дел, и отряд старших друзей тоже должен подготовить свою сказку, а когда? Ночью. Но зато дети получают настоящее изобилие игр. Хватило бы на день и строительства городка – нет, вот еще роскошный и смешной обед. Ну теперь всё? Нет, еще захватывающий турнир.

Достаточно? Но все только начинается, еще будет грандиозный спектакль – представление сказок, где всем придется играть и болеть за свои команды. Это все равно что дать ребенку не конфету, а коробку конфет – запомнят навсегда. Именно этот принцип – «много-много-много работы» – и делает жизнь на сборе необычной: в будние дни такое невозможно. А когда событий много, ребята меньше огорчаются, если они в каком-нибудь из конкурсов явно проигрывают – через час начнется другой, и есть надежда показать себя.

А главное, такой наворот дел требует очень хорошей организации от командиров и высокой организованности от ребят. Не я, не старшие требуют: «Давайте быстрее, давайте все», – сами дела заставляют ребят вертеться так, что потом они удивляются: вот, оказывается, на что мы способны. И наконец, при таком накале всегда острый дефицит рабочей силы, и тут уж обязательно все примут участие в делах – в сказке на первых ролях, в турнире на третьих, на строительстве опять на первых, и это умение командовать и подчиняться, отвечать и помогать естественно проявляется ребятами, без понуканий, напоминаний и окриков. А если в отряде что-то не получается, если возникали раздоры, если делили работу: «А почему я? Почему всё я? А он?» – то ребята сейчас же, через полчаса, увидят, как они при этом проигрывают. Победа или поражение приходят сразу, и потому день бывает эмоционально насыщенным, что тоже воспринимается ребятами как необычная жизнь.

Но получится сбор или нет, это в основном от меня зависит. Тут требуется дьявольская исхищенность, которая приходит только с опытом сборов, – обычного опыта, который получаешь на уроке, не хватает.

На первых сборах мне нужно, чтобы каждая команда выступила максимально хорошо, чтобы ребята сами получили удовлетворение от своей работы и других порадовали. На первых сборах ребята обычно не справляются с дисциплиной в своих командах: командиру бывает трудно, он не умеет распределить и организовать работу, к тому же наверняка кто-то дурачится, шумит, мешает сосредоточиться – кое-кому пока что все это неинтересно. Оборвать его? Приструнить? Бесполезно, если только ты сам не останешься в команде. Чаще всего берешь такого разрушителя работы себе в помощники, даешь ему поручение. Иногда поговоришь с командой, подскажешь ей какую-то мысль. Очень часто ребят поначалу ставит в тупик самое простое задание, и они бегут с бесконечными вопросами: «А как сделать? Где взять? Где достать?»

Однажды на сборе ко мне подбежал запыхавшийся мальчишка:

– Николай Федорович, где достать баян?

Ну где я ему на сборе достану баян? И у нас появился девиз: «Не баянить!» – т. е. не ждать помощи, выкручиваться самим.

Второе затруднение – скучающие ребята, их тоже надо сразу заметить. Может, они стесняются? Не привыкли работать вместе? Да и командиры еще маленькие, они и не стараются вовлечь всех, им лишь бы получалось. Вот тут без помощи взрослых совсем трудно. Без них команды выполняют свои задания, но не устанут в среде ребят те дружелюбные отношения, которые, собственно говоря, и являются целью сбора.

Главная моя забота – общее настроение сбора в каждую его минуту. Следить и следить! Часто оно зависит от настроения двух-трех ребят, лидеров, которые задают тон. Или еще от каких-нибудь причин. То стало скучно, то дело оказалось трудным, и надо побыстрее

свернуть его. А то, бывает, слишком расшлятся ребята, и чувствуешь, что надо найти дело поспокойнее или отправить их погулять. Да и просто вдруг устанут, и надо пораньше уложить их спать.

На сборе про все можно говорить – главное, главное... Но получается сбор или не получается – об этом всегда можно судить не по количеству и качеству дел, а по настроению ребят и по степени их дружелюбия. Если они начинают ссориться с другими командами, завидовать их успехам, если возрастает количество ябед и жалоб, если слышатся резкие голоса, – значит, надо быстро выправлять положение, искать выход. И вдруг отменяешь все дела и начинаешь показывать ребятам фокусы или рассказывать что-нибудь интересное...

Сбор – как сражение, его надо выиграть любыми способами!

Я очень люблю коммунарские сборы – на них только и чувствуешь себя профессионалом-воспитателем. Любую другую работу может выполнять и непрофессиональный воспитатель, был бы он добр и внимателен к детям.

А сбор – нет, сбор – это искусство.

Однажды у меня был очень трудный летний сбор на сто с лишним человек. Шел уже 20-й день – и ничего не получалось, никак не удавалось овладеть настроением ребят, и ни о какой доброжелательности и речи быть не могло. Я перебирал всевозможные варианты, вспоминал советы педагогической литературы и ничего не мог придумать. У меня был в гостях на сборе товарищ, тоже учитель, и он ничем не мог мне помочь.

– А если у тебя так и не получится? – спросил он.

– Тогда я уйду с работы, – не задумываясь сказал я.

И действительно, наверное, ушел бы, если бы не получилось – вдруг, в самый последний, 26-й день сбора. Но мы вернулись в школу с победой. Потом я думал: ну что ж я так? Ну поехали, ну вернулись, все ребята живы-здоровы, хорошо работали, провели массу творческих дел – могу отчитаться перед любой комиссией, перед директором, перед профкомом и месткомом.

Но ничего не могу с собой поделаться: с тех пор, как произошел во мне перелом и я понял смысл творческого воспитания, я стал ценить свою работу только по состоянию детей, по их отношению друг к другу и к делу – не по отношению ко мне, как было раньше, а именно друг к другу. И всякий дефект в этих отношениях вызывает во мне тревогу. Я чувствую себя человеком, не справляющимся со своей работой, не способным справиться.

Есть термин «санитарное состояние детского учреждения». Это состояние легко определяется квалифицированными людьми, да и просто видно на глаз. Но ведь есть и духовное состояние коллектива, и оно должно не менее заботить педагога, чем состояние санитарное. Опытному взгляду оно тоже видно почти сразу, это духовное состояние, – трудность лишь в том, чтобы не спутать его с состоянием дисциплины.

За санитарное состояние нас штрафуют и снимают с работы, за состояние дисциплины нас ругают и объявляют нам выговора. А за духовное состояние коллектива никто с нас не спрашивает – никогда за него не награждают, никогда и спасибо не скажут. Что ж...

15.

Третий день сбора... Центром этого дня будут спортивные состязания – зима! Но если начать нашу спартакиаду, или олимпиаду, или как мы ее там назовем с утра, то весь день ребята будут возбуждены, и все остальное пойдет насмарку.

Лучше начнем день с какой-нибудь физической работы. Может быть, такая работа найдется в детском саду, или в библиотеке, или в цехе местной фабрики: вероятнее всего, это будет простая уборка помещений или, еще лучше, уборка снега, расчистка дорожек. Если ребята будут более или менее активными, то работу для себя они найдут сами. Можно даже выделить для такой пионерской разведки час или два. Если же работы не найдется, то устроим генеральную уборку помещения и территории.

Очевидно, к этому времени накопится усталость от первых двух дней и захочется – опять как всегда! – просто поработать. А нельзя! Нельзя! Надо что-то придумать, чтобы работа прошла с подъемом. Будничной – по настроению – работы я допустить не могу, она всегда должна быть праздником.

На этот раз пусть фантазируют по командам. Хотя это всегда самое трудное – придумывать что-то для украшения работы. Ну, прежде всего, пусть каждая команда идет работать втайне от других. Кто где трудился и что получилось, все узнают на итоговом митинге, и судить о том, как работал отряд, мы будем по его рапорту, по настроению ребят.

Наверное, в каждом месте ребята не только поработают, но еще и подарок сделают – мы ведь приехали сюда в гости, а в гости с пустыми руками не ходят. Библиотеке мы подарим несколько хороших книг – дети, как правило, книг не жалеют; в детский сад отнесут игры, привезенные нами, – об этом придется заранее, еще в городе, побеспокоиться совету дела по сюрпризам. Школе мы подарим диафильмы, а может быть, и фильмоскоп – он и стоит всего пять рублей, а подарок это драгоценный. Карандаши, пластилин, конструкторы, кнопки-булавки – все годится для подарка.

Я уже говорил, что буду всегда учить детей делать подарки и получать от этого удовольствие. Все всем дарят, все обмениваются подарками – пусть подарки станут хобби моих детей. Они всегда должны быть в заботе: этому надо сделать подарок и другому – у него день рождения. Надо будет торопиться, пока они маленькие и готовы раздарить решительно все свое. А чем старше они становятся, тем труднее им расставаться с вещами, труднее дарить, поэтому к тому времени, когда они станут больше ценить вещи, дарение должно войти в привычку, так, чтобы забота о подарке стала постоянной заботой на всю жизнь. Особенно важно, чтобы дети делали бескорыстные подарки, не ожидая ничего в ответ и не обижаясь, если их не отдаривают. А то ведь как бывает в младших классах? Перед 23 февраля собираются родители, и начинается:

– Девочки должны поздравлять мальчиков... А на какую сумму будем поздравлять?

Постановляют: поздравлять не дороже, чем на рубль, но не дай бог, чтобы кому-нибудь достался подарок за 78 копеек, – слезы! В классе мы в таких случаях будем устраивать праздничные лотереи: все подарки – в общий котел, и кому что достанется. Тут, как и во всем, нет мелочей, и большая разница, договариваются ли ребята принести по рублю или кто сколько может. А лучше всего получилось у меня в последнем моем VII классе, когда мальчишки на 8 Марта не подарки дарили, а устроили для девочек праздничный кинотеатр с мультипликационными фильмами – с афишами, с концертом, со стихами, посвященными

каждой девочке, с памятными значками и, конечно, с мороженым. А в IX классе договорились и подарили каждой девочке по банке варенья – варенье было покупное, но этикетки на банках изготовили сами, каждый свою, со стихами, в которых дерзко рифмовались ножки и ложки, кушай и слушай, сомнение и варенье.

После того как ребята вернутся с работы, мы проведем летучий митинг, на котором команды сдадут коллективные веселые рапорты, и сразу начнем готовиться к спартакиаде.

В спартакиаде нашей будут скрытно содержаться две части, потому что у меня две взаимоисключающие цели. Мне нужно выявить чемпионов – лыжников и конькобежцев, чтобы не пропадали таланты. Кто-нибудь из ребят окажется бедным на фантазию, но зато он быстрее всех бегает на лыжах, и это его замечательное умение должно быть обнаружено и продемонстрировано, тогда и он уедет со сбора счастливый, хотя и промолчал на всех советах дела. Но вместе с тем мне нужно сохранить и укрепить командный дух, общий настрой, а спортивные состязания, как правило, ссорят ребят, особенно командное первенство. Там такие страсти разгораются, что все усилия двух дней пойдут насмарку. Поэтому я найду какой-нибудь предлог, чтобы на время спортивных состязаний команды составлялись по-новому – жребием, или пусть конаются, кстати, можно устроить конкурс на самую смешную считалку.

Словом, тот же самый принцип: я не учу ребят спортивному мастерству, на это есть квалифицированные тренеры, это серьезная и многолетняя работа. У меня совсем другая задача, я вижу перед собой только одно: наш коллектив и самочувствие детей – всех вместе и каждого в отдельности. Поэтому спортивные результаты вряд ли будут у меня значительными, но зато будет торжественное открытие спартакиады, торжественное закрытие ее, пышное награждение победителей, судьи будут очень нарядными, а конкурсы будут больше забавными, чем спортивными, и по таким видам спорта, которые явно не входят не только в число олимпийских, но даже в комплекс ГТО. Мы повесим шапку на шест и будем расстреливать ее снежками; мы устроим эстафету на санках, но не с горы, а на ровном месте: один едет, другой везет полдороги, потом меняются; или надо съехать с деревянной горки на ногах – но всей командой, паровозиком, и не упасть; или устроить гонки на одной лыже и на одном коньке, блицтурнир «шайба на снегу»...–таких забав бесконечное множество, и я думаю, что найду способ, как заставить ребят выдумывать их, исходя из местных возможностей.

А вечером третьего дня у нас будет прощальный «огонек». Проведение сбора требует от учителя искусства. Но «огонек» – это дело только для мастера. Если бы мне нужно было составить мнение о воспитателе, я сказал бы: покажите мне его на «огоньке».

Можно сказать, и это не будет преувеличением, что весь успех творческого воспитания зависит от двух вещей: от того, как проходят советы дела, и от того, как проходят «огоньки».

Совет дела – начало всякой творческой работы. «Огонек» – творческое ее завершение.

Ведь если присмотреться, то всякое человеческое дело строится по одной и той же схеме: я решил – придумал – обдумал свою работу; я поработал и смотрю, что же у меня получилось – как я работал и каков результат. Причем чем больше возможностей у меня самому обдумывать и оценивать работу, тем в большей степени я ее хозяин.

Если план работы и оценка ее принадлежат не мне – я простой исполнитель и никогда от работы удовольствия не получу, это невозможно: я в зависимости от кого-то, и мой труд полностью свободным назвать нельзя.

Мы говорим ребятам: будьте хозяевами, будьте хозяевами, а сами отнимаем у них то, что только и делает ребят хозяевами своей жизни. Мы навязываем им работу, не давая возможности обдумать даже детали ее, и мы сами выносим оценки – сами хвалим или ругаем ребят. На их долю остается только работа, и мы же еще и удивляемся, отчего они выполняют ее с неохотой, и называем их лодырями, и качаем головами: «Нет, что-то у нас не в порядке с трудовым воспитанием» или: «Нет, что-то наши ребята не любят общественную работу».

Начинают говорить: это потому, что мы не предоставляем им самостоятельности, и дальше следует знаменитое: «Активнее, ребятки, активнее! Больше самостоятельности!»

Это все фальшь, пустые слова, обычная педагогическая демагогия. Не могут ребята быть активными и самостоятельными, если они расходятся сразу после работы, не обсудив и не оценив ее.

Люди ведь и различаются тем, как они относятся к своей работе: иные и берутся за нее бездумно, и работают не думая, и заканчивают без мысли. Закончил – и ладно.

Сколько бы я ни учил ребят, каждого в отдельности, обдумывать свою работу, сколько бы ни говорил и ни напоминал, я никогда не сумею дать им это важнейшее человеческое умение. Кажется, врожденная способность – одни люди глупые, другие поумнее. Но вот, оказывается, что я могу: я могу научить их коллективно планировать работу на совете дела и коллективно анализировать ее на «огоньке». План и анализ – и всякая работа становится увлекательной. План и анализ – и передо мной деловой человек, способный справиться с любым заданием. План и анализ – и человек чувствует себя хозяином своей работы и своей жизни. План и анализ – и человек внутренне обустроен. У него открытое сознание, он не спит, не дремлет, не поддается обстоятельствам жизни.

До первого сбора я проводить «огоньков» не буду – это бесполезно, потому что для «огонька» нужно, чтобы было у ребят много интересного материала для анализа. Невозможно, например, начать с обсуждения вопроса, кто как учится.

Первый «огонек» состоится вечером первого дня на сборе. Обязательно вечером. Летом мы будем проводить его у маленького костра – потому и «огонек». На «огоньке» анализируют не какую-то работу, а день. Объект анализа именно день. Как мы прожили его? Как вообще прожить день своей жизни достойным образом? Смысл «огонька» в том, что он придает большую ценность каждому дню человеческой жизни.

Так как процедура анализа своей работы и своего поведения для ребят очень непривычна и трудна, то всегда кажется, что она им не по возрасту, даже если перед тобой десятиклассники. Поэтому прежде всего надо заботиться о самом «огоньке», о душевном состоянии ребят на «огоньке». «Огонек» должен быть привлекателен для них, чтобы его ждали. Какие бы интересные дела ни проводили днем, «огонек» должен быть самым интересным событием.

Если бы я хоть один раз услышал от кого-нибудь: «Ой, еще и на «огонек»!» или: «Опять этот «огонек», то это означало бы, что мне нужно начинать все сначала...

Наверное, есть тысячи разных способов проведения «огонька», но мне, чтобы попасть в нужный тон и суметь взять «огонек» в руки, необходимы некоторые традиции. Например, чтобы ребята непременно сидели крутом, и я, разумеется, в общем этом кругу, а не в центре его. В кругу все равноправны, все видят глаза друг друга. Я объясню на первом «огоньке»: сядем так, чтобы видеть глаза друг друга, и будем все время всматриваться друг в друга. Летом в центре круга – маленький костер, я уже говорил об этом, и его всем должно быть видно, и всем от него должно быть тепло. Зимой мы при возможности поставим в центр круга цветочек. В «огоньке» очень многое от спектакля, поэтому важны и мизансцены – кто где сидит, кто и как появляется. Мне, например, важно, чтобы приходили на «огонек» с самого начала поодиночке, а садились по отрядам. Через несколько лет ребята будут садиться как попало – им даже неважно будет, с кем сесть рядом, они все станут друзьями: с кем сел, с тем и хорошо. И конечно, ребята могут сидеть на «огоньке» в самых удобных для них позах, совершенно вольно. Летом обязательно кто-нибудь и уляжется у костра. Пусть! На «огонек» можно опаздывать – для того он и начинается с песен, чтобы ребята подходили постепенно. И уж во всяком случае нельзя делать замечаний за опоздание. «Огоньки» должны быть такими, что на второй и третий никому опаздывать не хочется, и, если случилось с человеком, что он, бедняга, опоздал, – так еще и ругать за это?

Наверное, я опять буду очень волноваться перед первым «огоньком». Пятнадцать лет провожу их, а все никак не могу достичь того артистизма, который я видал у других воспитателей, когда «огонек» течет плавно, как музыкальное произведение. И всё к месту, всё есть и всё вовремя – и обострение разговора, и кризис некоторый, и тихое успокоение – ну просто дирижер!

Хотя, может, так и не надо. Вообще-то говоря, я не очень люблю артистизм в воспитательной работе, как и в жизни. Даже актер, если он слишком артистичен, он ведь тоже в конце концов начинает раздражать. Тем более что мне придется маячить перед ребятами 7 долгих лет – да они взвоют от моего артистизма!

Нет, нет, нет, на «огоньке» надо сдерживать себя, ни в коем случае не «выступать» перед ребятами. В конце концов что мне нужно от «огонька»? Мне нужно, чтобы ребята с максимальной откровенностью анализировали вслух свой день, причем трудность в том, что им при этом придется задевать чье-то самолюбие. Чтобы они могли быть откровенными, они должны абсолютно доверять «огоньку». Они должны знать – не знать, а чувствовать! – что здесь можно и нужно говорить открыто. Следовательно, должна быть предельно доверительная обстановка, и мало того, чтобы я говорил доверительным тоном. Обстановка доверительности зависит от любого в нашем кругу точно так же, как и от меня. Любой может сразу, одним словом, одним выкриком – и даже если громко зевнет! – нарушить эту обстановку доверительности.

Говорят: нужен мягкий тон... Ну я буду говорить мягко, и ребят в конце концов начнет тошнить от моих интонаций. Меньше всего любят ребята этот доверительный тон, у них всегда возникает подозрение, и при этом справедливое, будто педагог лезет им в душу. А душу свою всем жалко, все ее берегут, и ни в какое коллективное хозяйство вкладывать ее не хотят.

Нет, я понял, мастерство в том, чтобы песней, тихим рассказом, сдержанным голосом создать какой-то круг тишины, возвести какую-то границу, которую никто не смел бы переступить, несмотря на то что я не делаю замечаний.

Однажды я слишком быстро передал ведение «огонька» дежурным командирам, я радовался: какие у меня самостоятельные ребята! Но я ошибся и скоро вынужден был понять это. «Огоньки» формально проходили хорошо, и все было как надо: начинали с песни, потом – анализ дня, и тихая песня каждый раз, когда падает настроение или внимание, и все эти плавные переходы от песни к серьезному разговору и от разговора к песне, и умелые паузы, и умение вовремя кончить разговор, не затянуть его... И сосстрить они умели, эти мои замечательные ребята, а все-таки было не то, было какое-то неуловимое отличие от настоящего «огонька». Дети легко усваивали мастерство, внешнюю сторону, но им никогда не хватало той убежденности, с которой ведет «огонек» взрослый, и не хватало главного умения – уловить тонкую логическую нить разговора-импровизации. Тем и труден «огонек», что я должен быть готов к нему как к уроку, хотя не имею ни малейшего представления о том, как пойдет урок.

А может быть, мне на этот раз попробовать какой-то другой тон разговора на «огоньке» и вообще с ребятами? Ну, хотя бы для того, чтобы испытать чувство обновления. Может быть, мне взять более суровый, даже чуть сердитый тон некоторого недовольства? Я видал замечательных педагогов, которые то и дело кричат на ребят – но как кричат! Как изумительно кричат! Сколько игры в этом крике!

В конце концов ребятам не так уж важно, кричишь ты на них или не кричишь, – важно, что ты кричишь. И о чем ты молчишь.

О чем я буду кричать-молчать на «огоньке»? Первое, что мне нужно, – это чтобы ребята по возможности сознательнее оценили только что прожитый свой день. Можно, конечно, просто поставить отметки: день прошел на «три», на «четыре с минусом» и так далее. Но для маленьких это будет бедной оценкой, бессодержательной, интуитивной, а мне необходимо развивать именно сознательное отношение к работе. Вот в IX классе, когда мы будем понимать друг друга с полуслова, тогда можно, чтобы не терять времени, быстро вынести оценки, потому что на тех, далеких «огоньках» мы чаще всего будем говорить не о нашем дне, а о нашей жизни, о наших жизнях.

А сейчас в центре внимания будет только один день. Ребята и не смогут его пока что оценить, потому что они не знают, что такое коммунарский день, им не с чем сравнить его, настолько он непривычен. И я задам им традиционные вопросы:

– Что было хорошо?

– Что было плохо?

А третий вопрос: «Что надо делать?» – пока задавать не буду. Посмотрю, что за ребята у меня будут и как пойдет дело.

Если бы я начинал в VIII или IX классе, то ответом на мои вопросы скорее всего была бы тишина – ни одного желающего говорить, хоть клещами ответы тащи. А в четвертом обратная картина: кто-нибудь что-то скажет – и сразу лес рук, и все будут обезьянками повторять одно и то же:

– Нам понравилось, как мы гуляли...

– И мне понравилось, как мы гуляли...

– А тебе что понравилось, Наташа?

– Мне? Мне было весело, и еще мне понравилось, как мы гуляли...

И тут же начнется серия подлых ябед:

– А Коля нам мешал, поэтому мы не подготовились.

– А Коля нам всегда мешает!

Конечно, и Коля не усидит:

– А что Коля, что Коля, вы сами все кричали.

– Мы кричали? Мы кричали? Когда это мы кричали?

Базар – да и только! Но пусть сначала сами увидят, что это базар, пусть покричат – осаживать на «огоньке» и призывать к порядку я никогда никого не буду. Я скажу:

– Хорошо, ребята, все понятно. Давайте сделаем по-другому: разойдемся по командам, и пусть каждая команда подготовит свой ответ. Вы очень хорошо кричите, но давайте теперь покричим по командам – три минуты на шум! А уж потом каждая команда доложит нам в тишине...

В каждой команде – старший друг, и ответы через три минуты шума будут, конечно, содержательнее, они и станут образцами ответов на завтра. И так изо дня в день, от сбора к сбору, от «огонька» к «огоньку» будут мои ребята все внимательнее всматриваться в свой день и в каждое свое дело: отчего оно получилось? Отчего не получилось?

И разумеется, на первых «огоньках» я не стану ругать ребят и обращать внимание на недостатки. Как бы кошмарно ни прошел наш первый день, для меня ребята будут молодцы и молодцы. Они пока что очень зависят от оценки учителя, у них все существует в двух формах: «похвалили – поругали». Лишь через несколько лет придется мне вести себя осторожнее, потому что незаслуженно похвалишь, а тебя же и разнесут...

Чтобы помочь ребятам увидеть друг друга, увидеть себя молодцами, я им задам следующую серию вопросов:

– А кто сегодня старался больше всех? Кто сегодня был самым веселым в отряде? Без кого вам было бы не подготовить выступление? А кто сегодня больше всех нуждался в помощи?

Можно, конечно, вручить на «огоньке» призы за все сегодняшние выступления – лучшему роботу, лучшему защитнику имени отряда, лучшей команде и так далее, тогда «огонек» будет более праздничным. Но я этого не люблю. Конечно, награды поощряют рвение детей, но уж очень не хочется, чтобы они с первых дней все делали за награды, еще не поняв вкуса самого дела. К тому же надо быть и последовательным. Если ты против наказаний, ты должен быть и против поощрений и наград. Ведь всякая награда, особенно среди детей, – это одновременно и наказание всех тех, кого ты не наградил, – наказание лишением награды. Позже, когда они научатся не завидовать друг другу и радоваться самой работе, мы иногда будем награждать самых отличившихся, но только тогда, когда я буду уверен, что за победителей будут радоваться все и все до одного будут их искренне поздравлять.

Тем и хорош «огонек», что ребятам достаточно того, что кто-то сказал вслух:

– А мне больше всего понравилось выступление отряда «Урал»...

Очень тонкое обстоятельство: когда и с чем выступать мне самому? Если на советах дела я говорю без зазрения совести и выдвигаю одну идею за другой, насколько хватает фантазии, то на «огоньке» картина прямо противоположная: поначалу я буду стараться давать как можно меньше собственных оценок и меньше выступать перед ребятами. На советах дела мои выступления с годами будут уменьшаться от максимума к минимуму – постепенно ребята научатся обходиться и без моих идей, они лучше меня станут все придумывать. А на «огоньках» движение обратное – от минимума к максимуму. Чем старше будут ребята, тем больше смогу я говорить, не боясь навязать им свои оценки. К последним классам они сами научатся вырабатывать свое мнение и отстаивать его. В идеале мне нужно, чтобы ребята несколько от моих мнений – так же, как и от других чужих мнений – не зависели, чтобы они оценивали любую работу совершенно самостоятельно и не стеснялись заявить о своей оценке, даже если она идет вразрез с мнением большинства. Независимость суждений – не упрямую, не дурацкую, а честную независимость – я ценю в людях бесконечно! Но надо же ее и вырабатывать, сама по себе она появится лишь у немногих.

Поэтому с первого дня я никогда не позволю себе выступать последним. Последний, хочет он того или нет, как бы подводит итоги, и получается как у одного моего коллеги, который, выслушав ребят на «огоньке», говорит им обычно:

– Всё сказали? А теперь я скажу, как было на самом деле!

И все мнения ребят как бы теряют цену, и на следующем «огоньке» обязательно найдутся несколько человек, которые, зная пристрастия учителя, захотят заранее сказать, «как было на самом деле», предугадать выступление учителя только для того, чтобы потом победно оглядеться:

– Ну? Что я говорил?

Был у меня такой Коля Рожнов, он с IV класса, когда приходил на урок директор, поднимет, бывало, руку, ответит на пятерку и оглянется на директора с гордостью: «Ну, какое впечатление я произвел на вас?»

Любителей производить впечатление у меня в классе наверняка окажется немало, ну ничего... Для того и «огоньки», чтобы у ребят постепенно вырабатывался абсолютно точный, чистый и непредвзятый тон выступления перед товарищами, и, я надеюсь, за этим тоном будет скрываться такой же точный и чистый тон личных – пусть и невысказанных – моральных суждений.

Конечно, будут у меня и болтуны, штатные ораторы, этот бич всех «огоньков» и вообще всех человеческих собраний. Что делать? Не устанавливать же регламент, и осаживать я не люблю. Но все-таки приходится:

– Вадик, послушай себя, ты повторяешься... Ты сядь пока, посиди, я тебе через три минуты снова дам слово. Ты постарайся пока обдумать, как высказать свою мысль покороче.

Иногда бывает, что сами ребята пресекают любителя поговорить:

– Вадик, ты никому не даешь говорить, ты вчера пятнадцать минут говорил на «огоньке» и позавчера – двадцать...

Понял. Стал выступать реже и сдержаннее – ему было 14 лет, а в этом возрасте получить такое замечание не очень приятно.

А некоторых ораторов дети терпят годами – придется терпеть и мне. Подавлять в себе неприязнь к кому-то из ребят очень тяжело, пускаешь в ход все средства самоконтроля. Но учитель не имеет права на неприязнь, иначе он пропал. Пожалуй, это единственное из человеческих чувств, на которое педагог решительно не имеет права. Я могу и не любить кого-нибудь из ребят – не любил же я Эдика Максимова: и жесток он был к товарищам, и унижить был способен, не любил я его и сейчас не люблю, когда он кончил школу. Но неприязни к нему нет, не испытываю, я не могу сказать, как говорили про него в учительской:

– Как увижу этого Максимова, так меня всю трясет...

Терпи! Терпи всяких! Особенно на «огоньке». Такое уж это дело трудное, «огонек»: одни молчат, другие излишне говорливы, третьи говорят не по существу... И со стороны посмотреть – довольно нудное занятие! Причем только на «огоньке», и нигде больше, я сознательно применяю некое насилие над ребятами – буквально заставляю их говорить о своем дне и своих отношениях. Им самим эти разговоры совершенно не нужны, они не испытывают в них решительно никакой потребности. И так будет примерно до VII класса, когда у ребят появится необходимость в чужой оценке своих поступков, чтобы выработать собственную самооценку, когда у них начнутся бесконечные разговоры на тему «Какой я?».

И вот тогда-то и окажется, что вся моя трехлетняя нудная работа была не впустую. К тому времени, когда у ребят возникнет особый интерес к самим себе, они овладеют трудными навыками честного, прямого и осторожного общения друг с другом. Они научатся быть внимательными к товарищу, понимать, как легко обидеть словом или тоном слова, – они станут деликатными людьми! И уж во всяком случае, надеюсь, не будут они мелочными и не вырастет у меня в классе ни одного скандалиста...

Ведь что такое «огонек»? Это, по сути, и есть тот урок этики, урок осмысления этических проблем, о котором все мечтают. Незаметно для ребят я могу поднять на «огоньке» самые сложные и самые тонкие этические вопросы – в тот момент, когда они важны для ребят, буду помогать им в правильной оценке поступков и работы. Это азбуку этики проходят ребята на «огоньках».

Позже «огоньки» будут иметь еще и дисциплинирующее значение: если я сегодня ругал командира за плохую работу, а завтра сам стал дежурным командиром, то, очевидно, мне придется стараться. Но у малышей не так: они до завтра забудут все то, о чем вчера сами говорили на «огоньке», и опять будут твердить, что не подготовились к очередному делу оттого, что Коля плохо вел себя, а Коля снова выскочит:

– А чего Коля? Чуть что – сразу Коля? Сами шумели больше всех!

Перетерпим! Главное – не торопить и не торопиться! Проходить все эти темы, проблемы и этапы с той же основательностью, с какой математик дает ребятам свою математику, – от простого к сложному, с постоянными бесконечными упражнениями, и повторениями.

Сам сбор, жизнь на сборе, творческие дела дадут мне материал для упражнений, да еще такой, какого не имеет ни один воспитатель в обычных условиях.

Но вот кончился сбор. Вот вернулись, вот нас встречают родители на вокзале – и тут, наконец, становится ясно, получилось у тебя или нет. Если получилось, то ребята, прежде чем разойтись, обязательно станут в круг на перроне, сложат рюкзаки горой и споют на прощанье. Им жаль будет расставаться – не друг с другом, они завтра же и встретятся! – жаль будет расставаться со сбором и со всей этой удивительной жизнью, которая была на сборе и о которой они теперь будут мечтать.

А про себя – про себя я знаю, что вернусь домой и почувствую бесконечную усталость и опустошенность – выложился. И друзья, даже те, кто не работает в школе, будут звонить и с тревогой спрашивать меня:

– Ну как? Получилось?

16.

...На следующий день после сбора начнется:

– Николай Федорович, вот вы говорили – сбор, сбор, такие ребята, а они сегодня так шумели, что я не смогла объяснить материал!

– А они сегодня урок сорвали!

– А они сочинение не сдали!

– Вот вы их балуете, балуете, а они? Никакой благодарности!

– Я не понимаю, Николай Федорович, – скажет мне директор, – а где отдача?

Ох, эта отдача! После каждого мероприятия непременно требуется отдача, причем сиюминутная, всем видимая, хоть и неизвестно чем измеримая.

И чем лучше мероприятие, которое удалось провести, тем больше ты виноват, тем с большей страстью требуют от тебя немедленной отдачи в виде контрольных и тишины на уроке, и в каждом ЧП теперь виноваты не ребята, а лично ты: ты не обеспечил отдачу...

И неявно слышится за этим: а зачем всё? Вот дурак, ездил с ними куда-то, тратил силы... А зачем? Не такая уж и большая разница между твоим и соседним классом, который никуда не ездил и никаких творческих дел сроду не проводил, где классный руководитель лишь заполняет журнал, проводит классные часы и родительские собрания да изредка ругает двоечников.

И вообще никому не понятно будет, из-за чего старается человек. Может, он едет на сбор отдыхать? Наберет взрослых помощников, а сам отдыхает. Может, он за счет этих сборов ездит по городам – всю страну изъездил?

– Погодите, – говорят, – вы еще вспомните мои слова: три таких сбора, и он себе машину купит...

– Да ну, – говорят, – всё проще: он в директоры метит... Старается!

И действительно, я начинаю замечать, что директор школы на меня косо смотрит: не подсиживаю ли я его? Не собираюсь ли я на его место? Фантазии развиваются, и вот уж говорят:

– Ну что за человек, а? На живое место метит, – и все смотрят на директора сочувственно.

И уж во всяком случае все уверены, что я собираю материал для диссертации...

Но почему и в самом деле я сижу с ребятами, езжу с ними на опустошающие эти сборы?

На этот вопрос ответить я не могу. Как говорится, спросите что-нибудь полегче. И оправдываться, уверять, что я не собираюсь в директоры и не ворую у детей, не коплю на машину, – тоже скучно. Подумаешь, какой бескорыстный нашелся!

Да, кстати сказать, у меня есть корысть. Мама одной девочки моей, Светы Киселевой, рассказывала мне:

– Я говорю Свете: «Как жалко Николая Федоровича, он и не отдыхает, всё с вами да с вами». А Света мне: «Не жалея его. Он же удовольствие получает! С ним же все его друзья ездят!»

Это она имела в виду моих выпускников; она не посмела подумать, что я и от ее класса получаю удовольствие. А получаю! Более того, мне доставляет радость сознание, что я испытываю редкое удовольствие, редчайшее – не очень уж многие люди знают его.

У меня иногда получается моя работа! Причем получается в такой области жизни, где, как мне прежде казалось и как многим моим коллегам и сейчас кажется, сделать почти ничего не удастся. Ведь постоянно слышишь:

– Учителю хорошо: научил – и ребенок умеет, это видно. А у нас, воспитателей, работаешь, работаешь, а толку нет. Как в бездонную бочку...

Я тоже так говорил. И потому теперь испытываю двойное удовольствие, когда вижу толк, когда бываю доволен собой.

...Ничего, по всей видимости, от сбора в классе не изменится, но унывать по этому поводу я не стану.

Раньше мне было непонятно: «Ну как же так, ребята? Ведь еще вчера вы были такие дружные, так охотно откликались на каждую просьбу, работали с утра до вечера, и даже ночами вас было не уложить... А что случилось с вами сегодня?»

А сегодня уроки. Выучил – не выучил, опять двойка, опять опоздал, опять пришел не в форме, и вообще – «Иди домой за сменной обувью!» и «Почему нет подписи родителей в дневнике?»

Вчера, на сборе, они все у меня были молодцы, а сегодня – все в виноватых. Вчера на «огоньке» каждое мое слово слышали все, а сегодня хоть говори им, хоть не говори...

А главное, не могу я их ругать бесконечно, я устал от собственной брани в течение 20 лет. В минуты отчаяния мне кажется, что я ничего больше и не умею, как виртуозно

бранить маленьких детей. «Ну и работка, – думаю я тогда. – Ну и мастер! Ну и профессионал!»

Хотя коллеги мои именно этим и восхищаются, и даже просят:

– Николай Федорович, зайдите к моим, а? Поговорите с ними, а?

«Поговорить» на профессиональном учительском языке означает устыдить, обругать, а еще лучше – довести до слез. А если ребенок заплакал и ты при этом не кричал, то вообще... Гул восхищения.

Но я давно уже понял, что из всех бессмысленных работ на свете ругань эта – самая бессмысленная. Можно 20 лет бранить человека, но он ни на йоту не станет лучше, а тебе придется тратить на него все больше и больше сил. Неэкономно это – ругать детей! И бесполезно, безнадежно – ругать класс или группу детей.

Мне стало гораздо легче работать, когда мой коллега Андрей Семенович Звягинцев, старый литератор, присмотревшись ко мне, сказал однажды: «А знаешь, Николай Федорович, тебе приходится без конца выговаривать детям, потому что ты не доводишь конфликты до конца...»

Доводить конфликты до конца? Это было для меня неожиданностью. Я в ту пору думал так: «Проступок? Надо принять меры». Принял меры – забыл.

Нет, никаких «мер» и тем более «мероприятий». Нельзя хвататься за то, с чем я справиться не могу! Я бы с первого дня внушал молодым педагогам: делай не то, что надо делать, а то, что ты можешь делать при полном напряжении твоих сил. Все равно ты не сделаешь того, чего сделать не в состоянии. Если у меня в классе нет порядка и я не в состоянии добиться его, то и нечего заниматься бесполезным делом. Постараюсь привести в человеческий вид хоть одного мальчишку – все же польза будет! А там посмотрим. Только не заниматься бессмысленным воспитанием «вообще».

Есть у нас в шестом – теперь он в седьмой перешел – Юра Веселов. Первое, что бросается в глаза, когда его увидишь, – наглость. Наглый взгляд, наглая ухмылка и даже походка какая-то наглая... Работать в классе почти невозможно – весь класс следит за поединками учителей с Веселовым. Он эти поединки выигрывает один за другим и самыми простыми средствами – разляжется на парте, бросает грубые реплики, а если учитель сделает ему замечание, то и сам не рад будет: Юра наш ответит мгновенно и похлеще. Выгонять его? Да он и сам вдруг встанет посреди урока, вразвалку к дверям – и нет его. А за ним, смотришь, еще двое-трое. От учительницы рисования он однажды весь класс с урока увел.

Директор заглянул – класс почти пустой.

– Я вам объявлю выговор!

– А за что? – сказала учительница рисования. – Я на месте, это их нету. А я на своем рабочем месте...

Однажды Веселов и у меня ушел с урока. Просто встал и ушел. Не будешь же кричать: «Стой, ты куда, назад!» – а вдруг не остановится? Нельзя обострять конфликт до такой степени, что потом и сам из него не выйдешь. Я посмотрел на ребят и понял, что не смогу

ничего сделать до тех пор, пока класс будет для меня как бы обезличенным – все на одно лицо, и лицо это определяется журналом и дневниками. Надо взяться за мальчишку серьезно, иначе ничего не выйдет. Не могу же я пожаловаться классной руководительнице: «У меня Веселов ушел». – «Ну и что, – скажет она, – он и у меня уходит». Или еще скажет: «А ваши, думаете, лучше?» Что поделаешь? Пришлось идти к этому Веселову домой, пришлось разговаривать с ним часами:

– Ты отчего зол на весь мир, Юра?

И конечно, выяснилось: у парня дома такое, что и в самом деле будешь зол на весь мир, и пришлось провозиться с Юрой месяца два, если не больше, еще и еще раз ходить к его родителям и добиваться бесплатного питания в школе, когда выяснилось, что дома он просто голодает.

Что же значит в этом случае «до конца»? Никакого конца не было и даже не предвиделось, но во всяком случае и представить себе нельзя, что он уйдет с моего урока, или грубо ответит мне, или попытается меня обмануть. Он увидел искреннюю заинтересованность в его судьбе, хотя, наверное, не раз говорил своих друзьям: «И чего он ко мне прицепился?» – и друзья сочувствовали ему, но втайне каждый хотел бы, чтобы кто-нибудь из учителей к нему прицепился...

Вот что значит это выражение: «До конца». До конца – не значит до разрыва, а наоборот: до установления возможно более глубокого контакта, чтобы ученик понимал меня и доверял мне и чтобы я его понимал тоже, в свою очередь мог ему довериться. Когда отчитываешь мальчишку или целый класс, у тебя нет задачи установить с ними контакт – ты «принимаешь меры», реагируешь, «не проходишь мимо», и не более того. А надо понять хоть одного ребенка в классе, познакомиться с ним, и от этого и другие ребята станут более понятны тебе, а следовательно, ближе. Контакт с одним трудным мальчишкой почти всегда означает контакт со всем классом, только надо выбрать действительно трудного, не облегчать себе задачу – идти на риск.

Завуч выговаривает учительнице:

– Ваши вчера безобразничали на большой перемене...

– А у меня был выходной!

– Воспитывайте детей так, чтобы они не хулиганили и в ваш выходной... А не умеете, – продолжает завуч, – приходите в выходной в школу и работайте... Работайте до тех пор, пока не получите моральное право на выходной!

Жестоко, но ведь справедливо. Нам нужно, чтобы дети хорошо вели себя и в наши выходные дни. Но цепочка конфликтов и чрезвычайных происшествий бесконечна. Зато цепочка ребят, за которых я отвечаю, цепочка характеров хоть и великовата для одного человека, но все же конечна.

Если я, с IV класса начиная, неторопливо буду заниматься то одним мальчиком, то другой девочкой – по месяцу, по два месяца, а то и целых полгода, у меня все-таки есть надежда к VII классу всю цепочку перебрать и спокойно уходить из школы в свои выходные. Если же я буду идти по цепочке конфликтов, принимая каждый раз поверхностные и случайные меры, мне не знать покоя от ребят не только до конца X класса, но и до конца жизни.

Интересно, что лишь тогда, когда начинаешь возиться с ребятами по отдельности, тогда только и понимаешь в полной мере значение и смысл коллективной работы в классе. Ведь о чем я разговариваю с мальчишкой? В той или иной форме я призываю его быть человеком, вести себя по-человечески. Но сколько мне встречалось ребят, которые человеческой жизни никогда не видали, не верят в нее! Они слушают меня из вежливости: «Да, конечно, ты учитель, ты обязан так говорить...» И сколько раз меня спрашивали:

– Николай Федорович, а сами-то вы верите в то, что говорите?

А я, бывало, говорю, говорю и чувствую – в песок... В песок уходят мои слова! И лишь когда я хоть немного научился создавать человеческую жизнь в классе, когда отпала нужда прибегать к литературным примерам и тревожить имена великих людей для доказательства своей правоты, ребята стали меня понимать, стали верить мне, и наши разговоры приносят пользу.

А без работы с каждым ребенком коллективные отношения в классе становятся блеклыми и, я бы сказал, бессердечными. Нет грубости и бесцеремонности, но нет и той глубины и значительности, той сердечной ласки, которая рождается лишь в отношениях двух людей. Что там ни говори, а в коллективе сердца нет – сердцем владеет только человек.

Так коллективные отношения и индивидуальные сливаются в одно, и воспитание становится глубоким и относительно прочным – оно не на песке строится, а на крепком основании. Я получаю возможность убеждать, быть убедительным в своих речах!

На беду нашу теория коллективного воспитания порой служит для нас, воспитателей, удобным прикрытием: зачем возиться с ребенком? Есть коллектив, он воспитает. «Параллельное воспитание» – не слышали? Или еще так говорят: массы...

Вот они и воспитывают, эти детские массы, да так, что потом и сто воспитателей не приведут ребенка в чувство.

Трудности дисциплины – это еще не трудности, они в конце концов кончаются. А вот забота так уж забота – учение...

Анна Тимофеевна жалуется мне:

– Ваши совсем не знают математики, ну а за что я им тройки поставлю?

– Да вы дайте им задание сделать что-нибудь для кабинета – руки у них золотые! За это и отметки поставьте.

Идея. Дала ребятам задание: склеить из картона куб, цилиндр, конус... И вот бежит навстречу радостный Юра Колосов с цилиндром в руках:

– Анна Тимофеевна, Анна Тимофеевна, я вам косинус сделал!

Он, восьмиклассник, перепутал цилиндр с конусом, а конус – с косинусом. Ему все равно.

Анна Тимофеевна обиделась.

– У вас, – говорит она мне, – наверное, такого не будет...

– Да что вы, – говорю, – пойдете ко мне на урок! Пошли, вызываю этого же Юру Колесова, который косинус сделал:

– Покажи на карте Черное море. Показал.

– А теперь покажи Белое.

Искал, искал, не нашел. Смотрит с недоверием и вдруг расплылся в улыбке:

– Да это вы, Николай Федорович, шутите. Белого моря нет!

Если такого ученика попросить показать элемент Вольта, он бросится к таблице Менделеева. Правило буравчика он пишет с большой буквы – Буравчик. Уверен, что это очередной ученый...

Мы не можем даже представить себе степень неграмотности детей. Я поймал Сережу Теплякова на том, что он был уверен, что Жанна д'Арк – мужчина. Он говорил «Жан д'Арк», а я сначала не улавливал разницы на слух. Так ведь и он тоже не улавливал, а книги он никогда не открывает. Этому Сереже поставили двойки в четверти по всем предметам, только по истории – тройка. Директор даже удивился:

– Ну, Николай Федорович... Опять вы... За что же вы ему тройку поставили?

– Да знает он на тройку.

Вызвали Сережу на педсовет. Стоит, смотрит хмуро. Директор спрашивает:

– Ну скажи, что вы сейчас по истории проходите?

– Восстание Уота Тайлера, – пробурчал Сережа, ожидая подвоха.

Директор изумился:

– Молодец! Действительно заслуживает тройки!

Это комическая сторона дела, да не такая уж она и комическая.

Учитель математики дает задачу, надеется на ее решение, а ученик не может ее прочитать. Про историю я уж и не говорю: иным пятиклассникам и даже восьмиклассникам не под силу прочитать текст в учебнике – не умеют читать. Нет, конечно, прочитают, но разобраться не смогут. Все их умственные усилия уходят на технику чтения. Как таких учить?

Сколько ни повторяй с умным видом, что виновата начальная школа, факт есть факт: нам всем приходится учить детей, которые не могут – не то что неспособны, нет, неспособных – редкие единицы. Но вот – не умеют, катастрофически не умеют, так не умеют, что нам, взрослым, это даже и непонятно, насколько можно не уметь учиться. А им говорят, говорят... Для такого ученика что значит школа? Это он приходит в класс, и с ним 6 часов говорят по-китайски. Он же давно перестал понимать, о чем идет речь у доски, о чем там разглагольствует учитель, о чем бормочут молодцы отличники.

А мы еще – тонкости, а мы еще – подробности, а мы еще – почему не выучил? Lentяй! Лодырь! Негодяй! Двойка! Кол! Иди за родителями! Вместо головы у тебя – что?

А что хотите! Такой ученик, пока он пройдет через 10 лет школы, услышит от учителей решительно всё:

– У тебя вместо головы кастрюля. Опилки. Бочка. Кочан. Противоположное место...

Изощряются, как могут:

– У тебя извилина одна, да и та прямая.

– У тебя только спинной мозг, головного нет!

– Как у тебя с серым веществом?

Или еще одна тема с вариациями:

– Ты что – февральский!

– Ты с февралем?

– Да он с февралем, Николай Федорович, что вы от него хотите! В феврале тоже не хватает... одного дня.

Или с намеком говорят:

– У меня такое впечатление, что ты школу перепутал... Тебе в УО надо – для умственно отсталых...

– Не хочешь учиться в нормальной школе?

Образ УО и угроза УО – школы для умственно отсталых – висит над иным ребенком с I класса и по VIII. Все время решается вопрос, не перевести ли его в УО. Но если в первом в УО не перевели, то потом это практически невозможно, зря дети боятся. Это их просто пугают, потому что инспектора говорят:

– Но ведь он I класс кончил? Значит, может и во втором учиться... Вы его три года учили? Учили. Учите и дальше.

Учитель старших классов может оставить на второй год, это гораздо легче, чем многие думают: мол, процентомания, то-сё. Вполне возможно оставить. Поругают немножко, но не убьют. Но что дальше будет? Имеет смысл оставлять с тем, чтобы ребенок взялся, наконец, за ум. Но вот Слава Горюнов – его можно оставить, можно не оставлять, можно исключить, можно пятерки ему ставить. С ним можно делать что угодно, проводить любые эксперименты – результат будет один и тот же. Учиться он не хочет, потому что не умеет.

И сидят они, отпавшие, из года в год, изо дня в день, из урока в урок. Их обычно и не вызывают, от них не ждут контрольных, а если они списывают, то уж и в приличных учениках ходят. Это еще не безнадежно – списал! Но есть ведь и такие, что не дают себе

труда даже списать контрольные или хотя бы разрисовать учебник – они учебник за весь год ни разу не открывают. Страшно им!

Вот где трагедия... Я мысленно принимаю образ такого ученика, я влезаю в его шкуру и тоже чувствую, что и я не могу – физически не могу! – открыть учебник хоть раз, как не могу хоть разок погладить гремучую змею...

И хотя это вроде бы противоречит моей точной и определенной цели – создавать коллектив и только о нем и думать, мне все 7 лет придется главным образом заниматься совсем другим – учением моих детей. Не потому, что в учении этом пресловутая отдача, не потому, что о моей работе будут судить не по сборам, а по классным журналам, – пусть судят, как хотят! Я должен делать свое дело, и пусть говорят, что угодно. Но чтобы хорошо делать свое дело, я должен заниматься учением ребят.

Какое может быть настроение у мальчишки, если он по уши в двойках? Какой смысл говорить на сборе о любви к труду и даже приучать к труду, если ребенок не работает на уроках и дома?

У нас ведь как? Пять часов сидит парень и отлынивает от работы, а потом приходит на сбор и провозглашает: «Слава труду!» И поет хором: «Мы – Прометеи!» «Вот эти руки – руки трудовые...» Воспитание безнравственности, расхождения слова и дела не у взрослых, а у ребят, что еще опаснее. Нам кажется, что они плохо воспитаны, потому что видят, как расходятся слово и дело у взрослых. Но в конце концов это их мало касается. Вот беда похуже: у них у самих слово и дело постоянно расходятся.

Кто из учителей поумнее, те находят выход в том, что перестают говорить детям так называемые высокие слова – говорят с детьми без пафоса, поскромнее, поделовитее. Такое воспитание лучше – в нем действительно нет пагубного расхождения слова и дела. Но оно становится приземленным. Педагог словно соглашается со всем, что происходит: что есть – то есть. Это честно. Но бедно. Честная бедность и бедная честность.

Нет, я должен сохранить право на высокое слово. Мои дети должны все работать на уроках – кто как может. Я не стану гнаться за числом отличников, но работать должны все. А этого нелегко добиться.

Один папаша пришел в школу со слезами:

– Я заплачу государству деньги, которые оно затратит на моего сына, но оставьте его на второй год, чтобы он знал! Чтобы он почувствовал, что такое учиться!

Оставим – а он еще будет куражиться над учителями.

Что делается? Что делать?

Что делается – это я понимаю, как и все. Но вот что делать? Стоп. А действительно ли понимаю я, что делается?

Есть три силы, заставляющие детей учиться: послушание, увлечение и цель. Послушание подталкивает, цель манит, а увлечение движет.

Истинное учение – это учение с увлечением; не потому учусь, что нужно, не потому, что заставляют, не потому, что учение сулит выгоду, – чистый интерес! Учиться – интересно.

Но это идеальный случай. В каждой школе, я думаю, не больше двух-трех учеников учатся потому, что им интересно, да и то, как правило, не по всем предметам, а лишь по одному-двум.

Стратегия моя будет более или менее эффективной, если я научусь пользоваться всеми тремя силами: силой послушания, силой увлечения и силой дальней цели.

Силу послушания надо понимать широко. Ребенок учится потому, что его заставляют родители, потому, что так принято, или он не задумывается, отчего он учится: все ходят в школу, все делают уроки – и он тянется. Если не сделать уроков, будут ругать или стыдить, а он этого не любит: он в какой-то степени послушный ребенок, он способен подчиниться традиции или строгому слову родителей.

Самый надежный способ хорошо учиться – с увлечением. Собственно говоря, это и есть творческое учение. Но беда в том, что, во-первых, не у всех ребят эта сила развита: у одних детей от природы больше любознательности, у других – меньше. А во-вторых, эта сила очень быстро угасает, если ее не поддерживать, и потому она почти целиком зависит от учителя-предметника. Сколько ни призывай ребят с увлечением заниматься географией, если учитель-географ не умеет заинтересовать, ничего от моих призывов не переменится.

Сила же цели в разные возрасты действует по-разному. Как это ни странно, она действует в начальной школе, в первых классах, когда почти все дети хотят быть хорошими людьми, хорошими учениками. Первоклассник стремится, чтобы его хвалили, или, например, он мечтает стать отличником – тоже цель. Но к V– VII классам эта сила почти иссякает: в отличники пятиклассник больше не стремится, у него теперь другие представления о хорошем человеке, а кем он станет – он еще не знает, и лишь очень немногие подростки способны учиться ради будущей профессии. Поэтому призывать подростков к долгу или говорить им о пользе и необходимости учения бесполезно, особенно если говоришь с целым классом, а не с отдельным мальчишкой. Но позже, обычно с начала VIII класса, сила цели начинает опять действовать, хотя и в двух противоположных направлениях: одних ребят – тех, кто собирается учиться после школы, – она заставляет работать, и в это время, в IX–X классах, некоторые совершают невероятный рывок и быстро восполняют все то, что они не получили раньше; а другие – те, у которых появляются профессиональные цели или нет вообще никаких целей, – другие совсем перестают учиться, и в VIII или примерно с середины IX класса отпадают от школы, кое-как заканчивают ее.

Таким образом, из трех сил в начальных классах на первый план выступает сила послушания, в средних – сила увлечения, а в старших – сила цели, хотя, понятно, силы эти переплетаются, соединяются и создают подчас причудливые узоры. Кроме того, у каждого ребенка свое, индивидуальное развитие: есть, например, дети, которые могут учиться только с увлечением, – никакие призывы к послушанию на них не действуют, и целей особых у них тоже нет: учиться ради чего-то, т. е. проявлять волю, они не способны.

Если всю эту механику принять, то можно, наверное, в конце концов и сообразить, что же мне делать, чтобы каждое мое усилие было не напрасным и чтобы я не уподоблялся Иванушке-дурачку, который плясал на похоронах и плакал на свадьбе, – не говорил с детьми о долге, когда их надо заставлять учиться, и не заставлял их учиться, когда надо говорить о долге и о цели.

Пожалуй, я на этот раз попробую действовать так.

В IV классе, не рассуждая о том, зачем учиться, не стыдя двоечников, не ругая их за плохие отметки, – все это бесполезно! – я должен помогать учиться тем, кому учиться трудно, кто учиться не умеет. Надо поддерживать их слабые умения – ребята наверняка поддадутся мне, потому что у них еще в памяти опыт начальной школы, когда они учились не рассуждая, из одного только послушания. «Учиться надо!» – вот будет мое правило для IV класса. Без всяких «почему» и «зачем» – надо!

И главное слово на это время – «старайся». Я не стану говорить об отметках, у меня будет одно на устах: постарался или не постарался.

Пока ребята еще слушаются, пока действует еще сила послушания, я должен развить ее насколько это возможно – тогда ребята по инерции проскочат V, а то и VI класс, когда сила послушания будет на глазах иссякать.

Но в общем-то в пятом – седьмом, особенно в седьмом, я буду повторять родителям: «Перетерпите. Перетерпим». То есть надо делать все возможное, вытаскивать то одного, то другого, пытаться увлечь ребят учением, но нельзя ждать сиюминутных результатов. Эти три класса потому и будут самыми трудными, что здесь должна бы всю работу сила увлечения – но где ее взять? В нашей школе, например, только два или три учителя умеют по-настоящему увлечь детей этого трудного возраста. У старшеклассников может быть и однообразное по форме учение: лекция, опрос. Там важно содержание. А в средних классах – форма и форма! Тут и я буду на подхвате с самыми разнообразными видами внеклассной учебной работы – лишь бы хоть как-нибудь поддержать интерес детей к учению.

Ну а что будет в старших классах? Поживем – увидим. Посмотрим, как удастся мне провести ребят через пятый – седьмой, велики ли будут потери. А что потери будут, это непременно. Но их будет меньше, если я каждому в отдельности и всем вместе смогу внушить: учись, даже если рядом с тобой не учатся; учись, даже если тебе кажется, что учитель плохой; учись, старайся увлечься учением, а я, а мы все вместе будем тебе помогать.

Сначала у меня будет: «старайся учиться», потом – «старайся увлечься».

Если четверокласснику скучно учиться, он обычно не говорит об этом, он считает, что так и должно быть: учиться – скучно, он даже не понимает, что ему скучно. А ребята постарше начинают:

- Ненавижу географию...
- Эта скучная математика...
- Этот русский мне надоел...
- Опять история!

Скука кажется им достаточным оправданием: «Ну как вы не понимаете, ну скучно же! Ну не люблю я! Ну не могу!»

И нелепо отвечать пятикласснику: «А ты через не могу». Он действительно не может! Он в этом возрасте со скукой несовместим, и воли у него еще достаточной нет, и зачем учиться – он не понимает.

Поэтому с пятого, а может быть, и с шестого – посмотрю, какие у меня будут ребята, – девизом нашего класса станет «Учение с увлечением»...

А дальше... Дальше еще сложнее. Давным-давно, когда после десятилетки почти все шли в институты, товарищ мой по работе, математик, взял IX класс и через несколько дней пожаловался мне:

– Их учить невозможно. Они демобилизованы. Они не верят, что могут попасть в вуз, сдать вступительные экзамены.

Ему пришлось долго возиться с ними, внушать, что и они поступят все. Он мобилизовал их силы и смог потом хорошо обучить.

А что мы сейчас делаем неточной своей пропагандой, будто идти в институт чуть ли не зазорно? Я глубоко убежден в том, что, если старшеклассник не собирается поступать в институт, причем серьезно, а не просто так: «Ну ладно, попробую», он учиться как следует не будет. Все наши уговоры на темы «Учись, чтобы стать человеком», «Учись – в жизни пригодится» не действуют совершенно.

Нет, я буду говорить ребятам так:

– Учитесь изо всех сил, ребята, это единственное, последнее время жизни, когда можно учиться изо всех сил, и силы для этого есть! Учитесь так, чтобы каждый из вас, без единого исключения, имел возможность учиться в высшей школе, продолжать образование в любом виде. Я знаю, что вы умеете работать, что вы не боитесь никакой работы, я это видел на наших сборах, в летних лагерях, на наших субботниках и в коммунарские дни. Но сейчас вы еще ничего о себе не знаете – ставьте себе цели труднее! Не будьте трусами!

И я буду повторять это изо дня в день и помогать каждому в отдельности, пока класс у меня не мобилизуется, не настроится на учение. Потому что учить класс, в котором все хотят поступить в вуз, – наслаждение; учить класс, в котором только половина хочет поступать в вуз, – очень трудно; а учить класс, в котором в вуз собираются лишь 5–6 человек, – совершенно невозможно. Это афера.

Так с точки зрения учителя. А с точки зрения ученика? Лишь у очень немногих хватает характера учиться в классе, где никто или почти никто не учится, где учение не в цене, где доблестью считается неучение.

Нет, я должен вырастить ребят так, чтобы вокруг них все старались учиться, чтобы они сами старались учиться, чтобы они, кончая восемь или десять классов, без страха шли в профессиональное училище, на завод, в техникум и в институт. Без страха!

Точно так же, как я хочу, чтобы они меня не боялись и я их не боялся, точно так же не должны они бояться учения и в каком-то смысле учение не должно бояться их: когда мои выпускники придут в ПТУ, никто не должен говорить, что я отдал никомушных, а когда придут в вуз, они должны быть действительно подготовлены к серьезным занятиям.

Учение – дело мужественных людей, и оно воспитывает мужество. И с творчеством так же. Что такое творчество? Это прежде всего мужество – мужество поступать по-своему, мужество не повторять вчерашнее, известное, а работать как-то по-новому, т. е. рисковать. Акт творчества – это всегда и акт мужества. Потому что творчество только тогда и можно назвать этим словом, когда действительно идет постоянное, сиюминутное

созидание нового – с риском ошибиться и потерпеть неудачу. Творческое воспитание не в том заключается, что на смену одним формам работы придут какие-то другие формы, – нет, эти другие формы должны изобретаться на ходу, каждый день, и единственная традиция в творческом воспитании – это традиция постоянного принципиального обновления, изобретения и развития. Результаты воспитания, в том числе и творческого, не могут быть сиюминутными, но само творчество сиюминутно, это процесс, это особое состояние души и ума.

Я работаю так уже 15 лет, но у меня не сохранилось ни одного сценария сбора, ни одной записи о каком-нибудь творческом деле – они мне не нужны, эти записи и сценарии, потому что никакое дело повторить нельзя. Мне гораздо выгоднее забыть, что я проводил подобную же работу три года назад, и изобретать ее вновь, и опять испытывать волнение и мучение – оно передастся детям и будет залогом воспитательного эффекта. Не дело воспитывает, а вот это мое – и их, детей – волнение, которое не может возникнуть, если я или они работают по готовому сценарию или хотя бы так, как в прошлом году. В технике изобретать велосипед смешно. В воспитании же именно и нужно изобретать велосипед каждый день, потому что здесь «велосипедом», реальным фактом является сам процесс изобретения. А о том, что я потеряю какие-то гениальные находки, мне беспокоиться нечего – все действительно идеальное остается при мне в виде моего опыта. Не бумаги, не сценарии, а живой человеческий опыт.

Так что опять, наверное, я буду раздражать своих коллег. Они приходят и говорят: «Николай Федорович, у вас сбор отряда хороший был. Дайте сценарий, а?»

Я говорю: «Сценария у меня нет, если хотите, сядем и придумаем вместе». Уходят раздраженные: еще придумывать! Добудут сценарий в другом месте...

17.

Когда я представляю себе, сколько надо работать, чтобы дети хорошо учились, мне становится немножко страшно. В общем-то не меньше трех часов в день надо отдавать. Три часа в день, не считая экскурсий, походов и лагерных сборов. Ведь, чтобы хорошо поговорить с мальчишкой, сколько времени нужно? Часа два. Пока я ему скажу, пока он мне скажет... А если ему что-нибудь надо доказать? Обычно, когда берешь класс и ребята еще не знают тебя, то сначала, если ты оставил кого-нибудь поговорить, его товарищи ждут за дверью.

– Ребята, вы чего ждете?

– Да мы Витю...

– Не дождетесь, идите домой!

– Ничего, подождем...

А уже через месяц никто Витю ждать не станет – безнадежное дело. По каким странным вроде бы поводам приходится иной раз часами разговаривать. Вот приходит: почему нельзя в школу вместо портфеля носить заграничный полиэтиленовый пакет с картинкой?

Разговариваем, объясняю, что эти картинки порой непристойны. «А что это значит?». Объясняю. «Ну и что? – говорит. – Почему нельзя? Мы же всё понимаем!» Объясняю дальше...

– Ну как, убедил?

А он еще и не сдастся:

– На пятьдесят процентов, Николай Федорович.

– Остальные пятьдесят процентов пусть тебе папа с мамой объяснят.

– Да, они объяснят... Как дадут промеж глаз...

Приходят десятиклассники, слышат все эти разговоры, ужасаются:

– И это каждый раз? По любому поводу?

– Да. А вы думали? Забыли себя в восьмом?

Если не отдавать детям эти 50–100 процентов убеждения, то не будет и уверенности, что они вырастут порядочными людьми. Кто малолетние преступники? Да те, кому ни 50, ни 10 процентов не дали... А кто не дал? Говорят: школа. Но школы-то как существа нет, школа – это просто дом. Для каждого отдельного ребенка школа – это классный руководитель, воспитатель, наставник. Все воспитание, которое получает – или не получает – в школе ребенок и подросток, зависит от классного руководителя.

И вот этот-то самый главный в школе специалист – а я думаю, и в стране самый главный – работает, по сути, на общественных началах, между делом, не имеет специального образования воспитателя. И книг по воспитанию он не получает, и квалификацию ему повысить негде, потому что в институте усовершенствования учителей самый отсталый, самый неинтересный курс – это курс классных руководителей. Курс истории читают в институте профессионалы-историки. Но кто видал на свете профессионалов-воспитателей?

Что поделаться? Жаловаться и вздыхать можно бесконечно. А мне нужно научить своих детишек учиться. Это им нужно – для жизни и мне – тоже для жизни...

Если я смотрю на свою работу как на продолжение семейного воспитания, как на восполнение его, то надо подумать: а как хорошая семья помогает ребенку учиться?

В хорошей семье с ребенком не сидят и за двойки его не ругают. Его меньше всего заставляют учиться, и со стороны кажется, будто никто его учением не интересуется. А все в семье помогают. Чем? Развивают ребенка. Дают ему широкий кругозор. Дают ему общую культуру. Поддерживают его интересы.

Кругозор... Я знаю, каков будет кругозор моих детей. Из 40 ребят по меньшей мере пятеро никогда в жизни не были в центре города. И если я попрошу их назвать какое-нибудь внепрограммное произведение Пушкина, то они будут долго молчать, а потом какая-нибудь девочка поднимет руку и скажет:

– А вот я помню... Там есть белочка... Она грызет орешки... Я не помню, как называется...

Из художников они всем классов назовут одного Репина, а из композиторов – Чайковского. «А какую книжку ты сейчас читаешь?» – спрошу я и услышу:

– Про милицию...

Ну хорошо, я могу сделать так, что через год-два они будут знать не одно имя, а 10 имен – это нетрудно, это, кстати говоря, и без нас жизнь делает: вон сколько решателей кроссвордов стало. Кажется, все, кто прежде играл в домино, теперь решают кроссворды – газету с кроссвордом и не купить. Но ведь не мастеров по кроссвордам должен я вырастить! Хотя страсть к кроссвордам взамен страсти к домино – огромное культурное достижение, но мои-то будут на уровне домино, на уровне «козла». И как расширить их кругозор, если они сами ни в каком кругозоре не нуждаются, не чувствуют потребности в нем?

Потребность в развитии. Вот что я им должен дать прежде всего, до всего. Я не буду хвататься за книги, уговаривать читать; я не стану водить их строем в библиотеки и рассказывать о каталогах – зачем им каталоги? Что они будут делать с каталогами, даже если и научатся пользоваться ими? Я не поведу весь класс на концерт серьезной музыки...

Школа не может следовать за интересами детей, у нее есть государственная программа. А в воспитательной своей работе я именно за интересами сначала и должен следовать, от них отталкиваться, их развивать. Я должен вносить в эту толпу маленьких людей – еще не коллектив, а именно толпа будет у меня сначала, – я должен вносить все новые и новые интересы, разжигать страсти!

Я понял: поначалу мое дело – растить завистников. Растить ребят, которые завидовали бы уму, умению, знанию, мастерству...

Я начну с простейшего, по принципу: «В кино – так в кино».

Увлекаются баскетболом? Вызовем на соревнование соседний класс, но сначала не команда на команду, а вот так: все мои 40 ребят попытаются забросить по мячу и все 40 соседних ребят – по мячу в корзинку. Какой будет счет? С этого счета начнут играть команды...

Учитесь все! Каждому доступно!

Я буду внедрять идею: ты все время должен чему-нибудь учиться. Нет такого дела на земле, которому ты не мог бы научиться, – ты не опоздал! На свете много вещей, которые тебе недоступны и, может быть, навсегда недоступны – ты никогда не будешь владельцем замка... Но нет на свете дела и нет такой вершины мастерства, которой ты не мог бы достигнуть, если начнешь в 10 лет!

Все приводят детям в пример молодые таланты: написал симфонию в 13 лет, командовал полком в 14. И у детей, даже самых маленьких, рождается чувство: «Опоздал... Мне это теперь недоступно...» Дети даже в кружки иногда не записываются потому, что видят, насколько они отстали от сверстников.

А я буду приводить им в пример известного композитора, начавшего учиться музыке в 18 лет. И я не стану говорить им назидательно: «Но чем раньше вы начнете учиться чему-нибудь, тем лучше». Нет, это будет насилием – здесь тоже содержится мысль: опоздал... опоздаю...

Но ничего не поздно! Никогда не поздно! В 10 лет должна быть у людей та же самая идея, что и в 16, и в 30, и в 50, и в 80: не поздно! Пока человек жив, ничего не поздно!

Идея доступности мастерства, идея победы над мастерством, идея могущества своего, и силы, и веры в себя должна захватить моих детей.

А чтобы им захотелось играть в шахматы, чтобы каждый мог хоть притронуться к фигурам, мы устроим необычную шахматную партию: одна доска, а играют два класса. Каждый по очереди подходит и делает ход, какой может, – тут главное, чтобы с обеих сторон никто не подсказывал. Правда, ребята обычно хитрят: соберутся пять сильных игроков подряд и поставят мат. Только увлекать! И пусть сами ищут возможности научиться. Я никогда не стану говорить ребятам: «Научился сам – научи товарища». У нас будет поветрие – «учиться!», а не «учи». Один любит учить, другой не любит, не умеет. Представим себе общество, в котором все обожают учить друг друга, только и ищут, как бы кого-нибудь чему-нибудь научить. Жить было бы невозможно! Но общество, в котором все хотят учиться, ищут себе учителей, – прекрасно; я и должен создать его в своем классе. Нормальное состояние человека, каким бы мастером он ни был, – это состояние ученичества: «Я – ученик!»

Нет, буду говорить я ребятам, ищите учителей сами! Выспрашивайте секреты! Подглядывайте! Хитрите! Обманывайте! Меняйтесь! К каждому человеку в жизни относитесь как к возможному своему учителю – это лучший вид отношения к людям. Встречая человека, не думай, чему бы его научить. Чему бы у него научиться? Вещи можно добывать честными путями и нечестными; в добыче знаний нечестных путей нет, потому что знание и мастерство добываются только собственным трудом: можно нанять учителя, но знание купить нельзя. И уж конечно, я никогда не стану осуждать учеников, которым родители наняли репетиторов. У кого есть возможность хорошо учиться, тот должен пользоваться ею, обязан пользоваться! В конечном счете пусть лучше богатые мои родители тратят деньги на репетиторов, чем на что-нибудь другое.

Дети должны чувствовать огромность человеческой культуры, ее неисчерпаемость – и в то же время необходимость освоить ее. У них должна быть жажда к ее освоению. Пусть чувствуют себя невеждами. Самое трудное из искусств, говорил Руссо, искусство быть невеждой.

И мы, вероятно, проведем в конце IV или в V классе вечер невежд. Многие ребята волнуются из-за отметок, похвал и порицаний учителя, но сами знания, сами науки их не интересуют, идея учиться чужда им. Всякое душевное прикосновение к миру знания и мастерства будет им полезно.

Как же пройдет вечер невежд? Начнем с простого: науки, которых мы не знаем, – аукцион! Какие есть на свете науки? Огромный список! Можно пригласить мам и пап, которые учатся, – вроде бы отчитаться перед детьми о своем учении. И я даже представляю себе, что к нам придет передовик соседнего производства, но только рассказывать он будет не о том, чего он добился, а главным образом о том, чего он хочет добиться и как добивается, как учится, тренируется.

А в шуточной части вечера мы проведем конкурс «Не умели – научились»: чистить селедку, взбивать гоголь-моголь, забивать гвозди. Искусство забивать гвозди производит на ребят такое впечатление, что если позвать с соседнего мебельного комбината любого рабочего, он со своим молотком поразит детей.

Я должен внушать идею учения в самом широком ее смысле. Слово «учись» никогда не должно звучать для детей как учись по книгам, учись математике или истории. Учись и по книгам, учись и руками! Учись спортивному мастерству, учись мастерить по дому!

Учись! У ребят должно развиваться стремление и к университету, и к шестому разряду на заводе.

И конечно, я буду всячески превозносить ребят, которые занимаются в кружках, учатся в музыкальных или спортивных школах. Не сквозь зубы отпускать их на занятия и тренировки с классных мероприятий: «Ты совсем не участвуешь в общественной жизни класса», – нет, с почетом провожать, с уважением. И чтобы все в классе относились к таким ребятам с уважением. Девочка, которая учится в музыкальной или в балетной школе, – она же два образования сразу получает, она же за двоих работает!

Идет по школьному коридору Марина Суворова, семиклассница, и учительница говорит ей вслед:

– Какая надменная девчонка! Как голову держит, нет, вы только посмотрите!

А Марина – мастер спорта по художественной гимнастике, ее долгими упражнениями научили гордой осанке, легкой походке и умению красиво держать голову. Но Марина отнюдь не отличница, и в глазах учителей она не имеет права высоко держать голову...

Примерно в VI классе, когда у ребят появится хоть некоторая устойчивость интересов, мы проведем анкету «Чему и у кого ты хочешь научиться». Чтобы ребятам была понятна мысль, вывесим список возможных умений: вышивать, вязать, штопать, играть в шахматы, танцевать, жонглировать, играть на гитаре, определять растения, узнавать созвездия, работать с микроскопом, разводить рыбок или певчих птиц, кататься на коньках, обучать собаку, разбираться в радиосхемах... А в конце года устроим смотр-отчет... Нет, мы не смотр устроим, а государственные экзамены! И поищем специалистов-экзаменаторов. Вообще, я буду стараться почаще приводить к моим ребятам знающих и толковых людей, хотя найти их, конечно, нелегко. Сначала я приглашу, наверное, Борю Колоницкого, историка, он расскажет об эпохе Петра Первого. Потом Андрея Дорошина, он прочитает лекцию на тему «Космос сегодня», потом Таня Киркина расскажет о лицейском братстве Пушкина. Сергей Кирсанов, киновед, прочитает лекцию «Как смотреть кино». Коля Вадимов расскажет о Блоке, Саша Кривонос – о развитии телевидения. Нет такой темы, которая была бы неинтересна ребятам, был бы хороший лектор.

Это у нас будет свой университет. Если получится, мы будем проводить его занятия по крайней мере дважды в месяц. Вообще-то говоря, лекции ребята ненавидят. А в наш университет они должны бежать. К каждому занятию мы подготовимся заранее. Я расскажу ребятам, о чем будет идти речь, кто приедет выступать, что это за человек, что он умеет и делает, тогда и лектору будет легче, потому что гораздо приятнее выступать перед аудиторией, которая слышала о тебе и относится к тебе с уважением. Даже фотографию лектора заранее повесим, чтобы ребята внизу встречали гостя по фотографии.

Специально оформим помещение: поставим стулья полукругом, столик, цветы – это обязательно, а для лектора достанем удобное кресло. Перед началом у нас будет звучать серьезная музыка. Словом, очередной совет дела должен организовать праздник. Обязательно нужен праздник. Все, что связано с наукой и знаниями, должно быть очень серьезным и праздничным – и говорить-то все будут полупшепотом. Нужно, чтобы даже те ребята, которые не способны тихо просидеть 45 минут, в этот день были настроены на полное внимание. Обычно на таких лекциях невероятная тишина, причем раз от разу она углубляется, и никогда не приходится делать замечаний: «Сиди тихо».

А на следующий день на большой перемене мы соберемся в классе и обсудим вчерашнюю лекцию: понравилась ли? Что больше всего удивило? О чем мы совсем не знали? Может, кто-то хочет узнать подробнее?

Если наш университет продержится до X класса, то будет хорошо. Важно не только то, что ребята получают знания, важно само уважение к знающему человеку, уважение к лекции. Ребят поначалу удивляет тот факт, что они, оказывается, способны послушать серьезную лекцию на тему, которая им вовсе вроде бы и не нужна – никакого отношения к программе! А я и не стану связывать лекции с программой, и пусть рассказывают о Пушкине до того, как они начали Пушкина изучать. И не страшно, если ребята не всё на лекции поймут – она вовсе не обязательно должна быть совсем доходчивой. Какой-то гул уловят они – и то хорошо! Лишь бы пришлось им хоть чуть-чуть напрягаться! И какая-то тревога пробудится в них – тревожное состояние человека, который чувствует свое незнание и отсталость...

Вот эта тревога невежды и есть главный результат университета. Получилось ли у меня или нет, я увижу по тому, как будут расходиться ребята с лекции. Тихо? Неторопливо? С уважением к лектору? Или сразу повскакивают: «Можно домой?»

Но, конечно, придется заранее учить их всему, как садиться и как сидеть, чтобы уютно чувствовать себя и в то же время проявлять уважение к лектору и аудитории; как задавать вопросы, хотя надо заранее быть готовым к тому, что после лекции никаких вопросов не будет – это ребятам трудно. А может быть, мне повезет, и достанется такой класс, что вопросы будут задавать по два часа, – как получится.

И очень важно, чтобы после лекции что-то происходило. Пусть не все, пусть несколько человек принесут в школу книги по теме лекции, или попросят устроить вторую лекцию на ту же тему, или я попрошу рассказать о лекции родителям. И если была лекция о Пушкине – а их за время учения будет не меньше десяти, – то должны в классе появиться томики поэта...

Когда же мои ребята станут старше и научатся слушать лекции, мы усложним устройство нашего университета. Теперь одновременно, в один и тот же час, в разных классах будут читать 4 или 5 лекций на самые разные темы. Естественно, мы пригласим в университет всю школу, повесим объявления, пройдем по классам – у нас будет работать совет дела, который мы на этот случай назовем ректоратом. Нужно, чтобы ребятам пришлось выбирать. Хочешь – слушай лекцию об атомном ядре, а хочешь – об импрессионизме или об истории шахмат. Свой интерес прояви!

Трудно найти людей? Но как же учить без людей, как расширять кругозор учеников? И учителя наши могут выступать с лекциями, и родители, и у шефов кто-нибудь найдется... Нельзя же воспитывать детей без встреч с умными людьми!.. Как развивать ум, если не во встречах с умом?

Обогащать, обогащать, обогащать их жизнь...

А с VIII или с IX класса мои ребята сами начнут выступать с лекциями перед пионерами. Если у меня в IX классе каждый будет способен прочитать хоть одну лекцию – пусть на самую экзотическую и узкую тему, – то и хорошо будет...

Буду стараться решительно всё использовать для обогащения детей и для того, чтобы знание и праздник, где только можно, соединились. Скажем, мне приходится давать

открытые уроки для учителей района или города. Что ж, превратим этот урок в праздник: создадим совет дела и придумаем, как оформить класс, какие доклады подготовим, какие сделаем наглядные пособия, какую выставку книг откроем, какие эмблемки нарисуем для себя и для гостей... Когда у меня был урок по Куликовской битве в VIII классе, ребята даже сувениры сделали для гостей – пластилином на стекле, невероятной красоты. А когда я давал урок по преобразованиям Петра I, то ребята сделали витражи – они до сих пор в кабинете истории сохранились. Все это им очень нравится...

18.

Но истинное желание учиться приходит лишь с умением учиться! Умение – удовольствие – желание... Все, что необходимо человеку для поддержания жизни, сопровождается удовольствием – так устроено природой. И в нас заложена возможность наслаждаться своим трудом. Я не стану проводить так называемых предметных сборов – сбор по географии, сбор по русскому языку; не стану подменять учителей-предметников. Но мне придется учить моих ребят учиться, чтобы они испытали наслаждение от учения.

Они привыкли с начальной школы зубрить. Они не умеют распределять свое время, организовать свою работу. Многие уверены, что у них нет воли и потому-то они плохо учатся, – что ж, я займусь развитием их воли.

Когда у ребят что-нибудь не получается, надо предложить им программу не полегче, а потруднее, с перехлестом, чтобы задача казалась им необычной. Тогда они подбираются, собираются с духом.

Я не буду твердить: «Учись!» Я буду повторять: «Учись творчески! Старайся понять, что с тобой происходит, почему у тебя такие трудности, придумай, как их избежать, преодолеть или обойти. Учись так, будто ты первый на свете учишься, будто никто до тебя не учился!»

Поскольку науки учения не существует, мы начнем ее составлять: создавать сами – наш класс превратится в научную лабораторию по учению.

А как работает лаборатория? Она проводит эксперименты. Наши первый эксперимент – «Учение с увлечением!» Я открою ребятам несколько секретов, зная которые можно самому заинтересоваться скучным предметом. И каждый выберет ненавистный ему предмет и начнет опыты о нем. Я с важным видом объявлю, что тот, кто будет стараться в течение трех недель, 21 день, тот обязательно получит результат. Нелюбимый предмет станет терпимым, а может быть, и любимым. У нас будет руководитель эксперимента из ребят, а лучше два – мальчик и девочка; у нас будут ученый совет и, может быть, младшие и старшие научные сотрудники. А если кто-нибудь блестяще проанализирует, как он занимается, как добивается, чтобы ему было интересно, что ж, может быть, мы присвоим ему звание тайного советника. Под его руководством все – или хоть кто-то из ребят – составят графики своего увлечения нелюбимым предметом.

Все это нужно мне лишь для того, чтобы внушить ребятам почти недоступную их пониманию мысль: дело учения – в твоих собственных руках. Нет такого препятствия, которое ты не мог бы преодолеть. Не хватает времени? Найди его. Не хватает организованности? Научись быть организованным. Отстал? Начинай сначала. Не хватает воли? Развивай волю, и это тебе доступно! А в помощь тебе мы создадим небывалый кружок – кружок развития воли.

Да, в один прекрасный день я объявлю ребятам, что у нас открывается кружок развития воли и что в него могут записаться все, кто своей волей недоволен.

Увы, запишутся все. Тогда я начну сильно пугать ребят невероятными трудностями, которые ожидают участников кружка, и полной невозможностью выхода из него. Кто записался – тот пропал! Назад пути не будет! Подумайте, скажу я, пока не поздно... Но и записаться потом будет нельзя. Смотрите, как бы не просчитаться, чтобы потом не завидовать.

После такого предупреждения список, наверное, сократится наполовину. Что ж... Я-то понимаю, что волю в кружке не разовьешь. Но мне нужно привлечь внимание ребят к самому понятию «воля», нужно, чтобы оно стало привычным и чтобы навсегда отпала у ребят охота жаловаться на безволие. Чтобы каждый ощущал свое безволие как собственный грех. А то ведь никто не скажет про себя:

– Вы знаете, я дурак...

Но с милой улыбкой говорят:

– Я такой безвольный... У меня слабая воля... У меня воли не хватает...

Не хватает? Не гордись! Записывайся в кружок развития воли! И я объясню ребятам, почему слова «воля» и «свобода» – синонимы. Воля – это воля над собой.

А человек, который властвует над собой, – всегда свободный человек. Таким образом, у нас будет кружок свободных людей!

Не знаю, получится ли это в IV классе, или подожду до шестого – в шестом получится обязательно.

Нашим первым упражнением по развитию воли будет следующее: сегодня каждый из участников кружка не делает никаких уроков – он свободен! А уроки он, по методу Сухомлинского, делает с утра. Завтра надо встать в 6 или 5.30 утра – в зависимости от домашних условий. Встать в 6 утра и сделать все уроки...

Нет, это неправильно. Надо их сначала потомить. Я расскажу им о предстоящем новом укладе дня, поманю прелестями свободно-волевой жизни, но, скажу, начинать эту новую жизнь завтра нельзя, надо ждать особой моей команды, а пока готовиться: вставать чуть пораньше обычного, приходить в школу не к звонку, а за полчаса, проследить за собой, какие уроки труднее и в каком порядке их выгоднее делать, точно установить, какой день недели тяжелее других, чтобы правильно выбрать время начала опыта. Мы разберем, кто в какой квартире живет и где ему заниматься, если он встанет так рано, обсудим, как лучше позавтракать, какую сделать зарядку-разминку. Я постепенно доведу ребят до того, что это раннее вставание будет казаться им заманчивой мечтой.

Принцип, следовательно, тот же, что и в подготовке к университету: чем более трудное и нужное дело предстоит ребятам, тем больше я должен подготавливать его и подогревать ожидания. Чем серьезнее подготовка, тем радостнее покажется им сама работа.

Наверное, среди участников кружка найдутся закадычные друзья, живущие рядом, им я разрешу (не посоветую – позволю, как великую милость и после долгих колебаний) встретаться и делать зарядку вместе, а потом проверять уроки друг у друга. И все это

должно быть в тайне! В тайне от всех в классе и даже втайне друг от друга, потому что когда настанет день x и надо будет утром встать, то несколько человек наверняка проспят. Если в этом придется признаваться при всех, у ребят сразу отпадет охота к дальнейшим опытам над собой. А так они подойдут поодиночке:

– Николай Федорович, я не встал...

– Ничего страшного, волю развивать очень трудно. Постарайся встать завтра!

Первое задание будет – встать и сесть за самый трудный урок. Оно выполняется целую неделю, и только потом мы устроим коллективный анализ нашего опыта – им ведь очень хочется рассказать друг другу о своих победах. И тут же обнаружатся общие неудачи: окажется, что почти никто не может лечь в 10 вечера, как мы договорились; некоторые боятся идти в школу с невыученным уроком и потому начинают с более легкого для себя.

Второе задание труднее: надо успеть сделать не только трудный урок, но и все уроки до одного. Всю неделю делать все уроки. Это задание, я знаю, для ребят невыполнимо – делать все уроки они не могут, не умеют, не привыкли. Тогда придется с каждым в отдельности выяснять его взаимоотношения с разными школьными предметами: почему трудно? В чем дело? Почему не любишь?

Наверняка окажется, что Марина Пичугина не занимается физикой, потому что ненавидит учительницу физики – у нее плохие отношения с учительницей; придется разбирать, кто виноват, когда и с чего началось...

Окажется, что Костя Соловьев уже полтора месяца не делает уроков по математике, списывает, причем вполне удачно...

Окажется, что Зине Ковалевой трудно прочитать 2–3 страницы учебника истории – это занимает у нее слишком много времени.

Я не знаю, какие советы я дам в каждом случае, но, во-первых, дам их обязательно, а во-вторых, для ребят будет очень важно, что я всем этим всерьез занимаюсь. И они сами начнут задумываться: а почему у них не получается?

Тогда наступит самый сложный этап: с каждым в отдельности надо выправлять положение. С кем-то нужно дополнительно заниматься, кому-то составить график занятий...

Три-четыре недели для меня будут, конечно, очень трудными. Нужно будет каждый день встречать ребят до уроков, чтобы они, приходя в школу, знали, что я их жду с нетерпением и очень волнуюсь: получилось у них сегодня или нет? И так они перестанут быть одинокими в том занятии, которое, казалось бы, неминуемо обрекает их на одиночество, – в приготовлении уроков. Эти 3–4 недели должны быть тоже праздничными, особыми для ребят, чтобы они готовили уроки так, будто на них смотрит все человечество!

Я им скажу:

– Ребята, сейчас решается ваша судьба. Это первое испытание в вашей жизни... Если да – то вам в жизни будут не страшны никакие трудности; если нет – тогда мне вас жаль, тогда трагедия, тогда я и не знаю, чем вам помочь...

Естественно, что после таких ежедневных разговоров все должны победить. И тому, кто полностью провалился, все равно я попытаюсь доказать, что он каким-то образом победил, что он молодец и потому должен продолжать эксперимент...

Через месяц я их брошу – нельзя жить в таком напряжении ни мне, ни им; а через два месяца мы опять встретимся нашим тайным кружком – и там уж пойдут разговоры более спокойные и совсем о другом: о качестве домашней работы.

Как правило, ребята, ощутившие вкус победы, и дальше продолжают вставать по утрам. Многие наверняка будут ощущать происшедшее с ними как переворот в жизни. Главное, чтобы ребята поняли смысл и ценность каждого прошедшего дня – занимайся!

Постепенно они увидят, что я всегда стараюсь войти в их положение. И им будет казаться, что я все наперед вижу и знаю, они будут доверять мне, и моя сила станет их силой, а моя вера в них станет их верой в себя.

Еще две вечные проблемы: списывание и зубрежка.

Слишком рьяно бороться со списыванием я не стану. Если по-настоящему бороться со списыванием, то придется постоянно контролировать детей и чуть ли не шпионить за ними. В конце концов списывание зависит от общего морального состояния ребенка, это симптом болезни, а не сама болезнь, борьба же с симптомами всегда бесполезна. Но я буду говорить о том, что мне очень жаль тех, кто списывает: это зависимые люди, они боятся получать двойки, а человек, буду я говорить, ничего не должен бояться, в том числе и плохих отметок и тех неприятностей, которые за ними следуют.

Но вот зубрежка... Беда, несчастье многих детей! Некоторые из них привыкают зубрить в начальной школе, когда материала немного и его удается выучить наизусть. Этим ребятам с каждым годом все труднее, и последние годы в школе будут для них несчастными. Когда говорят о школьной перегрузке, неявно имеют в виду зубрил: вот их-то здоровью непосильные занятия очень угрожают. Со временем обозначится круг ребят, склонных к зубрежке; придется и для них создать кружок, мы назовем его шаталовским. На занятиях этого кружка – их будет примерно 10 – мне придется учить ребят составлять опорные сигналы по типу шаталовских, потому что нет более эффективного метода научить ребят выделять главное. Я постараюсь договориться с учителями, чтобы этим ребятам какое-то время разрешили отвечать по их конспектам. Будем мы делать и такое упражнение: пойдём с ребятами в кино, потом я попрошу их рассказать содержание фильма с разной степенью краткости: уложить в минуту... А ты подробнее, за три минуты... А ты еще подробнее... А ты короче всех...

Ребятам с плохой памятью я дам учить наизусть большие куски прозы – Пушкина или Гоголя, с тем чтобы такой кусок нельзя было выучить в день или в неделю, а только в месяц или два. Если внушить детям, что это упражнение действительно развивает память, они возьмутся за работу с охотой. Только надо вовремя спрашивать их, или они будут спрашивать друг друга. Вообще, я сторонник того, чтобы ребята как можно больше учили наизусть, причем именно прозы – это полезно и для памяти, и для общего развития. Раз в году на сборах мы устроим «вечера памяти» – конкурсы, на которых ребята читают наизусть, пусть даже и не выразительно, – здесь оценивается величина заученного текста и точность памяти.

Но как бы ни заманивал я ребят, как бы ни старался развить их, у меня обязательно окажутся в классе 3 – 4 человека, которые отпадут от школы, если им не оказывать время

от времени самую простую и самую необходимую помощь – заниматься с ними индивидуально.

Возможно, мне удастся на сборах и в творческих делах создать коллектив, у нас установится хороший дух в классе, у нас действительно будут ценить тех, кто хорошо учится. Тогда я смогу больше полагаться на взаимопомощь ребят. Товарищеские отношения сами по себе будут толкать ребят на помощь друг другу, и никакие специальные усилия не понадобятся. Во всяком случае я никогда не стану прикреплять двоечника к отличнику как слабого к сильному. Это чаще всего бывает бесполезным, а мне ничего нельзя делать без уверенности в результате. Ребята должны верить в то, что из каждого затруднения можно найти выход, надо лишь поискать его. Помогать друг другу будут друзья, а также ребята, у которых есть необходимое терпение и способность к ясному объяснению материала, – и только они.

Но и этого мало. С некоторыми учениками мне придется заниматься самому... В IV классе, может, такой необходимости и не будет, но когда они станут постарше, то и физикой будут заниматься, и географией, и химией... Иногда достаточно посадить ученика рядом с собой: делай уроки при мне. Некоторым помогает. Особенно тем, кто не умеет сосредоточиться: рядом с учителем они собираются. Просто удивительно: «Не можешь решить задачу? Сядь рядом...» И мгновенно решает!

Скажут: да это дело учителя! Зачем же классному руководителю заниматься с отстающими?

Но я ведь не в силах заставить всех учителей сидеть с моими, а ответственности за ребят с меня никто не снимает: мне нужно, чтобы они учились. Мне это нужно больше, чем им. Дети в конце концов не пропадут, даже если не кончат школы. А я – пропаду, если потеряю по дороге двоих-троих ребят. Я этого допустить не могу.

К тому же иногда моя помощь по физике полезнее, чем помощь учителя физики: я физику знаю неважно, и мы вместе с учеником разбираем урок, вместе думаем – как будто мы на совете дела. Серьезное, сиюминутное размышление учителя пробуждает и мысль ученика – он помогает тебе разобраться! Я много раз с этим сталкивался. Вот это желание помочь учителю дороже всего.

Если сложится родительский коллектив, то будет возможность попросить кого-нибудь из родителей позаниматься с некоторыми из ребят. Обычно находятся родители, готовые оказать помощь охотно и бескорыстно. Тем более что я все время буду внушать родителям: успехи ваших детей зависят не только и даже не столько от них самих, сколько от того, как учатся их товарищи, какая обстановка в классе. Ребенок учится не один на один с учителем, а в составе класса; он и выучиться может только вместе со всем классом, кроме, конечно, особенно сильных ребят, способных заниматься в любой обстановке.

Еще и еще раз думаю: я безусловный сторонник коллективного воспитания. Не представляю себе, как воспитывать детей иначе, и, если бы мне какой-нибудь чужак предложил должность гувернера – воспитывать одного ребенка, я бы отказался: не умею. Но я не имею права путать и путаться, я должен чутко различать, в чем необходимы коллективные методы, в чем – индивидуальные, и никогда не полагаться только на те или другие. А кроме того, я не смогу воспитать ребят, если они не будут чем-то заниматься малыми группами, по двое, по трое, по четыре человека; меня не должно пугать такое обособление, потому что это естественно для людей – составлять небольшой дружеский кружок.

В конце концов я же не метод какой-то защищаю и не метод главное в моей работе. Главным для меня остаются дети. Мне нужно, чтобы ни один ребенок из тех, кого мне дадут первого сентября, не отпал от школы, не бросил учиться, чтобы все дети чувствовали себя хорошо, без единого исключения, потому что в этом я вижу единственную гарантию того, что с ними и в жизни не случится ничего дурного.

19.

Каждый раз, когда думаю над новым слоем предстоящей мне работы, мне кажется, что все другое – легко, а вот теперь начинается самое трудное...

Если взять за принцип, что воспитание в школе – продолжение семейного воспитания, то что я должен дать детям?

Какой-то минимум культурного развития.

Любовь к музыке – умение и радость слушать классическую, серьезную музыку.

Любовь к поэзии. Чтобы человеку в радость было читать и слушать стихи.

Любовь к книге. Чтобы воспитанник мой был читателем. Все люди на земле делятся на читателей и нечитателей.

И любовь к живописи должен я им дать, чтобы понимали они хоть сколько-нибудь в изобразительном искусстве...

И к театру любовь... И к кино разумную любовь – это ведь тоже я должен дать. Кто, кроме меня, научит их смотреть кино?

У меня мало времени в одном дне; совсем немного, но больше – в неделе, в месяце. А за 7 лет я все-таки кое-что смогу сделать.

Пока мы говорим об учении, я вижу самого последнего в моем классе – я не имею права его потерять, я должен вытянуть его на какой-то средний уровень. Последних в моем классе, в нашей жизни быть не должно, я отвечаю за последнего головой и душой, мне невыносима мысль о последнем, отставшем, отпавшем.

Может быть, я идеалист, может быть, дурак, но я не хочу, не могу терпеть, чтобы были в нашей жизни последние, – это унижительно, стыдно.

Говорят: зачем всем людям среднее и тем более высшее образование? Зачем Шаталов учит так, что все его ребята поступают в институт? Разве всем людям нужно высшее образование? И обществу, стране это не нужно, дорого!

На вопрос «зачем?» я ответить не могу. Неверно поставлен вопрос. Это не «почему-вопрос», не «зачем-вопрос», это вопрос совести! Я сам получил высшее образование, и я не имею права спрашивать, зачем оно тому или иному человеку, я должен всё делать для того, чтобы и все получили его, без всяких «зачем» и «почему».

Пока речь идет об учении, моя боль, моя забота – последние в классе.

А когда речь идет о культурном развитии – первые? Самые способные?

Нет, надо повернуть плоскость разговора. В том, что касается культурного развития, я не могу всем ребятам дать всё и не верю, что кто-нибудь может, – тут я отчасти и пессимист. Я должен делать лишь то, что могу делать, что обязан делать: я должен каждому из моих будущих детей дать шанс. Я должен воспитывать ребят так, словно они растут в культурной семье, где привычно слушать музыку, читать книги, любить стихи, ходить на выставки, в театр, на концерты, в кино. А сумеют ли они воспользоваться этим шансом, все ли они станут любить искусство – за это я отвечать не могу, эту ответственность я на себя не беру. Если я буду слишком заботиться о результатах, я никаких результатов не достигну.

Вновь и вновь наталкиваюсь в своих размышлениях на принципиальное отличие воспитательной деятельности от всякой другой. Человеку свойственно, работая, получать результат, видеть результат своего труда. И педагог – человек, он тоже хочет видеть, что же у него получается. Но он – в отличие от людей другой профессии – не имеет на это права. Он не имеет права думать о результатах, он должен делать свое дело лучшим образом, а что получится – об этом и задумываться нельзя, потому что передо мной не материал, из которого я леплю что угодно, не глина в моих руках... Просто нужно делать свою работу лучшим образом, дать каждому ребенку возможности для культурного развития, чтобы он был в состоянии этими возможностями воспользоваться.

Итак, кино, театр, музыка, книги, изобразительное искусство. То, без чего человек, не может считаться образованным, без чего он не будет глубоко думать о своей жизни, без чего не узнает, что такое красота. Без чего и времяпрепровождение его будет бедным, и вкусы неразвитыми.

И я не должен растить решателя кроссвордов, который знает авторов, композиторов, художников и артистов... Я должен растить детей, способных наслаждаться искусством! Вот это и будет моей целью. Не человек, понимающий искусство (трудная задача, требующая специального обучения), а человек, наслаждающийся искусством.

Если каждый из моих воспитанников – нет, если хотя бы некоторые из моих воспитанников хоть раз остановятся и будут долго стоять, замерев, перед картиной, я свою задачу выполнил. Если они будут в состоянии слушать хотя бы некоторые произведения серьезной музыки, я свою задачу выполню. Если они станут серьезными читателями... Если у них появятся любимые поэты... Если они, прежде чем пойти в кино, станут спрашивать, кто режиссер...

Но чем больше я думаю об этом, тем большие трудности встают перед мной, как неприступные горные хребты. И главная трудность: чтобы ребята получили наслаждение, они должны встречаться только с самым высоким искусством.

Где научу я их любить живопись? Неужели и мне создавать эту нелепую «малую Третьяковку», это собрание не великих картин, а их жалких копий, перед которыми ничье сердце не дрогнет?

Чтобы полюбить живопись, испытать наслаждение от рассматривания картин, надо простоять перед картиной час... Перед репродукцией – даже самой хорошей – просидеть час невозможно.

Чтобы полюбить театр, надо увидеть на сцене – не в кино, не по телевизору, а на сцене – хоть одного большого актера. В нашем городе такого актера нет.

Чтобы полюбить стихи, надо вчитываться в них и вчитываться, надо открывать поэтов одного за другим, как мореплаватели открывали материк за материком, – это не для тех ребят, которые придут ко мне...

Мы все виноваты перед детьми и перед людьми, не получившими достаточного воспитания; мы сами нуждаемся в искусстве только наивысшего класса, а для так называемых простых людей, нам кажется, сгодится всякое искусство. Когда я бываю в Москве, я могу пойти только на один концерт из десяти, а ребят, считаем мы, ребят можно вести в «филармонию» на любой концерт, и если они не хотят идти, то, значит, они темные. Это, мол, от темноты своей они не хотят идти слушать музыку.

Но дайте ребятам возможность послушать действительно хорошую музыку – и они замрут. Они будут сидеть не шелохнувшись. Я ручаюсь за это, я видел это много раз: истинное мастерство покоряет самых неискушенных слушателей.

Неискушенный слушатель, зритель, читатель может восхищаться произведением дурного вкуса – это с ним случается. Но он никогда не отвергнет истинно великое...

Только великое!

Поэтому я больше всего времени буду тратить на слушание серьезной музыки: я в состоянии найти запись действительно прекрасной музыки в хорошем исполнении, и у нас в школе приличная акустическая система. Когда я возьму класс, то самые развитые в нем будут знать полонез Огинского и вальс цветов из балета Чайковского «Щелкунчик». Но перед каждым нашим собранием, на каждом сборе я буду ставить запись скрипичного концерта Мендельсона – многие взрослые рассказывали мне, что полюбили музыку, прослушав эту пластинку, или часть из Четвертой или Шестой Чайковского, и так изо дня в день, из месяца в месяц, пока не появятся у ребят любимые пластинки, а они появятся. Пока они сами не станут просить: «Поставьте, пожалуйста, концерт Мендельсона...»

Когда они станут постарше или совсем взрослыми – в VIII или IX классе, мы создадим свой симфоклуб. Почему ребята считают, что они не любят классической музыки? Потому что им кажется, в частности, что слушание такой музыки – занятие особых, особо образованных людей. Потому что музыка представляется им безбрежным морем. Когда они увлекаются современной рок-, или поп-, или диско-музыкой, они чаще всего интересуются ею как коллекционеры: они гордятся тем, что знают несколько современных групп, названия их, могут перечислить диски и узнать исполнителей. Они не столько музыкой увлекаются, сколько хотят быть знатоками – они всюду ценят знатоков. А в классической музыке знатоками они стать не могут...

Отчего? Я дам им эту радость!

Мы назовем наш симфоклуб «Чайковский» или «Прокофьев». Я заметил, что Прокофьев, при всей кажущейся его сложности, прекрасный композитор для начинающих слушателей.

Наш клуб будет в течение года слушать только одного композитора. Выберем музыкальный отрывок или позывные клуба, и ребята будут слушать Чайковского неторопливо, с повторениями, до тех пор, пока его музыка не станет им знакомой, пока они не начнут в ней разбираться и слушать ее так, словно они знатоки. Они должны испытать гордость от сознания, что они способны слушать серьезную музыку, и если в

этой гордости и будет что-то от детского снобизма – что ж, не беда, не дорогая плата за великое достижение...

А на следующий год они выберут другого композитора, и тогда наш клуб будет называться симфоклуб «Чайковский – Прокофьев», и так эта цепочка протянется настолько, насколько хватит времени и, может быть (но это было бы слишком хорошо), у нас будут два разных клуба в классе, в каждом по 4–5 человек, чтобы был у ребят выбор...

Вот в чем моя беда: общение с искусством требует возможности выбора, оно глубоко индивидуально, а мне придется все время применять коллективные формы. Но, сознавая это, я буду стараться разбивать, раздроблять класс на группы, чтобы в конце концов ребята могли читать или слушать музыку поодиночке, вдвоем, втроем... И в театр мы после IV–V класса никогда не будем ходить все вместе – только небольшими группами, или пусть ходят вдвоем, чтобы у них оставалось впечатление от театра, а не от коллективного похода.

Кстати, я не буду торопиться возить их в театр – ребят до VIII класса важнее водить в цирк, он им понятнее. Не доступнее, нет – что в театре недоступного? – но цирк поражает их мастерством, которое они умеют оценить, а мастерство актера они оценить не умеют. Даже для того, чтобы с удовольствием смотреть футбол по телевизору, надо знать игроков и понимать толк в игре. Как же моим ребятам оценить театр? Пусть ходят в цирк, я не вижу в этом ничего зазорного. Важно одно – чтобы цирк для ребят был действительно праздником, и пусть лучше будет праздник в цирке, чем скука в театре. У моих прошлых семиклассников были любимые клоуны, и во время их гастролей ребята складывались и покупали им букеты цветов.

Наше школьное воспитание незаметно для нас как-то отрывается от обычной детской жизни и выходит: то – то, а это – это. Тогда школьная жизнь кажется детям искусственной, хотя они, по снисходительности своей, и готовы ее принять. Но меня этот разрыв всегда огорчает. Я не претендую на то, чтобы войти в ребячью жизнь, – между нами естественные границы положения и возраста. Но как бы сделать мне школьную жизнь ребят попроще, поестественнее? Как сделать, чтобы в стараниях приобщить детей к культуре мне не пришлось бы ничего навязывать им?

Познание искусства требует больших трудов, но сначала мои ребята будут не готовы к этим трудам. Познание искусства для них должно быть вовсе не познанием, иначе мы к скучным урокам литературы добавим еще более скучные часы слушания музыки, а список надоевших классиков-писателей пополнится списком таких же надоевших классиков-композиторов и классиков-художников... Слишком много классиков на одну слабую детскую душу!

Нет, не познавать, а чувствовать искусство буду я их учить. У меня, повторяю я себе, семейное воспитание, а в семье не говорят о темах и образах, в семье наслаждаются искусством. Никакой истории искусств! Никакой систематики! Никаких жанров, видов, приёмов, образов, характеров – ничего из того, что служит хлебом для искусствоведов. И если мы с ребятами поедem в Москву, то в Третьяковской галерее мы не станем заказывать экскурсии и осматривать все залы, а большую часть времени простоим возле рублевской Троицы или двух ангелов Врубеля. Будем стоять и смотреть, и я неторопливо буду делиться мыслями, которые придут мне в голову в тот момент. И паузы в моих речах будут все больше и больше – это будут паузы для созерцания, для чистого наслаждения. Очень может быть, что, когда я оглянусь, я увижу, что за мной не класс – класс давно разбежался, – а всего лишь несколько человек, и тогда я скажу себе то, что

всегда говорю в таких случаях: что ж... Но я надеюсь, что сумею так подготовить их к встрече с Рублевым, что они будут ждать ее и будут готовы стоять перед картиной. Да им к тому времени будет нравиться идея стоять перед одной картиной, а не бегать по музею. А на следующий день мы, возможно, и пробежимся, пройдем по залам для общего знакомства: для человека, который хоть раз в жизни простоял несколько минут перед картиной, тронувшей его чувство, такое общее ознакомление будет не вредно.

Еще труднее приучить их читать... Хотя кажется, что это самое легкое: великие книги – вот они, и, как бы ни была бедна наша школьная библиотека, все-таки в ней есть прекрасные книги. Но как заставить детей прочитать их? Дети не любят, когда им навязывают книги. Даже обычный совет прочитать книгу может на годы отодвинуть ее от ребенка. Перебираю все формы так называемой работы с книгой и вижу: не то, не то... Литературная конференция, коллективное обсуждение книги? Полезно, но – не то; такими обсуждениями к книге не приохотишь. Библиотечные формы работы: «Возьми эту книгу, прочитай, а при возвращении расскажешь содержание» – совсем не годятся. Если бы меня кто-нибудь заставлял рассказывать содержание книг, я бы и в руки их не взял...

Чтение – еще более индивидуальный, еще более прихотливый процесс, чем учение, и оно не терпит никакого коллективного давления или вмешательства... Дети не должны чувствовать, что их чтением руководят.

У меня две задачи: минимум и максимум. Минимум: я должен вырастить людей, способных читать для себя, изо дня в день, потому что книги доставляют им удовольствие. Но так вырастают неразборчивые читатели – они берут в руки все книги подряд, и чтение становится для них одним из способов убить время: читают от нечего делать, читают, чтобы ничего не делать, читают, чтобы не делать нужное, например те же уроки. И читать не очень хочет, но уроки делать – тем менее, а потому готов читать. Одни дети убегают от уроков во двор, другие прячутся в книгу – и неизвестно, что хуже. С одной стороны – нечитающий человек, который не берет книги в руки никогда и ни при каких обстоятельствах. С другой – запойный читатель, который прикрывается книгой от жизни и от выполнения своих обязанностей.. Запойным читателем обычно становятся ребята двух типов: очень развитые, жадные к знаниям – им чтение идет впрок – и очень ленивые, для них чтение – один из способов лениться. Чтение от душевной активности и чтение от душевной лени.

Задача-максимум: вырастить читателя хороших, и только хороших, книг... Научить детей разбираться в книгах!

Но как? Как? Как?

...И снова мое главное правило: не торопиться!

Я никогда не стану высмеивать ребят: «Что за чепуху ты читаешь!» Всякая книга, которую подросток берет читать с охотой, достойна чтения, независимо от того, нравится автор лично мне или не нравится, я уже за одно то должен быть благодарен ему, что он написал книгу, которую 10–11-летний человек способен дочитать до конца.

Книги про шпионов? Про милицию? Про разведчиков? Про сыщиков? Пожалуйста! Я сам буду приносить такие книги в класс, у меня собрано их немало, растрепанных до невозможности.

Растрепанная, зачитанная книга – вот лучшее чтение для подростка, начинающего читать. В конце концов многие великие люди вспоминают, что в детстве они замирали над похождениями Ната Пинкертон или над какой-то «Пещерой Лейхтвейса», – к сожалению, никогда не держал в руках этих изданий. Пусть поначалу читают что угодно, лишь бы читали! Я не верю, что от книг даже самого низкого пошиба может быть вред ребенку. И уж во всяком случае опаснее вообще не читать.

Я не должен бояться ничего естественного, что случается само собой и почти со всеми. Ребенок не может вырасти, если он не приходит домой грязный, с черными руками, в разорванной, запачканной рубашке – что такого? Это нестрашная грязь, она легко смывается...

И точно так же не страшно, когда дети рассказывают друг другу скабрёзные анекдоты, выискивают в книгах неприличные, с их точки зрения, места, слышат мат или даже сами ругаются. Эта грязь сойдет с них, если я буду вносить в детскую среду нечто чистое и высокое. Грязь прилипает немедленно, от нее не охранишь, но, чтобы проявилась чистота, надо потрудиться. Грязь – сама собой, чистое – результат труда воспитателя. Ну так и буду трудиться, и чистое обязательно победит в душах моих воспитанников. Со временем им станут неприятны и анекдоты, и мат, и циничные шуточки... Я видал ужасных матерщинников, выросших в семьях, где никто и никогда не произнес дурного слова, и я видал предельно скромных и чистых на язык детей, выросших в семьях, где отец иначе и не говорит, как матом, даже при детях и при их гостях...

Самое страшное – подозревать загрязнившегося ребенка в том, что у него и душа грязная, самое страшное – неверие в ребенка. Если мне удастся сохранить веру, я помогу и ребенку выбраться из грязи, отряхнуться, очиститься, отмыться – средства найдутся сами собой.

И точно так же должен я относиться к книгам не лучшего сорта – пусть читают! Если мальчишка читает шпионскую литературу, то у меня есть надежда научить его читать Тургенева и Диккенса; если же он ничего не читает, то у меня никакой надежды нет.

Когда-нибудь какой-нибудь гениальный библиотечарь-педагог составит список-цепочку – список таких книг, которые естественно проведут ребенка от самых увлекательных, но пустых книг к вершинам мировой литературы. Возможно, таких цепочек будет предложено ребятам несколько или даже много... Но пока у меня такого руководства нет, и придется идти ощупью. Я буду давать им Жюль Верна и «Четвертую высоту», Гайдара и Конан Дойла, Сетона-Томпсона и «Двух капитанов»...

К научной и политической литературе я приучу их нашими коллективными творческими делами: чем старше будут становиться ребята, тем больше книг придется нам брать с собой на коммунарские сборы для подготовки творческих дел. И всюду – и в обычные школьные дни, и на сборах – я буду выбирать время, чтобы читать ребятам вслух. Единственная форма коллективной работы с книгой, которая действительно оправдывает себя, – это семейная форма: чтение вслух с продолжением. Буду читать им до самого последнего, X класса, и если нам удастся прочитать вместе хоть десяток хороших книг, и если еще несколько книг кто-нибудь из развитых ребят сумеет рассказать – подробно, с продолжением, и если научатся мои ребята передавать друг другу хорошие книги, то, может быть, я сумею приблизиться к программе-максимум. А когда появятся у меня в классе первые пары влюбленных, то я, конечно, и виду не подам, будто замечаю это, и все же при случае – при удобном случае! – спрошу:

– Наташа, а что Федя читает? Что ты дала ему почитать? Читаете ли вы вместе? Почитайте «Юность» – там хорошая повесть есть...

А стихи? Дети могут читать очень много, но стихов в руки не брать. К стихам надо приучать особо. Мой коллега, преподаватель английского, знает наизусть около пяти тысяч строк: завидная память! Но он жаловался мне: на каждом уроке последние десять минут читает он стихи, но слушает его лишь полкласса. «Нет силы заставить остальных слушать!» – говорит он.

Нет, на уроке я стихов читать не буду. Я постараюсь обставить первые встречи с поэзией романтическим образом, мы будем читать стихи на сборе, когда ребята настроены на тишину и расположены слушать стихи как музыку. Ребята, даже старшекласники, меньше всего способны оценить красоту стиха, его чисто поэтические свойства – их больше интересует мораль, в стихах заключенная, и хорошими стихами им кажутся такие, в которых они находят поражающие их смелые для них мысли. Лермонтов и Некрасов – вот первые детские поэты... Я не буду торопиться, не стану говорить: вслушайтесь в образ, обратите внимание на певучесть, какая прекрасная строка... Мысль, страсть, чувство, ярость, злость и просто моральный совет найдут ребята в стихах, которые мы будем читать. И если, приучая ребят слушать музыку, я буду толкать их на то, чтобы они слушали поначалу одного и только одного композитора, то на наших часах поэзии – по вечерам, на полу в школьном спортивном зале, при свече – мы будем читать всех поэтов без разбора, даже не объявляя, кто поэт и как называются стихи. Никаких сопутствующих историй, никаких комментариев и разборов, никаких подчеркиваний: «Посмотрите, как красиво». Молча прослушали... И если было тихо, если действительно слушали, то и хорошо. Кого-то заденет, кого-то зацепит, кто-то спросит потом: а чьи это были стихи? Есенина? Кедрина? Багрицкого?

А чтобы приучать ребят думать над книгой и обмениваться мыслями, я сделаю такой рискованный на первый взгляд опыт: возьму экземпляр новой книги, о которой все говорят, попрошу кого-нибудь из ребят вклеить по листу чистой бумаги между страницами и пушу этот пухлый том по классу: читайте, и всё, что хотите, пишите на чистых страницах – комментируйте! Передайте эту книгу с пометками товарищу – он добавит свои замечания или поспорит с предыдущими. Полгода будет ходить книга по девятому классу, но это будет полезнее конференции.

Вся моя трудная работа в IV–V классах, все старания создать коллектив должны привести к тому, чтобы ребята слушали меня в старших классах, когда мы будем говорить с ними о книгах и о жизни... Слушали – и слышали. Слышали – и понимали. Понимали – и принимали.

А еще, наверное, мне придется и ставить спектакль с ними в VIII или IX классе, если удастся к тому времени довести класс до такого состояния, что он почти не будет нуждаться в мелочном надзоре, не будут отнимать все силы отстающие в учении и высвободится время... Домашний спектакль – это же чисто семейная затея! И свою большую семью я не должен лишать этого удовольствия... К тому же дети так любят переодеваться и играть, им так надоедает оставаться самими собой, они так мечтают хоть на время стать другими и примерить на себя другую роль, попробовать другую походку, заговорить другими, не своими словами... Я и сам с удовольствием поиграю в таком спектакле, если найдется подходящая роль.

Я ведь не выдержу, если все эти 7 лет только и буду, что воспитывать ребят да воспитывать... Я сам должен расти вместе с ними, и моя собственная культура должна

повыситься точно в такой же степени, в какой повысится культура ребят. Если я не буду расти вместе с ними, то и они не будут расти – не могу же я торчать засохшим стволом среди этой молодой зеленой поросли...

20.

Каждый класс в школе – не знаю, как это получается, – не то что становится похожим на своего наставника, а просто портрет его. Одни – такие же деятельные, как их учитель, другие – такие же неорганизованные, третьи – открытые, четвертые – замкнутые в себе: для своего класса в лепешку расшибутся, а для школы ничего делать не хотят.

Здесь то же самое, что и в отношениях внутри класса. Именно в этих отношениях и получают ребята практическую мораль, учатся понимать близкого человека. А отношения моего класса с другими классами в школе – это поле, на котором ребята учатся обращаться с людьми, с другими, с чужими. Отношение к чужим – одна из самых важных характеристик человека.

У меня есть опасность, что мой класс замкнется в себе, что у ребят появится чувство высокомерия. Кто ездит по другим городам? Мы. Кто чаще ходит в походы? Мы. У кого коммунарские сборы, на которые рвутся и ребята из других классов? У нас. К кому приходят умные взрослые? К нам. И кого чаще других хвалят в школе?

Мне нужно сделать, чтобы ребята всю эту свою прекрасную деятельность никогда, ни на минуту не считали подвигом!

Хорошо убрали школьный актовый зал? Ну и что? Нормально.

Хорошо выступили на дружинном сборе? Молодцы, нормально.

Только чтобы не было – мы лучше всех! И V «Б» выступил хорошо, и VI «А», и у нас неплохо получилось...

В День учителя мои ребята вывесят на дверях всех классов красочные поздравления учителям; но подписывать, что это наш класс поздравляет, мы не станем. Да это не мы, это вся школа поздравляет учителя.

Мне мало, чтобы ребята были доброжелательны друг к другу – надо, чтобы они были доброжелательны ко всем в школе.

Возникла хорошая идея – поделимся с соседним классом.

– И зорко смотрите, – буду я повторять детям, – чтобы ваша радость не стала горем для других!

Последние годы мой класс всегда поздравлял меня с днем рождения – вхожу в класс, а они все в каких-то шапочках, с цветами, со стихами и двумя огромными тортами.

– На перемене будем чай пить, – неосторожно говорю я, и вижу, что ребятам неловко: если на перемене, то вся школа увидит, как меня поздравляют.

А может быть, кого-то из учителей и не поздравляют с их праздниками... Неловко получится! И я радуюсь их чувству неловкости.

Обычно, когда мы едем на сбор, то совет дела вывешивает в моем кабинете стенд – фотографии с прошлых сборов. А потом ребята заметили, что другим это неприятно, не все ведь могут устроить сбор. Как будто мы хвастаемся... И ребята сами отказались вывешивать стенды.

Ведь это только говорится, что дети не любят отличников, – есть такие отличники, которых просто обожают. Тех, у кого знания не напоказ. Моим ребятам будет невыносим и малейший оттенок работы напоказ, и сами свою жизнь они должны оценивать словом, над которым я всегда посмеиваюсь, потому что многим оно заменяет все другие слова: «нормально»...

Но вот запретное, вот чего я никогда не скажу ребятам и, надеюсь, никогда не услышу от них и, больше того, никогда они и сами так не подумают: «На нас смотрят».

Они никогда ничего не будут делать лишь потому, что «на нас смотрят». Я никогда не стану говорить им: «Нехорошо ребята, мы же из VI «А»... Из VII «А»...» Я никогда не буду говорить им о чести класса, о том, что, поступая дурно, они тем самым подводят меня и свой класс...

Конечно, все это помогает держать ребят и в каком-то смысле помогает воспитывать их: честь класса, мы – особые, мы – друг за дружку... Но это воспитательные рычаги второго сорта, ими можно пользоваться, лишь когда начинаешь работать и еще не умеешь пользоваться более высокими стимулами. Но и тогда обязательно найдется в классе хоть кто-нибудь, кто отнесется к словам о чести именно как к словам – с презрением, с насмешкой. А когда пройдет много лет, они, может, и все будут подсмеиваться над тем, что в школе чувствовали себя исключительными людьми. Понятие чести – тонкий инструмент. Честь выделяет тебя из других, но честь и поддерживает, возвышает тебя. Я буду говорить иногда о личной чести, о чести человека, о гордости за свою работу и, может быть, даже за свою жизнь. И я буду говорить им о чести школы, о чести гражданина нашей страны, но только не о чести класса! Если человек чувствует себя самого как особое существо – это правильно; если человек чувствует себя принадлежащим к школе, городу, стране, это помогает ему жить. Но он не должен чувствовать себя принадлежащим к особой группе, к классу! Он должен быть готов, выйдя из класса, из школы, вступить в какие-то новые коллективы и жить в них точно так же, как он жил в своем классе, не испытывая разочарования: «Вот у нас в школе... вот у нас в классе было...» Каждый, выходя из школы, получит в приданое лучшее, что только можно получить, – друзей на всю жизнь, замечательных друзей, преданных навсегда друзей юности... Но их должны связывать именно личные дружеские отношения, а не привязанность к классу, к коллективу, которого к тому времени не будет. Пусть не воспоминания, а реальная жизнь связывает их! Школьная любовь может продолжаться годами и привести к браку; но ведь нельзя, чтобы люди, полюбившие друг друга в IX классе, чувствовали себя обязанными любить и оставаться верными навсегда, и непременно жениться, и выходить замуж. Узы, связывающие моих ребят, должны быть легкими, необременительными, невесомыми – ни один человек из класса не будет чувствовать себя обязанным прийти на вечер встречи бывших учеников. Если придет – то с удовольствием, с радостью, и только так.

И лишь в спорте я буду поддерживать чувство чести класса. В спортивных состязаниях, буду говорить я ребятам, мы должны побеждать во что бы то ни стало – на то и спорт! В спорте, буду я повторять, самое главное – самоотверженность. Играй самоотверженно, борись самоотверженно, тренируйся и выкладывайся на соревнованиях самоотверженно,

думая об одном – о том, как принести победу своей команде, классной, школьной или еще какой-нибудь.

Я хочу вырастить людей, которые живут, не чувствуя себя приписанными к какой бы то ни было команде, живут свободно. Но каждый раз, когда им приходится выступать за команду – или работать в бригаде, или в коллективе, словом, работать или бороться вместе, – каждый раз они должны полностью, самоотверженно отдаваться команде, забывая про себя, если, конечно, сама работа, сама деятельность команды не противоречит принципам жизни.

Я мысленно говорю себе: мои, мои... Я не видел их еще, но я думаю про них: мои. Но ведь на самом деле они не мои, у них будут и другие учителя, и эти учителя – по крайней мере некоторые из них – окажут на них не меньше влияния, чем я, и еще у них будут руководители кружков, спортивные тренеры... Наконец, у каждого из них есть семья, и я не стану бороться за то, чтобы мое влияние было самым сильным, и уж, конечно, не буду ревновать, когда увижу, что ребята уходят, отдаляются от меня. Я должен отдать им все, но я не имею права в придачу награждать их цепями личной ко мне привязанности. Наверное, они запомнят своего воспитателя Николая Федоровича, но я хотел бы, чтобы они вспоминали обо мне с улыбкой, и не более того. Почему-то я не выношу, когда люди чувствуют себя благодарными мне и тем более выражают эту благодарность. У меня вырастут ребята, которые будут чувствовать, что они в долгу перед своими товарищами, и будут благодарны своим товарищам – товарищам, а не мне. Ведь они вырастут, учась друг от друга, в сложных отношениях между собой. А со мной отношения должны быть легкими, ненапряженными, такими, что они и замечать их не будут, и никто из них ни разу не должен задуматься: «А как относится ко мне Николай Федорович?» Ведь в хорошей семье дети не задумываются о том, любят ли их отец с матерью, и почти никогда эту любовь не выражают.

Я стал думать обо всем этом так, как думаю сейчас, после того как однажды увидел потрясшую меня сцену: я увидел, как учительница II класса, прощаясь с детьми после уроков, некоторым лучшим девочкам разрешала подойти и поцеловать ее, учительницу... И девочки подходили по очереди и целовали свою учительницу, а она улыбалась. Я подумал тогда, что ничего кошмарнее в педагогической своей жизни не видел и что со мной никогда не произойдет ничего даже отдаленно похожего на эту сцену.

Преподавательница химии Лидия Васильевна сказала мне как-то о моем десятом:

– Все равно они у вас особые, они чувствуют себя особыми... и слушают по-другому, и поют по-другому, и работают по-другому... и они верят в то, что всё могут...

– Самоуверенные?

– Нет, но... Особые...

Ну и что же, думаю я. Особые. Я ведь тоже считаю себя особым человеком. И всех людей считаю особыми, и перед каждым, кто бы он ни был, немного робею, хотя и не боюсь никого. И пусть мои дети тоже – каждый в отдельности – считают себя особыми людьми, лишь бы они и всех других считали такими же особыми. Я хотел бы, чтобы они в любом обществе, в любой компании, среди любых людей держались спокойно и уверенно – не чувствовали ни превосходства своего, ни приниженности. Собственно говоря, это и есть подлинная культура поведения.

Я не буду объяснять моим детям, что такое хорошо и что такое плохо, – это они знают из стихов, которые им читали еще в детском саду, в 5 лет. Да и прежде они все это знали, до 5 лет. Но они должны на практике понять многие тонкости человеческого поведения и отношений. Вот всё, чему я буду их учить: быть человеком и относиться к людям по-человечески.

21.

А дорастут ведь мои дети и до IX класса, и поедем мы с ними на последний летний коммунарский сбор. Он будет шестой по счету, «шестой летний»; обычно ребята так считают сборы: третий зимний, пятый весенний, шестой летний... 24 сбора проведем мы за 7 лет. Нет, конечно, меньше, какую-то часть мы пропустим. То усталость одолеет, то болезнь некстати, то места хорошего не найдем, то просто настроения не будет... Но зимние и летние сборы – обязательно, без них мне не выжить.

Шестнадцатилетние мои ребята станут опытными «сборовцами» – этим неуклюжим словом они сами упорно будут называть себя, я уж знаю, и сбор для одного только нашего класса покажется им не очень интересным – пропадет ощущение новизны и, следовательно, творческий накал. Мы возьмем с собой ребят из седьмых, восьмых и параллельного девятого так, чтобы было человек 80 – примерно 20 палаток. Место для лагеря побольше найти трудно. И наверное, мы создадим отряды, в которых соберутся ребята разных возрастов, чтобы наши традиции не уходили из школы, чтобы не нужно было потом все начинать сначала, чтобы дрожжи оставить, закваску. И чтобы мои ребята чувствовали больше ответственности, были организаторами. К тому времени они привыкнут к таким сборам. Мы с VII класса будем объединяться на сборах с ребятами из других классов и их классными руководителями.

Но как бы ни опытны были ребята в самообслуживании, в работе и в творческих делах, легких сборов не бывает. Потому что коллектив – это такое хрупкое явление, что неожиданности подстерегают тебя на каждом шагу.

Казалось, все хорошо: приехали, добрались, поставили палатки – и никто не бежит ставить сначала свою палатку, все вопросы решают вместе и вместе придумывают, какой город мы построим, где будет его главная площадь и как протянутся улицы... И сразу появляются, вроде бы даже сами собой, все привычные ребятам органы самоуправления: совет командиров, дежурные командиры в отрядах, несколько советов дела на первые три дня... Но сколько бы мы ни ездили, всегда одно и то же: все ждут чуда, все заранее настроены восторженно, все ждут «птичку» – как дети перед фотоаппаратом... Да ведь и я, и другие взрослые, признаться, тоже ожидаем чуда, ожидаем, что всё будет само собой – и всё замечательно!

Странным образом это ожидание чуда даже у самых активных ребят вызывает некоторый всплеск психологии зрителя: «А ну-ка, посмотрим, что будет». А что будет? Будет все точно на том же уровне, к которому подошли на предыдущем сборе, и поэтому-то очень скоро все окажутся в недовольных. На прошлом-то сборе этот уровень дался в напряжении и ценой общего вдохновения, а здесь – автоматически, и потому всем кажется, что ничего не происходит. Плохой сбор! Неудачный! Не то, что в прошлом году! Не то, что в позапрошлом! Все, разумеется, мгновенно забудут, что и прошлый, и позапрошлый год начинался с таких же вздохов и огорчений.

Очень легко провести этот сбор как по часам: утром встали, пошли на работу, вечером творческие дела, потом «огонек»... Но тогда сбор был бы и не нужен – мне вовсе не

нужен филиал пионерского лагеря, я не собираюсь обеспечивать моим ученикам приличный отдых, меня не очень заботит, как именно проведут они лето. Пионерский лагерь или обычный лагерь труда и отдыха лишь в небольшой степени зависят от настроений среди ребят и взрослых. Оттого что ребята там относительно разобщены, перемены в настроении распространяются от одного к другому довольно медленно. Да и сами ребята меньше зависят от состояния всей лагерной жизни. А у нас – порох, у нас – сгусток настроений, у нас каждая малейшая неудача сразу отражается на всех, потому что мы очень зависим друг от друга в самых существенных моментах нашей жизни – в еде, в режиме, в возможностях для отдыха. Палатки стоят в трех метрах одна от другой, и отряды расстанутся лишь на время походов. Настроения переливаются из края в край лагеря, настроение падает, поднимается по сотне разных причин, и иногда бывает довольно трудно понять, в чем дело, отчего ребята делают всё то же, что и всегда, но без радости. А радость и вдохновение, творческий порыв – это главная и единственная особенность сбора, то, для чего он и устраивается, потому что только эта радость и создает отношения дружелюбия между ребятами. Ребята по-прежнему должны видеть на сборе идеальную, модельную жизнь; но насколько выше теперь их собственные требования к такой жизни, чем у четвероклассников! И как трудно им продержаться теперь в такой жизни целых 20 – 25 дней!

Обычно трения начинаются в отрядах, в отношениях между ребятами. Перед кем-нибудь опять встанет старый для всех вопрос: зачем? Зачем так стараться, зачем вся эта беспокойная жизнь? И хотя сто раз отвечали мы себе на этот вопрос, и мальчишка сам себе сто раз отвечал, а вот опять – стал взрослее, насмотрелся, что вокруг него, пережил что-то – и опять вопрос «зачем?».

Но ведь и в жизни так... Не может думающий человек ответить себе на вопрос, зачем он живет, раз и навсегда – он всю жизнь ищет смысл жизни! Для того и сбор, чтобы эти вопросы возникали и проявлялись. А если этого не будет, если ребята не станут спрашивать «зачем?», то мы, взрослые, схватимся за голову: зачем? Зачем нам этот сбор и все эти летние мучения, если всё гладко, всё хорошо и ни у кого никаких вопросов?

Начнется с какой-нибудь мелочи: один не вышел на работу, или кто-то отпустил пошлую шутку на «огоньке». Может быть, это случайно... Но берешься разговаривать – и поднимается один слой недоумения за другим, выявляются одни претензии за другими. И выясняется, что за хорошо налаженной машиной кроются разные неприятности и дух ребят довольно низок. А за каждым отрядом тянется хвост школьной, обычной жизни, в которой один недолюбливает другого, второй не терпит замечаний от третьего, четвертый ревнует пятого к шестой, а шестая своим постоянным стремлением командовать над мальчишками вообще разлагает весь отряд.

И никто из ребят не может понять, в чем дело, но все чувствуют одно: нет того доброжелательства, о котором они мечтали и ради которого поехали на сбор, как едут к морю купаться...

В сотый раз порадуюсь я тому, что у меня хватило сил на сборы, ибо в классе все эти отношения скрыты, не проявляются. И даже если я буду настолько зорек, что увижу их, – ну и что? В классе у меня очень мало возможности распутывать все эти узелки. Чем больше я буду заниматься отношениями, тем хуже будет результат, и в конце концов я превращусь в собирателя и разбиравателя мелких сплетен, из которых каждая сама по себе ровным счетом ничего не значит.

Только здесь, в этой физически трудной жизни, да притом еще, что я не упрощаю, не облегчаю, а, наоборот, усложняю жизнь наворотом творческих дел, следующих друг за другом почти без перерыва; и в этом близком ежеминутном контакте, почти как в космическом корабле; и в той обстановке, когда мы все начинаем зависеть друг от друга (а в классе кто от кого зависит?), – вот здесь с невероятной быстротой вновь и вновь, в десятый и в двадцатый раз изменяются представления всех и о каждом: кто-то падает в общем мнении, кто-то поднимается, и опять падает, и опять поднимается. Идет напряженная работа оценок и самооценок, которая в классе невозможна и которая ведет к тому, что в конце сбора в анкете прощального «огонька» почти все напишут: «Я чувствую, что я изменился...», «Я чувствую, что стал лучше...»

Может быть, мне не устраивать сбора, а повести ребят в дальний, двухнедельный поход? Там тоже невероятные трудности и тоже становится видно, кто чего стоит, и тоже сплываются и изменяются ребята...

Но сразу начнется: многих ребят я не смогу взять по состоянию здоровья, И никогда не возьмешь в поход сто человек, а мне важно, чтобы каждый из ребят умел установить отношения с возможно большим числом сверстников. И в походе только туристская цель, туристские навыки, а сбор – это почти точная модель общественной жизни, взятой в сгустке. Ведь основой сбора по-прежнему будут творческие дела, невозможные в походе.

К этому времени ребята мои, я надеюсь, разовьются настолько, что мы далеко уйдем от концертов-«ромашек» и всех будут интересовать только такие творческие дела, которые позволяют поглубже, посерьезнее разобраться в той теме, которой мы касаемся. Если мы в IV классе проведем час Маяковского, то теперь нам нужен как минимум день Маяковского.

Пожалуй, я так и сделаю – это, кстати, поможет ребятам потом, при изучении литературы в X классе: день Маяковского, день Горького, день Блока... В день Маяковского у нас откроется литературный салон с выставками книг по разделам: Маяковский-драматург, Маяковский-художник, жизнь Маяковского... Поставим кусочек из «Бани», оформим весь лагерь стихами поэта и сделаем так, что в этот день без конца будут читать стихи Маяковского – то все вместе, то по отрядам, то небольшими группами... Для многих это будет первым знакомством с поэтом – мне нужно, чтобы он выделился в сознании ребят, чтобы произошло личное знакомство, чтобы имя, которое они слышат на каждом шагу, приобрело для всех особое значение. Весь этот день будет наглядно воссоздавать эпоху Маяковского – то, чего учитель не может сделать на уроке. А без такого наглядного представления ученики никогда не поймут поэта. Многие ребята, я знаю, никак не смогут полюбить Маяковского, он будет им чужд, и, когда начнут изучать его творчество, они станут приходить ко мне с жалобами: «Да не люблю я его, не нравится он мне». И что я тогда скажу – «не люби»? Но это не вопрос разрешения или запрета... Человек, который все-таки полюбил, понял, оценил Маяковского, – этот человек ведь богаче. Тоже очень легко: этого не полюбил, другого не полюбил, третьего. Всё честно, но юноша обеднен. Опять честная бедность. А когда ребята сами, еще до школьного изучения, еще не за отметки и не в обязательном порядке станут делать докладчики, или читать стихи, или просто рисовать плакаты, или даже только слушать, как их товарищи с увлечением рассказывают о поэте, вопрос «полюбил – не полюбил?» или совсем снимется, или по крайней мере потеряет свою остроту. Доурочная, предварительная подготовка учеников к изучению сложной темы, я уверен, когда-нибудь станет одним из главных методических приемов.

Это будет у нас сбор общения с великими людьми как с личностями. Мы проведем наш десятый или, может быть, пятнадцатый вечер из серии «Люди с горящими сердцами» – каждый отряд расскажет о жизни одного из революционеров, об Урицком, о Коллонтай, о Баумане, о Луначарском, о Красине, о Чичерине... Или я опять проведу вечер, который так хорошо получился с прошлым X классом – «Красные дипкурьеры», от товарища Нетте начиная...

На этом же сборе закончим мы нашу серию игр-исследований «день века»: у нас к тому времени пройдет уже день XVI века, день XVII века, XVIII, XIX веков и на очереди будет век XX – его политическая история в самом сжатом виде, в самом существе своем, глубоко революционном.

И еще одна линия протянется через все сборы – серия разговоров о человеке и смысле жизни... Что такое интеллигентный человек? Как стать вровень с веком? В чем суть мещанства? И может быть, если удастся, я подготовлю и проведу на «огоньках» серию бесед о психологии юношеского возраста. Ребята готовы слушать такие научные беседы без конца, их очень поражает, что все, что с ними происходит и кажется сугубо личным, на самом деле заранее описано, классифицировано и объяснено наукой – так что можно даже предсказать, что с тобой будет дальше...

Много забот ожидает меня, и первая – как поддержать творческий уровень всех наших дел.

Пока дети маленькие, они во всех творческих делах пользуются уже имеющимся у них багажом, фантазией и воображением. А к X классу на первое место выходят серьезные знания, различный материал, почерпнутый из книг. Книги мы повезем на сбор чемоданами. Но ребята всегда должны понимать, что если они пересказывают одну или несколько чужих книг и составляют таким образом небольшой доклад, то это никакого отношения к творчеству не имеет. Я ненавижу, когда ребята читают отрывки из чужих книг с таким видом, будто говорят нечто свое. Я научу ребят, постоянно, может быть, повторяясь надоедливо, указывать в своих докладах источник: кто это пишет? Кто это сказал? Только тогда и они сами, и все их слушатели научатся ценить пусть самую куцую, но все-таки собственную мысль или собственное мнение. Тогда мне не придется вытягивать из ребят: «А ты сам что думаешь по этому поводу?» Этот нетактичный вопрос я никогда ребятам задавать не стану. Когда они привыкнут ссылаться на источник, то само собой получится, что кто-то захочет сказать и свое, а кто-то хотя бы огорчится из-за того, что ничего своего сказать не может... Вот это огорчение и дорого. А как еще научить ребят хотя бы ценить чужую свежую мысль, если уж ты сам на нее не способен? И еще это научит ребят и в книгах, которыми они пользуются, искать именно мысль и мыслью восхищаться. Я буду рад, если для всех ребят станут привычными обороты:

– Мне понравилась мысль такого-то...

– Меня поразила мысль такого-то...

– Я согласен с мыслью такого-то...

– В такой-то книжке такой-то пишет, что... Я с этим не согласен...

Очень интересно следить за тем, как эти высокие разговоры и трудная работа ума соединяются с ежедневной прополкой капусты... Именно в столкновении реального, будничного, некрасивого, иногда нелепого и несправедливого с высоким, нравственным и

как бы не имеющим отношения к сегодняшней жизни, именно в столкновении, в разрешении этого внутреннего конфликта и вырабатывается нравственная стойкость.

– Да, пошли помогать рабочим в совхозе и видим, что мы-то работаем, а многие из них пьяны и работать не могут. А мы вечерами о чем говорим? О Блоке и Маяковском? О революционерах и смысле жизни?

Как быть? Как понимать? Что делать? Что выбирать? Может быть, мы дураки? Может быть, мы не от мира сего?

И мне нечего было бы ответить ребятам и все мои красивые слова остались бы словами чудака или, хуже того, словами учителя, который говорит по обязанности, если бы я не мог сказать:

– Но ведь эта жизнь, которую мы сами себе своими стараниями создали, она ведь тоже реальная? Мы живем этой жизнью, вот она! Выбирайте...

Я буду показывать ребятам, что люди с горящими сердцами, о которых мы говорим, все они, на обывательский взгляд современников, казались людьми не от мира сего, и Маяковский писал в годы нэпа, когда кругом было полно спекулянтов, торгашей, мелких лавочников. Выбирайте!

Надо заранее подготовиться к тому, что отнюдь не все мои ребята сделают тот выбор, которого я бы желал... Что ж, у школы сильные соперники в борьбе за душу детей, и поражения неизбежны.

Так заботы творческие сливаются с идеологическим воспитанием. Среди взрослых возможна чисто политическая пропаганда и агитация. Политическая работа в среде подростков и юношей обязательно должна сливаться с нравственным воспитанием, потому что для ребят рассказ о событиях в стране и в мире должен быть связан с их собственной жизненной позицией, причем не только в оценке, но и в действии, в образе жизни, в собственном выборе. Подобно тому как бывает с ребятами, когда они читают «Молодую гвардию» и думают: «А я? Я бы мог так?» – точно так же и всякое политическое событие, всякий политический, идеологический разговор должен вызывать мысль: «А я?», должен вести к образованию политических пристрастий, а от них – к убеждениям. Интерес – пристрастие – убеждение... Пусть политические убеждения детей будут следствием убеждений нравственных, чтобы политические взгляды вытекали из нравственных, а не наоборот: нравственные – из политических. Чем старше ребята, тем чаще мы будем говорить с ними о нравственном облике революционера, политического борца, патриота, человека, истинно преданного своему народу. И когда мы на одном из сборов соорудим в глухой деревушке обелиск в честь павших в Великой Отечественной войне и восстановим полный список погибших, мне будет важно, чтобы ребята прошли по домам и нашли людей, которые помнят погибших живыми, чтобы ребятам никогда не казалось, будто помнят о мертвых. Помнят всегда о живых.

Я буду показывать ребятам, что политические суждения и размышления – это серьезное дело, оно требует глубоких знаний, что о политике нельзя, говорить просто так, «на завалинке», и даже на наших дружеских «огоньках». Поэтому центр тяжести политического воспитания я перенесу на урок истории, где каждое суждение будет связано с точными фактами и цифрами. А на сборе больше беспокоит эмоциональная и нравственная сторона: ни одного слова, сказанного потому, что «так нужно», «так

принято», «так говорят все». Есть темы, которых лучше не касаться, чем говорить формально и холодно.

И еще одна моя забота – организационная. В каких отношениях находятся ребята, когда готовят и проводят творческие дела? К этому времени сборы станут ребятам относительно привычны, советы дела будут собираться в считанные минуты. И сразу появятся новые опасности. Старшие ребята стремятся к совершенству, им кажется, что это неважно, кто все придумал на совете дела – один умный или всем советом долго сидели. Дело заслоняет им личность, дело прежде всего! Само стремление к качеству ведет к тому, что оно становится главным в сознании ребят – да разве только ребят? Это обычное человеческое заблуждение, и ребятам не избежать его, если взрослые не будут особенно внимательны к советам дела именно к концу школы, когда ребята начнут гордиться своими сборами. Вот тут-то мы можем потерять некоторых, даже и не заметив этого. Именно в это время появляются ребята, не уверенные в себе, оттого что они постоянно оказываются последними в творческих делах. И никто не заметит, как человеку плохо, тем более что человек вроде и не обижается, он даже и улыбается, он поддакивает – он все списывает на свою неспособность, хотя на самом деле столкнулся с завуалированной жестокостью.

Опять: для того и сбор. В классе все эти процессы незаметны, мы проходим мимо них, а потом удивляемся, отчего прекрасная наша коллективная работа дала столь малый результат.

Обычно беда обнаруживается на пятый, шестой, седьмой день сбора, когда оказывается, что хорошо себя чувствует лишь небольшая группа ребят, которые взяли бразды правления и в организации жизни, и в творческих делах. Со стороны все прекрасно: самоуправление! Да еще какое! В других классах и не снилось. А на самом деле...

Человек работает на поле, ему тяжело, он почти умирает, но надо сделать норму, и никто не скажет ему: оставь... И ему самому в голову не придет сказать: «Ребята, мне тяжело...» Ему неловко, неудобно, а это значит, что он чувствует себя в коллективе, но не среди друзей... Нет дружеской теплоты!

И начинаются пылкие выступления на «огоньках»: такой-то не сделал, такой-то ленился, такой-то не справился, не постарался!

Хорошо? Не я ли сам стремился к подобным разговорам, звал ребят к откровенности, к смелости суждений, к активности, наконец!

Ребята «выдают» блестящий анализ, а мне отчего-то хочется встать и спрятаться за дерево. Они этой неловкости не чувствуют, они вошли в организационный раж, и, останови их сейчас, они искренне удивятся:

– А разве мы для себя стараемся? Мы же для пользы дела!

И посмотрят на меня как на отступника от интересов коллектива, как на предателя, как на гнилого либерала или интеллигента, который все портит, – ничего с ним, с таким, не сделаешь.

Когда я замечу на сборе первые признаки распада, увижу, что ребятам работа становится важнее отношений, я вот что сделаю: я поведу сбор к взрыву. Практически в последнее

время он и сам собою происходит, этот взрыв, и можно даже считать, что это признак удачного, и не проваленного сбора.

Вдруг в какой-то день, обычно на шестой – седьмой, накапливается и начинается то тут, то там прорываться неудовлетворенность сбором, недовольство: «Когда ехали, думали, что... А на самом деле...» И наконец, на одном из вечерних «огоньков» начинается буря... Как правило, она выливается в открытое недовольство взрослыми: ребятам всегда кажется, что именно взрослые во всем виноваты. Стандартные обвинения: мало дают власти совету командиров, всё берут на себя... Жалуются, что много свободного времени, мало работы – вчера не выехали в поле из-за дождя: «Что ж мы, маленькие?»

А я знаю, что причина совсем в другом, но радуюсь, что они не между собой ссорятся, а сплоченно выступают против старших. Ведь если я на самом деле, а не понарошку даю им права, то они должны эти права испытать, увидеть на практике, где же они кончаются, эти права, где их границы. Я говорю на «огоньке»: «Пожалуй, лучше завтра в поход не идти» – и могу быть почти уверенным, что «огонек» проголосует за поход. Так будет и в пятом и в седьмом, и в девятом, потому что ребята растут, и права их растут. Но декларации прав не имеют значения, ребята хотят узнать реальные свои права. И хорошо! Пусть так и будет.

Но, конечно, и от меня требуется известная доля мужества: не бояться столкновений, а радоваться им. Честно говоря, когда такой день наступает, то не до радости: я злуюсь, нервничаю, бросаю им навстречу град своих претензий... «Хорошо, – говорю я, – самоуправление... А когда вчера каша была готова? А как вчера работал отряд «Алтай»? Сколько сорняков оставил? Завтра взрослые будут работать отдельным отрядом, и мы покажем, что значит чистая прополка!»

А назавтра будет вот что: мы работаем вовсю, а дети, кое-как пройдя грядки, с интересом ждут, пока старшие кончат...

Но мы же не для того вышли, чтобы показать им пример на один день, мы теперь каждый день, до конца сбора будем работать отдельным отрядом, и ни одного взрослого не будет стоять над работающими ребятами: если у нас самоуправление, то, пожалуйста, будьте добры, управляйтесь сами!

Обычно ребята постепенно начинают понимать, что порядки в лагере разумны и справедливы. Но еще чаще оказывается, что мы, взрослые были в чем-то неправы, что мы не успеваем за ростом наших ребят. Теряем ритм, не можем предусмотреть каких-то ситуаций, были несправедливы и не умели взять тот единственный верный стиль отношений, который нужен в этом году. Это я раньше наивно думал, что стиль отношений с ребятами в классе устанавливается раз и навсегда, и считал, что уж стиль-то отношений с детьми у меня верный. Оказывается, и стиль нужно выработать постоянно, потому что постоянно растет коллектив, и то, что вчера ребятам нравилось в моих словах, то сегодня кажется им банальным, а то и неуважительным. Они требуют все больше и больше уважения, и не всегда успеешь за ними.

Ничего не поделаешь: все воспитатели склонны считать ребят менее взрослыми, чем они есть на самом деле, и все мы склонны верить в собственную непогрешимость...

Взрыв и должен быть сигналом для меня: SOS! Надо думать! Надо думать серьезно и, главное, быстро!

И тут нельзя играть – ребята видят, действительно ли ты огорчен, взволнован, действительно ли стоит для тебя вопрос «быть или не быть?», или проводишь очередную педагогическую операцию. Тем и отличается сбор от урока – только вправду! Никаких «учебных» игр. Быть или не быть!

И так всегда, с IV класса начиная...

А когда взрыв произойдет, когда прояснятся отношения между детьми и взрослыми, ребятам станут понятнее и отношения между собой. Для них столкновения со взрослыми всегда поучительны. Теперь отношения между всеми на сборе достигнут той бережности, искренности и прямоты, о которой только и мечтать можно было. Мы все вместе перестрадали, мы прошли через беду, мы чуть не поссорились навсегда – и потому взрыв и был таким очистительным. Мы увидели, как нужны друг другу. Никакими речами, разговорами и уговорами этого достичь было бы нельзя.

И приходит второе дыхание, наступают несколько счастливых дней, когда все до одного испытывают вдохновение в работе, когда все выкладываются и перестают замечать, кто сколько сделал, и слабые ребята перестают замечать, сколько сделали они. Все раскованны, все ведут себя свободно и храбро – и оттого вдруг просыпаются и таланты у тех, кто раньше и надежды не подавал. Таланты есть у всех, но только разная у ребят степень скованности, и часто нужны очень сильные и неожиданные меры, чтобы растряссти и освободить предельно скованного мальчика или девочку. Взрыв и производит эту встряску.

Слово «взрыв» в педагогической теории, признаться, всегда меня смущало. Имею ли право я, взрослый, подвергать подростка сильному потрясению? Противопоставлять его коллективу? Но, оказывается, метод взрыва можно применять к коллективу, а не к отдельному человеку. Хотя опасность по-прежнему есть, но подвергаются ей не ребята, а я, старший. Дети, собственно говоря, ничем не рискуют, а я рискую потерять плоды многолетней работы, рискую навсегда поссориться с ребятами, рискую самым дорогим, что у меня есть, – отношениями с ними... Но если рискую я, то я имею право идти на взрыв, более того, я обязан подвергать себя такому риску, потому что, как я уже говорил, в педагогику без риска я не верю – это хилая педагогика.

Что делать? «Через страдания к радости». Видимо, это вечный путь человеческой жизни, и в коллективе детей проходишь его точно так же, как и каждый из нас во всей нашей личной жизни. Сбор – модель жизни, это здесь, на сборе, ребята учатся жить, и, следовательно, здесь должна быть не очищенная, стерильная жизнь, а жизнь действительная, со страстями и бурями. Только тогда сбор и будет иметь воспитательное значение. Воспитывают не дела и не мероприятия, воспитывают страсти.

22.

А потом – когда это будет? – придет в нашу с ребятами жизнь самый легкий и самый трудный выпускной класс. Каким-то чудом мои детушки неузнаваемо изменятся за 10 дней между последним сбором и первым сентября. Еще на сборе они были обычные школьники, а пришли на уроки самыми старшими, никого старше их в школе нет. Выпускники. И им придется привыкать к новой их роли: по-другому разговаривать с учителями и между собой...

Теперь только я увижу, что как ни старался я соединить их с большой жизнью, а все-таки я и оберегал от нее, и лишь теперь она врывается в класс: все отношения внезапно становятся до жути серьезными.

То были интересы, а теперь надо выбирать профессию, и навсегда. В юности кажется, что все выборы – на всю жизнь.

То были способные или менее способные, и велика ли разница между пятеркой и тройкой? Цифра в журнале. А теперь видно, что пути отличников и троечников скоро разойдутся – и тоже навсегда.

То были увлечения, первая любовь, а теперь решается: останутся ли вместе.

То было: набедокурил, поссорился с учителем, запись в дневнике, а теперь маячит впереди характеристика, а от нее зависит многое.

Все осложняется, и навсегда уходит ребячье, детское, непосредственное. Свет и тень будущего ложится на класс... И просыпается у ребят жажда жизни – все хочется успеть! И появляется тяга отдать, передать, сделать для кого-то... Силы, накопившиеся за детство и отрочество, переливаются через край.

Если полистать дневники десятиклассников, то в половине из них найдешь запись: «Мне 16 лет, а я еще ничего не сделал для людей». Никто не поверит, что десятиклассники, которым бы сидеть и сидеть, готовясь к экзаменам, настаивают на том, чтобы поехать на зимний сбор с седьмыми классами, и будут возиться с младшими, и учить их всему тому, что сами умеют. В год, когда все отходят от общественной работы, они станут вдруг заядлыми общественниками, заинтересованными в школьных делах, как будто им очень нужно оставить за собой чистый дом.

Заранее знаю: учиться они будут по-разному, но экзамены сдадут хорошо. Для них экзамены будут одним из тех препятствий, которые они привыкли брать вместе: они станут помогать друг другу, сидеть ночами с товарищами, и, наконец, в полную силу проявится привычка к советам и творческим делам. Они действительно сумеют подойти к товарищу так, что ему легко принять помощь и оказать ее нетрудно. Я не знаю, что за класс у меня будет, и они сами про себя ничего не знают, но я уверен, что на экзамене по литературе минимум 20 человек напишут сочинение на «5»... И в них будут свои мысли, в этих сочинениях, а общих слов не найдешь.

И может быть, судьба еще раз пошлет мне радость, как в прошлом году, когда мои десятиклассники явились на последний урок перед церемонией последнего звонка – явились, как в I класс: на каждой парте лежала тетрабочка, карандаш, линейка, дневник, и на каждой парте – букет цветов, и ребята не дали мне слова сказать. Они сами вели урок, сами отвечали у доски на вопросы, которые я не задавал, и все отвечали отлично...

Я в тот день вернулся домой сам не свой. Но это не всё. После выпускного вечера им не захотелось расставаться, и они устроили трехдневный поход, описать который я никогда не смогу. Да никто и не поверил бы моим описаниям.

Мне с ними будет легко в X классе: всю работу ведут сами и как бы не задумываясь. Совет дела они собирают в две минуты, предложенный сколько угодно, и ничего им не страшно, всё могут, так что приходится их отговаривать и унимать. И всегда будут виться вокруг них малыши – дверь откроешь, а уже стоят несколько, ждут ребят...

Но напряжение не спадет до последнего дня: некоторым учителям с моим классом будет очень трудно. Привычка к свободе и раскованности не всем по душе, и мне придется быть внимательным и подолгу разговаривать с коллегами, чтобы никому не захотелось сломать, переиначить, подчинить ребят, чтобы во всех отношениях побеждала справедливость.

В этот год мне придется без конца разговаривать с выпускниками: кем будешь? Куда пойдешь после школы?

– Как вы думаете, Николай Федорович, из меня получится...

Продолжение этой фразы может быть самым разным: получится из меня врач? инженер? геолог? артист? кибернетик?

Масса столкновений с родителями, которые настаивают: иди в торговый! Иди учиться на зубного техника!

А идти в педагогический я их и сам буду отговаривать. «Только через мой труп», – скажу.

И все равно половина пойдет в учителя...

1980 г.

Логика Иванова

Для взрослого отношения прямые: человек – мир. В воспитании детей появляется третье действующее лицо, стоящее между миром и ребенком, – воспитатель, и картина меняется: дети – воспитатели – мир. В детях главное не то, что они беспомощны и неопытны, – мало ли таких взрослых! Главное, что между ними и миром стоит посредник, опекающий их человек, и он необходим для воспитания. Сам собою напрашивается вывод, что воспитание детей – это воздействие воспитателей на ребенка, так и говорят в учебниках, словно никакого переворота в теории воспитания не было. Правда, при этом получается, что воспитательный процесс, формирование личности, имеет как бы две природы – сначала человек развивается одним образом, а потом – прямо противоположным; но кто обращает внимание на теоретические неувязки? Мы храбро перепрыгиваем через смысловые пропасти, и труднейший из теоретических вопросов умирает, не оставив и следа в умах. Никто и не замечает, как из этой теории целенаправленного воздействия на ребенка потихоньку выходит и, умножаясь, располагается по многим головам общераспространенная легенда о хорошем воспитателе и дурной действительности: мол, мы, педагоги (родители), сделали все для воспитания нашего дорогого сыночка, а что он стал ну... ну как вам сказать... ну негодяем он стал, понимаете? Так это ведь ужасная действительность его испортила, разве можно воспитать нормального ребенка в наше время?

Но все, что хоть каким-то образом оправдывает дурные воспитательные результаты, – подозрительно. Комфортабельность прекрасна в быту, а в духовной жизни... нет, тут что-то не так.

А что если природа воспитания все-таки одна, если человек с детства и всю жизнь воспитывается собственным действием, а не только воздействием на него?

Эту задачу можно решить. Надо лишь сделать перегруппировку в триаде «ребенок – воспитатель – мир»: кто с кем? Кто за кого? Кто кому противостоит?

...Вот та единственная идея, которой всю жизнь служит профессор Иванов: не мир или, скажем, не столько мир действует на ребенка, воспитывая его, сколько ребенок в своей жизнедеятельности воздействует на мир, – и потому, именно потому он воспитывается. Такова природа воспитания, против которой не пойдешь, и все наши неудачи оттого, что мы пытаемся идти против природы процесса, пытаемся заставить факел гореть без доступа воздуха – а он не горит, хоть умри, хоть разбейся. Дети должны улучшать мир, учитель – не посредник между миром и детьми, нет, он на стороне детей, он вместе с ними и во главе их. Его цель – не дети, как все думают, а мир, который он улучшает вместе с детьми. Цель воспитания – не в воспитании, не в «целенаправленном воздействии», а в общем вместе с детьми улучшении общей жизни, в перестройке ее, как сказали бы мы сейчас.

Примите, пожалуйста, возьмите в две ладони эту мысль, как берут в руки что-то хрупкое, неизвестное, непонятное, не отбрасывайте ее, не разбивайте преждевременным скепсисом, начните потихоньку осматривать и обдумывать ее, новую, неожиданную, переворачивающую многие наши бытовые и педагогические представления. Может быть, эта мысль, эта идея станет вашим талисманом, вашим советчиком в затруднительных случаях: не «воспитывать» детей, а вместе с ними улучшать жизнь. Ради наших детей думать не столько о них, сколько о совместной жизни с ними. Не «включать» детей в работу, не «давать» им самоуправление, более или менее полное, отстраняясь от детей, а объединяться с ними, учить их действовать, побуждать к действию, действовать вместе с ними. Я «воспитываю» – я над детьми; я улучшаю жизнь – я вместе с детьми. Внешне все то же самое, лишь перемена в сознании взрослого, но сразу меняется вся обстановка в классе и в школе.

Часто повторяют известный афоризм философа: «Ребенок не только объект, но и субъект воспитания». Это важная, прогрессивная мысль, в свое время она прозвучала революционно. Но если следовать идее Иванова, то можно сказать: ребенок полностью субъект, деятель, но не воспитания, а перестройки жизни.

Не воспитание для жизни, не сначала воспитание, потом жизнь, а «сплав жизни и воспитания», говорит профессор Иванов. Он не навязывает жизни свои схемы, а вслед за классиками исследует ее, вскрывает неподвластные нам ее законы. Опасно поворачивать реки вспять и бесполезно, опасно идти против природы воспитательного процесса, которая состоит в том, что, воспитываясь, человек воздействует на мир, а не наоборот.

Оглянитесь, читатель, присмотритесь, согласитесь: и в теории, если она глубокая, и в книгах, если они честные, и в жизни, и в воспитании – всюду одно: где дети со взрослыми делают общее дело на пользу и радость людям, там, и только там, все получается.

Почему воспитание Макаренко обладало такой мощью? Да потому, что его воспитанники вместе со взрослыми строили новую жизнь, чувствуя, что они строят жизнь страны. Кто не только перенимает разновозрастные отряды, организацию, методы, но и понял принцип **самостроительства** лучшей жизни, у того сегодня получается не хуже, чем у Макаренко, и нечего оговаривать нынешних педагогов, без конца твердя, будто опыт Макаренко никем не был повторен. Повторен, и многожды повторен. Эти удачные опыты не узнают в лицо лишь оттого, что они внешне выглядят иначе.

Улучшать – не значить отвергать, а просто жить и работать лучше прежнего, не принимать прежнее слепо и послушно.

Всюду, где «воспитывают», где опека, воспитания не происходит. Но у каждого хорошего учителя, и не слыхавшего об Иванове, и в каждой семье, где не знают никаких педагогических теорий, но где реально стараются с помощью детей улучшить общую жизнь, улучшаются и дети. Конечно же, конечно, и дома, и в школе, и родители, и учителя и прямо, и сторонними путями передают детям именно готовый, вековечный опыт гуманизма, дают детям книги, разговаривают, учат любить людей; но знание своих сил, но кругозор, но способности, но ум; но воля даются ребенку не воздействием на него, а собственным действием.

Сухомлинский, когда мы читаем его, изменяет наше личное, субъективное отношение к ребенку.

Иванов, когда мы понимаем его, меняет наши общественные, объективные отношения с детьми.

Сухомлинский утверждал, что без стремления ребенка стать лучше воспитание невозможно.

Иванов утверждает, что без стремления ребенка улучшить мир воспитание невозможно.

Эти мысли, сливаясь в одну, и объясняют природу воспитания.

Вместе с детьми – это говорили и до Иванова, и сейчас другие говорят, хоть и не так ясно. Но что значит «улучшать жизнь», как могут дети улучшать окружающую жизнь? В этом все дело. Иванов нашел неожиданное решение задачи.

В самом деле, ведь нельзя же просто сказать педагогу: «Переходите на сторону ребят!» Чтобы изменилась позиция, должна измениться цель педагогических действий, я бы даже сказал – предмет педагогических забот. Должно было появиться что-то, в чем дети и старшие действительно могут сотрудничать, быть равными. Пока я передаю готовый опыт, я все равно над ребенком. Я должен делать что-то другое... Что же?

Для воплощения теоретических идей в реальную жизнь профессору Иванову потребовалось решить еще по крайней мере две задачи: что такое окружающая жизнь и как дети могут улучшать ее. И в том и в другом случае он нашел нетривиальные, неожиданные ответы.

Итак, что же такое «окружающая жизнь»?

У большинства из нас возникают ассоциации с общественно полезной работой: дети своим трудом помогают старшим. Это очень важно, но ведь и в самых благоприятных обстоятельствах общественно полезные работы занимают лишь часть времени, а воспитание должно идти всегда. По Иванову, окружающая жизнь – не вне школы, не вне дома, а в школе, дома, в компании ребят, в игре, всюду. Она окружает ребенка со всех сторон. Это не та жизнь, в которую ребенка выводят, как на экскурсию, а та, в которую он всегда погружен. Эту всеохватную по времени и пространству жизнь и должны, и могут постоянно улучшать дети, если их этому научить.

Важный теоретический шаг! Стоит его сделать, и жизнь ребенка перестает делиться на школьную и нешкольную, на общественно полезную и – на какую? На общественно бесполезную?

Вся жизнь ребенка и подростка полезна для общества. Вся она должна быть проникнута идеей совершенствования и улучшения.

Но что же в конце концов значит слово «улучшение»? Тут главная тайна, тут надо было сделать какой-то важный шаг. Профессор Иванов и сделал его, выдвинув принцип «Всё – творчески, иначе зачем?».

Улучшать жизнь – значит каждое жизненное дело, кроме совсем уж механических, стараться произвести не так, как прежде, а с напряжением ума, хотя бы с небольшим изобретением – то есть получше, то есть творчески.

Всё – творчески, всё – с улучшением жизни. А иначе зачем?

В самом деле, любое нетворческое движение не есть воспитание, это пустая трата дорогого времени детской жизни. Воспитание – только в улучшении жизни, только в творчестве. Идея творчества, которая прежде казалась лишь желательной, становится обязательной, необходимой.

Заметим, что и здесь нет изобретения, здесь лишь необходимое понимание одного из законов детской жизни – дети, предоставленные себе, всегда действуют по принципу «Всё творчески». Оттого они и любят играть, и не только ролевые игры, но и обыкновенные салочки требуют от ребенка микротворчества, напряжения внутренних сил – оно-то и переводит постепенно ребенка в следующую зону развития. Идет творчество – напрягаются внутренние силы – происходит воспитание. Ребенка воспитывает не воздействие на него и даже не собственное действие, а лишь творческое его действие – улучшение жизни. Строго по Марксу. И строго по реальности.

Тут и объяснение, отчего в одних и тех же классах одни дети развиваются, воспитываются, а других каждый день, проведенный в школе, как бы отбрасывает назад. Дети воспитываются не в том направлении, в каком хотели бы мы, и не в том, в каком они действуют по указанию старших, а лишь в том, в каком они сами творчески действуют на жизнь.

Но ведь от природы не все дети одинаково способны к творчеству, а тем более к общественному, организаторскому, не у всех развита фантазия. Как быть?

Требование «Всё – творчески» повисает в воздухе, превращается в пустой призыв, один из тех, которыми заполнены страницы и страницы педагогических книг. Необходимо было педагогическое изобретение, и профессор Иванов сделал его. Он открыл механизм, при котором общественное творчество, постоянное улучшение общей жизни стало необходимостью для каждого ребенка и стало возможным – даже если природа обделила его способностями.

Тут зерно, тут решение, без которого главная идея «не мир воздействует на ребенка, а ребенок на мир» остается за бортом педагогики. Необходимость все делать творчески Иванов создал тем, что разработал большую серию так называемых коллективных творческих дел – познавательных, трудовых, эстетических, спортивных, игровых, причем

каждое из них (и особенно трудовые дела) представляет собой состязание в творчестве – именно в творчестве, а не в чем-нибудь другом.

Но как научить думать?

Обычно в детском самоуправлении видят главным образом предоставление ребятам тех или иных прав и свобод, известной самостоятельности. Получается вроде бы и легко: взял да и передал права, и выходит, что какие-то злыдни-педагоги отчего-то не хотят отдавать эти самые права, а другие педагоги, умные и прогрессивные, требуют права для детей. При этом из поля зрения выпадает главное, первоначальное – процесс порождения идей. Самоуправление начинается с массового творчества, с массового порождения ценных идей. Здесь подлинная трудность воспитательной работы с детьми – далеко не все они способны предлагать идеи, и самоуправления для всех не получается, возникает актив и пассив.

И. П. Иванов, чтобы преодолеть эту трудность, разработал процесс движения детской идеи от порождения ее, воплощения в жизнь до анализа результатов и порождения новых идей. Решение проблемы о способностях к творчеству лежало в слове «коллективно». Не каждый ребенок способен один придумать новое, но если собраться втроем-вчетвером, да еще вместе со взрослым, то хоть какая-нибудь мысль родится, это уж обязательно; хоть какое-нибудь улучшение будет придумано. Причем и тот, кто реально придумывал, и тот, кто лишь поддакивал или выражал сомнение, – все чувствуют себя соавторами, все говорят: «Это мы придумали». Если же такие советы дела стали обычными, то через несколько лет даже самые нетворческие ребята начинают предлагать идеи. А затем тот же самый совет дела становится коллективным организатором его – и так все дети, даже не обладающие организаторскими способностями, учатся вести работу лучшим образом. Духом творческого коллективизма наполняется вся детская жизнь, и становится понятно, почему же коллектив необходим.

Ведь если воспитание – воздействие на ребенка, то коллектив – лишь дополнительная нагрузка на учителя, и во многих школах именно так и относятся к идее воспитательного коллектива. Иным же кажется, будто коллектив нужен для усиления того же самого воздействия, и так появляется идея постоянного, на год или на много лет выбранного детского «актива», старающегося угодить и сверстникам, и взрослым.

Когда в коллективе детей не поощряется творчество, нет совместного порождения идей, совместной организаторской работы, совместной оценки ее, то он приносит больше вреда, чем пользы. Главное – понять, поверить, что способность к общественному творчеству есть у всех ребят, хотя, конечно, и не сразу, не в один день, не в один месяц проявляется она; понять, что общественное творчество – удел не каких-то особо развитых детей, нет же! Все разговоры о том, что коммунарская методика будто бы для элитарных детей или элитарных условий, – совершеннейшая нелепость.

...Пройдем весь путь снова, установим логику всех этих идей.

Человек воспитывается, улучшая окружающую жизнь. Такова природа воспитания.

Воспитатели должны не опекать, не передавать готовый опыт, а дети должны не потреблять усилия воспитателей; нет, они вместе должны улучшать окружающую жизнь. Только тогда идет воспитание.

Окружающая жизнь – вся жизнь вокруг ребенка во всех ее проявлениях.

Улучшать окружающую жизнь – значит к каждому собственному действию подходить по принципу «Всё – творчески, иначе зачем?».

Чтобы учить детей творческому подходу к жизни, надо организовать коллективную творческую и коллективную организаторскую деятельность – в ней-то и развиваются способности детей и подростков.

Вот такая логика выстраивается. Теперь мы можем ответить на вопрос о роли старшего, о роли учителя и воспитателя. Его работа меняет направление. Если обычно большую часть усилий приходится тратить на организацию жизни ребят и поддержание дисциплины, то в логике Иванова почти все, если не все усилия старшего направляются на творческую сторону дела – на новые идеи, на побуждение к творчеству, на умение анализировать коллективную жизнь. И вот что самое интересное: оказалось, что вопреки всем ожиданиям взрослый при этом не обязательно должен быть особо творческим человеком, способным фонтанировать идеями, – вовсе нет! Вполне достаточно, если у него есть обычные педагогические способности поддерживать мысль ребенка и радоваться, если она хоть немного удачна.

Что же, всё?

Но нужен еще венец постройки.

Игорь Петрович находит его в слове **забота** – «особый тип (сплав) отношений, поведения и деятельности».

У воспитателя вместо опеки – забота, общая забота единого коллектива об общей жизни, о близких и дальних людях. Это исток. А результатом воспитания становится забота о людях, о деле, о Родине, вырастающая в сердцах ребят.

Стремление улучшить жизнь, забота о ней рождается в сердце; творческая мысль рождается в уме. В двух этих словах, **творчество** и **забота**, соединяющих ум и сердце, – ключ к методике профессора Иванова. Кто овладеет этим двойным ключом, кто научится претворять в жизнь идею постоянного творчества и общей заботы, кто будет воспитывать детей в творческой заботе о жизни, тот и в самом деле увидит педагогическое небо в алмазах. Потому что нет воспитания более благородного, чем воспитание заботы. Только собственная, самоотверженная забота о наших близких, о наших дальних, о человеке и человечестве позволяет «преодолевать тяжелый труд» (по В. И. Ленину). Как выносили бы тяготы жизни наши матери, если бы не заботились они обо всех?

Ни единого рецепта нет в работах Иванова; вы не найдете в них ответа, что делать, если ребенок украл, ленится, если у него дурные наклонности. Ничего этого нет, но есть идеи, которые, когда их воплощают в жизнь, приводят к тому, что с детьми ничего дурного и не происходит, а проблема дисциплины практически снимается. Ведь если ребенок украл, то нет «правильной» педагогической реакции, – наказать его будет так же неверно, как и не наказывать. Надо построить такую детскую жизнь, чтобы ничего дурного с детьми и не случилось, не могло случиться, надо заниматься детьми до того, как они станут невоспитуемыми, – забота о здоровье всегда эффективнее лечения. Вот это и делает Иванов. Его идеи вырастают из глубин теоретических оснований, объясняющих самодвижение воспитания, и поднимаются до самых будничных практических проблем.

Но больше всего восхищает внутренняя цельность построений, взаимосвязь и взаимоподдержка идей. Замечательнейшая из наук – педагогика! И разве удивительно, что наиболее красивые ее идеи сами по себе живут и распространяются?

1977 г.